УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Н.З. Мосаки

КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА И РОССИИ
(90-е годы XX века – начало XXI века)

Москва 2011

Научное издание

Н.З.Мосаки
КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА И РОССИИ
М., 2011. 346 стр.

Отв. редактор:
д.и.н. проф. О.И. Жигалина

Рецензенты:
д.и.н. проф. М.С. Лазарев,
д.и.н. проф. Л.И. Медведко

Мнение автора не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89282-485-9
ISBN 978-5-89394-227-9

ISBN 978-5-89282-485-9
ISBN 978-5-89394-227-9

© Институт Ближнего Востока
© Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ 5

ВВЕДЕНИЕ 6

Глава I
КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США 10
1.1. Значение Иракского Курдистана для региональной политики США 15
1.1.1. Позиция США по курдской проблеме в Ираке и Иракскому Курдистану в конце XX в. 15
1.1.2. Позиция Иракского Курдистана в отношении политики США в регионе в начале XXI в. 27
1.1.3. Противоречия иракских курдов с американской администрацией в Ираке 35
1.2. Политика США в отношении курдов Турции 54
1.3. Американо-турецкие расхождения по «иракскому (южнокурдистанскому) вопросу» 70
1.4. Проблема ПРК в турецко-американских отношениях после свержения баасистского режима в Ираке 79

Глава II
ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА И СТРАН ЕС В ОТНОШЕНИИ
КУРДИСТАНА И КУРДСКОГО ВОПРОСА 96
2.1. Использование Евросоюзом курдской проблемы во взаимоотношениях с Турцией 98
2.2. Признание Евросоюзом ПРК террористической организацией 110
2.3. Курдский фактор в турецко-греческих отношениях 115
2.3.1. Поддержка Грецией ПРК и укрывательство её лидера Оджалана 115
2.3.2. Нормализация турецко-греческих отношений и отказ Греции от поддержки ПРК 126
2.4. Отношение Германии к проблеме ПРК 129
2.5. Оценка Турцией политики ЕС в отношении курдов 132
2.6. Оценка политики Евросоюза курдскими политиками и интерес ЕС к курдской проблеме 133
2.7. Политика ЕС в отношении иракских курдов 143

Глава III
КУРДЫ И РОССИЯ: БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ. ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА 154
3.1. Россия и иракские курды в 90-х гг. XX в. 164
3.1.1. Нефтяной фактор в «иракской» политике России 164
3.1.2. Оценка российской политики иракскими курдами 170
3.1.3. Кадровый аспект российской дипломатии в отношении курдов 175
3.1.4. Отношения России с иракскими курдами в 90-х гг. XX в. 179
3.2. Россия и ПРК 185
3.3. Россия и Иракский Курдистан после 11 сентября 2001 г. и свержения Саддама Хусейна 207
3.3.1. Россия и Иракский Курдистан: 2002–2006 гг. 207
3.3.2. Открытие генерального консульства России в Иракском Курдистане и контакты России и Южного Курдистана в 2007–2008 гг. 219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 226
ПРИМЕЧАНИЯ 230
ЛИТЕРАТУРА 303

ОБ АВТОРЕ

МОСАКИ Нодар Зейналович – род. в 1975 г. в Тбилиси. В 1997 г. окончил факультет экономики Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. В 1998–2001 гг. аспирант Института востоковедения РАН (научный руководитель – проф. М.С. Лазарев). В 2001 г. в ИВ РАН защитил диссертацию на соискание учёной степени канд. ист. наук. С 2006 г. старший научный сотрудник Сектора курдоведения ИВ РАН. Автор работ по различным проблемам Курдистана и курдского вопроса, в т.ч. монографии: Курдистан: ресурсы и политика. / Ив РАН, ИБВ. (в двух частях). – М., 2005.
mossakinodar@mail.ru, nodarmossaki@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

Война в Персидском заливе 1991 г. стала важнейшей вехой в современной мировой политической истории и развитии международных отношений. Она ознаменовала процесс глобальных перемен в мироустройстве после окончания холодной войны, положив начало формированию нового мирового порядка и новому этапу в развитии международных отношений. С 90-х годов XX в. алгоритм глобальных процессов отражает в первую очередь стремление США закрепить и усилить своё мировое лидерство посредством своей так называемой «глобальной ответственности». Новый мировой порядок (или Pax Americana) проецируется на регионы, формируя таким образом «Новые региональные порядки».

Глобальное противоборство сверхдержав уступило место многочисленным «региональным холодным войнам». Региональные конфликты на этнической и религиозной почве стали крупнейшим вызовом современному миру. Они же предоставляют глобальным державам возможность использовать межэтнические противоречия для проведения своей политики.

Значительные геополитические изменения с начала 90-х годов произошли и в регионе Ближнего и Среднего Востока. Прежде всего это касается ослабления после войны в Персидском заливе саддамовского Ирака и интернационализации курдского вопроса, вызвавших непосредственное вовлечение заинтересованных стран в борьбу за «иракское наследство» как для замораживания актуализирующейся курдской проблемы, так и возможного использования резко усилившегося курдского фактора в макрорегиональном и субрегиональном аспектах. Интернационализация курдской проблемы в Ираке привела в свою очередь к глобальной интернационализации курдского вопроса в целом, хотя уровень международного интереса к различным частям Курдистана различен. Однако все державы, так или иначе соприкасающиеся с курдской про-

блемой, рассматривают «большой курдский вопрос» едино, понимая, что любое изменение состояния курдской проблемы в какой-то из частей Курдистана оказывает существенное влияние на всём курдистанском пространстве. Парадоксально, но именно «панкурдскими категориями» мыслят в первую очередь наиболее антикурдски настроенные силы. С одной стороны, они отрицают единство курдского народа и регулярно заявляют, что курды, никогда не имевшие единого государства, очень отличаются друг от друга (по диалектам, письменности, культуре, политической ориентации и т.п.). С другой, эти силы перманентно высказывают опасения, которые часто перетекают в истерию, что изменение в какой-то из частей статуса и положения курдов в корне изменит всю ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке и всю систему региональной безопасности.

Кроме того, что не менее важно, любое изменение в какой-то из частей Курдистана существенно влияет и на всё «околокурдистанское пространство», под которым понимается регион, включающий Турцию, Иран, Ирак и Сирию, то есть страны, в состав которых входят части этногеографического Курдистана. Фактически «околокурдистанский регион», расположенный между «четырьмя морями» (Средиземным, Чёрным, Каспийским морями и Персидским заливом), является сердцевиной макрорегиона Ближнего и Среднего Востока или, как называют его многие зарубежные исследователи, «Большого Ближнего Востока», центром которого в свою очередь является курдский регион.

Спустя 10 лет после войны в Персидском заливе события 11 сентября 2001 года положили начало своеобразному новому рубежу международных отношений, сильнейшим фоном которых стала глобальная «антитеррористическая кампания» США. Этот период является весьма насыщенным как с точки зрения глобальных, так и регионально-политических (Ближний и Средний Восток) процессов, которые могут существенно повлиять на состояние транснационального курдского вопроса.

Предметом изучения данной монографии является курдский вопрос в политике Запада – США, Европейского союза и его членов – и России.

В монографии рассматривается период 1990–2008 гг., т.е. с начала войны в Персидском заливе и до подписания американо-иракского соглашения в конце 2008 года. В книге

нашли отражение также некоторые события 2009 г., иллюстрирующие исследуемые вопросы.

Курдский вопрос представляет собой объект региональных международных отношений. В монографии исследована внешняя политика основных участников международных отношений вокруг курдского вопроса.

Исследуемая тема, по нашему мнению, является необъятной. Поэтому автор не претендует на всесторонний её охват, надеясь, что предлагаемая работа станет определённым вкладом в изучение сложного клубка проблем на Ближнем и Среднем Востоке и осветит некоторые новые аспекты региональных проблем.

Изучение курдского вопроса в международных отношениях имеет в российском курдоведении долгую историю. Фундаментальные монографии в первую очередь М.С. Лазарева, а также Н.А. Халфина по праву занимают одно из наиболее видных мест в мировом курдоведении.

В последнее время курдский вопрос стал объектом пристального изучения и на Западе. Однако западных учёных больше интересует не курдский вопрос в международных отношениях, а курдская проблема в определённых странах (более всего в Ираке и Турции) и особенно проблема курдского национализма[1].

Отдельным вопросам международных аспектов курдского вопроса посвящено значительно меньшее количество исследований, в частности, ряд работ Р. Олсона[2] и М. Гантера.

Последние два десятилетия некоторые аспекты исследуемой темы становились объектом изучения российских учёных. Однако в основном исследования российских востоковедов были сконцентрированы на глобальном уровне, месте Ближнего и Среднего Востока в международной политике в целом, а именно курдский вопрос в политике Запада так и не становился объектом пристального внимания.

Автор выражает благодарность за ценные замечания и предложения сотрудникам сектора курдоведения Института востоковедения РАН д.и.н. проф. М.С. Лазареву, к.п.н. К.В. Вертяеву, а также сотрудникам других подразделений Института – д.и.н. Б.М. Поцхверия, к.и.н. И.И. Ивановой. Особая благодарность – заведующей сектором д.и.н. проф. О.И. Жигалиной за ценные замечания и большую редакторскую работу. Разумеется, за все недостатки ответственен только автор.

В работе используются следующие сокращения и термины:
ДПК – Демократическая партия Курдистана.
ПСК – Патриотический союз Курдистана.
ПРК – Партия рабочих Курдистана[3].
РегПК – Региональное правительство [Иракского] Курдистана.
ПСР – Партия справедливости и развития (Турция).
ПДО – Партия демократического общества (Турция).
СПТК – Социалистическая партия Турецкого Курдистана.
ВНСТ – Великое национальное собрание Турции.
Северный Курдистан – Турецкий Курдистан.
Южный Курдистан – Иракский Курдистан.
Юго-Западный Курдистан – Сирийский Курдистан.
Восточный Курдистан – Иранский Курдистан.

Глава I

КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США

Начиная с 1991 г. определяющим фактором в эволюции курдского вопроса является *политика Соединенных Штатов Америки.*

Политическая разделённость Курдистана, нахождение его частей в составе нескольких государств позволяют манипулировать курдским фактором. С одной стороны, это предоставляет возможность воздействовать непосредственно на страну, имеющую в своём составе определенную часть этногеографического Курдистана. С другой, можно влиять и на сопредельные страны через «их курдские проблемы», испытывающие влияние от развития ситуации в других частях Курдистана. Курдский вопрос в силу разделённости и масштабов Курдистана является крупнейшей транснациональной этнической проблемой современности и порождает перманентную нестабильность во всём околокурдистанском регионе, включающем территории стран, в состав которых входят части этногеографического Курдистана (Турция, Ирак, Иран и Сирия). В силу «эффекта домино» от возможного развития событий в одной из его частей или, например, потенциального (хотя и маловероятного, но не исключаемого) распада государств без участия курдов великие державы рассматривают курдский вопрос сугубо в макрорегиональном контексте. С этой точки зрения для понимания политики Соединённых Штатов в отношении курдского вопроса и Курдистана, точнее, отдельных его частей, необходимо представить стратегию США в глобальном и макрорегиональном смысле.

Курдистан и существующий на его территории курдский конфликт, распадающийся на ряд локальных конфликтов разного уровня, характера и интенсивности, является важнейшей составной частью обширного региона конфликтов, называемого также «дугой кризисов», «дугой конфликтов», «дугой нестабильности», «евразийскими» или «глобальными Балканами»

(Почти все эти понятия были введены в научный оборот Збигневом Бжезинским.).

Одной из важнейших составных частей этого макрорегиона является этногеографический Курдистан. Не случайно профессор Института международных исследований в Женеве Курт Гастейгер «самым кровавым из конфликтов на "Больших Балканах"» называл «бои с участием и между курдами, а самым важным – будущую судьбу Турции»[4].

В глобально-геополитическом смысле заинтересованность США в Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), являющемся «сердцевиной» упомянутого макрорегиона, определяется его огромными углеводородными запасами и центрально-географическим положением в евразийско-африканском суперрегионе («Мировом острове»). После окончания «холодной войны» роль БСВ для США не только не уменьшилась, но и выросла.

«Глобальная власть» США на этом пространстве, как, впрочем, и в других регионах земного шара, достигается путём создания неустойчивого равновесия, хрупких региональных, внутренних и мини-балансов сил, манипулирования «проектами века» и управления этническими конфликтами. Всё это наряду с экономическим, технологическим и военным могуществом позволяет Соединённым Штатам выступать в роли арбитра последней инстанции.

В обеспечении американских интересов всё большее значение придаётся военным и военно-политическим факторам, главным из которых является расширение НАТО и его структур. Американские военные призваны формировать такую международную обстановку, «которая защищала бы и продвигала вперёд американские интересы»[5].

Средиземноморье, представляющее для североатлантического альянса «особый интерес»[6], из южного фланга НАТО превращается в его стратегический центр, а южный фланг сдвигается далее на восток, юг и юго-восток. В дальнейшем геополитическом и военно-стратегическом продвижении Североатлантического союза на юго-восток, на Средний Восток и к Персидскому заливу, где происходит его стратегическая «состыковка» с Центральным командованием, особая роль придаётся Восточному Средиземноморью, которое традиционно является важнейшим стратегическим плацдармом этого блока. Как заявлял ещё в 1980-х годах помощник госсекретаря США Р. Бэрт, «Восточное Средиземноморье – это основа юж-

ного фланга НАТО, это мост, перекинутый через Атлантику на Ближний Восток и Юго-Западную Азию»[7].

Сегодня южным и юго-восточным флангом НАТО фактически является территория Южного (Иракского) Курдистана. Не случайно командующий иракской армией член ДПК Бабакр Зибари высказывался за вступление Ирака в НАТО[8]. Южный Курдистан является как частью присредиземноморского (точнее – привосточносредиземноморского) региона, так и частью региона Персидского залива. Примечательно, что в Госдепартаменте США Южный Курдистан курирует отдел Севера Персидского залива, входящий в Бюро Ближнего Востока (*Bureau of Near Eastern Affairs*[9]). В военном отношении его территорию до свержения баасистского режима в 2003 г. контролировала базирующаяся в турецком Инджирлике военно-воздушная группировка европейского командования НАТО (Турцию в госдепе курирует Бюро европейских и евразийских отношений). Эта ситуация, т.е. военно-стратегическое отнесение территории Иракского Курдистана к Европе, а внешнеполитическое (для США) – к зоне Персидского залива, говорит о стыковом расположении курдистанского региона между двумя важнейшими бассейнами. В то же время следует отметить, что в целом упомянутая «дуга кризисов» начинает совпадать с дугой американских военных баз.

В стратегии США на Большом Ближнем Востоке в формировании нового регионального порядка ключевую роль играет Турция, имеющая уникальное геополитическое и геостратегическое положение. Она расположена на двух континентах, является географическим мостом между Европой и Ближним Востоком, контролирует Черноморские проливы, является черноморской и средиземноморской державой, находится между тремя крупными евразийскими конфликтными зонами – Балканами, Кавказом и Ближним и Средним Востоком. Союзнические отношения между США и Турцией на протяжении всего периода после Второй мировой войны определялись чисто геополитическими и военно-стратегическими мотивами, направленными на совместную региональную гегемонию.

Как отмечал в 1997 г. Генри Киссинджер, несмотря на то, что Турция географически находится далеко от США, она играет «центральную роль в стратегии Соединённых Штатов в Персидском заливе. Турция, обращённая к Ирану и Ираку с одной стороны своей границы и к Европе с другой – это якорь нашей политики в Средиземноморье». Однако, несмотря

на важность США для Турции, – считал Киссинджер, – «она чувствует себя отвергнутой вследствие продолжавшегося десятилетиями нажима Америки и Европы из-за её политики в отношении Кипра и курдов»[10].

Глобальная политика Соединённых Штатов, а точнее – их политика в околокурдистанском регионе и различные возможности, связанные с перспективами развития курдского вопроса (в любом направлении), время от времени вызывают изменение внешнеполитического курса Анкары, обусловленное несогласием Турции с политикой Соединённых Штатов[11], что выливается иногда в серьёзные кризисы в двусторонних отношениях. Однако хотя отношения Вашингтона и Анкары противоречивы, время от времени находятся в кризисе, обе стороны прекрасно понимают стратегическую важность американо-турецких взаимоотношений.

90-е годы для Турции прошли под знаком растущих противоречий со странами ЕС и «региональных холодных войн» с Грецией, Сирией и Ираном. Следует отметить, что несмотря на заметное улучшение в турецко-сирийских и турецко-греческих отношениях, произошедшее благодаря «сделкам» между этими странами по курдскому вопросу, стороны пока так и не начали урегулирование многочисленных спорных вопросов, что вызывает всё же некоторые сомнения в реальном долгосрочном улучшении этих отношений. Хотя турецко-греческие отношения заметно улучшились, между странами всё ещё существует значительный объём недоверия, поскольку противоречия, существовавшие между Турцией и Грецией, не были решены, а были лишь отложены[12].

Проблемы на европейском и ближне- и средневосточном направлениях в 90-х годах всё более подталкивали Турцию к тесному военному сотрудничеству с США. Если ранее (во время американо-советского противостояния) Турция под предлогом «угрозы с Севера» могла рассчитывать на особое расположение всего западного блока, то после распада СССР напряжённость вокруг турецких границ начала восприниматься в Европе как следствие её агрессивной политики.

После крушения социалистического блока Турция значительно увеличила свои внешнеполитические амбиции, представляя себя в качестве регионального полюса. Этот процесс имеет долговременный характер, особенно усилившись после прихода к власти в 2002 г. происламской Партии справедливости и развития (ПСР).

С 90-х годов XX века, всё более концентрируясь на макрорегионе, включающем Кавказ, Центральную Азию, Балканы и Ближний и Средний Восток, Турция пыталась стать его «региональным гегемоном», диверсифицируя свою политику между Западом (в первую очередь США) и Востоком.

Экономические и политические сложности в 90-х годах не позволили Турции стать лидером в регионе постсоветского Кавказа и Средней Азии, на который в первую очередь была направлена турецкая внешняя политика. Тем не менее Турция получила существенный опыт. Вторая попытка активной региональной внешней политики Турции приходится на период, начавшийся в 2002 году. ПСР, учтя провал турецкой дипломатии в 90-х годах, изменила её основы. Большее значение стало придаваться экономическому сотрудничеству. Двусторонняя торговля с соседями стала попыткой отложить решение сложных политических проблем. Объёмы торговли с Сирией, Грецией, Ираном и Ираком с начала XXI в. выросли в несколько раз. При этом изменился и вектор турецкой внешней политики. Турция фактически пыталась утвердить свою политику «доктрины Монро» на так называемом постоттоманском пространстве («неооттоманизм», «неоосманизм»). По мнению творцов нынешней турецкой дипломатии, Турция, будучи наследницей Османской империи, «ответственна» за регион, включающий территории, которые ранее входили в состав этой империи[13]. Концепция предполагает переориентацию во внешней политике с Запада на регион вокруг Турции и улучшение отношений со всеми соседями, в том числе и с теми, с которыми у этой страны исторически имелись серьёзные разногласия.

Для претендующей на более независимую роль и имеющей желание стать самостоятельным «центром силы» Турции у США есть влиятельнейший рычаг давления – курдский вопрос. Это и проблема турецких курдов и вопрос Южного Курдистана, который представляет собой перманентный клубок противоречий в турецко-американских отношениях. Турция небезосновательно считала, что Южный Курдистан может стать катализатором процессов общекурдского масштаба (имеется в виду потенциальное создание государственности курдов) и предпринимала все попытки ухудшения его положения и дискредитации в мировом общественном мнении.

Отметим, что для внешних держав значение курдского вопроса определяется «в рамках их общей стратегии по отношению

к региону в целом, распадаясь со своей специфичностью» на уровне Турции, Ирана, Ирака и Сирии[14]. Поэтому неудивительно, что США не имеют единой курдской политики. Курды являются частью политики США в отношении Турции, Ирака, Ирана и Сирии, которые в свою очередь являются частью политики в отношении Балканско-Ближневосточного региона. Политика Соединённых Штатов в курдском вопросе направлена на то, чтобы влиять на те или иные государства в рамках своей стратегии по региону в целом.

Это признавали и американские дипломаты. Вот что заявлял, выступая 17 апреля 2000 г. на симпозиуме «Курды: поиск идентичности» в Центре глобального мира в Вашингтоне, высокопоставленный американский дипломат Фрэнсис Рикардоне (Francis J. Ricciardone): «Мы имеем дело с иракскими курдами... в контексте нашей политики в отношении Ирака. Эта политика ясна: мы поддерживаем территориальную целостность и единство Ирака как необходимое условие регионального мира и стабильности. Мы выступаем против создания отдельных государств курдов либо других этнических или религиозных общностей».

На Ближнем и Среднем Востоке Соединенные Штаты активно используют «курдский фактор» в своей стратегии в отношении Ирака и Турции.

1.1. Значение Иракского Курдистана для региональной политики США

1.1.1. Позиция США по курдской проблеме в Ираке и Иракскому Курдистану в конце XX в.

До начала 90-х гг. XX в. отношение иракских курдов к США было скептическим. Иракские курды прекрасно помнили опыт 70-х годов, когда Генри Киссинджер преподал им уроки реальной политики и дипломатии.

Как до переворота 1968 г., в результате которого к власти пришла БААС, так и после него ДПК пыталась установить контакты с США, однако американцы категорически отказывались от них. Более того, после переворота американцы выражали

негативное отношение к возможным связям с ДПК и заявляли, что не желают возникновения проблем с Ираком, поскольку к власти пришёл новый режим.

Начавшиеся в 1972 г. контакты с США велись, как известно, с ЦРУ и были секретными. США тогда всячески открещивались от открытых отношений. Связи с ЦРУ осуществлялись со стороны ДПК Махмудом Османом и Идрисом Барзани, которые представляли собой первую в истории курдов официальную, хотя и секретную курдскую делегацию в США, в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, где встречались с главой ЦРУ Ричардом Хэлмсом, а также некоторыми представителями госдепартамента и Пентагона. Все связи и помощь со стороны США, как известно, осуществлялись через Иран.

ДПК придавала очень большое значение контактам с США, надеясь на установление более тесных связей с Вашингтоном и приход в Ирак и Иракский Курдистан США. Однако США, как известно, в одночасье прекратили все отношения с курдами, ввергнув курдское национально-освободительное движение в коллапс.

Находясь в Иране, лидер ДПК, которая тогда олицетворяла курдское движение, Мустафа Барзани имел в виду возможность сделки между Ираном и Ираком. Однако он всё же надеялся, что США не прекратят поддержку курдов и что на этот раз курды не будут принесены в жертву региональному политическому торгу. Надежды Мустафы Барзани были обусловлены не его политической близорукостью, а отсутствием у курдов другого выхода.

Узнав о заключении 6 марта 1975 г. соглашения в Алжире между Ираном и Ираком, Мустафа Барзани отправил телеграмму госсекретарю США Г. Киссинджеру, в которой писал о грядущей гуманитарной катастрофе иракских курдов. Ответ Киссинджера, как известно, был краток: «Это – политика. В политике нет моральных ценностей. Когда две стороны договариваются о чём-то, третья сторона может пострадать»[15]. Мустафа Барзани стал для американцев «отработанным материалом» и перестал интересовать представителей американских властей.

Отказ США от курдов был равнозначен для Барзани и курдского движения катастрофе. До этого Саддам Хусейн подписал широкомасштабный договор с СССР[16], который на протяжении 60-х годов поддерживал курдов. Известный курдский политик и в то время представитель ДПК Махмуд Осман отме-

чал, что в 1973 г. в последний раз представители СССР посетили ДПК и заявили членам этой партии, что если между иракскими властями и курдами начнётся конфликт, СССР поддержит Багдад, поэтому предлагали курдам всеми способами договариваться с иракскими властями[17].

После коллапса курдского движения, вызванного сделкой между Ираном и Ираком и прекращением помощи курдам, в литературе и среди курдских политиков появилось мнение о том, что иракские курды были «близоруки» в оценке американской политики и не имели внешнеполитического опыта. Однако, как будет показано далее, некоторые подобные моменты наблюдаются до сих пор. Кроме того, в очередной раз встаёт вопрос: а был ли у курдов иной путь? Очевидно, что многие действия курдских лидеров в отношении США были вынужденными.

В 80-х годах попытки представителей политических партий Южного Курдистана хотя бы как-то донести свою позицию до США наталкивались на полный отказ Вашингтона даже выслушать курдов. Соединённые Штаты тогда имели хорошие отношения с Саддамом Хусейном[18], воевавшим с Ираном. Американцы были безразличны не только к проблеме курдской автономии, но и к массовым нарушениям прав человека, и даже к использованию баасистским режимом против курдов химического оружия, в деле создания которого некоторые американские компании являлись партнёрами Ирака. Более того, представители госдепартамента, комментируя проблему применения иракскими властями химического оружия в отношении курдов, отмечали важность политического и экономического сотрудничества между США и Ираком[19].

Саддам Хусейн являлся для США важным политическим (в том числе на иранском направлении) и экономическим партнёром. Более того, как считали лидеры курдского национально-освободительного движения, именно США способствовали усилению Саддама Хусейна и баасистского режима в Ираке. В 90-х годах и даже в начале XXI в. курдские лидеры считали, что США не имеют намерений изменить режим в Ираке, а хотят лишь сменить Саддама Хусейна[20].

Вторжение Саддама Хусейна в Кувейт привело к наиболее значительным сдвигам на Ближнем и Среднем Востоке за последние десятилетия. Последовавшее за этим выдворение иракских войск из Кувейта и призыв президента США Джорджа Буша к народу Ирака свергнуть диктатора вселили в курдов

уверенность в успехе, что привело к национальному восстанию. Однако неготовность Соединённых Штатов к серьёзным изменениям в регионе позволила Саддаму Хусейну подавить восстание курдов. Последовавшая за этим гуманитарная катастрофа в горах Курдистана привела в 1992 г. к созданию «зоны безопасности». Впервые после Второй мировой войны какая-либо его часть (иракская) была выведена из-под контроля центральных властей.

После подавления иракскими войсками курдского восстания курды находились в сильной фрустрации и заявляли об очередном предательстве США. Однако у них, особенно с учётом создания «зоны безопасности», не было никакого другого выхода, как действовать в рамках американской политики.

США первоначально не думали вмешиваться и создавать на территории страны какие-либо зоны, ограничивающие власть Багдада. Сразу же после подавления восстания иракскими войсками в США была отправлена делегация Фронта Иракского Курдистана под руководством Махмуда Османа, которую, как и ранее, отказывались принимать в госдепартаменте США. Американцы заявляли, что это внутренний конфликт. Особенно негативно возможность вмешательства стала восприниматься после переговоров в тёплой обстановке в Багдаде лидера ПСК Джалала Талабани с Саддамом Хусейном.

Однако Соединённые Штаты были вынуждены вмешаться. Мировое общественное мнение, особенно в странах Запада, требовало интервенции. Но более важным фактором стала позиция Турции. Президент Турции Тургут Озал настойчиво требовал от США создания зоны безопасности на «севере Ирака», чтобы предотвратить приток сотен тысяч (а то и больше) беженцев из Южного Курдистана, опасаясь дестабилизации ситуации в Турецком (Северном) Курдистане. Турция считала, что приток такого количества беженцев в Северный Курдистан, подвергавшийся на протяжении нескольких десятилетий жёсткой ассимиляционной политике со стороны турецких властей, значительно усилит национальный фактор в самосознании курдов. Турция даже угрожала, если Соединённые Штаты не вмешаются, ввести свои войска для обеспечения безопасности, чтобы иракские курды могли вернуться в свои районы. Безусловно, это могло бы ввергнуть весь регион в хаос.

Соединённые Штаты с начала 90-х годов XX в. прекрасно понимали значение Южного Курдистана с точки зрения регио-

нальной политики. Как отмечал, выступая на уже упомянутом мероприятии Фрэнсис Рикардоне, иракские курды являются «влиятельным безгосударственным актором».

Важность для Соединённых Штатов Южного Курдистана подтверждают и их политические усилия по урегулированию межкурдского конфликта, происходившего в середине 90-х годов между ДПК и ПСК. Хотя процесс примирения между ДПК и ПСК длился несколько лет, США активно участвовали в этом процессе. После конфликта ДПК и ПСК осенью 1996 г. примирением сторон непосредственно занимался помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Роберт Пеллетро (Robert Pelletreau), проводивший в Анкаре переговоры с Масудом Барзани и Джалалом Талабани.

Подписание соглашения между ДПК и ПСК 17 сентября 1998 г. в Вашингтоне в присутствии госсекретаря США Мадлен Олбрайт является заслугой американской дипломатии (подпись под договором кроме Масуда Барзани и Джалала Талабани поставил помощник госсекретаря Дэвид Уэлч). Безусловно, Вашингтон, разрабатывавший тогда свою новую стратегию в регионе Большого Ближнего Востока, отводил Южному Курдистану важное место.

«Вашингтонский мирный процесс», по сути, прекратил «Анкарский переговорный процесс», ведущийся с середины 90-х годов, и отстранил от межкурдских переговоров Турцию, торпедирующую достижение мира между ДПК и ПСК. Хотя США «успокаивали» Турцию в связи с её обеспокоенностью[21], вопрос о политическом выведении Анкары из Южного Курдистана был уже решён.

Поворотным пунктом в урегулировании конфликта между ДПК и ПСК стал визит Дэвида Уэлча в Иракский Курдистан, состоявшийся 16–19 июля 1998 года. Именно благодаря деятельности этого американского дипломата было подготовлено соглашение ДПК и ПСК, подписанное спустя два месяца в столице США. До этого американские представители такого ранга посещали Иракский Курдистан лишь в апреле 1997 года.

Во время консультаций Дэвида Уэлча с ДПК и ПСК в ходе его визита в Курдистан МИД Турции уже признавал, что переговоры Д. Уэлча не являются продолжением «Анкарского процесса». Турция, обеспокоенная активностью американской дипломатии, направила на переговоры Д. Уэлча с ДПК и ПСК своих представителей в качестве наблюдателей. Однако их

присутствие не имело никакого значения, поскольку Турция была уже окончательно отстранена от процесса межкурдского урегулирования.

Для Соединенных Штатов *Южный Курдистан* представляет уникальную военно-стратегическую, геостратегическую и геоэнергетическую ценность. Контроль над ним позволяет решать следующие важные задачи:

1. С *военно-стратегической точки* зрения Южный Курдистан ценен для США в первую очередь нахождением на стыке нескольких регионов, важнейших театров военных действий и крупнейших региональных военных командований США. Северный Курдистан в качестве территории Турции традиционно входит в зону ответственности Европейского командования Вооружённых сил США (EUCOM). До 1 октября 2008 г. туда входил и Юго-Западный (Сирийский) Курдистан. Туда же с 1 октября 1998 г. были включены и прилегающие с востока к курдскому региону государства Закавказья (а также западные государства СНГ – Украина, Белоруссия и Молдавия).

Зона ответственности Центрального командования США (CENTCOM)[22] включает регион Персидского залива (в том числе Ирак и Иран), Юго-Западную Азию, Египет, с 1999 г. постсоветские государства Центральной Азии. С 1 октября 2008 г. в зону ответственности Центрального командования из EUCOM были переданы Сирия и Ливан. Как видно из названия, CENTCOM покрывает «центральную» зону земного шара, которая находится между зонами Европейского, Тихоокеанского, а с 2008 г. и Африканского командования США.

В Южном Курдистане воздушное пространство, как известно, контролировали американские ВВС, базирующиеся на территории Турции. Таким образом, Южный Курдистан «состыкует» Европейское и Центральное командования. Не исключено, что военно-стратегический контроль над Иракским Курдистаном рассматривается американскими стратегами в контексте формирования нового регионального командования с центром на его территории.

Уже с конца 90-х годов много говорилось о том, что Вашингтон рассматривает возможность строительства военного аэродрома недалеко от Эрбиля. Тогда в Южном Курдистане регулярно сообщалось, что «международное сообщество» (США) планирует сооружение нескольких взлётно-посадочных полос на территории Иракского Курдистана как для военных нужд, так и использования в гражданских целях. Одним из основных

факторов, стоящих за этим решением, по мнению курдских наблюдателей, являлось стремление освободить «"бесполётную зону" от турецкого влияния». При этом заявлялось также, что этот проект может стать шагом по направлению к дальнейшему созданию независимого Курдистана. Однако если подобная информация в своё время являлась сенсационной, то после объявления президентом США Дж. Бушем Ирака «осью зла» и в связи с надвигающейся военной операцией против этой страны стало очевидным, что США и Великобритания создают определённые военные сооружения на территории Южного Курдистана, находящейся под контролем курдских администраций. Отказ Турции предоставить армии Соединённых Штатов свою территорию для осуществления военной операции против Ирака в долгосрочном плане также будет способствовать постепенной переориентации военных интересов и баз США с территории Турции. Безусловно, речь не идёт о полной переориентации с Турции на Южный Курдистан. Имеется в виду лишь начало процесса диверсификации военных баз в регионе.

О возможном переносе военных баз США из Турции в интервью телекомпании *CNN-Turk* 5–6 мая 2003 г. заявлял заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц. При этом он обращал внимание, что США не имеют намерений уходить из Инджирлика, однако турецкие власти серьёзно ограничивают деятельность американской армии. Хотя П. Вулфовиц отказался тогда точно сказать, прекратит ли американская база в Турции своё существование, он всё же отметил, что опыт, который США имели с Инджирликом в преддверии операции против Ирака, не располагает «думать о нём, как о важной ставке в будущем». Заместитель госсекретаря США, бывший посол США в Турции Марк Гроссман высказывался более конкретно: «Я думаю, что это Турция сказала: "Инджирлик не нужен. ... **Мы не собираемся быть там, где не требуемся**"».

Пол Вулфовиц настаивал, что:

1) Турция должна признать свою ошибку и изменить позицию.
2) Северный Ирак больше не «задний двор» Турции.

Однако турецкие власти категорически отвергали давление со стороны Вашингтона. Анкара настаивала, что не совершала ошибки, не поддержав США. Более того, турецкие власти заявляли даже, что ошибку совершили США, имея в виду вторжение американской армии в Ирак.

Примечательно, что кроме стремления использовать территорию Турции для операции против Ирака Соединённые Штаты обращались с просьбой к Анкаре о строительстве вдобавок к Инджирлику новой крупной военно-воздушной базы в Батмане[23]. Однако турецкие власти отказали Соединённым Штатам в реализации этого проекта. По-видимому, Анкара посчитала, что создание крупной военной базы в Турецком Курдистане недалеко от границы с Ираком (Южным Курдистаном) будет нести определённые риски на курдском направлении.

Создание американских баз на территории Южного Курдистана лишит Турцию «монопольного права» на размещение американской авиации в регионе и ускорит процесс избавления иракских курдов от турецкой зависимости в военно-политическом отношении. Не исключено, что британо-американское командование время от времени нередко организовывало утечку информации о возможном сооружении военных баз в Южном Курдистане для того, чтобы у Турции не возникало желания использовать вопрос базы в Инджирлике для давления на США. В этом смысле можно напомнить, что в начале 90-х годов Турция стала было выступать против использования своей территории для связи Многонациональных сил[24] с Иракским Курдистаном. Однако американцы пригрозили Анкаре создать с Иракским Курдистаном воздушный мост с территории Кипра, где, как известно, находятся две британские базы Декелия и Акротири.

Следует отметить, что некоторые исследователи объясняют трудности, возникшие между американскими военными и Турцией, особенностями психологии американских высших офицеров. Военные контакты США с Турцией осуществляются через Европейское командование, в то время как Ирак и Арабский мир входят в зону действия Центрального командования. Турецкие генералы заявляют, что никогда не имеют проблем с представителями Европейского командования, в то время как регулярно имеют сложности в отношениях с офицерами CENTCOM. По мнению турецких военных, офицеры CENTCOM, привыкнув к модели отношений с арабскими странами, относятся к Турции так же, как к арабским государствам, степень военной независимости которых значительно ниже, чем у Турции. Именно этим турецкие генералы объясняли и инцидент, связанный с арестом турецких военнослужащих в Сулеймании 4 июля 2003 года[25]. Как известно, американцы обвинили тогда турецких военных в планировании подрывных операций в Киркуке.

Однако подобное отношение командующих CENTCOM к Турции вряд ли можно объяснить только психологическими причинами (моделью отношений с арабскими странами). Здесь имеют немалое значение именно геополитические и военно-стратегические мотивы.

Руководство CENTCOM весьма негативно относится к Турции, считая, что политика Анкары в отношении Ирака противоречит интересам Соединённых Штатов. Между тем именно Ирак в настоящее время является центральным пунктом деятельности этого важнейшего командования США. Власти Южного Курдистана рассматриваются командованием CENTCOM в качестве союзников; курды в целом также являются объектом пристального интереса CENTCOM. Борьба Соединённых Штатов с международным терроризмом, реализуемая в большей степени посредством CENTCOM, в качестве противника имеет «аль-Каиду», а не ПРК[26].

Руководители Южного Курдистана пытаются использовать турецко-американские противоречия для того, чтобы подтолкнуть Соединённые Штаты к переориентации своих баз с территории Турции в Южный Курдистан. Они мечтают стать стратегическим союзником США не только в части иракской политики Вашингтона, но и в макрорегиональном аспекте. Некоторые исследователи считали, что курды пытаются стать «региональными субподрядчиками американских [нео]консерваторов»[27]. Однако лидеры Южного Курдистана не только не отрицают этого, но и заявляют об этом откровенно.

Представитель РегПК в США Кубат Талабани (сын президента Ирака и лидера ПСК Джалала Талабани), выступая 22 июня 2007 г. на пресс-конференции в Эрбиле, заявлял: курды должны суметь перевести свои пока ещё неустойчивые отношения с США на уровень стратегических. По его мнению, курды должны убедить США иметь с ними не только политические, но и экономические, торговые и др. отношения. Особо важное значение с точки зрения обеспечения безопасности региона Кубат Талабани придавал военному присутствию США в Курдистане. Представитель РегПК обращался к американским властям с призывом создать в Курдистане военную базу, которая, с одной стороны, защитила бы Курдистан «от внешних угроз», с другой, не позволила бы «террористам дестабилизировать безопасный регион». К. Талабани считал, что создание в Южном Курдистане американских баз наилучшим образом служило бы интересам Курдистана и США.

Трудно не согласиться с Кубатом Талабани в том, что военная база США защитила бы регион Курдистана от внешних угроз. Однако совершенно очевидно, что американские военные базы в целом не только не могут предотвратить действия террористов, но и зачастую создают угрозу безопасности, становясь мишенью различных террористических группировок. Поэтому этот аргумент курдистанских властей в значительной степени является пропагандистским, особенно в эпоху, когда угрозой терроризма обосновываются самые разные действия США.

Примечательно, что представительство Курдистана в США работает с американскими властями и организациями напрямую, а не в рамках посольства Ирака в США.

Руководство Южного Курдистана с начала 90-х годов ведёт широкомасштабное лоббирование по вопросу размещения военных баз в Курдистане на постоянной основе.

Так, в сентябре 2004 г. член политбюро Демократической партии Курдистана (ДПК) Фадыл Мирани на одном из совещаний с представителями курдской интеллигенции в Эрбиле заявил, что курды должны быть готовы к тому, что американцы обоснуются в Курдистане «большими силами».

Соединённые Штаты используют возможность создания военных баз в Южном Курдистане в качестве фактора потенциального давления на Турцию. В американском экспертном сообществе становится популярной идея, что если Анкара будет препятствовать использованию Вашингтоном баз на турецкой территории, Соединённые Штаты могли бы создать военные базы на территории Южного Курдистана.

Особенно активно представители Южного Курдистана лоббировали в конгрессе США и Белом доме этот вопрос в 2006–2007 годах[28].

В курдистанских СМИ регулярно публикуются сообщения об обращениях местных властей и известных политических деятелей к США разместить в Курдистане свои военные базы. При этом курдистанская сторона утверждает, что американцы получили бы в этом случае значительные военно-стратегические преимущества в регионе. Курды обращают внимание, что Южный Курдистан является одним из редких регионов Ближнего и Среднего Востока, где американцы – желанные гости, и готовы обеспечить Соединённым Штатам наиболее благоприятные условия.

Нередко в курдистанских СМИ (со ссылкой на «хорошо информированные источники») сообщается, что Вашингтон

уже принял решение о создании своих баз в Южном Курдистане. Так, в середине 2007 г. много говорилось о том, что США уже решили создать три крупные военные базы в Южном Курдистане, которые могли бы стать альтернативой для Соединённых Штатов турецкого Инджирлика. Согласно этим сообщениям (в основном эту информацию распространяла наиболее популярная в Курдистане газета «Хаулати»[29]), крупные военные базы предполагалось создать в каждой из трёх провинций – в Дохуке (в районе Захо), Эрбиле (недалеко от города Эрбиля) и Сулеймании (в районе Карадага). Военное и политическое руководство Курдистана, естественно, выражало, полную поддержку вопросу размещения военных баз США, хотя и не высказывало уверенности в том, что американцы могут отказаться от Инджирлика и создать новые базы в Южном Курдистане.

В Южном Курдистане зачастую сильно преувеличивают события, касающиеся возможного сооружения военных баз на его территории. Этот вопрос в немалой степени стал и внутриполитическим вопросом.

В то же время некоторые американские военачальники заявляют о возможности создания базы Соединённых Штатов в Курдистане, особенно после вывода войск из Ирака (арабской части Ирака)[30].

Для американцев Южный Курдистан уже стал своего рода козырем – устрашением в отношении Турции. Иракский Курдистан может рассматриваться Соединёнными Штатами и в связи с закавказским направлением.

Первоначально ценность иракских курдов определялась для Вашингтона в первую очередь их иракской политикой. Как верно отмечал в конце 90-х годов М.С. Лазарев, «США поняли, что без курдов создать мощную политическую альтернативу нынешнему режиму невозможно»[31]. Однако с конца 90-х годов стала заметной и возможность их использования в качестве альтернативы Турции.

Не менее, а может быть и более важным аспектом была заинтересованность США в Южном Курдистане с военно-стратегической точки зрения.

Как отмечал в своём выступлении 17 сентября 2007 г. конгрессмен-демократ от штата Пенсильвания Джон Мурта, в администрации Джорджа Буша было широко распространено мнение о том, что, возможно, США нуждаются в создании баз в Южном Курдистане.

2. Усилить политику «двойного сдерживания»: Южный Курдистан предоставляет возможность геополитически контролировать Ирак, а в перспективе может быть использован на иранском направлении.

Уже в начале 90-х годов Соединённые Штаты рассматривали возможность использования Южного Курдистана в возможном военном конфликте с Ираном. Однако более серьёзно иранское направление «южнокурдистанской политики» США стало рассматриваться после 2003 г. в связи с раскручиванием ядерной проблемы Ирана.

3. Контролировать огромные энергетические ресурсы, а также пути их транспортировки.

Контроль за энергетическими ресурсами традиционно являлся одним из важнейших направлений американской внешней политики. Однако здесь Южный Курдистан рассматривается американцами не в «независимом» качестве, а в контексте утверждения своего контроля над крупнейшими нефтяными месторождениями в регионе в целом (в первую очередь в Ираке) и путями транспортировки энергоресурсов.

4. Создать геополитический козырь в отношении начавшей проявлять самостоятельность и увязшей в «своей» курдской проблеме Турции.

5. Влиять на ситуацию на всем курдском геопространстве, активно используя курдский фактор в региональных межгосударственных отношениях и внутриполитическом процессе.

Потенциально политическая ситуация в Иракском Курдистане может оказывать значительное влияние на положение в других частях этногеографического Курдистана, что предоставляет внешним державам (в первую очередь Соединённым Штатам) возможность оказывать влияние на соответствующие страны.

Необходимость военного присутствия США в Южном Курдистане в 90-х годах была обозначена в «Стратегии национальной безопасности» в форме приверженности «соблюдению режима бесполётных зон севером ... Ирака, ... помешать Саддаму предпринять военную акцию против курдского» меньшинства[32].

О важности Южного Курдистана в стратегии Соединённых Штатов говорит и то обстоятельство, что лишь за первые 3 года (1991–1994 гг.) расходы США на обеспечение защиты ирак-

ских курдов превысили 1 млрд долларов США[33], а за период 1991–1995 гг. – 1,2 млрд. долларов[34].

Политика США в узле Турция – Южный Курдистан была диверсифицированной. Она предусматривала тесное сотрудничество с обеими сторонами. Несмотря на большую роль Турции в регионе, США критиковали её политику в отношении Южного Курдистана, который становился важным звеном американской макрорегиональной политики.

Хотя Соединённые Штаты защищали Южный Курдистан от иракской армии, они, учитывая интересы Турции, «позволяли» ей время от времени вторгаться на территорию Южного Курдистана под предлогом преследования ПРК. Однако американское одобрение в отношении турецких военных интервенций было строго дозированным и выражалось лишь в контексте борьбы с ПРК. Поэтому в связи с тем, что всякое вторжение турецкой армии в Южный Курдистан приводило в первую очередь к потерям среди мирных жителей, Соединённые Штаты начинали критиковать Анкару, призывая вывести свои войска обратно.

Так, вторжение турецкой армии в Южный Курдистан в 1995 г. сопровождалось обсуждением проблемы соблюдения прав человека в Турции, что привело к свёртыванию Вашингтоном некоторых совместных проектов в военной сфере. Однако проблемы в отношениях между США и Турцией в 90-х годах всё же не приводили к серьёзному кризису в двусторонних отношениях.

Итак, после 1991 г., точнее – к концу 90-х годов XX в. Иракский Курдистан занял определённое место в стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке. Была создана основа для дальнейшего продвижения американских интересов в южнокурдистанском регионе.

1.1.2. Позиция Иракского Курдистана в отношении политики США в регионе в начале XXI в.

Понимая значение курдского фактора, а также опасения руководства Иракского Курдистана в связи со сложной обстановкой в регионе, американские власти постоянно заверяли иракских курдов в поддержке США. Госсекретарь США Колин Пауэлл в мае 2001 г. даже направил письмо лидерам Иракского Курдистана Масуду Барзани и Джалалу Талабани, в котором заверил

их в поддержке Соединёнными Штатами «демократического эксперимента в Ираке», имея в виду ситуацию в Иракском Курдистане. Госсекретарь Соединённых Штатов выражал готовность защищать курдов в «зоне безопасности», отметив, что США не допустят атак иракской армии в отношении курдов. Кроме того, глава американского внешнеполитического ведомства уверял курдов в сохранности их квоты 13% в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие», хотя, как известно, иракские власти пытались снизить долю курдистанской администрации.

После событий 11 сентября 2001 г. роль курдов в связи с готовящейся американскими властями операцией против Ирака ещё более возросла. Поэтому 4 октября 2002 г., когда состоялась объединительная после раскола середины 90-х годов сессия парламента Курдистана, госсекретарь США Колин Пауэлл направил ему поздравления Соединённых Штатов.

С началом антитеррористической кампании Соединённых Штатов и обострением ситуации вокруг Ирака иракские курды, направившие в октябре 2001 г. в Вашингтон совместную делегацию ДПК и ПСК (Хошияр Зибари и Бархам Салех), получили новые заверения о том, что Соединённые Штаты продолжат сохранение «зоны безопасности». В начале ноября 2001 г. в Вашингтоне побывал премьер-министр РегПК в Эрбиле Нечирван Барзани. Во время широко обсуждаемого в мире вопроса о возможных бомбардировках Ирака Эрбиль и Сулеймманию 11–13 декабря 2001 г. посетила делегация США под руководством заместителя помощника госсекретаря США по Ближнему Востоку Райана Крокера, ставшего впоследствии послом в Ираке. Она провела переговоры с Масудом Барзани и Джалалем Талабани и подтвердила готовность Соединённых Штатов гарантировать безопасность Иракского Курдистана. Примечательно, что американские представители заявляли, что Вашингтон рассматривает обеспечение безопасности Южного Курдистана как с политической, так и с моральной точки зрения. Руководство Курдистана считало, что этот визит стал «важным напоминанием американского вовлечения в ситуацию в Иракском Курдистане»[35].

Во время подготовки Соединёнными Штатами операции по свержению Саддама Хусейна американские представители (дипломаты, сотрудники спецслужб) стали регулярно посещать Курдистан. Однако если дипломаты посещали Южный Курдистан официально, то визиты военных и сотрудников спецслужб

не афишировались. Более того, власти Южного Курдистана, чтобы не вызывать возмущения арабских стран, всячески отрицали наличие в регионе сотрудников ЦРУ[36].

В начале апреля (1–4 апреля) 2002 г. заместитель помощника государственного секретаря США по Ближнему Востоку Райан Крокер вместе с директором отдела по северу Персидского залива Дэвидом Пирсом снова посетил Иракский Курдистан с 4-дневным визитом и провел переговоры с Масудом Барзани (в его резиденции в Салахэддине) и Джалалем Талабани (в Сулеймании). На обратном пути высокопоставленный американский дипломат заехал в Анкару (5 апреля), где «поделился впечатлениями» о своих переговорах с курдскими лидерами с генеральным директором департамента Ближнего Востока турецкого МИД послом Тюркекулом Кюрттекином.

По итогам встречи с Р. Крокером ДПК распространила заявление, в котором отмечалось, что «американская делегация подчеркнула приверженность Вашингтона к обеспечению безопасности, защиты и гуманитарной поддержки Иракского Курдистана». Примечательно, что это был второй визит Р. Крокера в Курдистан за короткое время – до этого он побывал здесь в декабре 2001 года.

Однако несмотря на устойчивую поддержку курдских военно-политических сил, Соединённые Штаты рассматривали иракских курдов лишь в качестве одного из рычагов в своей «иракской политике». Как признавали ранее американские дипломаты, «значительная часть Ирака, не контролируемая Саддамом, имея в виду Южный Курдистан, является лишь одним из аспектов геополитического "окружения" этой страны»[37]. Подобная функциональная роль Южного Курдистана сохраняется до сих пор, происходят лишь некоторые изменения и дополнения.

На протяжении 1990-х годов США фактически «законсервировали» «иракскую проблему» и курдскую её часть, что обеспечивало необходимость военного присутствия США в саддамовском Ираке.

Как верно отмечал М.С. Лазарев, курдская проблема для США – «не самоцель, а средство давления на других, в тех направлениях, в каких в данный момент это выгодно американской внешней политике. Цель США состоит прежде всего не в том, чтобы обеспечить курдам свободное развитие и самоуправление, а в том, чтобы сделать их управляемыми. Это, конечно, эгоистическая политика, но курды могут извлечь из неё

определённую пользу... многие национальные движения в Азии, борясь за независимость от одних держав, находили поддержку у других»[38]. Чуть ранее М.С. Лазарев так же метко отмечал: «...Я далёк от мысли о том, что американцы спят и видят, как бы помочь курдам. Курды для них – это функция... Их политический интерес состоит в том, чтобы, используя курдов, установить в Ираке приемлемый для себя режим. Это, по мнению американцев, обеспечивало бы безопасность богатейшего в мире нефтеносного режима, над которым Ирак как бы нависает»[39].

Подготовка при планировании военной операции против Ирака южнокурдистанского фронта не означает, что курды полностью были посвящены в планы Вашингтона, в частности, в вопросе его политики в отношении Ирака. Власти Южного Курдистана не имели другого выхода, кроме как поддерживать американцев, поскольку Соединённые Штаты были практически единственным гарантом безопасного существования курдистанской администрации. Как заявлял лидер ПСК Джалал Талабани, «американцы никогда не рассказывают нам о своей реальной политике в отношении Ирака»[40], комментируя турне вице-президента США Дика Чейни по Ближнему Востоку в марте 2002 года. Эту фразу Джалала Талабани можно отнести ко всей американской внешней политике.

После встречи с Д. Чейни премьер-министр Турции Б. Эджевит заявил, что США не планируют проведения военной операции против Ирака. Курдские лидеры выступали против свержения Саддама Хусейна американцами, предпочитая «демократическое изменение режима в Ираке без участия внешних сил», что, конечно же, было нереально.

Иракские курды с самого начала 90-х годов, то есть со времени создания «зоны безопасности» в Южном Курдистане, делали всё возможное, чтобы предотвратить превращение своей территории в базу для иракской оппозиции. В 1992 г. во время 4-дневного исторического съезда Иракского национального конгресса ряд участников предлагал Масуду Барзани на пост председателя ИНК назначить главу парламента Курдистана. Однако курдский лидер не согласился с этим, не желая руководить общеиракской оппозицией, и продолжал действовать строго в рамках курдистанской политики.

Работа ЦРУ по созданию мощной базы оппозиции баасистскому режиму в Курдистане в 1993–1996 гг. также была безуспешной. Во время приглашения Масудом Барзани иракских

войск в 1996 г. одной из целей баасистского руководства, кроме помощи Демократической партии Курдистана изгнать из Эрбиля ПСК, была ликвидация иракской оппозиции, ИНК, а также туркоманских организаций. В результате ввода в Эрбиль войск иракские власти уничтожили в Курдистане всю [некурдскую] иракскую оппозицию (Южный Курдистан мы не рассматриваем в качестве оппозиции баасистскому режиму, поскольку курдские лидеры не планировали смену и захват власти в Багдаде). Соединённые Штаты оказались вынужденными спасать людей, ставших мишенью иракских войск, и продолжать патрулирование и обеспечение «зоны безопасности».

Приглашение Масудом Барзани иракских войск для захвата Эрбиля продемонстрировало независимость лидера ДПК от американцев. До ввода в Курдистан иракской армии М. Барзани неоднократно обращался к США с просьбой выдворить иранцев, вмешивающихся в дела Южного Курдистана. Однако Соединённые Штаты так и не предприняли никаких действий, вынудив главу ДПК осуществить неожиданные акции, противоречащие американским интересам. Вскоре, 18 сентября 1996 г., М. Барзани был вызван в Анкару на встречу с помощником госсекретаря США по делам Ближнего Востока Робертом Пеллетру (Robert Pelletreau). Вашингтон оказывал давление на лидера ДПК в части отношений с иракскими властями, но так и не добился успеха.

Таким образом, лидер крупнейшей военно-политической силы Курдистана прекрасно понимал, что интересы США могут не совпадать с интересами курдов. Масуд Барзани избегал действий, которые могли бы быть расценены в качестве антииракских, чётко различая борьбу с диктаторским режимом и с Ираком в целом[41]. Зная, что США вынуждены оставаться партнёром Южного Курдистана, и в первую очередь ДПК, эта партия предприняла неожиданные и не согласованные с американской администрацией действия, повлекшие за собой, в том числе, и ликвидацию проамериканских элементов. Представляется, что опасения повторения ввода в Южный Курдистан иракских войск подтолкнули США к урегулированию конфликта между ДПК и ПСК.

Лидер ДПК Масуд Барзани в конце 90-х годов весьма осторожно воспринимал заявления американских политиков о смене режима в Багдаде, помня зигзаги политики США в отношении Ирака сразу после войны в Персидском заливе. Так, в ян-

варе 1999 г. ДПК отказалась от финансовой помощи США, предусмотренной на свержение Саддама Хусейна (97 млн. долларов), а Масуд Барзани заявил, что не является подходящим для свержения Саддама Хусейна человеком. В мае 1999 г. он утверждал, что курды не верят в «реальность американских планов по свержению Саддама Хусейна». Масуд Барзани решительно опровергал участие курдов в реализации этих планов. Особое недовольство Барзани вызывало то обстоятельство, что США не давали курдам никаких гарантий после возможной смены режима в Багдаде и курды не знали возможные альтернативы[42]. Поэтому они предпочитали наличие «понятного» и уже дискредитированного Саддама Хусейна неясной новой антибаасистской, но, возможно, не менее антикурдской силе.

Заявления иракских курдов делались в немалой степени с расчётом на турецкую и иранскую аудиторию. Иракские курды понимали, что новая стратегия США увеличивает их ценность для Вашингтона, хотя и не могли не представлять, что после свержения баасистского режима и установления в Багдаде проамериканской администрации роль курдов может и снизиться. В руководстве Южного Курдистана нередко высказывалось мнение, что именно наличие у власти в Ираке Саддама Хусейна играло на руку курдам, позволяя им извлекать выгоды от сотрудничества с американцами.

Представители курдистанской администрации прекрасно понимали риски, которые несёт американская политика в регионе, считая, что американская военная операция не принесёт ничего хорошего курдам, которые станут лишь пешками в американской игре в регионе. Хорошо иракские курды помнили и призывы Джорджа Буша-старшего в 1991 г. свергнуть режим Саддама Хусейна, что привело к одной из наиболее масштабных гуманитарных трагедий после Второй мировой войны. Особенно курдистанская администрация опасалась создания хаоса в регионе, которым могла бы воспользоваться для введения своих войск Турция, чему могли последовать Иран и Сирия, что привело бы к краху «курдистанского эксперимента». Не имея никаких гарантий (иракские курды прекрасно понимали, что устные «гарантии» американских представителей ничего не стоят), лидеры Южного Курдистана не желали рисковать своим относительно безопасным положением, называя, несмотря на все проблемы, период с 1991 г. «золотой эпохой в истории курдов». Особенно опасались курды «смены одного диктатора

на другого»[43], не зная альтернативы Саддаму Хусейну. И эти опасения курдов были совершенно справедливы[44].

После событий 11 сентября 2001 г. и начала подготовки американцами к военной операции в Ираке власти Южного Курдистана выражали беспокойство по поводу планов США в отношении Ирака, опасаясь атак Саддама Хусейна. Кроме того, как и ранее, они выражали тревогу касательно возможного сменщика иракского диктатора.

Однако у курдов не было другого выхода, кроме как поддерживать Соединённые Штаты. У них, находящихся в окружении баасистского режима Ирака, Исламской Республики Иран и отрицающей курдскую идентичность Турции, не было альтернативы американцам. Курды помнили неудачный опыт отношений с США в 70-х годах XX в. и не отвергали возможность очередного «предательства» со стороны американцев. Однако они понимали, что именно благодаря американской политике они достигли самоуправления в Курдистане.

Примечательно, что президент Курдского института в Вашингтоне (и фактически лидер нарождающейся и набирающей вес курдской диаспоры в США) Наджмаддин Карим[45] считал, что для более тесной привязки США к Южному Курдистану необходимо глубоко вовлечь Соединённые Штаты в курдский вопрос. В связи с этим, считал он, курдистанским властям следует вести более активную политику в других частях Курдистана[46].

В Южном Курдистане наблюдается очень высокий уровень проамериканизма – как среди населения, так и среди властей, за исключением небольшой происламской прослойки. Проамериканизм Южного Курдистана чем-то напоминает проамериканизм так называемой «Новой Европы» – новых членов Евросоюза и НАТО, почти полностью поддерживающих США вопреки позиции старых стран Евросоюза, не всегда соглашающихся с американцами[47]. Попытки курдистанских властей несколько диверсифицировать внешнюю политику[48] и интернационализировать вопрос Южного Курдистана направлены на повышение своей ценности для американцев и желание подтолкнуть США к ещё более сильной привязке к себе Южного Курдистана. Иракский Курдистан мечтает стать мощной «анти-антиамериканской силой» и [наряду с Израилем] важным инструментом США по реализации своих внешнеполитических стратегий на Ближнем и Среднем Востоке. При этом, как уже отмечалось, у Южного Курдистана нет США никакой альтернативы. Курды не мо-

гут предпочесть Вашингтону Багдад, Анкару или Тегеран, а других сил на Ближнем и Среднем Востоке, активно вовлечённых в курдский вопрос, не наблюдается. Именно политика США последних двух десятилетий привела к наиболее мощной за последнее столетие актуализации курдского фактора. Поэтому курды готовы противостоять антиамериканским силам в регионе – как внутри страны, так и за пределами Ирака – в отношении соседних стран (хотя, естественно, власти Курдистана не могут заявлять об этом открыто и вынуждены всячески отрицать подобные утверждения).

Иракские курды даже рассматривают антиамериканизм в глобальном масштабе в качестве серьёзной угрозы своей безопасности. Так, в Курдистане весьма обеспокоенно воспринимают «углубление международных кризисов» и «растущие вызовы таких поднимающихся держав, как Россия», против США. По мнению курдов, это может подтолкнуть центральные власти Ирака (арабов), которые не скрывают своего антиамериканизма, к «усилению шовинистических и националистических настроений» и попытке ограничить (понизить) статус курдов[49].

Таким образом, Южный Курдистан очень беспокоят глобальные вызовы в отношении Соединённых Штатов, поскольку они могут отразиться на ситуации в Ираке.

Американцы, понимая отсутствие у иракских курдов возможностей нарушить монополию Соединённых Штатов в вопросе Южного Курдистана, считают курдов «вынужденно привязанными» к Вашингтону. США, время от времени «уступая» настойчивым «просьбам» иракских курдов, предоставляли им определённые бонусы. В целом же отношение Соединённых Штатов к Иракскому Курдистану было прагматичным и обусловливалось пониманием США отсутствия у курдов другого пути, кроме как поддерживать Вашингтон. Поэтому американцы и не предлагали курдам каких-то значительных преимуществ, всегда отмечая, что выступают против создания курдского государства, поскольку его возникновение может дестабилизировать обстановку в регионе. Несмотря на заявления некоторых авторов о создании в ближайшем будущем курдского государства, политика США не даёт усомниться в их желании сохранить территориальную целостность государств Ближнего и Среднего Востока, хотя они и используют различные проблемы внутри них для усиления своего влияния. Соединённые Штаты сохраняли Ирак фактически в условиях полного безвластия в стране.

1.1.3. Противоречия иракских курдов с американской администрацией в Ираке

Наиболее ясно сбалансированная политика США в отношении Ирака и Южного Курдистана проявилась в отношении Киркука, что привело к серьёзным противоречиям иракских курдов с американской администрацией.

Как известно, проблема Киркука ещё в преддверии военной операции США против Ирака стала одним из важнейших проблемных узлов. Турция угрожала широкомасштабным вторжением в Ирак, если курды займут Киркук, который в проекте конституции Южного Курдистана предполагался в качестве его столицы. В результате переговоров между курдской и турецкой сторонами было решено, что безопасность Киркука обеспечат США.

19 марта 2003 г., т.е. перед самым началом военной кампании США против Ирака, в Анкаре при посредничестве спецпредставителя президента США Залмая Халилзада между Турцией и иракскими курдами было достигнуто соглашение, основными пунктами которого были очередные заверения курдов о том, что они не будут брать под контроль Киркук. Анкара, в свою очередь, обещала в этом случае не предпринимать вооружённой интервенции в Иракский Курдистан.

10 апреля 2003 г., когда баасистский режим был уже фактически свергнут, пешмерга ПСК почти без сопротивления вошли в Киркук. Пешмерга ДПК приблизительно в это же время также без сопротивления вошли в Мосул. В тот же день силы ПСК вошли в Ханекин.

Сразу же после этого в Анкаре был развёрнут новый виток антикурдской пропаганды. Турецкие власти обвинили американцев, что те не сдержали обещание не пускать курдов в Киркук и Мосул. Вашингтон заверил Турцию в том, что курдские воинские формирования, находящиеся в Киркуке и Мосуле, немедленно будут заменены на американские. Руководство ПСК также 11 апреля объявило, что курдские ополченцы начали покидать Киркук.

Однако, что более важно, противоречия возникли между двумя крупнейшими партиями Иракского Курдистана (ДПК и ПСК). Они опасались изменения баланса сил в Курдистане, в том

числе и за счёт усиления в районах Южного Курдистана, не входящих в административные границы тогда ещё Курдского автономного района. Последний, как известно, был разделён на две администрации, контролируемые ДПК и ПСК.

Лидер ДПК Масуд Барзани упрекнул ПСК в нарушении соглашения с США, предусматривавшего, что значительные силы курдов не войдут в Киркук, а небольшой контингент последует за американцами. Барзани считал, что односторонние действия ПСК ввергли Киркук в хаос, приведя к беспорядкам и насилию. В связи с позицией Барзани военизированные подразделения ПСК были вынуждены выйти из Киркука.

Таким образом, курдские военно-политические силы уступили американцам контроль над процессом, развернувшимся после свержения баасистского режима, когда арабское население Киркука и других арабизируемых районов было готово покинуть эти места. Военные формирования ПСК заменили американцы, которые стали действовать с учётом интересов всех групп населения Ирака, а не только курдов. Турция, вначале с опасением ожидавшая развития событий и фактически не знавшая, как реагировать на действия ПСК, находилась в некоторой растерянности. Однако последовавшая «передача» Киркука американцам привела к сильной активизации Турции, ставшей существенным фактором киркукской проблемы.

Позиция ДПК, настаивавшей на выходе сил ПСК из Киркука, привела к тому, что проблема Киркука оказалась замороженной и вряд ли будет решена тем способом, на который рассчитывали курды, т.е. включением его в административные границы Курдистана.

Хотя после свержения баасистского режима курдские руководители (особенно Масуд Барзани) регулярно заявляли о своих претензиях на Киркук и об отказе идти на какие-либо уступки, было очевидно, что курды фактически согласились с существующим положением. Курдские лидеры и впоследствии неоднократно заявляли, что Киркук не может быть предметом торга, однако де-факто им пришлось пойти на это. Иначе они не соглашались бы регулярно на отложение решения киркукской проблемы.

Вначале курдскую позицию частично и на словах поддерживали и представители США. В частности, отставной американский генерал Джей Гарнер, наделённый полномочиями главы администрации Ирака, во время посещения Эрбиля 23 апреля

2003 г. заявил, что проблема Киркука, названного им курдским городом, будет решаться будущим национальным правительством Ирака, намекая на то, что Турции не следует вмешиваться в эту проблему[50].

Реакция Анкары на заявление Гарнера последовала незамедлительно. Турция выразила свою озабоченность этим заявлением, отметив, что оно является нарушением компромисса, достигнутого представителями Турции и США в Анкаре 19 марта 2003 г. в преддверии операции в Ираке. В МИД Турции для дачи объяснений был вызван посол США в Анкаре Роберт Пирсон.

Курды восприняли заявление Гарнера в качестве официальной позиции США, решивших вознаградить курдов за преданность и готовых решить проблему изгнанных из Киркука курдов. Однако на деле всё оказалось не так просто.

Американцы, свергнув баасистский режим, стали полновластными хозяевами Ирака. Однако для управления страной они нуждались (нуждаются) в огромном чиновничьем аппарате. Подкупив с лёгкостью саддамовских чиновников среднего звена, американцы сделали на них ставку в формировании новых структур постсаддамовской администрации. Возможно, этим и объясняется то обстоятельство, что США долго не формировали новое правительство Ирака, а продолжали вести консультации (в том числе и с курдами). Кроме того, курдская сторона была недовольна тем, что на ведущих «нефтяных» постах остались баасисты, а американцы отвергали притязания курдов на участие в управлении нефтяными структурами Киркука.

Следует отметить и огромный антикурдский настрой иракского общества, что обусловлено общим уровнем политической культуры и низкой толерантностью в арабском мире. Настрой иракских масс ничуть не более позитивен в отношении курдов, чем политика Саддама Хусейна. Сказочные мечты курдских лидеров о демократии в Ираке и толерантности иракских (арабских) масс не имеют под собой реальной основы.

Американцы начали делать ставку на арабов, а не на «преданных» курдов, верность которых вынужденна и абсолютна. Этой преданностью и безусловной поддержкой США курдские лидеры загнали себя в тупик, так как в случае, если США не оправдают их ожиданий, курды окажутся в довольно сложной политической и даже психологической ситуации.

Как бы в подтверждение этого генерал Гарнер 22 апреля 2003 г. сделал заявление, вызвавшее возмущение в курдском

обществе. Возвратившись в Багдад после переговоров в Курдистане с Барзани и Талабани, Гарнер отметил, что иракские курды не настаивают на федерализации страны. Совершенно очевидно, что американский представитель не мог не знать, что это требование является стратегическим для курдов.

Чувствуя, что американцы вовсе не собираются оправдывать ожидания курдов, Масуд Барзани в середине мая 2003 г. стал довольно резко высказываться в адрес США. Хотя подробно о противоречиях между курдами и американцами тогда ещё не было известно, затягивание Соединёнными Штатами вопросов создания новой иракской администрации, места в ней курдов, федерализации страны, формирования и расширения границ курдского субъекта федерации не являлось случайным. При этом следует подчеркнуть, что, Масуд Барзани является крайне сдержанным лидером (в отличие от Талабани), что помогло ему завоевать значительный авторитет среди многих лидеров мировой и региональной политики, в том числе и руководителей недружественных курдам стран. Однако в данном контексте можно уверенно отметить: такая ситуация для курдов являлась крайне сложной. Наряду с названными темами со всей остротой опять встала проблема Киркука. Американцы не собирались решать проблему курдских беженцев из Киркука, по крайней мере так, как представляли себе это курды.

После падения баасистского режима и ввода в Киркук сил ПСК многие курды, в своё время изгнанные центральными властями из этого города, начали возвращаться в родные места. Курдские лидеры, дабы избежать столкновений, стали настаивать, что необходимо взять под контроль процесс возвращения беженцев, направить его в правовое русло и предоставить арабским поселенцам Киркука денежные средства для возможности нового обустройства в тех частях страны, откуда они были переселены в Киркук. Курдские лидеры надеялись на то, что американская администрация, соблюдая права арабских переселенцев, всё же не станет медлить с процессом ликвидации результатов насильственной арабизации неконтролируемых курдами с 1991 г. территорий этногеографического Курдистана. Однако спустя несколько недель после свержения Саддама Хусейна курды поняли, что этим надеждам, похоже, не суждено сбыться.

19 мая 2003 г. Масуд Барзани заявил, что крайне разочарован политикой США в отношении Киркука. Следует отметить,

что это заявление Барзани было, по сути, выражением недовольства подавляющего большинства курдов, озабоченных процессом возвращения изгнанных из Киркука курдов в родные места. Можно даже сказать, что курды испытывали глубокую фрустрацию по поводу американской политики в отношении Киркука, которая, как они начали предполагать, направлена на сохранение в постсаддамовском Ираке «достижений» свергнутого режима. Барзани жаловался, что поселённые на места изгнанных из Киркука баасистским режимом арабы находятся под защитой США и американцы не позволяют беженцам вернуться в свои дома[51].

После свержения баасистского режима арабы, которые были переселены на места выселенных курдов, опасаясь мести курдов, массово покидали Киркук, желая вернуться в районы прежнего проживания. Однако американцы насильно возвращали их назад, не разрешая курдам вернуться на свои территории. Барзани предостерегал США, что если подобная политика будет продолжаться, «американцы потеряют дружбу курдского народа, поскольку для курдов нет ничего более чувствительного, чем арабизация».

Впервые операцию по выселению курдов, вселившихся в дома, из которых они были изгнаны режимом Саддама Хусейна, американцы провели 7 мая.

Препятствование возвращению курдов в родные места и поддержка арабов приводили к многочисленным столкновениям. Арабские поселенцы в Киркуке, осознав политику США, стали вести себя довольно агрессивно в отношении возвращавшихся в Киркук курдов, применяя к ним насилие.

Американские должностные лица, противившиеся «неконтролируемому потоку беженцев»-курдов в Киркук, аргументировали свою позицию неготовностью инфраструктуры Киркука выдержать приток большого количества людей. В связи с этим курдские представители в киркукской администрации стали открыто обвинять американцев в недопущении возвращения курдов[52].

Американцы осторожно относились к деарабизации Киркука, считая, что выселение арабов создаст еще одну волну вынужденных переселенцев.

Вопрос Киркука стал одним из основных противоречий между Эрбилем и Багдадом, имея также международное измерение (Турция и политика США). Американцы с учётом всех точек зрения вынуждали курдов согласиться на отсрочку решения

этого вопроса. Так, вначале этот вопрос должен был быть решён до конца 2007 г., впоследствии он был перенесён на полгода, а в настоящее время, по сути, курды согласились на невхождение Киркука в административные границы Курдистана.

Существенным противоречием между курдами и США был вопрос о федерализме. Первым важнейшим документом нового Ирака стало подписанное 15 ноября 2003 г. руководителем Временной коалиционной администрации Полом Бремером и тогдашним председателем Временного правящего совета Ирака Джалалом Талабани «Соглашение по политическому процессу». Пункт 1 указанного документа был посвящён проектируемому основному закону (*"Fundamental Law"*) и процессу передачи власти от Коалиционной администрации иракским властям. В основной закон предполагалось включить, в частности, билль о правах и федеративный договор между провинциями. Срок одобрения (принятия) основного закона устанавливался к 28 февраля 2004 года.

В «Соглашении по политическому процессу» ни слова не говорилось о курдах и их требованиях. Сразу же после подписания «Соглашения» руководитель американской администрации в Ираке Пол Бремер, встретившись с Масудом Барзани, ещё раз предложил ему поддержать проект создания федерации в Ираке на основе «административных губернаторств (провинций)». Однако Барзани в очередной раз отверг предложение Бремера, заявив, что Южный Курдистан должен быть географической и политической единицей в федеральном Ираке. Таким образом, Барзани не соглашался на простое повышение статуса иракских провинций, а выступал за формирование в составе Ирака единого курдистанского субъекта федерации.

Первое время руководство ДПК избегало комментариев по поводу этого документа, однако к концу декабря лидер ДПК Масуд Барзани стал делать довольно критические заявления в отношении «Соглашения», называя его даже «антикурдским документом». Масуд Барзани выступил за пересмотр соглашения, заявив о необходимости упоминания прав курдов в иракской федерации.

Критика руководством ДПК «Соглашения» поставила эту организацию в весьма сложное положение. Совершенно очевидно, что США вполне намеренно предложили подписать этот документ Дж. Талабани, занимавшему в то время пост председателя Временного управляющего совета.

В декабре 2003 г. – январе 2004 г. вовсю кипела работа по созданию основного закона Ирака. Курдские представители, в первую очередь это касается ДПК, настаивали на том, чтобы в тексте основного закона были определены гарантии федерального статуса Курдистана. Американцы и арабы предлагали курдам «потерпеть» до создания постоянной конституции страны, завершения формирования иракской власти. При этом американцы предлагали сформировать «неэтническую» федерацию на основе 18 существующих провинций, которые бы превратились в аналоги американских штатов. Фактически это означало бы обычную децентрализацию. Американцы заявляли, что создание федерации по этническим и/или религиозным принципам приведёт к конфликтам.

Американская администрация старалась всячески уговорить курдов пойти на компромисс по проблеме федерации. Пол Бремер пытался сделать это во время встречи с Масудом Барзани и Джалалом Талабани 2 января 2004 года. Однако он натолкнулся на резкую оппозицию лидера ДПК, что было, по признанию руководителя Коалиционной администрации, для него полной неожиданностью. 7 января Бремер провёл с Барзани и Талабани новые переговоры, которые также не принесли никакого результата. Как заявляли курдские представители, «предложение Бремера не учитывает даже самых минимальных вещей, за которые курды боролись в течение всех этих лет»[53]. Позиция П. Бремера по федерации полностью совпадала с позицией турецких властей, предостерегавших от создания в Ираке федерации, основанной на «этнических корнях». В крайнем случае Турция считала возможным формирование федерации на географической основе.

Подобная позиция США была вызвана пониманием необходимости учёта различных подходов. Вашингтон был заинтересован в поддержке своей политики в Ираке, находящемся в сложной обстановке, иракскими арабами и Турцией. Иракские курды, считали американцы, в любом случае будут вынуждены поддерживать американскую политику.

При подготовке резолюции СБ ООН для передачи власти от оккупационной администрации новым иракским властям в мае 2004 г. курды также выражали недовольство политикой США. В процессе выработки резолюции стало ясно, что США и Великобритания под нажимом арабских сил не включат в резолюцию упоминание о Временной конституции Ирака, принятой в марте 2004 года.

Курдские лидеры считали, что готовящийся документ игнорирует права и гарантии курдов, включенные во Временную конституцию. Они считали, что США и Англия пошли в этом вопросе на уступки шиитскому лидеру аятолле Али аль-Хусейни аль-Систани. Курды, выступая против проекта резолюции СБ ООН, утверждали, что не признают эту резолюцию, если она не подтвердит федерального курдского региона. 1 июня 2004 г. Масуд Барзани и Джалал Талабани отправили президенту США Джорджу Бушу письмо. В своём послании курдские лидеры, выражая поддержку американской политике в Ираке, высказывали серьёзные претензии Вашингтону по различным вопросам. В частности, это касалось распределения постов в центральном правительстве Ирака, передачи средств, накопленных в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» для Курдистана, остальным регионам, равноправия курдского и арабского языков, проблемы пешмерга, которую американцы называли ополчением и т.д.

Однако, несмотря на свои многочисленные претензии, курдские лидеры заверяли президента США, что останутся «лояльными друзьями Америки», так как, по их словам, курды понимают, что их судьба слишком тесно связана с успехом Америки в Ираке. В заключение курдские лидеры просили администрацию предоставить курдам гарантии защиты Курдистана, решить проблему Киркука в пользу курдов, открыть в Эрбиле консульство.

Соединённые Штаты, естественно, действовали не на основании желаний и советов курдских лидеров, а в соответствии со своими интересами. Если США считали необходимым воздерживаться от каких-либо действий в пользу курдов, то вряд ли они могли изменить свою позицию в связи с недовольством последних. Американцы формировали свою политику в отношении постсаддамовского Ирака с учётом мнений различных политических сил, среди которых курды оставались важной, но далеко не единственной. Претензии курдов на эксклюзивные отношения с Вашингтоном не имели под собой реальной основы, поскольку стратегия США выходила далеко за рамки Курдистана, включая весь Ирак.

В принятой СБ ООН, но подготовленной американцами резолюции № 1546 от 8 июня 2004 г. Временная конституция, вопреки настояниям курдов, не упоминалась.

Подобная позиция американцев наряду с другими нерешаемыми проблемами (например, неудовлетворённые курдские

требования в отношении Киркука) способствовала некоторому разочарованию курдов в США. Курдистанские власти считают, что США должны быть «благодарны» им, поскольку они всегда поддерживали американцев.

Чтобы смягчить негативную реакцию курдов, вызванную отказом США включить в резолюцию СБ ООН упоминания о Временной конституции, в июне 2004 г. Масуду Барзани было передано послание президента США Дж. Буша и премьер-министра Великобритании Т. Блэра, в котором подтверждалась их «приверженность правам курдов и всех иракцев», а представители руководства США пытались снять озабоченность курдов.

14 июня 2004 г. главнокомандующий американскими войсками в Ираке генерал Джон Абизаид побывал Эрбиле, где заявил: «Мы не забыли наших курдских друзей на севере. Мы не оставим наших курдских друзей без поддержки. Мы поможем курдским беженцам возвратиться в их дома в Киркуке и вышлем арабов, поселенных в результате этнической чистки, обратно в их прежние дома». Спустя три дня, 17 июня 2004 г., в Курдистан прибыл П. Вулфовиц, выразивший «восхищение успехами Курдистана»[54].

В октябре 2004 г. Вашингтон посетил курдский премьер Н. Барзани. Глава курдского правительства провёл переговоры с советником президента США по национальной безопасности Кондолизой Райс, министром обороны Дональдом Рамсфельдом и его заместителем Полом Вулфовицем, а также с заместителем госсекретаря Ричардом Армитиджем. Основной темой переговоров была ситуация в Киркуке. Н. Барзани настаивал на необходимости включения Киркука в административные границы Курдистана. Американская сторона ограничилась заверением Н. Барзани в поддержке «усилий курдских лидеров по восстановлению Курдистана и Ирака», «прав курдов» и обсуждением с курдским лидером проблемы перехода Ирака к демократии, вопросов безопасности, региональной ситуации и т.д. При этом американцы всячески избегали выражать свою позицию о Киркуке.

31 декабря 2004 г. руководитель Информационного управления ДПК Серо Кадыр в редакционной статье газеты «Хабат», принадлежащей ДПК, писал: «Такова курдская судьба, что США не хотят помогать им в полной мере. Без поддержки курдов и их освободительного движения Соединенные Штаты не смогут оказать ни малейшего воздействия на политические структуры Ирака. Так было последние сорок лет».

Представитель ДПК отмечал, что Америка и курды должны быть связаны стратегическими интересами. Курдское руководство всегда было открыто к всестороннему сотрудничеству с Америкой. Тем не менее последняя продолжает демонстрировать курдам себя не с лучшей стороны.

Как считал С. Кадыр, в трудные времена США обращались к курдам за помощью, обещая им свою преданность, а когда дела улучшались, то отворачивались от курдов, начиная налаживать связи с их противниками.

Особенно примечательным является то, что представитель ДПК писал, что курды в вопросе о своих правах чаще не находили общий язык с Соединенными Штатами.

Понимая реальную политику США в отношении курдов, роль которых для Вашингтона сугубо функциональна, С. Кадыр почти угрожал США, заставляющим курдов пойти на компромисс по Киркуку, отсутствием спокойствия в Ираке и борьбой курдов.

Таким образом, курдская сторона, мечтая о стратегических отношениях, всё же понимала, что США лишь используют курдов.

Фактически курды заявляли, что США осуществляют на них сильнейший нажим с целью отказаться от своих стратегических требований. Более того, как видно из указанной редакционной статьи в «Хабат», курды считали, что американцы настроены даже более антикурдски, чем арабы, хотя, конечно же, очевидно, что т.н. «антикурдская политика» США (т.е. некоторый нажим на курдов с целью добиться их большей иракизации) была вызвана как раз давлением на США арабов. Примечательно, что курды фактически угрожали Соединённым Штатам неповиновением и неуважением соглашений, которые могут быть подписаны под давлением.

Американцам надо было во что бы то ни стало уложиться в график и провести до 30 января 2005 г. общенациональные выборы в Ираке. Поэтому им приходилось оказывать на курдов мощное давление с точки зрения принуждения их к участию в выборах. Безусловно, что для американцев вопрос проведения первых после свержения Саддама Хусейна общенациональных выборов в Ираке доминировал над проблемой Киркука и его курдской либо арабской идентичностью.

Напряжённую ситуацию по проблеме Киркука был призван разрядить неожиданный визит в Иракский Курдистан замести-

теля госсекретаря США Ричарда Армитиджа, состоявшийся 1 января 2005 года. Примечательно, что визит в Иракский Курдистан высокопоставленного американского дипломата являлся частью его турне по странам Ближнего Востока – кроме Курдистана и Багдада он посетил Турцию, Сирию и Иорданию. Главной темой его переговоров с Масудом Барзани являлись предстоящие выборы в Ираке и необходимость участие в них курдов. Настаивая на необходимости участия в выборах курдов, Армитидж даже заявлял о поддержке американским президентом Джорджем Бушем положений статьи 15 переходного закона, «призванной положить конец арабизации» и определявшей Киркук в качестве особой провинции, проведение выборов в которой зависит от возвращения курдских беженцев и проведения переписи. Кроме того, Армитидж выражал мнение о необходимости выполнения положений 58-й статьи переходного закона.

Однако высокопоставленный американский дипломат не гарантировал курдам никаких конкретных действий по выполнению «киркукских» статей переходного закона Ирака.

По итогам переговоров Масуд Барзани отказался сообщить, нашел ли он взаимопонимание с американским посланником, отметив, что курды будут поддерживать усилия США по проведению выборов. «Я изначально собирался повторить, что мы рассматриваем себя как союзников США, и сказать, что... и в будущем мы останемся союзниками США в строительстве федерального, демократического и единого Ирака. Мы выступаем в составе одного и того же фронта против террора и террористов». В целом позиция Барзани по итогам переговоров была достаточно сдержанной и дипломатичной.

Визит высокопоставленного американского дипломата являлся лишь визитом вежливости без изменения стратегической политики США в отношении курдов.

Однако хотя этот визит Ричарда Армитиджа был направлен в первую очередь на оказание давления на курдов и принуждение последних к участию в иракских выборах, в политико-дипломатическом смысле роль этого визита следует признать важной. Эрбиль был не менее важной переговорной столицей в турне Армитиджа, нежели Амман, Багдад, Дамаск и Анкара. Армитидж передал Масуду Барзани письмо президента США Дж. Буша, в котором говорилось «о поддержке курдской нации». Не менее примечательно, что об этом высокопо-

ставленный американский дипломат заявил 2 января 2005 г. в Анкаре, на пресс-конференции после переговоров с турецким руководством.

Встреча Армитиджа с Барзани не решила, однако, проблему Киркука, так как вопросы о сроках и путях решения киркукской проблемы и возвращения в Киркук изгнанных оттуда баасистским режимом курдов не поднимались. Кроме того, для курдов не остались незамеченными слова посла США в Турции Эрика Эдельмана, заявившего 7 января 2005 г. в интервью турецким СМИ о близости точек зрения США и Турции по проблеме целостности Ирака, поэтому США против включения Киркука в автономный регион Иракского Курдистана и придадут этой провинции особый статус.

Тогда же высокопоставленный представитель ДПК Ариф Тайфор обвинил американцев, что продолжая британскую политику отрицания прав курдов и разделения Курдистана, они «занимают сторону арабов и игнорируют курдов»[55].

Таким образом, хотя американцы при проведении военной операции против Саддама Хусейна имели полную поддержку преданных курдов, они учитывали интересы внутрииракских и региональных сил, нередко вызывая возмущение властей Южного Курдистана.

Американский политолог Джан Фефер считает политику Соединённых Штатов в отношении иракских курдов «парадоксальной». По его мнению, с одной стороны, США видят, что «Северный Ирак» остаётся «наиболее стабильным и процветающим» в Ираке регионом, с другой, – они не хотят отделения региона и создания независимого Курдистана[56]. Однако представляется, что в подобной политике США нет ничего парадоксального. Соединённые Штаты всегда предпочтут Багдад Эрбилю при условии, что центральное правительство Ирака будет проамериканским. Проамериканизм Южного Курдистана не будет иметь никакого отклика в Вашингтоне, если Багдад также будет проводить согласованную с Соединёнными Штатами политику.

Поддержка Вашингтоном Южного Курдистана объясняется следующими обстоятельствами. США на Ближнем и Среднем Востоке создают различные и многочисленные балансы, позволяющие иметь широкие маневренные возможности. Вашингтон проводит в регионе диверсифицированную политику, в рамках которой каждому клиенту отводится определённая

роль. Для США Южный Курдистан является существенным инструментом для контроля над всем Ираком (здесь мы не говорим о международном значении Южного Курдистана для США). Для центральных властей Ирака вопрос Южного Курдистана будет являться зримым фактором возможностей Вашингтона влиять на страну, вплоть до потенциального изменения его границ. Таким образом, Южный Курдистан призван обеспечить «правильное поведение» Багдада с точки зрения интересов США.

Поэтому трудно согласиться и с курдскими авторами, считающими, что Соединённые Штаты не имеют ясной и чёткой курдской политики в рамках своего проекта Большого Ближнего Востока[57]. Как уже отмечалось, США действительно не имеют отдельной курдской политики. Однако их стратегия в отношении Ближнего и Среднего Востока включает в себя и курдский аспект, учёт курдского фактора. Другое дело, что нередко курды считают, что США обязаны иметь курдскую политику, которая, по их мнению, должна быть направлена чуть ли не на создание проамериканского Большого Курдистана. Хотя совершенно очевидно, что даже формирование курдской политики Вашингтона не обязательно должно привести к решению США создать курдское государство, а вполне может быть сконцентрировано и на предотвращении формирования независимого Курдистана. Эта политика может включать, например, лишь использование курдского фактора в региональной политике.

Функциональная роль Южного Курдистана весьма ярко проявлялась в американо-иракских переговорах по поводу подписания двустороннего договора о безопасности, которое должно определить присутствие американских войск в Ираке после 2008 г., т.е. истечения мандата ООН. Окрепшее и консолидирующее власть центральное правительство Ирака не соглашалось с вариантом США, настаивая на ограничениях для Соединённых Штатов в Ираке. Курды же в этой ситуации стали играть роль фактора давления на иракское правительство. Они считали, что правительство Ирака должно согласиться со всеми предложениями американцев и предлагали (точнее – очень просили) США, если Вашингтон и Багдад не смогут договориться по договору о безопасности, создать американские базы в Южном Курдистане. Позиция представителей курдов в центральном правительстве Ирака совпадала с позицией руководства Южного Курдистана, а не иракских властей. Вице-премьер правительства Ирака Бархам Салех и министр

иностранных дел Хошияр Зибари активно поддерживали подписание соглашения на условиях США. Курды считают, что вывод американских войск из Ирака ввергнет страну в хаос.

Таким образом, Курдистан являлся инструментом США для оказания давления на иракские власти.

Противоречия США с центральными властями Ирака [по вопросу подписания договора] повышали роль Южного Курдистана, выступающего в качестве козырной карты Вашингтона в отношении Багдада. Более того, США понимали, что очень нуждаются в курдах и во время переговоров с иракскими властями рассматривали курдов как очень важных партнёров. В связи со сложностями по проектируемому договору президент Курдистана Масуд Барзани был приглашён в США, где 28 октября 2008 г. он провёл переговоры с госсекретарём Кондолизой Райс. При этом М. Барзани, заявлявший, что вывод американских войск приведёт к гражданской войне и военному перевороту в Ираке, признавал, что главной темой переговоров был «вопрос стратегического соглашения» между США и Ираком. Соединённые Штаты посылали таким образом (через курдов) в Багдад сигнал о потенциальном использовании Южного Курдистана в торге с иракскими властями. Этот же вопрос был основным и на встрече Масуда Барзани с Джорджем Бушем, состоявшейся 29 октября 2008 года. Американский президент благодарил власти Южного Курдистана за оказываемую американцам поддержку в переговорах с правительством Ирака, назвав его «важнейшим адвокатом» договора по безопасности. Курды, как известно, выступали за то, чтобы американские войска оставались в Ираке до 2020 года. Более того, курдская сторона предлагала американцам создать военные базы в Курдистане. Американские власти прекрасно знали, что незадолго до этого побывавший в Тегеране президент Курдистана подвергался серьёзному давлению со стороны Ирана по поводу планируемого американо-иракского соглашения. За вывод американских войск из Ирака выступала также и Сирия. Её президент Б. Асад 9 ноября 2008 г. призвал США к выводу войск из Ирака, заявив, что американские войска представляют перманентную угрозу соседним государствам и являются элементом нестабильности в регионе. Активно «изучала» условия американо-иракского договора и Турция.

Подписанный 17 ноября 2008 г. в Багдаде между министром иностранных дел Ирака Хошияром Зибари и послом США

в Ираке Райаном Крокером договор о пребывании американских войск в Ираке был в немалой степени обусловлен проамериканской позицией курдов, ставших важным средством давления Вашингтона на Багдад.

Поэтому президент США 6 декабря 2008 г. позвонил Масуду Барзани, поблагодарив его за ту роль, которую он сыграл в подписании американо-иракского соглашения[58].

О важности для США Южного Курдистана свидетельствует и приём премьер-министра Курдистана Нечирвана Барзани в мае 2008 г. руководством Соединённых Штатов. Глава правительства Курдистана был принят президентом Дж. Бушем, вице-президентом Д. Чейни, госсекретарём К. Райс, министром обороны Р. Гейтсом, а также другими официальными лицами.

В то же время, как уже отмечалось, Южный Курдистан является лишь одним из элементов политики США. В последнее время совокупная ценность Южного Курдистана для США существенно выросла. Однако в Вашингтоне немалое количество акторов, участвующих в выработке внешнеполитического курса, всё ещё считают курдский вопрос малозначительным[59]. Создание независимого государства на территории Южного Курдистана в какой-то мере ограничило бы возможности американской политики в отношении остальной части Ирака, в том числе шиитского юга, хотя предоставило бы ряд новых возможностей.

Иракские курды вынуждены смириться с подобными принципами, не претендуя, как Абхазия или Южная Осетия, на создание отдельного государства.

После свержения в Ираке баасистского режима между американцами и курдами начался длительный процесс торга по вопросу устройства нового Ирака. Политика США курдами оценивалась неоднозначно, однако совершенно очевидно, что у курдов альтернативы американцам не имелось.

Как верно пишет проф. О.И. Жигалина, «глубоко проанализировав сложившуюся в Ираке и регионе обстановку, учитывая международное положение, а также изучив мнения различных слоев курдского населения страны, руководители Курдского автономного района в Ираке избрали гибкую и весьма продуманную политику. Используя сотрудничество с США и Великобританией, они прилагают усилия для определения статуса Курдского автономного района в новом демократическом Ираке»[60]. Подход руководства Иракского Курдистана к отношениям с США сугубо

прагматичный, при этом учитывающий и состояние американо-иранских и американо-турецких отношений[61].

Американские власти, несмотря на лавирование ими между курдскими и арабскими требованиями, понимали, что курды в настоящее время являются важным ресурсом американской внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке и могут быть проводником этой политики при формировании «Большого Ближнего Востока». Поэтому официальные лица США уверяли курдов, что не забудут «помощь курдских друзей».

Почти все влиятельные американские министры уже побывали в Курдистане, выражая поддержку курдам и южнокурдистанским властям. Трижды (в 2005, 2008 и 2009 гг.) в Белом доме был принят президент Курдистана Масуд Барзани.

Среди высокопоставленных американских дипломатов активными лоббистами Южного Курдистана в Вашингтоне являлись, в частности, Питер Гэлбрейт[62] и Ричард Холбрук[63]. После свержения баасистского режима П. Гэлбрейт стал советником Масуда Барзани и регионального правительства Курдистана, и по единодушному мнению многих наблюдателей, при создании независимого Курдистана станет первым послом США в этом государстве.

П. Гэлбрейт активно работает по созданию благоприятного имиджа Южного Курдистана среди общественного мнения США, представляя «секулярных и прозападных курдов» «лучшими друзьями США в Ираке»[64]. Он считал, что распад Ирака неизбежен и полезен для региональной стабильности. Исходя из этого Гэлбрейт предлагал руководству США не повторять ошибок администрации Буша-старшего. По мнению Гэлбрейта, США тогда бесполезно прилагали все свои усилия к тому, чтобы сохранить в 1991 г. уже распавшуюся Югославию, и не делали ничего, чтобы остановить приближающуюся войну[65]. П. Гэлбрейт являлся одним из наиболее активных критиков политики администрации и Буша-младшего в Ираке. Он утверждал, что Соединённые Штаты не то чтобы не достигли своих целей, а получили непредвиденные результаты. Так, вместо привнесения демократии на БСВ, запугивания Ирана и Сирии, победы над терроризмом и консолидации американского лидерства США получили совершенно иной результат. Произошло резкое усиление Ирана, в т.ч. в Ираке, где наблюдается невиданное доселе увеличение роли ислама, формирование суннитского ополчения, состоящего почти полностью из баасистов, уменьшение возможностей для предотвращения реализации ядерной

программы Ирана, трансформация Турции, бывшей до этого одной из проамериканских стран, в антиамериканскую державу, падение престижа США. Для предотвращения «иракского кошмара» и кровавого распада страны П. Гэлбрейт предлагал осуществить дальнейшую децентрализацию Ирака, что подразумевало в первую очередь увеличение самостоятельности Курдистана[66].

Выступая за создание независимого курдского государства на территории Южного Курдистана, П. Гэлбрейт, в ноябре 2006 г. прогнозировал его создание в течение 5 лет, то есть в 2011–2012 годах. Там же бывший американский дипломат утверждал, что Ирак фактически уже распался и нет необходимости сохранять его единство де-юре. При этом, считал он, если же Турция будет противостоять этому государству, то получит «новый Вьетнам»[67].

Однако необходимо учитывать и внутренние аспекты американской политики. Так, сложные взаимоотношения Гэлбрейта с республиканцами способствовали снижению симпатий Республиканской партии к РегПК.

Ричард Холбрук неоднократно предлагал развернуть на территории Курдистана войска США и НАТО[68], заключив соглашение с региональным правительством, в том числе для предотвращения турецких вторжений. Он считался «ястребом» в американских внешнеполитических кругах, выступая за активную деятельность Североатлантического альянса. Холбрук настаивал, что НАТО обязано участвовать в решении важнейших проблем в сфере безопасности, особенно в ключевых точках «дуги кризисов», иначе Североатлантический союз ждёт маргинализация.

Р. Холбрук, посетивший в начале 2007 г. Эрбиль, высказывался за применение к Иракскому Курдистану «тайванской модели». Международное сообщество де-факто признавало бы независимый статус Курдистана и имело с ним ограниченные дипломатические, но полноценные финансово-экономические отношения. Турцией подобные предложения отставного высокопоставленного дипломата воспринимались за планы Соединённых Штатов Америки[69]. Похожий сценарий для Южного Курдистана предлагался и влиятельным Советом по внешним сношениям ещё в 1993 г.: предлагалось обеспечить международный статус Курдистана и его доступ к международным агентствам. Предлагалось дать право курдским представителям работать с ООН и её организациями[70].

В турецких политических кругах весьма настороженно воспринимали поддержку двумя бывшими высокопоставленными дипломатами Южного Курдистана. Известный турецкий обозреватель Семих Идиз в своей колонке в газете «*Milliyet*» 26 октября 2006 г. даже утверждал, что поддержка иракских курдов П. Гэлбрейтом и Р. Холбруком не оставляет уже сомнений в создании курдского государства, вопрос состоит лишь во времени провозглашения независимости.

Весьма воодушевлённо в Курдистане воспринимались предложения в то время сенатора от штата Делавэр Джозефа Байдена о фактическом разделе Ирака на три части – курдскую, арабо-суннитскую и арабо-шиитскую, по боснийской модели, с сохранением территориальной целостности страны де-юре. Он считал, что Ирак можно сохранить, лишь разделив его на три части[71]. План Байдена–Гелба на слушаниях в сенате 30–31 января 2007 г. поддержали и бывшие государственные секретари США Джеймс Бейкер, Генри Киссинджер и Мадлен Олбрайт.

Однако следует отметить, что план Байдена являлся результатом не его прокурдских симпатий, а был обусловлен внутриполитической борьбой в Вашингтоне, а именно демократов с республиканцами. Байден предлагал этот план в рамках своей критики политики в отношении Ирака Джорджа Буша и Дика Чейни. Не случайно, став вице-президентом Байден уже не вспоминал об этом проекте и даже удалил его со своего сайта[72].

Администрация Иракского Курдистана время от времени выражает недовольство политикой Соединённых Штатов в Ираке. Она всё же понимает, что американцы не делают однозначную и окончательную ставку на курдов, а используют их в своих отношениях с Багдадом и могут пожертвовать и интересами во имя своей иракской политики. Не случайно курды даже заявляют о своём разочаровании американской политикой. Как заявил в конце 2009 г. президент Курдистана Масуд Барзани, «мы ожидали от США большего», имея в виду в первую очередь позицию США по вопросу Киркука[73].

Однако Вашингтон всё-таки не отчуждает курдов, справедливо полагая, что курдский козырь всегда будет полезен в отношениях с иракскими властями.

Курды, опасаясь остаться один на один с окрепшими центральными властями Ирака, которые по мере своего усиления

увеличивают давление на Курдистан по всем важнейшим для него вопросам (вопрос Киркука, распределения бюджетных средств, полномочия курдистанской администрации и т.д.), фактически остаются единственными защитниками американского военного присутствия в Ираке. Лидеры Курдистана регулярно заявляют, что Соединённые Штаты не должны выводить из Ирака свои войска, считая, что это ввергнет Ирак в хаос, сделав его ареной соперничества соседних стран.

Как уже отмечалось, южнокурдистанская политическая элита, понимая важное значение Ирака для Соединённых Штатов, особенно с точки зрения контроля над нефтяными ресурсами, считает, что Курдистан должен выступать в качестве своего рода инструмента контроля над Ираком. Среди руководства Южного Курдистана распространено мнение, что для Соединённых Штатов углеводородные ресурсы Ирака, которые, по некоторым оценкам, могут превышать и 200 млрд. баррелей (доказанные запасы Ирака составляют без учёта месторождений на территории Курдистана 143 млрд. баррелей), играют важную роль для ведения энергетического соперничества в глобальном масштабе, в частности, для оказания давления на Россию, Китай и даже некоторые европейские государства при их несогласии с американской политикой. Через Ирак США могут влиять и на деятельность ОПЕК. Поэтому, считают иракские курды, они могут стать серьёзным инструментом американской политики в Ираке, которая имеет для США глобальное значение.

Соединённые Штаты пришли в Ирак всерьёз и надолго. Совершенно очевидно, что стратегическими целями Вашингтона являлись не избавление иракского народа от диктатуры Саддама Хусейна и установление демократии в Ираке. Не для этого Соединённые Штаты потеряли несколько тысяч солдат (до 5 тыс. по состоянию на конец 2008 г.), а финансовые затраты превысили 0,5 трлн. долларов. Все эти потери и затраты США происходили не за интересы Южного Курдистана. Хотя власти Курдистана ожидают от США «благодарности» за безусловную поддержку политики Вашингтона, лексикон международных отношений не содержит подобных понятий.

Тем не менее интерес США к Ираку стратегический. Это предоставило Южному Курдистану уникальную возможность стать в определённой степени партнёром американцев в весьма важном аспекте американской глобальной политики. Безусловно, говорить о партнёрских отношениях южнокурдистанской адми-

нистрации с США не совсем корректно, однако очевидно, что сегодня это уже не марионеточное политическое образование. Вашингтон всё же вынужден по крайней мере прислушиваться к руководству Южного Курдистана при реализации своей иракской политики.

Пока США находятся в Ираке (в любом качестве), политическая роль курдов будет весьма высокой.

1.2. Политика США в отношении курдов Турции

Несмотря на союзнические отношения Турции с США с 50-х гг. XX в., с конца 1980-х гг. между Анкарой и Вашингтоном стали наблюдаться противоречия, связанные с курдским вопросом. Точнее – у турецких властей возникли опасения по поводу возможного использования США курдской проблемы и поддержки курдских организаций Турции[74]. Особенно большой переполох в Турции вызвало заявление заместителя госсекретаря по вопросам прав человека и гуманитарным делам Ричарда Шифтера, отметившего в феврале 1988 г., что хотя курды не упоминаются в Лозаннском договоре, они представляют национальное меньшинство [в Турции] по международным стандартам[75]. Однако следует отметить, что реальный интерес США к турецким курдам можно наблюдать лишь с конца 90-х годов. Именно с этого периода курдская проблема в Турции начинает занимать определённое место в турецко-американских отношениях и противоречиях.

Американские власти понимают, что Турция является крупной и важнейшей на Ближнем и Среднем Востоке региональной державой, способной проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. После распада Советского Союза эти страны проводили согласованную политику в Закавказье, Центральной Азии и на Балканах. Однако Турция во многом начала артикулировать свои интересы как отличные от американских. Особенно это касается региона Ближнего и Среднего Востока.

В турецко-американских противоречиях важное место начинает занимать курдский вопрос, являющийся олицетворением наиболее важных угроз в отношении Турции.

Турецкий Курдистан является «самой крупной курдской проблемой». Его значение определяется Турцией, как амбициозной трансрегиональной державой с чрезвычайно выгодным геополитическим и геостратегическим положением.

Для Соединённых Штатов курдская проблема в Турции уже стала одним из факторов региональной политики. Она позволяет Вашингтону постоянно «напоминать» своему «важнейшему союзнику» в «крайне взрывоопасном регионе», находящемуся на перекрестке всех важнейших для США вопросов на Евразийском континенте, о его уязвимости. Турция, осознавая в 80–90-х гг. свою неспособность в одиночку эффективно оказать давление на государства региона, поддерживающие курдское движение Турции, при ухудшающихся отношениях на европейском направлении все более была вынуждена ориентироваться на США. Поэтому она часто просила Соединённые Штаты оказать давление на своих соперников. Так, например, в 90-х годах Анкара настаивала, чтобы США как главное действующее лицо ближневосточного урегулирования увязывали этот процесс с прекращением сирийской помощи Партии рабочих Курдистана (ПРК), т.е. рассматривали, по выражению турецкого министра иностранных дел Хикмета Четина, «террористическую деятельность» ПРК «в одном пакете с ближневосточной проблемой»[76].

Проблема прав человека традиционно активно используется американской дипломатией во внешнеполитических целях, являясь средством оказания давления на отдельные страны[77]. В отношении Турции эта проблема задействовалась Соединёнными Штатами весьма осторожно. В то время как европейские страны всё время обвиняли турецкие власти в массовых нарушениях прав человека, Вашингтон хотя и напоминал Анкаре о необходимости демократизации страны, даже оказывал небольшое давление, чтобы найти «политическое решение» курдской проблемы, но не ставил никаких ультиматумов[78].

Тем не менее Соединённые Штаты в докладах по правам человека регулярно указывали на нарушения прав курдов в Турции, о давлении на неправительственные организации на «юго-востоке». Госдеп указывал, что «турецкие власти уже долгое время отказывают курдам, которые составляют большинство населения на юго-востоке, в признании идентичности, отказывают им в основных культурных и лингвистических правах»[79]. В середине 1990-х гг. широкомасштабная критика Турции

была развёрнута в конгрессе США. Члены конгресса, особенно относящиеся к прогреческому и проармянскому лобби, регулярно осуждали действия Турции по курдской проблеме, посещали эту страну для оценки состояния прав человека[80].

Вместе с тем в этих докладах США постоянно критиковали ПРК, указывая, что она является террористической организацией[81].

Представляется, что этот вопрос являлся (и является) для США потенциальным рычагом давления и позволял Вашингтону на фоне бесконечной критики Европы увеличивать и без того значительное влияние на Анкару. Большее внимание проблеме «прав человека и расширения демократии» уделялось при администрации Б. Клинтона, особенно в середине 90-х годов. Так, в 1996 г. конгресс США ввёл ограничения на продажу вооружений в Турцию. Это было обусловлено использованием американского оружия в убийстве и выселении мирных граждан в Турецком Курдистане. Однако американские военные обходили эти ограничения, осуществив в 1997 г. в рамках Европейского командования совместные учения по подготовке турецких сил «горных коммандо» (по борьбе с ПРК)[82], которые как раз и отличались жестокими действиями в отношении мирного курдского населения.

Трудно не согласиться с Ричардом Холбруком, что «проблема прав человека» не создавала кризиса в отношениях между США и Турцией. Более того, известный американский дипломат считал, что было бы «непродуктивным» создавать впечатление, что проблемы прав человека могут «навредить» двусторонним отношениям[83].

Соединенные Штаты, по словам пресс-секретаря госдепартамента США Николаса Бернса, не поддерживали идею автономии «для турецких курдов в Турции». Однако, по признанию того же Бернса, Вашингтон всё же имел «большой интерес» в обеспечении прав человека и гражданских прав курдов, составляющих «значительную долю ... свыше 10 процентов» населения Турции[84]. То же самое заявлял и другой пресс-секретарь Белого дома Джозеф Локхарт 16 января 1999 г., комментируя арест лидера ПРК Абдуллы Оджалана: «Политика Соединённых Штатов заключается в том, что мы поддерживаем территориальную целостность государств региона и выступаем против формирования курдского государства. В то же время гражданские права курдов – в какой бы стране они ни находились – должны быть защищены»[85].

Поддерживая Турцию в борьбе с ПРК, США вместе с тем обращали внимание Анкары на необходимость разграничения турецкими властями проблемы ПРК и вопросов, связанных с турецкими курдами в целом. Так, например, заместитель пресс-секретаря госдепартамента Джеймс Фули (James Foley) на брифинге 8 января 1998 г. заявил, что США уже долгое время заинтересованы в обеспечении этнических, культурных и лингвистических прав курдов и поддерживают усилия турецких властей по улучшению ситуации с правами человека[86].

В вопросе ПРК и поимки её лидера Абдуллы Оджалана американцы, полностью поддерживая действия Анкары, не упускали случая пожурить турецкие власти в деле нарушения прав человека. Так, в конце июня 1999 г. после окончания суда над А. Оджаланом представитель госдепартамента США Джеймс Рубин, заявляя, что суд над лидером ПРК был «проведён организованно», всё же отмечал, что начальная стадия этого процесса вызывала озабоченность американской администрации. Эта озабоченность касалась «первых девяти дней содержания Оджалана в тюрьме без связи с внешним миром и ограничения его адвокатов в проведении приватных консультаций со своим клиентом и их доступа к письменным материалам, включённым в предъявленное обвинение»[87]. США, оказывая содействие Турции в поимке Оджалана, настойчиво советовали турецким властям заняться решением курдской проблемы. Они рассматривали «арест Оджалана и суд над ним как возможность для Турции начать диалог со своими гражданами курдской национальности и укрепить действие закона и защиту прав человека для всех своих граждан»[88].

Интерес США к турецким курдам, кроме фактора своей «турецкой политики», обусловлен потенциальными геоэкономическими интересами США в важном в гидростратегическом и геостратегическом аспектах Турецком Курдистане, а также возрастающей ролью курдского фактора в региональной геополитике. Посольство США в Турции с 90-х гг. осторожно, но планомерно интересовалось Турецким Курдистаном и курдами. Именно поэтому в мае-июне 2000 г. США пытались создать консульство в неофициальной столице северокурдистанского региона – Диярбакыре, что вызвало резко негативное отношение Турции, как раз опасающейся формирования сравнительно независимой политики Вашингтона в отношении Турецкого Курдистана. Турция резко выступила также против планов США открыть в Дияр-

бакыре «специальный офис» (бюро) для помощи в налаживании контактов американских и местных бизнесменов.

В настоящее время большая часть Турецкого Курдистана входит в консульский округ консульства США в Адане[89]. Этот консульский округ простирается до сирийской, иракской, иранской и армянской границ. Особое внимание в конце 90-х годов американское консульство в Адане уделяло региону Проекта Юго-Восточной Анатолии (ПЮВА).

Консульство в Адане активно содействует продвижению американских фирм в этом регионе, уделяя особое внимание именно районам этногеографического Курдистана, и призывает американские компании осуществлять инвестиции в регион. В настоящее время наиболее активно американские фирмы действуют в Урфе – фактической столице региона ПЮВА. Однако перспективными представляются и другие районы Турецкого Курдистана, в частности, Диярбакыр, Ван, Карс.

Для более тщательного ознакомления с Турецким Курдистаном послы США в Турции с середины 90-х годов начали регулярно посещать Турецкий Курдистан. В конце июня 1995 г. посол США в Турции Марк Гроссман посетил Диярбакыр. 4 марта 1997 г. он побывал в Ване, являющемся одним из крупнейших городов курдского региона Турции.

Американские дипломаты интересовались практически всем Турецким Курдистаном, говоря турецкой терминологией – и Восточной и Юго-Восточной Анатолией.

В начале августа 1998 г. полномасштабное турне по «Восточной Анатолии» совершил посол США в Турции Марк Парис (Mark R. Parris). Сначала он посетил Эрзурум, где заявил об экономической и стратегической важности «Восточной Анатолии» и в, частности, Эрзурума, отметив, что этот район становится транзитным центром транспортировки нефти и газа. Транспортировке газа из каспийских месторождений, минуя Россию, как известно, американцами придавалось большое значение в региональной геополитике. После Эрзурума М. Парис побывал в Агри, где выделил кредит в сумме 40 тыс. долларов на развитие животноводства. Посол пообещал оказать Агри ещё и техническую помощь. После Агри М. Парис посетил Карс – проектируемый важный транспортный узел для связи с Южным Кавказом.

С 28 мая по 2 июня 2000 г. Марк Парис совершил 6-дневный визит по провинциям «Юго-Востока». Это была первая подобная поездка посла США по Юго-Востоку с 1980 года. Амери-

канского посла сопровождали также сельскохозяйственный атташе посольства США Сюзан Шайер (Susan Schayer), коммерческий атташе Джон Брейденстайн (John Breidenstine) и консул в Адане Стюарт Джеймс (Stuart James). Наличие столь представительной делегации объяснялось желанием американцев получить информацию и об экономических возможностях Турецкого Курдистана. США для активного вовлечения в экономику региона американских фирм предполагали создание в Диярбакыре бизнес-офиса. Однако, как заявил тогда Марк Парис, аппарат Регионального губернатора не согласился на это. Турция не верила, что эти проекты имеют лишь экономическую подоплёку. Она подозревала Вашингтон в желании установить политическое влияние в Турецком Курдистане. Кроме того, Анкара опасалась также, что создание американского бюро в Диярбакыре создаст прецедент для стран Евросоюза, которые также традиционно очень интересуются этим регионом[90]. Однако в первую очередь Анкара всё же опасалась внедрения структур США в регион.

Турция традиционно крайне негативно относится ко всяким попыткам субъектов мировой политики по вовлечению в «её» курдскую проблему. Поэтому визит американского посла вызвал недовольство в Анкаре. Некоторые представители турецкого истэблишмента обращали внимание, что Марк Парис посетил Ван, Диярбакыр, Хакяри и т. п., т.е. Курдистан, а не другие районы Восточной Анатолии, например, Ризе. Однако провинция Ризе не играет никакой политической роли, в то время как каждая курдистанская провинция является местом ожесточённой внутренней политики по курдскому вопросу и имеет международное измерение, поскольку курдский вопрос является транснациональным. Такое же недовольство турецких властей и общественности вызывал проходящий в конце июня 2000 г. визит на «Юго-Восток» посла ФРГ в Турции Рудольфа Шмидта.

Представители посольства США в Турции регулярно посещали районы Турецкого Курдистана. 18 июня 2001 г. Диярбакыр посетил посол Роберт Пирсон (Robert Pearson), которого сопровождал генеральный консул США в Адане Грета Хольц (Greta C. Holtz). Американский посол провёл встречи с руководителями курдского региона, с губернатором региона чрезвычайного положения Гоханом Айдынером, губернатором провинции Диярбакыр Джемилем Серхатлы и мэром Диярбакыра Феридуном Челиком (первый мэр Диярбакыра от прокурдской

партии), а также представителями неправительственных организаций. Посол Р. Пирсон отмечал при этом, что регион имеет значительный потенциал с точки зрения развития туризма, агропромышленного сектора и текстильной промышленности. По словам Роберта Пирсона, целью его визита было оказать помощь в привлечении американских инвестиций в экономику этого региона[91].

Таким образом, с середины 90-х годов Соединённые Штаты пытались начать осторожное, чтобы не раздражать Анкару, экономическое проникновение в Турецкий Курдистан.

Американские послы регулярно посещали Курдистан и после возникновения напряжённости в турецко-американских отношениях, последовавшего в результате отказа Турции предоставить свою территорию для военной операции в Ираке.

США не отрицают существования курдов в Турции, хотя турецкие власти, как известно, до недавнего времени заявляли, что курды являются «горными турками». Однако о наличии курдов в этой стране США выражались всё же крайне осторожно. Как можно прочитать на web-сайте госдепартамента США, «турки курдского происхождения образуют этническую и лингвистическую группу». Их численность составляет 12 млн. человек[92]. На web-сайте Центрального разведывательного управления США доля курдов в населении Турции, составляющем по состоянию на июль 2002 г. 67,3 млн. чел., оценивалась в 20%[93], что составляло 13,5 млн. человек.

Хотя американцы всегда поддерживали Турцию в борьбе против «сепаратизма и терроризма», турецкие власти понимают, что США не могут занимать однозначно протурецкую позицию в этом вопросе. Турецкие власти подозревали, что раскол в ПРК[94] организовали американцы для создания проамериканской курдской партии в Турции. Кроме того, время от времени американцы вызывают недовольство турецких властей докладами своих учреждений, в которых затрагивается курдский вопрос.

Примечательно, что несмотря на различия в политике США в отношении Южного Курдистана и курдской проблемы в Турции, Вашингтон всё же понимал взаимосвязь между курдскими регионами. Так, посол США в Турции Роберт Пирсон в июле 2003 г. перед своим возвращением в США заявил, что «с американской точки зрения весь Восток и Юго-Восток Турции и весь север Ирака формируют единое экономическое пространство». Особо обращал посол внимание на связы-

вающие эти регионы коммуникации[95]. То есть американский посол говорил о едином рынке Турецкого и Иракского Курдистана[96]. Безусловно, подобная точка зрения негативно воспринимается в Анкаре, поскольку турецкие власти традиционно опасаются, что тесные экономические связи между Северным и Южным Курдистаном могут способствовать политическому сближению этих частей, что, по нашему мнению, является неверным и обусловлено лишь фобиями Анкары. Речь может идти лишь об экономической интеграции и то своеобразной, в рамках которой Иракский Курдистан станет рассматриваться в качестве сырьевого придатка Турции и, в частности, Турецкого Курдистана. Тем не менее турецкие власти опасались, что формирование единого пространства (пусть вначале даже экономического) может стать прообразом курдского государства.

Как верно отмечал М.С. Лазарев ещё в конце 90-х годов, интерес США к курдской проблеме в немалой степени обусловлен снижением интереса к Турции, хотя США, конечно, не собираются отказываться от Турции. «С распадом Советского Союза Турция потеряла своё значение восточного форпоста южного фланга НАТО. Видимо, в этих условиях США сочли возможным оказывать давление на Анкару с тем, чтобы она постаралась найти политическое решение курдской проблемы у себя»[97]. Хотя Соединённые Штаты и не оказывали серьёзного давления на Анкару в отношении положения курдов Турции, однако этот вопрос всё же рассматривается в качестве потенциального противоречия. Кроме того, это можно рассматривать в рамках начавшегося долговременного процесса.

Турецкие власти весьма недоверчиво относятся к США, как и к ЕС, постоянно подозревая Запад в желании расколоть Турцию. Время от времени турецкие лидеры озвучивают эти настроения подавляющего большинства турецкого общества.

Среди турецкого истэблишмента, как, впрочем, и населения, широко распространено мнение об использовании ПРК Соединёнными Штатами. Некоторые турецкие наблюдатели отмечают, что не случайно восстановление мощи ПРК после коллапса, последовавшего за арестом в 1999 г. Абдуллы Оджалана, началось в 2003 г., после отказа Турции предоставить для американской армии свою территорию и резкого ухудшения американо-турецких отношений.

С точки зрения американо-турецких отношений, а также отношения США к ПРК примечательны ежегодные доклады госдепартамента США по глобальному терроризму.

В 90-х годах Вашингтон регулярно включал ПРК в список террористических организаций.

Однако США нередко называли действия ПРК «повстанчеством» (а не терроризмом)[98]. Отношение к ПРК серьёзно ухудшали предпринимаемые ею нападения на дипломатические миссии и различные организации в Европе. Целью ПРК объявлялось создание «марксистско-ленинского государства в Юго-Восточной Турции».

Центральной темой доклада за 1999 г. по ПРК был захват Оджалана и последовавшее за этим снижение терактов ПРК[99]. Отмечались мирные предложения Оджалана турецким властям, призывы к прекращению вооружённой борьбы и выводу партизан с территории Турции. Целью ПРК объявлялось, как и ранее, создание независимого курдского государства[100].

С этого времени в связи с прекращением вооружённой борьбы в докладах госдепартамента США ПРК на протяжении нескольких лет фактически не называлась террористической организацией, хотя и оставалась в списке.

В докладе за 2001 г.[101], который после событий 11 сентября 2001 г. можно рассматривать в качестве важнейшего антитеррористического документа администрации Соединённых Штатов, в разделе «Турция» термин «террористические организации» употреблялся лишь в отношении DHKP/C и «Хизбаллы» (т.н. курдская суннитская «Хизбалла» не имеет отношения к ливанской «Хизбалле»). О ПРК речь шла без прилагательного «террористическая». Более того, как и в предыдущем году, отмечалась «мирная инициатива» (кавычки в докладе. – Н.М.) Абдуллы Оджалана, который упоминался как председатель ПРК (а не «лидер террористов» и «убийца», как всегда называли его турецкая пресса и турецкие власти). Также упоминалось, что ПРК концентрировала свои усилия на западноевропейском направлении. ПРК выдвинула мирную инициативу под названием *serhildan* (курд. «восстание»), термин, обычно означающий насильственные действия, в то время как ПРК использовала его для обозначения гражданского неповиновения. Сторонники партии декларировали в Европе свою идентичность, подписывали петиции, проводили демонстрации в защиту прав курдов Турции. На проводимые подобные акции

в Турции турецкие власти отвечали арестом членов ПРК. Лишь в разделах, посвящённых «государствам – спонсорам терроризмам» и Ираку, о ПРК говорилось как о террористической организации. ПРК присутствовала также в списке террористических организаций госдепартамента, хотя в приложении к докладу, посвящённому террористическим организациям, ещё раз отмечались мирные инициативы Оджалана и готовность диалога с турецкими властями.

Следует отметить, что и в предыдущих, и последующих докладах, видимо, для подчёркивания того, что ПРК не является обычной террористической организацией, говорилось, что эта партия имеет многочисленных сторонников в Турции и Европе и действует в Турции, Европе и на Ближнем Востоке.

Доклад госдепартамента за 2002 год в отношении ПРК в целом повторял положения предыдущего доклада. В качестве террористов упоминались лица и группировки, связанные с «аль-Каидой», DHKP/C, «Хизбаллой». О ПРК (без определений «террористическая» либо «экстремистская») отмечалось, что она сменила название на Конгресс свободы и демократии Курдистана (KADEK). В докладе утверждалось, что ПРК использовала «для достижения прав курдов в Турции» политическую тактику вместо вооружённой борьбы, придерживаясь объявленного прекращения военных действий, хотя и сохраняла вооружённые силы в количестве 8 тыс. бойцов (именно «бойцов» – fighters, а не «террористов»)[102].

В приложении к докладу PKK/KADEK, как и в предыдущих докладах, была включена в список иностранных террористических организаций. Однако информация, которая была указана о PKK/KADEK, по сути, свидетельствует о том, что в Вашингтоне не считали её обычной террористической организацией, как упомянутые в том же списке «Организацию Абу Нидаля» и другие, а относились к ней как крупнейшей курдской политической организации.

В докладе отмечалось, что созданная в 1974 году как марксистско-ленинская повстанческая группировка, ПРК включает в себя турецких курдов. «Целью группы было создание ***независимого демократического курдского государства*** (курсив мой. – Н.М.) на Ближнем и Среднем Востоке»[103]. Таким образом, американская администрация утверждала, что ПРК действовала во имя создания «демократического курдского государства», что вызывало сильное недовольство турецких властей, требовавших упоминания ПРК лишь в контексте «террористический».

В докладе опять упоминалась «мирная инициатива» Оджалана, приказавшего членам ПРК воздержаться от насилия, и просящего диалога с Анкарой по курдскому вопросу.

Таким образом, речь в антитеррористическом докладе госдепартамента США о ПРК шла не как о террористической организации, а как силе, осуществляющей определённые политические акции, направленные на достижение определённых прав.

В докладе по терроризму за 2003 год Турция была обозначена как «антитеррористический партнёр»[104], в отличие от предыдущих докладов, где, как уже отмечалось, Анкара называлась союзником. Представляется, что снижение уровня отношений с Анкарой с «союзника» на «партнёра» за 2003 год не случайно, ведь именно этот год в какой-то мере стал переломным для американо-турецких отношений.

По поводу ПРК в этом докладе отмечалось, что эта партия, сменившая название на Конгресс народов Курдистана (Kongra-Gel), предприняла несколько атак, которые, как утверждалось, ею были осуществлены в ответ на потери в связи с противоповстанческими операциями (*counterinsurgency operations*)[105].

Соединённые Штаты, утверждая, что сотрудничают с турецкими властями по проблеме ПРК, и выражая готовность поддерживать Турцию в её борьбе, всё же не называли ПРК (KADEK, Kongra-Gel) террористической организацией, а операции, проводимые турецкими властями против ПРК, контртеррористическими действиями. Можно сделать вывод, что ПРК рассматривалась в Вашингтоне не в качестве террористической, а как повстанческая организация. Её действия объяснялись в качестве ответа на операции турецких властей.

В докладе за 2005 год госдепартамент упоминал лишь о борьбе Турции против Kongra-Gel/PKK, отмечая увеличение насилия. Организация «Ястребы свободы Курдистана» (ТАК), аффилированная с ПРК и бравшая на себя ответственность за ряд взрывов на территории Турции, называлась в качестве «сепаратистской»[106], но не террористической.

В этом докладе, в отличие от доклада за 2002 г., говорилось уже лишь о «независимом (без прилагательного "демократический". – Н.М.) государстве» и «общенациональном государстве» для курдов, за что ведёт борьбу ПРК[107].

Примечательно, что хотя ПРК после ареста Оджалана не только не требовала создания курдского государства, но и резко

выступала против этого, считая, что о независимом Курдистане говорят лишь «гнилые националисты», в докладах госдепартамента США до 2007 г. ПРК, видимо, по инерции называлась организацией, борющейся за независимое курдское государство.

Таким образом, несмотря на внесение ПРК в список террористических организаций, США не ставили знака равенства между ПРК и одиозными террористическими организациями. США рассматривали ПРК в качестве силы, борющейся за создание демократического курдского государства. Кроме того, американцами регулярно упоминались мирные инициативы ПРК.

Американское посольство в Турции пытается наладить отношения с различными политиками и курдскими интеллектуалами, регулярно проводя встречи, на которых обсуждается курдский вопрос. При этом в американское посольство приглашались и представители крупнейших турецких партий курдского происхождения. Из курдских политиков американские дипломаты большей частью общались с представителями курдских партий (XAK-PAR, KADEP), не имеющими никакого влияния в Курдистане, а не с ПДО, получавшей около 2 млн. голосов курдов и представленной как в парламенте страны, так и в местных администрациях. По-видимому, это было вызвано опасениями подвергнуться обвинениям со стороны турецких властей, считавших ПДО политическим крылом ПРК. Так, посол США Росс Вильсон, отвечая на вопрос, почему он на встречи в посольство приглашает представителей различных партий, но не ПДО, выражающей недоумение в связи с отказом американских дипломатов встречаться по курдской проблеме чуть ли не с кем угодно, но не ПДО, отвечал в духе позиции турецких властей. Он считал, что ПДО должна дистанцироваться от ПРК.

Однако даже общение представителей посольства США с членами других партий по курдскому вопросу вызывало сильное недовольство Турции.

В мае 2006 г. посол США в Турции Росс Вильсон принял курдских политиков и правозащитников Шарафеттина Эльчи (глава партии KADEP), Хашима Хашими (бывший депутат парламента Турции, бывший мэр Джезире и представитель влиятельной курдской семьи) и Юсуфа Алаташа. После этого Р. Вильсон решил вместе с консулом Скотти Рейдом (Scotty Reid) совершить поездку по Курдистану. Американские дипломаты посетили Диярбакыр, где пробыли 2 дня, обсудив различные вопросы с местной администрацией, а также диярба-

кырскими общественными организациями. После Диярбакыра Р. Вильсон побывал в Мардине и Урфе.

В конце ноября 2007 г. посол США в Турции Росс Вильсон и два члена конгресса США встретились с рядом курдских политиков. На встречу в посольство США были приглашены Шарафеттин Эльчи, глава партии XAK-PAR Сертач Буджак, представители правящей в Турции ПСР депутаты от Диярбакыра Ихсан Арслан и Абдурахман Курт и депутат от Сиирта Афифи Демиркиран, представитель Народно-республиканской партии Масуд Дагар (он, пожалуй, единственный, кого нельзя было назвать курдским политиком, несмотря на курдское происхождение) и Хашим Хашими. Примечательно, что в посольство США опять не был приглашен ни один депутат от представленной в парламенте Турции ПДО. После встречи Р. Вильсон заявил, что американских конгрессменов интересовало мнение курдских политиков о ПРК, курдской проблеме и Южном Курдистане. Американским конгрессменам было заявлено о необходимости признания турецкими властями курдской проблемы и её решения. Обсуждался вопрос возможности изменения конституции Турции. Участники встречи выступили против запрета ПДО, а также (за исключением М. Дагара) вторжения в Иракский Курдистан.

Посол США Р. Вильсон заявил на встрече, что главным препятствием на пути решения курдской проблемы является ПРК.

Однако эта фраза американского посла была скорее дежурной, направленной на успокоение турецких властей. Р. Вильсон призвал Турцию не оказывать давление на ПДО, считающуюся политическим крылом ПРК, рекомендуя Анкаре попробовать лишить ПДО поддержки и создать альтернативную курдскую партию, которая была бы лояльной турецким властям. Хотя совершенно очевидно, что для турецких властей само существование какой-либо, пусть даже лояльной, курдской партии неприемлемо. Поскольку для этого власти должны пойти на дальнейшие шаги по решению курдского вопроса.

После этой встречи член комиссии конгресса США по Ближнему Востоку Кристофер Шайс (Республиканская партия) для более детального ознакомления с Курдистаном и встреч с представителями различных организаций посетил Диярбакыр, Сиирт и Силопи, откуда выехал в Иракский Курдистан, после чего вновь вернулся в Диярбакыр. Конгрессмен проводил многочисленные встречи с различными организациями и людьми, в том числе сторонниками ПРК.

Хотя в отношении ПДО американцы часто солидаризировались с позицией турецких властей (в части игнорирования этой партии), Вашингтон понимал, что это основная партия и главная сторона курдской проблемы. Обсуждение курдского вопроса может быть реалистичным не с Шарафеттином Эльчи[108] или с Байрамом Бозъелом. Этот реализм Вашингтона отражался в том, что американские дипломаты во время посещения Курдистана встречались с руководителями местных администраций – членами ПДО, а президент США Б. Обама во время своего визита в Турцию в начале апреля 2009 г. провёл встречу с сопредседателем ПДО Ахметом Тюрком. В середине июня 2009 г. Диярбакыр, являющийся основной электоральной базой ПДО, посетили посол США Джеймс Джеффри и генконсул в Адане Эрик Грин, которые провели переговоры с мэром курдистанского мегаполиса и одним из лидеров ПДО Османом Байдемиром. Посол США посетил Диярбакыр и в конце апреля 2010 г., встретившись там с О. Байдемиром. В середине июля 2011 г. во время своей поездки в Турцию провела переговоры с лидерами ПМД С. Демирташем и Г. Кышанак госсекретарь США Х. Клинтон.

Следует отметить, что даже в 2006 г., когда США официально игнорировали ПДО, во время визита в Вашингтон Османа Байдемира его неофициально посетил в гостинице представитель госдепартамента США, о чём поведал мэр Диярбакыра. Это сообщение вызвало негодование турецких властей, которые изначально были против поездки мэра Диярбакыра в Вашингтон, считая, что глава городской администрации должен заниматься проблемами города, а не политикой[109].

Деятельность американских дипломатов вызывала недовольство турецких властей, опасающихся вовлечения США в курдскую проблему Турции. 29 ноября 2007 г., спустя 2 дня после встречи с рядом курдских политиков, посольство США планировало провести встречу с некоторыми депутатами парламента Турции по курдской проблеме. На встречу были приглашены глава Партии свободы и солидарности (ÖDP) Уфук Урас, избранный в парламент при поддержке ПДО, депутаты от ПСР от Батмана Мехмет Эмин Экмен, Сиирта – Мехмет Йылмаз Хельваджиоглу, Вана – Гюльшен Орхан, Ширнака – Абдулла Вели Сейда. Однако в связи с сильной критикой со стороны турецких СМИ, которые писали о «курдском плане» Вильсона, и обеспокоенностью турецких властей посольство отменило приём. Та-

ким образом, ПСР и турецкие власти опасались обсуждения курдской проблемы американцами даже с членами правящей партии, но курдами по происхождению.

В 2008–2010 гг. сотрудники американского посольства продолжали регулярные встречи с курдскими политиками и интеллектуалами, а также продолжали посещать Курдистан.

В конце ноября 2008 г. в посольстве США американским дипломатом Джеффри С. Коллинзом (новый посол на тот момент не был назначен) были приняты руководители XAK-PAR (лидер партии Байрам Бозъел и его заместители Юмит Такташ и Джалал Йылдыз)[110]. Еще одну встречу американские дипломаты в Турции провели с курдскими политиками и интеллектуалами (Шарафеттином Эльчи, бывшим депутатом парламента Турции от Хакяри Эсадом Джанданом и писателем Орханом Мироглу) в начале марта 2009 г. в преддверии визита в эту страну госсекретаря США. 10 сентября 2009 г. сотрудник посольства США Родни Хантер посетил XAK-PAR и встретился с главой партии Байрамом Бозъелом и его заместителями Фехми Демиром и Джалалом Йылдызом. 8 января 2010 г. штаб-квартиру XAK-PAR посетила консул США в Адане Дария Дарнелл с другими сотрудниками консульства[111].

В мае 2011 г. посол США в Турции Фрэнсис Рикардоне посетил Эрзурум, призывая американцев активно действовать в этой провинции. По утверждению Рикардоне, американские компании интересуются проникновением в восточную часть Турции[112], крупнейшим экономическим центром которой является Эрзурум, ставший важным транспортно-энергетическим узлом на пути транспортировки энергоресурсов из Ирана и Азербайджана.

Соединённые Штаты «нащупывают» свою политику в отношении турецких курдов. В этом контексте Вашингтону трудно игнорировать крупнейшую военно-политическую силу со стороны курдов – ПРК. Робкие попытки этого процесса после свержения баасистского режима в Ираке уже начали проявляться, когда американские представители проводили переговоры с лицами, выступающими от имени ПРК. По некоторым данным, Соединённые Штаты предполагали даже создание на базе находящейся после ареста Оджалана в глубоком кризисе ПРК новой партии под руководством группы отколовшихся от этой партии высокопоставленных функционеров. Однако более вероятным представляется создание постоянно действующего канала связи между американскими дипломата-

ми и ПДО (её преемницей Партией мира и демократии), во многом представляющей политические интересы ПРК. Это процесс фактически начался примерно с 2007 г., усилившись в 2008–2009 годах. В начале мая 2010 г. в столице США было открыто представительство Партии мира и демократии[113].

Несмотря на то, что Соединённым Штатам пока так и не удалось реализовать проект по созданию на базе бывших и части нынешних членов ПРК (т.н. умеренных) новой влиятельной организации, представляется, что в этом направлении Вашингтон проводит долгосрочную политику. Так, 5 марта 2008 г. министр обороны США Роберт Гейтс, комментируя итоги своего визита в Анкару, состоявшегося несколькими днями ранее, отмечал, что реальной целью в решении проблемы ПРК является «отделение террористов от элементов, с которыми возможен компромисс». Во время своих переговоров в Анкаре Р. Гейтс подчёркивал важность объединения усилий в сфере безопасности против ПРК с одновременными шагами на курдском направлении, которые могли бы позитивно быть восприняты гражданским курдским населением. Ведь именно недовольством курдского населения политикой турецких властей в отношении курдов объясняется лёгкость в рекрутировании Партией рабочих Курдистана новых членов. Р. Гейтс утверждал, что президент Турции А. Гюль и премьер-министр страны Р.-Т. Эрдоган планируют осуществление ряда преобразований в культурной, экономической и политической сферах в отношении курдского региона[114].

За два месяца до этого, в начале января 2008 г., США убеждали президента Турции А. Гюля во время его визита в Вашингтон в необходимости политического урегулирования курдской проблемы. Хотя президент Турции категорически отрицал обсуждение политических путей решения курдской проблемы, пресс-секретарь Белого дома Дана Перино заявила, что ключевой темой переговоров Дж. Буша и А. Гюля являлись предложения американской администрации о «долговременном политическом решении» проблемы ПРК и курдской проблемы в Турции, а также сотрудничество с курдами в Ираке.

Таким образом, хотя Соединённые Штаты регулярно поддерживали Анкару в борьбе против «террористов ПРК», они не забывали напоминать Турции о необходимости отделения ПРК от курдского вопроса и его политического урегулирования. Анкара же, как известно, с самого начала используя ПРК, проводила политику дискредитации курдов Турции.

1.3. Американо-турецкие расхождения по «иракскому (южнокурдистанскому) вопросу»

90-е годы были сложными для американо-турецких отношений. Турция с самого начала создания «зоны безопасности» в Южном Курдистане подозревала США в наличии «тайных планов» в отношении Ирака и иракских курдов, в частности. Опасения Турции были обусловлены возможностью влияния ситуации в Ираке (Иракском Курдистане) на курдское движение в Турции.

Однако проблемы в американо-турецких отношениях по целому спектру вопросов всё же не ставили под сомнение стратегический характер партнёрства между Вашингтоном и Анкарой. Тем не менее, по нашему мнению, именно тогда (в 90-х годах) начала наблюдаться тенденция эрозии стратегического партнёрства между Соединёнными Штатами и Турцией. Причиной этого был Южный Курдистан, точнее – боязнь усиления Курдистана и институционализации его статуса и дальнейшая перспектива серьёзных изменений в регионе.

Различия во взглядах по программе Operation Provide Comfort (OPC; Операция «Обеспечение поддержки»), направленной на защиту иракских курдов от иракских властей, в 90-х годах приводили к проблемам в американо-турецких отношениях и способствовали росту недоверия между Вашингтоном и Анкарой. Турция считала, что политика США направлена на формирование полунезависимого статуса Курдистана. Однако политика администрации Клинтона во второй половине 90-х гг. по поддержке членства Турции в ЕС и строительства трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, а также поимка с помощью США Абдуллы Оджалана несколько улучшили отношения США и Турции. Анкара поддерживала политику США на Балканах, Кавказе и в Центральной Азии.

В преддверии начала кампании по свержению Саддама Хусейна американцы очень надеялись, что смогут в военных целях использовать территорию своего союзника по Североатлантическому блоку – Турции. Тем более что Турция поддержала американскую военную операцию в Афганистане. В изданном госдепартаментом США в 2002 г. докладе *Patterns of*

Global Terrorism (2001) с удовлетворением отмечалось, что турецкое правительство, «давний контртеррористический союзник», полностью поддержало кампанию против терроризма[115].

Однако, несмотря на длительный торг и использование американцами экономических рычагов в виде обусловливания выдачи многомиллиардных кредитов разрешением использовать турецкую территорию в войне против баасистского Ирака, Анкара отказала Соединённым Штатам в возможности использовать в военных целях свою территорию. Во время развёрнутой Соединёнными Штатами челночной дипломатии на Ближнем Востоке для подготовки военной кампании против Ирака в конце января глава ПСР Р.-Т. Эрдоган, который в скором времени как раз должен был возглавить турецкое правительство, подверг политику США резкой критике, заявив, что борьба с «международным терроризмом» далеко вышла за эти границы. Он призывал США прислушаться к мнению других стран. Турецкое общество также в основном было настроено антиамерикански и выступало против содействия Соединённым Штатам в кампании против Саддама Хусейна.

Кроме того, Турция настаивала на введении в «Северный Ирак» своих войск для «предотвращения хаоса в регионе».

Подобная позиция Анкары была обусловлена главным образом боязнью «распада Ирака» и возможностью повышения роли иракских курдов в постбаасистском Ираке. Турция опасалась обострения ситуации в Турецком Курдистане. Она была весьма недовольна односторонней политикой США после событий 11 сентября 2001 г. на Ближнем и Среднем Востоке, считая, что она может навредить её интересам.

В Анкаре считали, что американцы сделают ставку на курдов при строительстве «нового Ирака». Поэтому, хотя в Анкаре высоко ценили стратегические отношения с США в сфере безопасности, турецкие власти решили проявить самостоятельность.

Соединённые Штаты, понимая, что власти Южного Курдистана (в первую очередь ДПК и Масуд Барзани) категорически выступают против ввода турецких войск и готовы оказать полномасштабное военное сопротивление турецким войскам, не могли согласиться с Анкарой, поскольку это действительно могло ввергнуть регион в хаос и поставить под угрозу всю иракскую кампанию.

Анкара оказалась вне игры в Ираке, а угрозы о введении войск на «север Ирака» были невыполнимы, поскольку Вашингтон предупреждал о серьёзных последствиях.

Итак, курдский вопрос вбил клин между Турцией и США.

Отказ Турции предоставить США свою территорию в распоряжение американской армии для открытия «северного фронта» в Ираке, на первый взгляд, никоим образом не повлиял на ход военной кампании. Иракские курды полностью компенсировали для США несговорчивость Анкары. Однако этот отказ Анкары не мог не вызвать осложнений в двусторонних американо-турецких отношениях. Американцы, которые называли Ирак «центральным фронтом в глобальной войне с терроризмом»[116], стали говорить о политических ошибках Турции, которые Анкаре надо бы искупить. В Вашингтоне был принят ряд мер экономического характера, которые должны были «образумить» Анкару.

Для ограничения роли Турции (точнее – её военных) в Иракском Курдистане Соединённые Штаты в июле 2003 г. предприняли неординарный в истории Североатлантического блока шаг. В Сулеймании американский спецназ совершил вооружённый рейд на турецкую военную базу, в результате которого были взяты в плен 11 турецких офицеров (кроме них были арестованы 19 членов Фронта иракских туркоман). Американцы обвинили турецких военных в подготовке террористических актов на территории Иракского Курдистана. Это нападение вызвало возмущение Турции, военные которой были унижены американцами. Начальник турецкого генштаба Хильми Озкок заявил тогда, что инцидент в Сулеймании привёл к крупнейшему за всю историю кризису доверия между американскими и турецкими военными. Однако созданная для расследования инцидента комиссия вскоре прекратила свою работу, ограничившись заявлением о необходимости координации действий между американскими и турецкими военными.

Инцидент в Сулеймании имел следующие последствия:

- уменьшилась роль Турции в Сулеймании, Киркуке и других городах Иракского Курдистана. Турция была заперта на границе с Ираком;
- ещё более снизился уровень сотрудничества между Турцией и Соединёнными Штатами в Южном Курдистане и Ираке целом;
- упал уровень неофициального проникновения Турции в Южный Курдистан (торговые отношения, миротворческие силы и т.д.);
- Анкара поняла, что США не беспокоит влияние национализма иракских курдов на курдское движение Турции[117].

Таким образом, в Иракском Курдистане американские интересы столкнулись с турецкими, а Южный Курдистан занял важное место в региональной стратегии США.

Следует отметить, что летом 2003 г. иракские курды установили контроль над всей территорией географического северного Ирака, а сложнейшая военно-политическая обстановка в других районах Ирака увеличивала стратегическую ценность Южного Курдистана. В ноябре 2003 г. благодаря позиции Масуда Барзани, угрожавшего выйти из Временного управляющего совета Ирака, Турция не смогла направить свои войска в Ирак, что ещё больше уменьшило её влияние на процессы, происходящие в этой стране.

Одним из источников противоречий между турками и американцами, как уже отмечалось, являлась проблема Киркука. После свержения баасистского режима начался естественный процесс некоторой деарабизации и курдизации Киркука в результате возвращения в этот город изгнанных оттуда курдов. Турки начали убеждать американцев в необходимости сохранения «хрупкого этнического баланса» в Киркуке, нарушение которого, т.е. возвращение курдов в родные места, ввергнет Киркук и в целом Ирак в пучину гражданской войны и хаоса. Американцы на словах соглашались с турецкими властями. Да и в целом американская позиция в отношении Киркука базировалась на весьма осторожных действиях, чтобы не испортить отношений ни с курдами, ни с арабами, иногда, впрочем, всё же склоняясь на сторону арабов. Так, американцы смогли предотвратить стихийное возвращение курдов в Киркук и чуть ли не силой оставили там арабов, которые после свержения Саддама Хусейна были просто готовы бежать из Киркука. Однако, естественно, что американцы не могли полностью предотвратить возвращение курдов в Киркук. Этот процесс был нерегулируемым. После того, как старый иракский режим был свергнут, курды массово начали возвращаться в Киркук. Кроме того, турки были крайне недовольны отказом американцев включить в состав Временного Правящего совета лидера Туркоманского фронта Санана Ахмета Агу, хотя эта кандидатура была предварительно согласована с США. Однако под давлением курдов (в первую очередь ДПК) американцы вычеркнули его из состава членов Правящего совета. Особенно недовольство турок действиями американцев усилилось после проведения 30 января 2005 г. всеобщих выборов в Ираке и успеха на них курдов, в частности,

в Киркуке, где Туркоманский фронт потерпел сокрушительное поражение, что ознаменовало для Турции полный провал политики использования туркоманского фактора в своей иракской, точнее – южнокурдистанской стратегии. Турецкие власти заявляли тогда, что Вашингтон, игнорируя предостережения Турции в отношении Киркука и в целом Ирака, не сможет предотвратить начало широкомасштабных столкновений в Ираке.

Напряженность по поводу выборов в Киркуке была важным тестом в отношениях Турции и США. Сразу же после выборов, состоявшихся 30 января 2005 г., премьер-министр Турции Р.-Т. Эрдоган обрушился с резкой критикой в адрес США «за непротиводействие курдским попыткам доминировать в Киркуке». Руководство Турции утверждало, что администрация США обещала контролировать массовую миграцию курдов в Киркук, но не выполняет своих обязательств.

Турецкие власти считали, что неспособность США справиться с курдскими амбициями в «Северном Ираке» может привести к серьёзным проблемам в регионе.

Несмотря на сложности с Турцией, Соединённые Штаты старались не накалять ситуацию в отношениях с Анкарой, всячески смягчая противоречия. Вашингтон понимал, что в особенно сложной военно-политической обстановке в Ираке, при вражде с Дамаском и Тегераном, создание проблем с Анкарой, по меньшей мере, нежелательно. Турецкие власти также постоянно заявляли о стратегическом характере отношений с США. Но стало заметно, что в американо-турецких отношениях наступил период охлаждения. Трудно было скрыть тенденцию роста недоверия между Турцией и США. Более того, в Турции стали сильно развиваться антиамериканские настроения[118], в немалой степени в результате подстрекательства турецких властей, которые при этом и не скрывали своей антиамериканской позиции по иракскому вопросу[119].

В начале января 2005 г. Турцию посетил заместитель госсекретаря США Ричард Армитидж. 3 января он провёл переговоры с министром иностранных дел Турции А. Гюлем, на которых обсуждались проблемы, приведшие к охлаждению отношений между этими странами (ПРК, Киркук и «возможный сепаратизм иракских курдов»). Глава турецкой дипломатии всячески подчёркивал при этом, что отношения между США и Турцией характеризуются обеими сторонами как «стратегическое партнерство».

Несмотря на различные заявления турецких властей о неизменности стратегических отношений с США, в 2005 г. уже стала очевидной антиамериканская тенденция турецкой политики. В американской прессе начали появляться статьи об антиамериканизме и антисемитизме в Турции, подстрекаемом властями[120].

К середине первого десятилетия XXI в. в турецком обществе произошло серьёзное изменение отношения к Соединённым Штатам. США стали восприниматься значительной частью населения Турции в качестве угрозы безопасности страны и даже врага[121].

Не случайно влиятельные американские эксперты прогнозируют, что в будущем Турция станет менее предсказуемым и более сложным партнёром США, отмечая, что важнейшим источником потенциальных разногласий будет проблема ПРК, в т.ч. и её нахождение на территории «Северного Ирака»[122].

Подобное отношение к США, конечно же, было вызвано целым комплексом факторов. Однако наиболее существенными из них была политика США в Ираке, в том числе в отношении иракских курдов, а также позиция касательно ПРК[123].

И в американских политических кругах, несмотря на то, что этот процесс не носил резкого характера, началось изменение отношения к Турции, вызванное, как уже отмечалось, её возросшей самостоятельностью.

В начале июня 2005 г. с 4-дневным визитом в Вашингтоне побывал премьер-министр Турции Р.-Т. Эрдоган. Этот визит, по мнению как турецкого лидера, так и американских дипломатов, закончился безрезультатно. Хотя целью этого визита было как раз преодолеть кризис в американо-турецких отношениях. Подобный итог американо-турецких переговоров на высшем уровне был обусловлен изначальной позицией турецких властей. Эрдоган требовал от американцев предпринять вооружённые действия против ПРК в «Северном Ираке».

Ряд экспертов считал, что «сохранение разногласий по иракскому вопросу» «позволяет говорить... о важном новом нюансе стратегического партнерства США и Турции, а именно, о гораздо более высоком, чем прежде, уровне самостоятельности Анкары во всем комплексе отношений с Вашингтоном»[124].

Турция оказалась в весьма сложной ситуации. С одной стороны, она, не поддержав военную операцию и постоянно критикуя Соединённые Штаты с их политикой, касающейся

Ирака, получила резкое ухудшение отношений с США. С другой стороны, Турция была очень заинтересована в том, чтобы американцы не покидали Ирак, поскольку понимала, что иначе регион ждут непредсказуемые действия, поскольку хаос в Ираке может стать предвестником серьёзнейших изменений на курдистанском и околокурдистанском пространстве. Поэтому выступая в вашингтонском Брукингском центре в середине ноября 2008 г. премьер-министр Турции Р.-Т. Эрдоган, резко критикуя США за их политику в Ираке (и в Афганистане), так же резко выступил против вывода американских войск из Ирака.

Как известно, во время своей предвыборной кампании будущий президент США Барак Обама обещал вывести американские войска из Ирака в течение 16 месяцев[125]. Подписанное 16 ноября 2008 г. министром иностранных дел Ирака Хошияром Зибари и послом США в Ираке Райаном Крокером американо-иракское соглашение предусматривало вывод американских войск в течение 3 лет (срок нахождения американских войск в Ираке был определён до 31 декабря 2011 года).

Безусловно, и этот интерес Турции (сохранение американских войск в Ираке), как и все другие её интересы в отношении Ирака, был обусловлен сугубо курдским фактором. Турки понимали, что именно присутствие американцев в Ираке является основным фактором сдерживания курдских амбиций по созданию своего государства. Как заявлял вице-премьер Турции Дж. Чичек, «политическая целостность (предотвращение создания независимого Курдистана. – Н.М.) и стабильность Ирака являются жизненно важными для Турции. Но не мы создавали проблемы в Ираке и не мы можем решить их. Ираком фактически управляют американцы. Поэтому они должны действовать очень осторожно. Им нельзя просто сказать: мы выводим войска». Дж. Чичек считал, что «преждевременный вывод американских войск из Ирака будет содействовать эскалации проблем безопасности на юго-востоке Турции», вызвав хаос в Ираке. О преждевременности вывода из Ирака американских войск говорил и глава комитета по иностранным делам парламента Турции Мурат Мерджан. Он предупреждал о рисках в случае вывода американских войск «территориальной целостности и политического единства Ирака», считая, что это может ввергнуть регион в хаос. Как уже упоминалось, Сирия и Иран выступали резко против нахождения американских войск в Ираке и продления их мандата[126].

Таким образом, турецкие власти, разжигая антиамериканизм, заявляли, что американцы-де создают курдское государство. Вместе с тем они понимали, что при текущих условиях именно США как раз и являются гарантом существования территориальной целостности Ирака и предотвращения создания независимого Курдистана.

Соединённые Штаты в своей ближневосточной политике ведут сложную, комплексную игру, направленную на реализацию своих интересов в этом важнейшем с точки зрения мировой политики макрорегионе.

Курдский фактор, а именно Южный Курдистан наряду с ПРК, с 90-х годов стал одним из важнейших инструментов этой политики. Отношения Соединённых Штатов с Турцией существенно ухудшились, и среди американского внешнеполитического истэблишмента всё более популярной становится идея создания в Южном Курдистане крупной военной базы для военно-стратегического контроля над регионом. Однако в долгосрочном плане Вашингтон всё же ведёт достаточно сбалансированную политику, понимая, что Южный Курдистан вряд ли сможет заменить для США Турцию. Кроме того, вопрос возможного создания в Южном Курдистане военных баз США не так прост, как может показаться на первый взгляд. Даже прокурдские американские деятели, выступающие за создание на территории Южного Курдистана американских военных баз, понимают риски и проблемы, которые последуют за подобными решениями. Поэтому даже они выступают за создание в Курдистане «не большой, а маленькой военной базы, включающей воздушные силы и одну бригаду»[127]. Тем не менее даже создание небольшого, но постоянного военного присутствия в Южном Курдистане положит начало процессу военно-стратегических изменений в регионе.

В Южном Курдистане то и дело и в общественном мнении и среди политической элиты, когда США предпринимают действия, направленные на удовлетворение некоторых требований Анкары, вспыхивают обвинения в адрес Вашингтона в «предательстве» курдов (с намёком на 70-е годы). Подобные же обвинения в адрес США курды регулярно выдвигают, когда Соединённые Штаты не занимают полностью прокурдскую позицию в отношениях Южного Курдистана с центральными властями Ирака, будучи вынужденными лавировать между различными политическими силами в этой стране. Следует отметить, что в целом для южнокурдистанского политического сознания

характерно преобладание алармистских настроений, которые обусловлены пониманием бесперспективности надежд на собственные силы, а также тем обстоятельством, что курды были вынуждены полностью положиться на политику США, которая, естественно, направлена на обеспечение американских, а не курдистанских интересов.

Однако курдские лидеры понимают и то, что США действуют сугубо в рамках своих интересов, которые могут включать либо не включать использование курдов. Ещё в конце 90-х годов Джалал Талабани заявлял: «...Мы должны понимать реалии. США не являются адвокатом курдского народа; это большое государство, со своей собственной политикой, имеющее собственные национальные интересы. Мы должны быть готовы понимать, где наши интересы совпадают, а где отличаются»[128].

Примечательно, что известный французский журналист Крис Кучера, являющийся одним из наиболее авторитетных западных специалистов по курдскому вопросу, считал, что курдам вряд ли стоит ставить США перед выбором: Турция либо Южный Курдистан. По его мнению, если Соединённые Штаты действительно окажутся перед жёсткой дилеммой союза либо с Турцией, либо с Южным Курдистаном, то очевидно, что Вашингтон предпочтёт Анкару Эрбилю. Турция является более мощной силой и имеет для США большее значение. При отсутствии такой дилеммы США могут иметь нормальные отношения, и даже альянс с курдами[129]. Даже прокурдские американские политологи признают, что с точки зрения *realpolitik* ценность Южного Курдистана для США существенно меньше, чем Турции[130].

Надежды иракских курдов на стратегические отношения с США и благодарность Вашингтона за безусловное следование в фарватере американской политики в регионе не могли оправдаться. Понимая это, президент Курдистана Масуд Барзани 13 мая 2009 г. заявил агентству *Reuters*, что курды «ожидали большего» [от США].

Считающиеся прокурдскими бывшие американские высокопоставленные политические лица также понимают, что пока вряд ли можно говорить о стратегических отношениях между курдами и США[131].

В Вашингтоне, несмотря на ухудшение турецко-американских отношений, немалое количество разработчиков американской внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке считает нерациональным «терять старого друга», имеющего важнейшее

геополитическое значение в регионе Балкан, Средиземноморья и Кавказа, пытаясь заменить его курдами.

Подводя итоги рассмотрения американо-турецких расхождений по «южнокурдистанскому вопросу», отметим, что они были обусловлены озабоченностью Анкары суверенизацией Иракского Курдистана и институционализацией его положения в постбаасистском Ираке и её попытками убедить Вашингтон в неразумности начала иракской кампании. При этом Южный Курдистан рассматривался Турцией лишь с функциональной точки зрения, точнее – в связи с деятельностью Партии рабочих Курдистана и общим подъёмом курдского движения и самосознания курдов в регионе в целом и в Турции, в частности.

Соединённые Штаты ограничили военно-политическое влияние Турции в Иракском Курдистане (и в Ираке в целом), в то же время выступая сдерживающим фактором для реализации этатистских амбиций иракских курдов. То есть и Турция, и Иракский Курдистан, имея определённое недовольство в отношении политики США, всё же были жизненно заинтересованы в продлении присутствия американских войск в Ираке.

1.4. Проблема ПРК в турецко-американских отношениях после свержения баасистского режима в Ираке

Соединённые Штаты никогда не ставили под сомнение утверждения турецких властей, что ПРК является террористической организацией. В то же время их отношение к ПРК не было догматичным, и за регулярным осуждением «террористической организации» можно было разглядеть формирование новых подходов к курдской проблеме в Турции. С одной стороны, в отличие от европейских стран США не вели политические игры с внесением этой партии в список террористических организаций, однако, как уже отмечалось, в докладах государственного департамента по терроризму ПРК рассматривалась в качестве влиятельной курдской политической организации. Вашингтон понимал, что подход Турции, направленный на подмену курдской проблемы вопросом терроризма, неправомерен, и «терроризм» (или «вооружённое сопротивление») является лишь следствием наличия этой проблемы.

В 90-х годах Соединённые Штаты всячески поддерживали Турцию в этом важнейшем для неё вопросе, но регулярно напоминали о необходимости проведения реформ по предоставлению курдам национальных прав.

После проведения военной операции по свержению баасистского режима и начала глубокого кризиса в американо-турецких отношениях Вашингтон стал придавать большее значение курдской проблеме в Турции. Это стало необходимым в связи с резким усилением роли курдского фактора в региональной политике, особенно в условиях реализации Соединёнными Штатами плана макрорегионального переустройства. Хотя этот процесс (разработки Соединёнными Штатами «северо-курдистанской политики») носит долговременный характер, курдский фактор, в том числе и в Турции, прочно занял важное место во внешнеполитической стратегии США на Ближнем и Среднем Востоке.

Именно на период начала глубокого кризиса в турецко-американских отношениях приходится восстановление военной мощи ПРК и возобновление военных действий против турецкой армии. Турецкие власти считали, что именно политика США в Ираке, а также поддержка иракских курдов способствовала возрождению ПРК. Очевидно, что военная операция США против Ирака в 2003 г. начала процесс радикального изменения в регионе.

Примечательно, что ПРК, для которой традиционно была характерна сильная антиамериканская риторика, понимая неизбежность начала новой эпохи на Ближнем и Среднем Востоке, в связи с попытками американцев осуществить переустройство региона пыталась встроиться в этот процесс. Так, сразу же после свержения баасистского режима руководство ПРК заявляло о том, что «расставшись с амбициями единого государства для всех курдов», теперь «желает установить диалог с Вашингтоном для присоединения к его кампании демократизации на Среднем Востоке»[132].

Для Турции, для властей Южного Курдистана (наряду с издержками) и для Соединённых Штатов и наличие, и усиление борьбы ПРК предоставляло определённые выгоды. Турция, как известно, под предлогом борьбы с ПРК изменила этнодемографическую ситуацию в Северном Курдистане, уничтожив несколько тысяч курдских деревень, традиционно являющихся мощнейшим антиассимиляционным институтом, с которым ни-

чего не могли поделать жесточайшие репрессии турецких властей на протяжении нескольких десятилетий после создания Турецкой Республики. Кроме того, ПРК для турецких властей представляла удобный и перманентный козырь на южнокурдистанском направлении. Анкара угрожала Южному Курдистану, а также американским интересам в регионе (опять-таки посредством создания проблем Южному Курдистану)[133].

Для США наличие ПРК предоставляет возможность долговременного манипулирования различными аспектами двусторонних и региональных отношений в регионе. США прекрасно осознают, что ПРК является реальностью, а турецкая пропаганда в отношении этой военно-политической силы уже с недоверием воспринимается и среди турецкого истэблишмента.

Кроме того, для Турции и США ПРК является проблемой, которая, на первый взгляд, способствует сближению их позиций. Стороны традиционно заявляют о совместной борьбе против «террористов» и т.п. Однако в итоге всё заканчивается разочарованием Турции. Соединённые Штаты «поддерживают» все её инициативы по борьбе с ПРК, но реально не осуществляют против этой организации никаких действий, ограничиваясь сотрудничеством без конкретных обязательств и реальных дел.

Для властей Южного Курдистана наличие ПРК предоставляет возможность «быть нужными» Турции, претендовать на роль равноправного партнёра.

Возобновление в 2004 г. Партией рабочих Курдистана боевых действий против турецкой армии наиболее противоречивым вопросом в турецко-американских отношениях сделало проблему базирования на территории Иракского Курдистана бойцов ПРК. По мнению Анкары, после уничтожения значительных сил исламского терроризма американцы должны были взяться за «ликвидацию террористической ПРК». Турция регулярно обращалась к США с просьбой о совместной борьбе против неё, «ожидая» поддержки Соединённых Штатов. Турция считала, что поскольку основные военные базы расположены на территории Южного Курдистана (в горном районе Кандиль на стыке турецко-иранско-иракской границы), который, как и весь Ирак, находится под управлением (оккупацией) США, именно Соединённые Штаты ответственны за наличие в Ираке «террористов ПРК», и обвиняла их в бездействии в отношении ПРК. В общественном мнении Турции также прочно утвердилась точка зрения, что ПРК

действует в интересах США (и «сионизма»), имея поддержку Вашингтона, который желает расколоть Турцию и создать независимый Курдистан, проектируемый в качестве важнейшего регионального союзника[134].

Особенно широкое распространение подобная точка зрения получила после публикации статьи отставного подполковника американской армии Ральфа Петерса, в которой он писал о необходимости ревизии и изменения границ на Ближнем и Среднем Востоке для переформатирования региона, решения конфликтов и устранения таким образом проблемы самых «обманутых» народов, в частности, курдов. При этом отсутствие независимого курдского государства называлось самой «большой несправедливостью в регионе от Балкан до Гималаев». Автор считал, что США и их партнеры по коалиции упустили шанс начать исправление этой ошибки сразу после падения саддамовского режима в Багдаде. Ирак, по его мнению, как искусственно созданное из различных кусков государство, «должно было быть немедленно разделено на три меньших государства». Однако, считал Петерс, американцы заставили «иракских курдов втянуться в оказание поддержки новому иракскому правительству, что они сделали добросовестно». При этом у Петерса не имелось никаких сомнений, что и иракские и турецкие курды, «которые в течение десятилетий подвергались жестокому подавлению военными средствами», единодушно поддержат создание курдской государственности. Он называл восточную часть Турции «оккупированной территорией». Стремление курдов Сирии и Ирана присоединиться к независимому Курдистану для Петерса было очевидным. В статье утверждалось, что «свободный Курдистан, протянувшийся от Диярбакыра до Тебриза, будет самым прозападным государством на всей территории между Болгарией и Японией». В статье была опубликована также карта проектируемых границ и государств региона с «Большим Курдистаном»[135].

Однако указанную публикацию неправомерно принимать за проект Соединённых Штатов по реализации своих планов Большого Ближнего Востока. Она представляет одну из точек зрения, которая прорабатывается в американском экспертном сообществе. Тем не менее очевидно, что в американском истэблишменте идут определённые дискуссии в этом направлении.

Соединённые Штаты, «сочувствовали» Турции в связи с жертвами «терроризма» и осуждали «террористические дей-

ствия ПРК». Однако американцы всячески избегали давать Турции обещания уничтожить ПРК и не предпринимали против ПРК никаких действий. Вашингтон считал, что военные интервенции (тем более односторонние) турецкой армии в Южный Курдистан не приведут к решению проблемы ПРК, а лишь создадут дополнительные трудности в Иракском Курдистане, что противоречит интересам и США и Турции[136]. Поэтому они отговаривали Анкару от этого шага. Соединённые Штаты «успокаивали» турок, заявляя, что ПРК «является общим врагом Турции, США и Ирака»[137]. Более того, американцы иногда даже откровенно заявляли, что и не собираются начинать боевые действия против ПРК в Иракском Курдистане[138] и борьба против ПРК не является приоритетом Соединённых Штатов[139]. Опытные американские военачальники понимали также, что вряд ли США смогут достичь успеха в военной операции против ПРК[140]. Кроме того, при возможном осуществлении Турцией военной интервенции в Иракский Курдистан под предлогом операций против ПРК американские военные даже не исключали столкновений между турецкими и американскими войсками, намекая на сулеманийские события, в ходе которых были арестованы турецкие офицеры[141].

Хотя Соединённые Штаты называли борьбу с терроризмом в целом и сотрудничество с Турцией по вопросу ПРК также одним из важных приоритетов и время от времени заявляли о подготовке ряда новых шагов на курдском направлении[142], политика американцев в отношении ПРК не претерпела существенных изменений. США продолжали осуждать ПРК и признавать её террористической организацией, но отвергали турецкие проекты по проведению совместной военной операции против ПРК в Южном Курдистане. США обсуждали с Турцией проблему ПРК лишь для того, чтобы Турция нуждалась в Вашингтоне.

Американцы содействовали организации раскола в ПРК[143]. Бывшие члены руководящих органов ПРК Низаметтин Таш и Осман Оджалан пытались создать новую организацию. Осман Оджалан часто стал позитивно высказываться в отношении США. Много сообщалось также о встречах американских военных с представителями ПРК (Конгра Гель)[144]. Вполне вероятно, что американцы планировали создание качественно новой курдской организации вместо ПРК, при помощи которой предполагали в значительной степени влиять на политику Анкары. Кроме того, такая организация была необходима Вашингтону

для того, чтобы уверенно действовать на курдистанском этнопространстве и влиять при помощи курдского рычага на весь околокурдистанский регион. Тем более, что ПРК, по сути, является последние несколько десятилетий единственной панкурдистанской и трансрегиональной организацией, действующей на территории всех стран, в состав которых входят части этногеографического Курдистана и в ряде других государств.

В июле 2006 г. Соединённые Штаты, пытаясь отговорить Турцию от вторжения в Иракский Курдистан, которое Анкара планировала в связи с очередными операциями ПРК против турецких войск, предложили Турции создать совместную комиссию по решению проблемы ПРК, что было направлено на военно-политическую институционализацию Южного Курдистана. Естественно, эта комиссия должна была включать представителей Ирака. Турция настаивала, чтобы третьей стороной в комиссии были центральные власти Ирака, которые, по её мнению, являются единственными законными представителями народа Ирака. Соединённые Штаты предлагали в качестве третьей стороны курдистанскую администрацию, которая тоже активно пыталась подключиться к этому процессу. Основным аргументом в пользу участия курдистанской администрации было то, что территорию Южного Курдистана контролирует лишь региональное правительство, а центральные власти вряд ли могут чем-то помочь туркам в борьбе против ПРК. Власти Южного Курдистана считали необходимым осуществлять работу комиссии в четырёхстороннем формате (Турция, США, Ирак и Южный Курдистан). Нечирван Барзани предлагал это (в Вашингтоне 5 ноября 2007 г.) в связи с тем, что «этот вопрос является транснациональным и усложняется этническими связями, поэтому ни одна сторона не может найти решение в одностороннем порядке».

Американцы всё же согласились с Турцией, и представители Южного Курдистана участвовали в составе комиссии от иракской стороны вместе с представителями, назначенными иракскими властями. Однако США убеждали Турцию согласиться с тем, чтобы заместителем специального посланника Ирака в комиссии был представитель Южного Курдистана (министр внутренних дел Курдистана Карим Синджари[145]), на что Анкара не была согласна.

Турецкие военные во время переговоров с американцами, выражая своё отрицательное отношение к сотрудничеству

с курдистанской администрацией по вопросу ПРК, нередко утверждали, что ПРК и иракские курды являются «одним и тем же» и обвиняли курдистанскую администрацию в поддержке ПРК. Поэтому Турция отказывалась вести переговоры с курдистанской администрацией, пытаясь «сотрудничать» с центральным правительством Ирака, не имеющим никаких возможностей для проведения какой-либо политики в регионе Южного Курдистана, тем более по вопросу ПРК.

28 августа 2006 г. государственный департамент США объявил о назначении «специальным посланником по противодействию ПРК» генерала Джозефа Ральстона[146].

Трёхсторонняя контртеррористическая комиссия была сформирована в сентябре 2006 года.

Хотя турецкий МИД положительно оценивал назначение американского специального представителя «по борьбе с ПРК», турецкие власти не скрывали своего скептицизма в отношении желания США вести с ними совместные действия против ПРК и перспектив трёхстороннего «контртеррористического органа». Главнокомандующий сухопутными войсками Турции генерал Илькер Башбюг откровенно заявлял о сомнениях, что США предпримут какие-то конкретные шаги в отношении ПРК. Как утверждал И. Башбюг, Турция и США всё ещё не рассматривают проблему ПРК со сходных позиций[147].

Эта комиссия так и не смогла стать реальным органом по борьбе с ПРК. Одной из причин являлась неспособность сторон договориться о статусе и представительстве в комиссии иракских курдов. Американские власти признавали, что вопросы о представительстве в комиссии иракских курдов и их статусе являются потенциальной «бомбой», способной «взорвать» весь трёхсторонний механизм.

Другой причиной стало фундаментальное различие в подходах Турции и США. Турецкие власти делали упор на необходимости проведения военных акций. В свою очередь Дж. Ральстон, не ставя под сомнение отнесение ПРК к террористическим организациям, предлагал рассматривать курдскую проблему комплексно. Американский генерал неоднократно выступал на слушаниях в комитете по иностранным делам Палаты представителей США, заявляя о нарушениях культурных прав курдов. Генерал Ральстон категорически был против проведения Турцией военных операций за пределами страны, в частности, в Иракском Курдистане. Позиция представителя США не нахо-

дила понимания у координатора от Турции, считающего, что США не оказывают Анкаре необходимой помощи в деле противодействия ПРК.

В действительности комиссия являлась лишь компромиссным решением сторон, имеющих различные интересы. США при создании трёхсторонней комиссии преследовали три цели: успокоить Турцию; повысить статус Южного Курдистана, убедив Анкару вести переговоры не с Багдадом, который не сможет решить «кандильскую проблему», а с Эрбилем; попытаться убедить Турцию, что проблему ПРК необходимо рассматривать в контексте более широкой курдской проблемы, не решаемой военными способами.

Турецкие власти регулярно выражали недовольство работой трёхстороннего комитета, считая её неэффективной. Несколько месяцев комиссия не могла провести заседания из-за бюрократических проблем, связанных с участием иракских курдов. Турецкие военачальники утверждали, что провал работы комиссии обусловлен действиями иракских курдов. Так, единственным итогом комиссии, по мнению турецких военных, было объявление с 1 октября 2006 г. Партией рабочих Курдистана о прекращении военных действий. Американцы и иракские курды рассматривали это в качестве первого шага. Однако Турция считала, что это прекращение военных действий со стороны ПРК обусловлено желанием провести перегруппировку сил в связи с наступлением зимы. Рекомендации американских дипломатов из аппарата представителя США в комиссии Джозефа Ральстона о необходимости «позитивной реакции Турции на прекращение огня Партией рабочих Курдистана»[148] приводили к возмущению турецкой стороны, считавшей, что американцы посылают Анкаре сигнал о потенциальной легитимизации ПРК. По мнению Турции, генерал Джозеф Ральстон являлся номинальной фигурой, не имеющей реальных полномочий для принятия ответственных решений.

Для США, регулярно выслушивающих претензии Турции по вопросу необходимости совместной борьбы с ПРК, боевые действия против этой партии не представляли никакого интереса, поскольку Вашингтон прекрасно понимал, что это приведёт лишь к серьёзной дестабилизации Южного Курдистана. В Анкаре также прекрасно осознавали ограничения, имеющиеся перед США в борьбе против ПРК.

Иракские курды признавали, что поскольку, по их мнению, проблема ПРК может быть решена лишь политическим (мирным) путём, ни они, ни Соединённые Штаты не будут оказывать Турции помощь в вооружённых действиях против ПРК.

Примечательно, что турецкие военные, несмотря на громкие заявления о решимости «бороться с террористической ПРК до уничтожения последнего террориста», весьма реалистично подходили к вопросу борьбы с этой организацией, нередко заявляя, что военного решения этой проблемы быть не может, а военные операции против ПРК являются лишь одним из аспектов по уничтожению террористов. Об этом, в частности, заявлял координатор Турции в совместной с США и Ираком комиссии Эдип Башер, выступая 17 ноября 2006 г. в Ассоциации национальной безопасности и стратегических исследований в Анкаре.

Турецкие генералы сильно критиковали правительство за неспособность поддержать успехи турецких вооружённых сил социально-экономическими мерами, не сумев улучшить экономическое положение в курдских районах. А генерал Айтач Ялман заявлял, что турецкие власти потерпели неудачи в желании решить курдскую проблему в течение двух фаз – «социальной» и «военной», теперь же наступает время более проблемной – «политической фазы»[149].

Некоторые представители турецкого генералитета весьма реалистично оценивали сложившуюся ситуацию в Ираке и место курдов в постбаасистских условиях. Так, генерал Эдип Башер 9 марта 2007 г. в интервью турецкому телеканалу *CNN-Turk* заявил, что Турция должна быть готова к отделению от Ирака Южного Курдистана и защите своих интересов в новых условиях. Кроме того, несмотря на жёсткую критику «контртеррористической комиссии» со стороны турецких военных, он всё же не считал этот орган бесполезным, рассматривая его как важную трёхстороннюю площадку.

Генерал Кенан Эврен также заявлял, что в Ираке уже создано курдское государство и, несмотря на противодействие турецких властей, эта ситуация уже не изменится. В связи с этим Турции необходимо проводить переговоры с иракскими курдами для решения имеющихся проблем[150].

Примечательно, что Эдип Башер, так и не успев реально поработать в качестве координатора от Турции в трёхсторонней комиссии, 21 мая 2007 г. был уволен со своего поста. Его

увольнение стало результатом внутриполитических разборок между генералитетом и лидерами ПСР. Вместо Эдипа Башера новым специальным посланником по борьбе с терроризмом был назначен высокопоставленный дипломат Рафет Акгюнай.

К этому времени механизм трёхсторонней комиссии де-факто уже перестал действовать. Дж. Ральстон так и не встретился с Р. Акгюнаем, ограничившись с ним одним телефонным разговором. В сентябре 2007 г. американский генерал подал в госдепартамент США рапорт об увольнении, которое обусловливал исчерпанием «механизма координации борьбы против ПРК» и нежеланием «заниматься бесполезным делом». Уход Ральстона поставил точку в развале комиссии, которая так и не смогла стать реально действующим органом.

В конце ноября 2007 г. Соединёнными Штатами и Турцией было решено создать совместный разведывательный центр, посредством которого происходил бы обмен сведениями для борьбы с ПРК. В преддверии этого решения в течение нескольких дней Анкару посетили командующий армией США в Европе Банц Краддок, а также заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов Джеймс Картрайт и командующий американскими силами в Ираке Дэвид Петреус. Основной темой американских военачальников в Анкаре была именно проблема ПРК и сотрудничество американских и турецких военных в этом направлении.

Однако турецкие власти прекрасно понимали, что эти соглашения являются со стороны США уловкой и предпринимаются лишь для того, чтобы держать «на крючке» Анкару. Уровень сотрудничества с США по вопросу борьбы с ПРК совершенно не удовлетворял руководство турецкой армии, которое считало, что американцы передают Анкаре устаревшие данные, не позволяющие наносить ущерб боевикам ПРК.

Турецкая пресса регулярно сообщала о встречах американских представителей с лидерами ПРК[151], считая, что США хотят использовать ПРК (либо аффилированную с ней Партию свободной жизни Курдистана, ПСЖК, *Partiya Jiyana Azad a Kurdistanê,* PJAK) против Ирана[152]. Соединённые Штаты всегда категорически отрицали подобную информацию, однако руководство ПРК подтверждало наличие контактов с американцами[153].

Крупный скандал в американо-турецких отношениях в июле – сентябре 2007 г. вызвало американское оружие, оказавшееся в руках ПРК и используемое против турецких войск. 1 июля

бывшие члены этой организации, сбежавшие с баз ПРК и сдавшиеся турецким властям, сообщили на пресс-конференции на турецкой военной базе в Ширнаке, что американские военные передали Партии рабочих Курдистана на её базе в Кандиле большое количество оружия (на двух грузовиках). Кроме того, на вооружении у ПРК действительно находилось оружие американского производства. Турецкие власти намекали на то, что американцы вооружают боевиков ПРК. Военные руководители Турции утверждали, что в то время как ПРК числится в террористических списках, она получает прямую либо косвенную поддержку и помощь со стороны некоторых союзников Турции по Североатлантическому блоку, вольготно чувствуя себя на территории этих стран. Выступая 3 июля 2007 г. на семинаре, организованном генштабом Турции в Анталье, глава турецкого генштаба Яшар Буюканыт заявлял, что в эпоху глобализации отношения с террористами не могут остаться в секрете, намекая на отношения США с ПРК.

Президент Турции Абдулла Гюль в телефонном разговоре с госсекретарём США К. Райс требовал объяснений по этому вопросу. В МИД Турции также для дачи объяснений был вызван посол США в Турции Росс Вильсон. Однако американцы категорически опровергали турецкие обвинения, заявляя, что вооружали лишь иракские формирования (в том числе вооружённые силы в Курдистане). Более того, посол США в Турции Росс Вильсон утверждал, что политика Соединённых Штатов, ставших после Турции первой страной, признавшей ПРК террористической организацией, как раз зиждется на отказе от контактов с ПРК.

Анкара считала также, что иракские курды, получая американское оружие, передавали (продавали) его ПРК.

В итоге американская администрация начала расследование по этому делу, заявив, что американское оружие оказалось в руках ПРК из-за коррупционных действий американских военнослужащих.

Американское оружие, передаваемое курдским вооружённым силам, продавалось ими Партии рабочих Курдистана. И это обычная практика в регионе.

Турецкая дипломатия открыто обвиняла иракских курдов в поддержке ПРК. 11 июля 2007 г. посол Турции в США Наби Шенсой заявил об обеспечении американским оружием сил ПРК иракскими курдами. Как отметил посол, силы, контролируемые Масудом Барзани, обеспечивают ПРК не только убежищем, но и оружием. Н. Шенсой считал, что это обусловлено амбициями Барзани в отношении территорий Турции[154].

Все эти обвинения Турции приводились ею в обоснование необходимости проведения военной интервенции в Южном Курдистане для того, чтобы «покончить с ПРК». Соединённые Штаты выступали против военных операций турецкой армии в Южном Курдистана. Они опасались дестабилизации обстановки в «наиболее безопасном регионе Ирака». Кроме того, недовольство курдистанской администрации, считавшей, что США не должны позволять Турции попирать «суверенитет Ирака» также принималось в расчёт Соединёнными Штатами. Курдская администрация настаивала, что США, согласно резолюциям ООН, имея в виду резолюцию СБ ООН № 1546, уполномочившую многонациональные силы «принимать все необходимые меры для содействия поддержанию безопасности и стабильности в Ираке», обязаны защищать территорию Ирака от вторжения иностранных государств. Представитель РегПК в Вашингтоне Кубад Талабани 18 октября 2007 г. призывал США «защитить суверенитет Ирака и иракский народ», хотя и сомневался, что США сделают это[155].

Однако американцы всё же пытались сохранить баланс, считая ошибочным «загонять турок в угол» и позволяя турецким властям «выпустить пар» на южнокурдистанском направлении во время углубления противоречий с Турцией (например, осенью 2007 г. после проблем по вопросу признания армянского геноцида). Турция в своём споре с США напоминала Вашингтону, что действует так же, как и американцы в Афганистане.

Позволяя Турции снять политическое напряжение, вторгнувшись в Курдистан, США тут же предпринимали действия по предотвращению отчуждения Южного Курдистана.

Как известно, власти Южного Курдистана всегда крайне негативно реагируют на турецкие вторжения на свою территорию под предлогом преследования ПРК. Так, президент Курдистана Масуд Барзани на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Великобритании Дэвидом Милибендом в середине декабря 2007 г. утверждал, что «атаки турецких войск на деревни [Иракского] Курдистана являются большим преступлением», обвиняя США в неспособности обеспечить защиту Ирака. Масуд Барзани заявлял, что «народ Курдистана разочарован позицией США», которые допустили турецкую интервенцию. Более того, Масуд Барзани предпринял своеобразный демарш, отказавшись приехать в Багдад для встречи с государственным секретарём США Кондолизой Райс, куда он был приглашён на переговоры. Для Соединённых Штатов это

была, мягко говоря, непривычная ситуация – редко кто отказывается встретиться с государственным секретарём.

Масуд Барзани осуждал также передачу Соединёнными Штатами Турции сведений, полученных разведкой в отношении ПРК, что, по его мнению, ещё больше подталкивало Турцию к вторжению. Власти Южного Курдистана понимали, что широкомасштабная военная операция Турции на территории Южного Курдистана не могла бы состояться без согласия США. Поэтому они считали, что США в очередной раз предают курдов.

Однако Соединённые Штаты тесно поддерживали отношения с властями Курдистана. После турецкого вторжения, в конце марта 2008 г., Южный Курдистан посетил вице-президент Дик Чейни, высоко оценивший «курдистанский эксперимент» и выразивший Южному Курдистану поддержку американской администрации. После посещения Южного Курдистана и встречи с президентом Масудом Барзани Дик Чейни прибыл с визитом в Анкару, где поддержал Турцию в её борьбе с ПРК, но убеждал её власти пойти на прямые переговоры с курдистанскими властями.

Подобная политика США была обусловлена пониманием сложного клубка противоречий и желанием формирования своеобразного баланса в отношениях со своими партнёрами. С одной стороны, Вашингтон высоко оценивал значение Турции в макрорегиональном аспекте. С другой стороны, Южный Курдистан также имел для США большое значение в деле реализации их иракской политики, занимавшей тогда особое место в стратегии американской администрации в регионе.

США понимали, что курдистанская администрация также ведёт сложную политическую игру, используя ПРК против Турции для поднятия своего регионального статуса за пределами иракского государства. Курды надеялись, что проблемы с ПРК вынудят Турцию признать РегПК в качестве партнёра.

Поэтому Вашингтон иногда даже соглашался с Турцией, что южнокурдистанские власти могут оказать влияние на ПРК. 18 октября 2007 г., буквально спустя несколько часов после того, как турецкий парламент одобрил вторжение в Ирак, пресс-секретарь Пентагона Джефф Моррел заявил о необходимости оказания влияния на РегПК, которое, по его словам, может воздействовать на ПРК «и... заставить остановить акты убийств на территории Турции». По сути, впервые американская администрация признала необходимость оказания давления на региональное правительство Курдистана для предотвращения действий ПРК.

Соединённые Штаты, несмотря на отказ Анкары поддержать их политику в иракском вопросе, всё же сильно заинтересованы в военном сотрудничестве с Турцией, через территорию которой они ввозят в Ирак большую часть своих военных грузов.

Понимая, что вопрос ПРК является лишь одним из аспектов комплексной курдской проблемы в Турции, американцы нередко обращали внимание турецких властей на нереальность решения этого вопроса военным путём, поддерживая в этом вопросе предложения властей Южного Курдистана. Так, старший советник госдепартамента Дэвид Филлипс рекомендовал турецким властям не совершать ошибок, сделанных американской администрацией, начавшей войну в Ираке, и решать проблему ПРК мирным путём. По его мнению, ключом к решению проблемы ПРК является демократизация Турции. Кроме того, автор предлагал также ряд действий по изоляции и ограничению связей ПРК в Северном Ираке и советовал турецким властям начать переговорный процесс с руководством Южного Курдистана[156].

Естественно, это вызывало возмущение турецких властей, и пресс-секретарю Белого дома Дане Перино 7 марта 2008 г. пришлось «успокаивать» Анкару заявлениями, что Вашингтон будет укреплять диалог и координацию между США, Турцией и Ираком и никогда не ставил вопрос о переговорах с ПРК и не собирается делать этого. Несмотря на осторожность высокопоставленных американских дипломатов, они признают невозможность решения военным путём проблемы ПРК[157].

О необходимости политического урегулирования курдской проблемы говорил и министр обороны США Роберт Гейтс. Выступая 5 марта 2008 г. в Пентагоне, Р. Гейтс отмечал, что реальным решением проблемы ПРК может быть отделение террористов от элементов, с которыми можно найти компромисс и которых можно вернуть в политическое поле. Американский министр говорил также о том, что во время встреч с турецкими лидерами он подчёркивал, что контртеррористические действия Турции в отношении ПРК должны сопровождаться усилиями по предотвращению обеспокоенности гражданского курдского населения, среди которого ПРК и рекрутирует кадры[158].

Передаваемая американцами Турции информация космической разведки о перемещениях вооружённых формированиях ПРК, была дозированной и часто передавалась уже после проведения бойцами ПРК военных операций, т.е. фактически лишь приводила к недовольству турецкого военного руководства.

Хотя США обещали предоставить в распоряжение Турции боевые вертолёты и беспилотные самолёты-разведчики для борьбы с ПРК, их поставка так и не была осуществлена и под разными предлогами откладывалась[159], что вызывало недовольство турецкой стороны.

Если бы Вашингтон действительно желал уничтожения ПРК и осуществлял бы активные действия против неё на территории Южного Курдистана (ПРК, как известно, кроме района Кандиль контролирует и полосу на турецко-иракской границе в Бахдинане), она оказалась бы в сложном в военно-политическом отношении положении. Вряд ли это привело бы к полному уничтожению ПРК, но сильно ограничило бы военную мощь и возможности проведения военных операций (мы здесь не говорим о возможных потерях ПРК)[160]. Однако США не только не действуют в рамках уничтожения ПРК, а де-факто способствуют сохранению и выживанию этой силы. Среди руководства ПРК широко распространено мнение, что США не заинтересованы в ликвидации ПРК, оценивая перспективы деятельности ПРК в отношении Анкары. Они считают, что в этом вопросе для Вашингтона характерен определённый реализм.

Примечательно, что иранские власти неоднократно заявляли об использовании Соединёнными Штатами ПРК. Руководство Ирана считало, что США, Великобритания и Израиль используют ПРК, чтобы «нанести удар по Турции, начавшей отдаляться от Вашингтона»[161].

Похожие мнения широко распространены и среди генералитета, являющегося важнейшей силой в системе власти в Турции (хотя его роль постепенно снижается). Турецкие генералы не только весьма негативно относятся к политике США в регионе, но время от времени даже угрожают американцам. Поскольку стратегическое партнёрство США с Турцией на протяжении нескольких десятилетий было сконцентрировано именно в военной области, ухудшение американо-турецких военных отношений приведёт к концу двустороннего альянса.

Практически все турецкие военачальники, за исключением генерала Хильми Озкока, крайне негативно отзывались о США. И основной проблемой в американо-турецких отношениях турецкие генералы считают курдский вопрос, в частности, проблему ПРК[162].

Так, организатор военного переворота 1980 г. и президент Турции в 1982–1989 гг. генерал Кенан Эврен заявлял о «подозрительных отношениях между США (американскими войсками) и

ПРК в Юго-Восточной Анатолии в 1991 году»[163]. Бывший начальник генерального штаба Турции Доган Гюреш, известный как один из наиболее ярко выраженных «ястребов» среди турецкого генералитета, признался, что в 1992 г. во время операции в Северном Ираке дал приказ турецким войскам подбить американские вертолёты, так как они «оказывали логистическую поддержку группам ПРК»[164]. Анализируя карту американских военных, представленную на одном из заседаний НАТО, где на территории нынешней Турции был указан Курдистан, а также заявление вице-президента США Дика Чейни о том, что «курды являются единственными друзьями Америки», Д. Гюреш отмечал, что убеждён в поддержке Соединёнными Штатами Партии рабочих Курдистана[165], предупреждая при этом, что Турция «должна быть очень осторожна». Генерал Неджати Озген считал, что если бы 1 марта 2003 г. Турция согласилась с просьбой американцев об использовании турецкой территории для операции против Ирака, то в настоящее время американские войска были бы дислоцированы по всей территории Турции. При этом в результате событий, которые бы стремительно произошли после согласия на присутствие американских войск, Турция потеряла бы контроль над «Юго-Востоком» (турецким Курдистаном. – Н.М.)[166]. Неджати Озген даже не исключал столкновений с США в Северном Ираке[167]. Бывший в 1994–1998 гг. начальником генштаба Турции генерал Исмаил Хакы Карадайи также был убеждён, что за ПРК стоят США[168], считая захват турецкими войсками у ПРК вооружений американского (а также французского и итальянского) производства подтверждением этой точки зрения. При этом Карадайи обращал внимание, что эта проблема (американское оружие у боевиков ПРК) возникла не в 2007 г., а наблюдалась ещё в середине 90-х годов. Генерал Алтай Токкат считал, что «империалистические державы» желают отомстить Турции за сопротивление турецкого национального движения процессу создания курдского государства, предусмотренному Севрским договором. Командующий в 2002–2004 гг. сухопутными войсками генерал Айтач Ялман также проводил параллели между нынешней ситуацией и временем, когда был подписан Севрский договор, имея в виду опасность раскола страны.

Х. Кундакчи, считая, что Соединённые Штаты организуют заговоры против Турции с конца XIX в., утверждал, что «США, вторгшиеся в Ирак, помогали ПРК против нас» в рамках своей политики по отношению к Большому Ближнему Востоку[169]. А по

мнению генерала Алтая Токата, «после решения парламента от 1 марта 2003 г. США увеличили свою поддержку Партии рабочих Курдистана», отправляя оружие в Кандиль, где ПРК имеет базы[170]. Примечательно, что Х. Кундакчи заявлял даже, что ПРК имеет по сравнению с турецкой армией более современное оружие[171]. Генерал Илькер Башбюг также жаловался на состояние американо-турецких отношений[172].

Итак, подавляющая часть турецкой военной элиты крайне негативно настроена в отношении США, считая, что Соединённые Штаты прямо или косвенно поддерживают «террористическую ПРК», используя её в своей политике по изменению Большого Ближнего Востока. Другим тесно связанным с проблемой ПРК фактором антитурецкой политики США, по мнению турецкого генералитета, является поддержка Вашингтоном иракских курдов и создание курдского протогосударства. Турецкие военные считают, что стратегические цели США и Турции уже разошлись радикально. Курдский вопрос окончательно стал важнейшим аспектом американо-турецких отношений, основательно испортив отношения между Вашингтоном и Анкарой. Однако в связи с тем, что военное сотрудничество между США и Турцией всё ещё продолжается, сегодня пока можно говорить лишь о значительном разрыве между представлениями турецких военачальников, воспринимающих США в качестве врага, и реальными процессами, которые вряд ли можно изменить в одночасье.

Мнение о том, что Запад использует против Турции ПРК, широко распространено и среди турецкой политической элиты. Так, сразу же после переговоров премьер-министра Турции Р.-Т. Эрдогана с президентом США Джорджем Бушем в начале ноября 2007 г. вице-премьер Турции Джемиль Чичек заявил, что «ПРК является нелегитимным проектом Запада»[173].

Из-за курдского вопроса Турция фактически потеряла единственного союзника на Западе. Эта страна впервые оказалась в ситуации, когда её критика в адрес США перемежается с критикой в отношении Евросоюза. Ранее сложности с Евросоюзом не отталкивали Турцию от Запада, поскольку Анкара была тесно связана с Вашингтоном. Однако курдский вопрос привёл к взаимному отчуждению Турции и Запада, «вытолкнув» её на Ближний и Средний Восток.

Представляется, что в долгосрочном аспекте сложности в отношениях Турции с Западом могут привести к серьёзным изменениям в регионе.

Глава II

ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА И СТРАН ЕС В ОТНОШЕНИИ КУРДИСТАНА И КУРДСКОГО ВОПРОСА

При рассмотрении интересов и политики Евросоюза и/или отдельных стран-членов ЕС в отношении курдского вопроса и курдских военно-политических сил необходимо оценить внешнеполитическую роль ЕС в современном мире.

Ряд исследователей считает, что в последние 1–2 десятилетия Евросоюз стал глобальным актором в международных отношениях[174]. Однако очевидно, что общая внешняя политика ЕС не что иное, как миф[175]. ЕС заслуженно воспринимается экономической супердержавой, оказывающей большое влияние на мировую экономику. Но в международно-политическом плане ЕС нередко является «карликом», роль которого в мировой политике несоизмерима с его экономической мощью[176].

Одной из основных причин слабости ЕС в международной политике является отсутствие единого внешнеполитического курса[177].

Сегодня скорее можно говорить о внешней политике отдельных стран-участниц ЕС, чем о единой внешнеполитической линии Евросоюза. При этом даже крупнейшие страны ЕС не в силах проводить самостоятельную политику в отношении курдского вопроса, как, впрочем, и любой другой крупной проблемы современных международных отношений (что прекрасно проиллюстрировал балканский кризис конца 90-х гг.). Следует отметить, что из стран ЕС, особенно крупнейших, особняком стоит Великобритания, которая во внешне- и международно-политическом аспектах в значительно меньшей степени действует в рамках стратегии ЕС. Великобритания является партнёром Соединённых Штатов, действуя в рамках атлантической политики Вашингтона, в том числе в деле применения силы. Евросоюз всё же больше использует методы экономического проникновения, политического диалога и гуманитарного сотрудничества. «Специальное сотрудничество» с Вашингто-

ном позволяет Лондону осуществлять активную внешнюю политику, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке. В свою очередь США получают важный легитимизирующий голос, особенно в условиях, когда крупнейшие европейские страны высказываются неодобрительно об их действиях. Тем не менее нельзя не учитывать и европейскую составляющую политики Великобритании. Благодаря этому она пытается быть мостом между США и Евросоюзом[178].

Время от времени некоторые европейские политики делают заявления о якобы существующих разногласиях с Соединёнными Штатами во внешнеполитических вопросах. В связи с этим ряд исследователей приходит к неправомерным выводам о «растущей роли ЕС в мировой политике», начале проведения «самостоятельного внешнеполитического курса» и т.д. Не менее ошибочным представляется придание ЕС и другим европейским структурам (например, Совету Европы, Парламентской Ассамблее Совета Европы), в которых, несмотря на их панъевропейскую сущность, основную роль всё же играет Евросоюз, высшего авторитета в области прав человека. На самом деле, вопрос прав человека является для европейцев подчиненным вопросом, одним из внешнеполитических рычагов, и не имеет самостоятельного значения. Хорошо известны «беспокойства» и «озабоченности» ПАСЕ в отношении соблюдения прав человека в России. Многочисленные обсуждения в этой организации были посвящены «нарушениям прав человека в Чечне», куда периодически направлялись различные делегации. Однако ПАСЕ упорно не желала замечать проблему вопиющих нарушений прав курдов в Турции либо «замечала» не в той мере, в какой стоит эта проблема. Более того, как отмечали российские парламентарии, одними из самых активных в этом направлении являлись турецкие делегаты в ПАСЕ. В Страсбурге упорно не хотят видеть, что 20 млн. курдов Турции многие десятилетия борются за те права, которые имеют несколько десятков тысяч российских чукчей, ханты или манси[179]. В ПАСЕ максимум могут пожурить турок. Например, 29 мая 2002 г. постоянная комиссия Совета Европы, действующая от имени Парламентской комиссии ЕС, приняла резолюцию (рекомендацию № 1563) о «Гуманитарной ситуации перемещённого курдского населения в Турции». В документе выражалась озабоченность действиями турецких вооружённых сил, насильно эвакуировавших несколько деревень и поселений.

Кроме того, были осуждены акты насилия ПРК, также приведшие к выселению жителей. В резолюции говорилось, что международные организации должны иметь возможность доступа к месту событий. «Ассамблея не приемлет, чтобы такие уважаемые организации, как «Врачи без границ», не имели доступа к месту событий под предлогом помощи террористам». В документе также содержалось несколько бессмысленных рекомендаций:

– упразднение чрезвычайного положения, действовавшего на тот момент уже лишь в четырёх провинциях,
– необходимость обеспечения гражданского контроля над военными операциями в курдском регионе и ответственность сил безопасности за свои действия,
– выполнение вердиктов Европейского суда по правам человека, уничтожение системы «сельских стражей», начало диалога между двумя сторонами для решения мирным путём курдского вопроса[180].

Однако Турции эти рекомендации были безразличны.

Время от времени критикуя Турцию по курдской проблеме, Евросоюз и не думает применять какие-либо санкции к стране, власти которой запрещают демонстрацию курдской идентичности (языка, имён, фамилий и т.д.). ЕС использует проблему курдов лишь при необходимости для оказания давления на Турцию. На самом деле, если бы ПАСЕ и ЕС реально заботила проблема прав человека, их просто физически не хватило бы заниматься другими странами, кроме Турции[181].

2.1. Использование Евросоюзом курдской проблемы во взаимоотношениях с Турцией

Курдская проблема Турции является для Евросоюза удобным и часто используемым рычагом с точки зрения отказа в приёме в свои ряды этой страны и оказания перманентного давления на неё. Еврочиновники в Брюсселе, как, впрочем, и в Берлине, Лондоне, Париже и Риме, не могут даже представить себе, что Хакяри, Ширнак или Джезире будут входить в Евросоюз, а их жители будут гражданами ЕС и соответственно

иметь право свободного перемещения в пределах ЕС. В случае присоединения Турции к ЕС курды стали бы одним из крупнейших этносов ЕС. Очевидно также, что «европейцы», озабоченные ростом неконтролируемой миграции, не хотят граничить непосредственно с Ираком, Сирией и Ираном, т.е. странами, границы с которыми Турция никогда не могла полностью контролировать[182]. В обзорах ЕС, касающихся переговоров о присоединении к нему Турции, откровенно говорилось, что включение Турции в Евросоюз «расширит границы ЕС до стран, являющихся ныне источниками угроз, и принесёт проблемы региона в повестку дня внешних сношений ЕС»[183]. Имелись в виду Ирак (с учётом нахождения на территории «Северного Ирака» ПРК), Сирия и Иран, которые, как подчеркивалось в обзоре, сходятся с Турцией в вопросах обеспечения территориальной целостности Ирака и «сдерживания курдского сепаратизма»[184]. Поэтому еврочиновники всегда найдут причины отказывать Анкаре в присоединении к ЕС. Турцию они рассматривают в качестве буфера с Ближним и Средним Востоком.

У Турции имеются следующие основные препятствия на пути вступления в ЕС: это *крупная*, *неевропейская*, *мусульманская*, да к тому же *неразвитая* с экономической точки зрения страна. Однако в связи с принятием восточноевропейских стран в ЕС и опережающим экономическим ростом Турции с конца 2001 г. экономический фактор в последние годы всё меньше играет роль препятствия для Турции на пути в Евросоюз. Тем не менее очевидно, что разрыв по ВВП на душу населения между западноевропейскими странами и Турцией остаётся значительным и вряд ли сильно уменьшится в ближайшие 1–2 десятилетия.

Так, ВВП на душу населения в Турции в 2003 г. составлял по паритету покупательной способности (ППС) лишь 28,5% от этого показателя 25 стран ЕС (без Румынии и Болгарии, ЕС-25). Даже в Румынии этот показатель был выше (29%). В 2007 г. ВВП на душу населения в Турции был уже выше, чем в Румынии и превышал уровень Болгарии. В 2010 г. подушевой ВВП в Турции по паритету покупательной способности составлял 48% от среднего уровня ЕС (в 2009 г. 44%), в то время как в Болгарии и Румынии, соответственно, 43 и 45%. Аналогичный показатель Латвии и Литвы равнялся 52 и 58%. При этом необходимо учитывать более благоприятные прогнозы экономического роста в Турции. Кроме того, в 2010 г. ВВП на душу населения в Турции превышал этот показатель в Болгарии (37% от сред-

неевропейского уровня на дату принятия в ЕС), Румынии (38%), Латвии, Польше и Литве (от 41 до 47%) на момент их принятия в Евросоюз[185].

Таким образом, даже учитывая меньшие размеры Болгарии и Румынии, всё же главными проблемами на пути возможного вступления Турции в ЕС являются не экономические, а политические аспекты[186]. Хотя отбрасывать экономические мотивы также неправомерно, они всё ещё имеют немалое значение в связи с размерами Турции.

Представляется, что единственной реальной (т.е. практически не решаемой) проблемой на пути вступления Турции в ЕС является курдский вопрос во всём его многообразии и, в частности, его различные измерения.

Экономические проблемы Турции в отношении с ЕС также имеют курдское измерение.

ВВП на душу населения в некурдистанских регионах страны, особенно на западе, сопоставим со странами Центральной Европы и, соответственно, выше, чем в Прибалтике и существенно выше, чем в Болгарии и Румынии. В последние годы наблюдается и бурное экономическое развитие Центральной Анатолии, где на основе «мусульманского кальвинизма», «мусульманского протестантизма», сочетающего упорный труд и сильное ограничение гедонистических стремлений, возникли «анатолийские тигры»[187]. От Болгарии и Румынии серьёзно отстаёт лишь «курдская Турция». ВВП на душу населения по ППС в Коджаэли, имевший наивысший показатель в Турции, составлял в 2003 г. 46% ЕС-25, а в беднейших Агри и Ване – 8%[188]. В обзорах ЕС особо отмечалась отсталость «горной восточной периферии Турции» (т.е. Турецкого Курдистана) и подчёркивалось, что в случае присоединения Турции к ЕС 10 наиболее бедных регионов расширенного Евросоюза будут находиться в «восточной части Турции»[189].

Неевропейский характер Турции также обусловлен курдским фактором. Евросоюз не готов включить в себя именно Ширнак или Хакяри (и другие курдские районы). Стамбул и Мраморноморский регион являются Европой в полном смысле этого слова. Эгейское и Средиземноморское побережье Турции, с регионально-географической точки зрения не являясь Европой, именно в этом отношении (географически) всё же ближе к Европе, чем Кипр, находящийся недалеко от Сирии и Египта (Кипр, как известно, находится от европейского континента в 800 километрах).

Крупные размеры страны, смущающие Европу, также упираются в курдскую проблему. Турция без Северного Курдистана представляла бы хотя и крупное, но всё же не самое крупное и по численности и по территории государство ЕС, приближаясь к средним размерам. Ныне же Турция с населением в 75 млн. человек (общее население 27 стран ЕС 495 млн. человек) станет одной из наиболее крупных стран ЕС. С учётом того, что среднегодовой прирост населения в Турции составляет 1,1–1,2% (этот показатель среди этнических курдов вдвое выше), количество жителей в Турции вскоре превысит население крупнейшей страны Евросоюза – Германии (ныне 82–83 млн. человек). Уже сегодня (либо в ближайшей перспективе) присоединение Турции к ЕС дало бы ей седьмую часть голосов Евросоюза. Более того, в ближайшие 35–45 лет население Турции может достигнуть 90–100 млн. человек, в то время как количество жителей ЕС несколько снизится.

Исламизм и отсутствие демократии также в первую очередь обусловлены сильными проблемами на курдском направлении. Ограничение прав курдов приводит к их перманентной борьбе против властей, в том числе и вооружённой, обусловливая необходимость сильной армии и большого влияния военных.

Без Северного Курдистана внешняя политика Турции была бы обречена на прозападность. Именно курдский вопрос «тащит» Турцию на Ближний и Средний Восток, всё более вовлекая её в ближне- и средневосточные проблемы, фокусируя внешнюю политику Турции и систему обеспечения безопасности на таких странах, как Ирак, Иран и Сирия. Турецкая (без курдов) идентичность могла бы пройти более сильную европеизацию без опасностей, которые угрожают проевропейской модернизации Турции, осуществлённой Ататюрком. Турция смогла бы сформировать собственную тюркскую идентичность, близкую к европейской, и, более легко интегрируясь в Европу, стать посредником между ЕС и Кавказом и Центральной Азией.

В военном отношении Турция сыграла важную роль в сотрудничестве НАТО и стран Южного Кавказа (за исключением Армении) и Центральной Азии, однако она не смогла стать для них посредником с Европой. Внутренние проблемы, в первую очередь курдский вопрос, ограничивали эффективность турецкой внешней политики в этом регионе. Черноморские страны ЕС не способны на проведение активной политики в черно-

морско-каспийском регионе (хотя подобные попытки наблюдаются). Собственно страны ядра Евросоюза, интересуясь кавказско-каспийским регионом, сталкиваются с необходимостью наличия сильного регионального посредника. Кроме того, одной из основных целей Евросоюза в кавказско-каспийском регионе является доступ к углеводородным ресурсам, рассматриваемым в качестве одной из альтернатив «российскому энергетическому оружию». Турция является важнейшим транспортно-коммуникационным коридором для этого (даже без Северного Курдистана).

Таким образом, без Северного Курдистана Турция имела бы существенно больше шансов для вступления в ЕС. С курдами Турция обречена на нереальность вхождения в состав ЕС.

Примечательно, что в начале мая 2007 г. в преддверии второго тура выборов президента Франции претендент на этот пост Николя Саркози, обсуждая вопрос присоединения Турции к ЕС, заявил, что выступает против этого, и обосновывал свою позицию тем, что в таком случае «проблема Курдистана» станет европейской проблемой и приведёт к развалу ЕС[190].

Напрямую ЕС никогда не отказывает Турции в приёме в свои ряды. Официально лидеры крупнейших стран ЕС заявляют, что поддерживают присоединение Турции к Евросоюзу, однако на деле Турция всегда оказывается за дверями ЕС. И это проявляется и в высказываниях многих бывших руководителей стран ЕС, и в настоящее время в немалой степени формирующих политический климат ЕС. Речь идёт о том, что Турция Евросоюзом всё же не воспринимается европейской страной[191].

Однако нередко о нереальности вступления Турции в ЕС говорят и официальные лица. При этом европейцы крайне негативно относятся к давлению США по вопросу приёма Турции в ЕС[192].

Хотя, следует отметить, что время от времени руководство Германии «поддерживает» Турцию в вопросе вступления в ЕС, по-видимому, понимая, что и без него найдётся множество противников. Существует также другая позиция европейцев в отношениях с Турцией – на уровне стран стремление поддерживается, а на уровне ЕС, в который делегированы представители этих же стран, тормозится. Для каждой европейской страны самой привлекательной является ситуация, когда эта страна «поддерживает» вступление Турции в ЕС, но знает, что этого не произойдёт (по целому ряду причин).

Категорически против приёма Турции в ЕС традиционно выступает Париж.

Однозначно выступают против присоединения Турции к ЕС и высшие еврочиновники. Они считают, что Турция должна служить «буферной зоной» между Европой и Сирией, Ираном, Ираком.

В спорах о возможности приёма Турции в ряды ЕС весьма хитрую позицию занимала греческая дипломатия. Власти Греции после начавшегося в 1999 г. потепления в турецко-греческих отношениях неоднократно заявляли даже, что сделают всё возможное для вступления Турции в ЕС. Конечно же, Греция прекрасно понимала, что другие страны ЕС никогда не допустят вступления Турции в ЕС, поэтому её поддержка Турции, по сути, ничего не меняет. В 90-х годах греческие власти регулярно заявляли о том, что будут блокировать принятие в члены ЕС Турции и выделение ей финансовой помощи[193]. Однако с середины 2004 г., когда в среди европейских сил развернулись жаркие споры о возможности вступления в ЕС Турции, а в европейских структурах даже стали поговаривать о предоставлении Турции статуса кандидата, Греция опять стала обусловливать принятие Турции в ЕС решением проблемы Кипра и урегулированием ряда других вопросов[194], а руководство МИД Греции утверждать, что Турции не место в Евросоюзе[195]. Подобной же позиции придерживались и власти Республики Кипр.

Одной из основных проблем Турции является выполнение т.н. Копенгагенских критериев. 21–22 июня 1993 г. Евросоюз, заявив о грядущем масштабном расширении своих границ на восток, определил критерии, которым должны соответствовать страны-кандидаты. Для начала переговоров с государством, претендующим на вступление в ЕС, необходимо, чтобы оно соответствовало Копенгагенским критериям, включающим в себя верховенство демократии, верховенство права и защиту прав человека и меньшинств и наличие действующей рыночной экономики.

Курдские представители считают, что в то время, когда восточноевропейские страны усиленно работали над выполнением Копенгагенских критериев, Турция была занята бомбёжками курдов и упрятывала в тюрьму депутатов турецкого парламента, выступавших в защиту прав курдского населения.

Одной из основных претензий Европы к Турции является ситуация с правами человека. Однако ЕС, всё время деклари-

рующий высшую ценность прав человека, по сути, использует эту проблему в политических целях. Турецкие политологи даже обвиняли ЕС в том, что его молчание после переворота 1980 г., а также его молчание и даже молчаливое одобрение недемократических правителей Турции в немалой степени способствовало тому, что Турция оказалась в нынешней ситуации[196].

К тому же следует отметить, что подход Евросоюза к курдской проблеме в Турции совершенно не означает реального оказания давления на Турцию для её решения.

В этом смысле примечательна позиция некоторых курдских организаций, искренне радующихся «курдской причине» отказа в европейских «притязаниях» Турции. Такой позиции, в частности, придерживалась ПРК. Однако даже Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК, действует преимущественно в Европе), декларирующая поддержку ценностей европейской социал-демократии, выступала против начала Евросоюзом с Турцией переговоров о вступлении в ЕС. Она считала, что переговоры могут быть начаты после выполнения Турцией Копенгагенских критериев. Если же, по мнению СПТК, ЕС начнёт переговоры раньше, это будет означать для Турции одобрение её политики нарушения прав человека[197].

Очевидно, что в интересах курдов полностью и безусловно поддерживать вступление Турции в ЕС, а не ставить перед евроструктурами условия (которые на самом деле безразличны европейцам) об отказе приёма Турции в ЕС до демократизации страны и решения курдского вопроса. В любом случае турецкие курды должны мечтать стать частью ЕС, при любых условиях (даже если Турция не выполнит ни одного из критериев) заявляя европейцам, что Турцию необходимо принимать в ЕС, так как именно её приём в ЕС, а не отказ может стать фактором демократизации страны. А якобы «курдская преграда» в ЕС (если бы её не было, у Евросоюза был в запасе Кипр, и найдётся ещё масса придирок к Турции) ещё больше ужесточает позицию турецких властей.

Курдская проблема в Турции для ЕС предоставляет возможность для оказания давления на Анкару. С одной стороны, Евросоюз прекрасно понимает важность и экономических и политических отношений с этой региональной державой, расположенной в центре балканско-кавказско-ближневосточного региона. В Европе ни у кого не вызывает сомнений необходимость достаточно тесных взаимоотношений с Турцией (эконо-

мические и политические взаимоотношения, вопросы транспортировки каспийских углеводородов и т.п.). С другой стороны, Евросоюз понимает, что притязания Турции на вхождение в состав ЕС грозят изменению всего его формата. Кроме того, расширение границ Евросоюза до Ирана, Ирака и Сирии также не вызывает у еврочиновников особого энтузиазма. При этом если другие препятствия, на которые указывает Анкаре Брюссель, могут быть преодолены, то курдская проблема носит затяжной характер.

Как уже отмечалось, экономическая отсталость Турции сегодня практически перестала быть аргументом. ВВП на душу населения в Турции превысил показатели новых членов ЕС. При этом ВВП на душу населения в Мраморноморском регионе в 2007 г. составил 14,5 тыс. долларов США, в Юго-Восточной Анатолии – 5,2 тыс. долл. США[198]. Таким образом, среднедушевой ВВП в Турции уже превышает аналогичные показатели двух стран Евросоюза, а подушевой ВВП за пределами курдского региона близок и к другим (наиболее развитым) восточноевропейским членам ЕС. Однако большие размеры Турции, в первую очередь в связи с тем, что значительная часть страны приходится на отсталый в экономическом отношении этногеографический Курдистан, создают значительные проблемы. Как известно, ЕС выделяет субсидии отстающим в экономическом отношении странам. Малые размеры присоединяющейся к ЕС, хотя, возможно, и уступающей государствам Западной Европы в экономическом развитии страны обусловливают небольшую долю субсидий. Для Турции они могут составлять значительную сумму.

Кипрская проблема также может быть урегулирована и в недалёком будущем перестать оставаться антитурецким аргументом Брюсселя, хотя и приняла затянувшийся характер. Практически вечный характер на пути Турции в Европу носит лишь курдская проблема.

Турецкий политический класс понимает это обстоятельство. Ещё в 1999 г. глава Партии Отечества (ANAP) Месут Йылмаз на региональном совещании партии в Диярбакыре заявил, что дорога в ЕС лежит через Диярбакыр[199].

Лидеры европейских стран и руководство Евросоюза в 90-х гг. регулярно заявляли о необходимости предоставления турецкими властями культурных прав курдам (употребление курдского языка, публикации и образование на курдском языке)

до того, как Турция станет полноправным членом ЕС. Они постоянно отмечают, что ЕС придаёт проблеме прав человека особое значение. Однако проблема прав человека в Турции для Евросоюза имеет сугубо функциональное значение и используется при надобности. Ведь даже в случае нарушения турецкими властями самым жестоким образом прав человека ЕС никогда не поднимает этот вопрос на международных форумах и не пытается исключить Турцию как недемократическое государство из различных международных, в частности панъевропейских, структур и организаций.

Лишь в последние годы некоторые курдские политики начали понимать, что как раз для демократизации Турции было бы выгодно вступление этой страны в Евросоюз, а последнему не следовало бы давать лишнего повода для критики в своей антитурецкой политике. Так, лидер ПРК Абдулла Оджалан лишь после своего пленения стал заявлять, что вхождение Турции в ЕС соответствует интересам курдов в любом случае. Ранее Оджалан угрожал Турции тем, что если она «не решит курдскую проблему, её никогда не примут в ЕС». Однако в декабре 1999 г. Оджалан через своих адвокатов передал заявление, в котором говорилось, что получение Турцией статуса кандидата в члены ЕС является предвестником большого демократического процесса в стране[200].

В начале сентября 2002 г. Лейла Зана, бывший депутат Великого национального собрания Турции, отбывавшая с 1994 г. 15-летнее тюремное заключение за «сепаратистскую деятельность» (была амнистирована в 2004 г.), призвала ЕС начать переговоры с Анкарой о вступлении Турции в это объединение, выразив поддержку турецкому правительству. «Неясность с датой переговоров усиливает оппонентов [турецкого правительства]», заявляла Л. Зана. Она считала, что в случае отказа ЕС принять в свои ряды Турцию, будет невозможно ввести в действие принятые поправки к законам и ускорить процесс демократизации[201]. Глава Диярбакырского отделения Ассоциации по правам человека Салахаттин Демирташ в 2004 г. также заявлял, что отсутствие перспективы вхождения в ЕС может поставить под сомнение обеспечение и защиту демократических прав, полученных в результате упорной борьбы, будет способствовать возникновению риска возобновления военных действий (ПРК тогда ещё не возобновила широкомасштабные военные действия, приостановленные в 1998 г. – Н.М.)[202].

Подавляющее большинство курдского населения Турции активно выступало за вхождение Турции в ЕС, надеясь, что это привнесёт в страну демократию и будет способствовать обеспечению прав курдов.

Однако подобные заявления Евросоюз не замечает. В Брюсселе принимают во внимание лишь антитурецкие заявления (турецких) курдов. Евросоюз предпочитает такую ситуацию, когда Турция нарушает права курдов, курды, в свою очередь, предпринимают выступления против властей, последние преследуют курдов в уголовном порядке. Потом Евросоюз «придирается» к Анкаре по поводу нарушения прав курдов. Однако ЕС никогда, в том числе и из-за курдов, не ставит под сомнение свои отношения с Турцией. Брюссель лишь поощряет курдов в их антитурецких выступлениях, используя их в своём торге с Анкарой, понимая, что турецкие власти не готовы к установлению демократии в Хакяри или в Ширнаке, поскольку установление реальной демократии в Турции будет означать как минимум установление в Турции федеративного устройства. Европейцы никогда не думают исключить Турцию за многочисленные нарушения прав человека и т.д., например, из ПАСЕ. Кроме того, как известно, в 1995 г., т.е. спустя лишь год после осуждения курдских депутатов ВНСТ на различные сроки тюремного заключения (в том числе и Лейлы Заны), Турция была принята Брюсселем в Таможенный союз. А курдов (в лице Лейлы Заны) европейцы «успокоили» премией им. А. Сахарова.

Примечательно, что согласно опросам общественного мнения, именно в курдских районах подавляющее большинство населения выступает за присоединение Турции к ЕС, в то время как на более развитые в экономическом отношении и географически близкие (либо относящиеся к Европе) области приходится значительно меньшее число сторонников вступления Турции в ЕС[203].

Таким образом, позиция подавляющего большинства курдских респондентов расходилась с подходами курдских партий и «политиков».

Различия в подходах к вопросу о вступлении в ЕС имеются и среди депутатов ВНСТ от двух крупнейших политических партий страны от правящей ПСР и крупнейшей оппозиционной силы – Народно-республиканской партии (НРП). Депутаты курдского происхождения также полностью поддерживали вступление Турции в ЕС. Среди депутатов ВНСТ от ПСР и НРП, владеющих

курдским языком (т.е. курдов), поддержка вступления Турции в ЕС составляет 100%, в то время как среди депутатов, владеющих английским, французским, немецким и арабским языками, на 10–20% меньше[204].

Особенно ждут вступления Турции в Евросоюз курды других частей Курдистана, мечтая иметь общую границу с ЕС.

Вместе с тем следует отметить, что существует точка зрения, согласно которой вхождение Турции в ЕС без решения курдской проблемы закрепит «раздел курдского народа». Так, в частности, считает научный сотрудник факультета политологии университета Оснабрюк (ФРГ) Наиф Безван (курд по происхождению). При этом впервые в истории в ЕС в этом объединении будет существовать народ, не имеющий своего национально-административного образования, численность которого превышает численность населения нескольких (7–8) стран ЕС[205].

Однако вхождение Турции в ЕС в обозримом будущем нереально. ЕС выдвигает Турции многочисленные требования, которые вряд ли будут выполнены. Переговоры о вступлении Турции в ЕС являются уловкой, позволяющей держать эту страну «на привязи» – с одной стороны, не принимать её в ЕС, с другой, не отчуждать от себя одного из важнейших экономических и политических партнёров.

А курдская проблема является именно тем фактором, который позволяет Евросоюзу проводить в отношении Турции такую двойственную политику.

Европейцы прекрасно понимают: Турция членом ЕС быть не может и не будет. Естественно, переговоры о вступлении Турции в ЕС будут вестись. Однако эти переговоры Брюссель может затягивать до бесконечности, находя какие-то новые придирки, которых всегда в отношении Турции может быть множество, так как она в обозримом историческом будущем никогда не сможет удовлетворять тем же требованиям, каким удовлетворяют, например, Ирландия или Дания. А самое главное: Турция в обозримой исторической перспективе так и не станет европейской страной ни в социальном, ни в культурологическом, ни в экономическом (хотя уже в меньшей степени), ни даже в политическом смысле. Если Румынию и Болгарию Евросоюз может относительно легко «ассимилировать», то с Турцией это вряд ли возможно.

3 октября 2005 г. Турция начала переговоры с Евросоюзом о присоединении. Однако Евросоюз не поставил никаких ко-

нечных сроков по присоединению Турции и указал, что результат переговоров не гарантирован. Между тем все другие страны, которые начинали переговоры по присоединению к ЕС, имели точные сроки и в короткие сроки становились членами Евросоюза. Случай с Турцией сразу же был отделён Брюсселем от других стран, поскольку очевидно, что переговоры с Турцией являются способом отказа ей в приёме в свои ряды, поскольку будут длиться бесконечно, а Турция никогда не сможет соответствовать критериям, которые устанавливаются Евросоюзом. Более того, для Турции устанавливаются критерии, не требуемые для других претендентов. В то время как страны, вступившие в последние годы в ЕС, проводили переговоры в рамках одного раунда, Турции предписано фактически вести переговоры в рамках 35 раундов (по количеству направлений). Однако некоторые исследователи считают, что Турции придётся провести 945 раундов (десятки направлений с каждым из 27 членов ЕС), хотя другие кандидаты проводили 1 раунд переговоров с Евросоюзом как с единым органом[206].

Турецкие власти считают, что и вопрос о правах меньшинств (курдов), который ставится для их страны, как кандидата на вступление в ЕС, также применяется выборочно, имея в виду положение этнических меньшинств в Латвии и Греции. Анкара обращала внимание, что ЕС принял в свои ряды Латвию, около полумиллиона жителей которой (примерно 20% населения) не получили гражданства в связи с незнанием латышского языка. Подобный пример турецкие наблюдатели приводили и по политике Греции в отношении меньшинств. На четырёх (македонский, болгарский/помакский, румынский/влахский и албанский) из пяти языков национальных меньшинств в Греции не имеется никакого вещания в связи с запретом властей (исключение составляет лишь турецкий язык).

Итак, курдский вопрос является долгосрочной и основной проблемой на пути вступления Турции в ЕС. Европейцы же активно используют курдскую проблему в своих взаимоотношениях с Турцией, применяя «бренд» ЕС как одного из наиболее авторитетных в мире защитников прав человека. Однако вопрос прав человека имеет для ЕС и европейских государств чисто функциональное значение. Проблема курдов и вопрос ПРК являются разменной монетой во взаимоотношениях и противоречиях с Турцией, а политика ЕС и европейских стран в отношении курдов Турции является прагматической и «реал-

политической», не оставляя никакого места высоким идеалам, которые традиционно декларирует Европа. Особенно это проявилось в вопросе внесения Евросоюзом ПРК в список террористических организаций.

2.2. Признание Евросоюзом ПРК террористической организацией

Во время ведения Партией рабочих Курдистана крупномасштабных вооружённых действий Евросоюз не внимал многочисленным требованиям Турции объявить ПРК террористической организацией. Более того, в ряде стран Евросоюза открыто действовали представительства организаций, аффилированных с ПРК, что отмечалось в докладах госдепартамента США, посвящённых терроризму. Греции в настоящей работе посвящён отдельный параграф. Однако офисы Фронта национального освобождения Курдистана действовали и в других странах[207]. Лишь в Германии в начале 1990-х гг. ПРК объявлялась террористической организацией, что было связано с действиями ПРК на территории ФРГ. Однако впоследствии немецкие власти заявили, что она является не террористической, а криминальной организацией. Премьер-министр Турции Месут Йылмаз считал, что Европа «романтизировала» турецко-курдский конфликт, превращая «террористов» в «борцов за свободу и самоопределение»[208]. Однако 4 мая 2002 г., т.е. спустя почти четыре года после прекращения этой партией боевых действий, самороспуска и полного отсутствия боевых действий, она была внесена в террористический список ЕС[209].

Примечательно, что в первый «террористический список» ЕС, подготовленный Брюсселем в декабре 2001 г., ПРК включена не была, что вызвало возмущение в Анкаре. Однако, как известно, за период с декабря 2001 г. по апрель 2002 г. эта партия не осуществляла каких-либо действий, которые могли бы расцениваться как террористические акты. Более того, как известно, спустя несколько недель после захвата Абдуллы Оджалана ПРК прекратила вооружённую борьбу с турецкой армией (перемирие было объявлено и до захвата Оджалана).

Очевидно, что ПРК была признана Евросоюзом террористической организацией за её вооружённые действия, которые проходили до 1 сентября 1998 года (в этот день ПРК объявила в очередной раз об одностороннем прекращении военных действий, а после ареста Абдуллы Оджалана на протяжении нескольких лет фактически не осуществляла никаких военных операций). В 90-х годах в результате боевых действий между турецкой армией и ПРК ежедневно гибли десятки людей. С 1998 г. до включения в террористический список ЕС ПРК не вела боевых действий (что признавалось и в докладах по терроризму госдепартамента США).

Включение ПРК в список террористических организаций в какой-то мере было обусловлено традиционной политикой Евросоюза, направленной на сохранение и разжигание курдской проблемы при нежелании её решения. Наличие курдской проблемы делает Турцию, являющуюся важным партнёром Евросоюза, весьма уязвимой в двусторонних (ЕС / либо крупные страны ЕС – Турция) отношениях. Она позволяет европейским столицам маневрировать во взаимоотношениях с Турцией, выдвигать различные требования, оказывать давление на Анкару и т.д. При этом хорошо известно, что на протяжении многих десятилетий европейские страны, по меньшей мере, весьма индифферентно относились к жесточайшей дискриминации курдов в Турции, поддерживали военные перевороты. В этой связи трудно не согласиться с лидером ПРК Абдуллой Оджаланом, утверждавшим, что именно «Европа» стала значительным препятствием на пути решения курдской проблемы в 2001 году. По словам Оджалана, в 2001–2002 гг. Эджевит предпринимал попытки урегулировать курдский вопрос, направив к нему для переговоров своих представителей, а также представителей армии, однако Евросоюз включил ПРК в состав террористических организаций, связав руки турецким властям[210].

Евросоюз признал правоту Турции, последовательно называвшей и продолжающей называть ПРК (и её преемника Конгресс свободы и демократии Курдистана, курдская аббревиатура – KADEK) террористической организацией. Тем самым Европа попала, точнее, загнала себя в странную с международно-правовой точки зрения ситуацию. Получилось, что Евросоюз признал, что на протяжении многих лет «укрывал террористов», «потворствовал» им и т.д., о чём постоянно заявляла Турция. То есть Турция «в деле Оджалана» была полно-

стью права. Решение ЕС означало, что, с точки зрения европейцев, Оджалан является лидером террористической организации, и жертвы вооружённых действий ПРК – лишь на совести ПРК и Оджалана. В таком случае вызывает удивление «забота» европейцев о том, чтобы турецкие власти не привели в исполнение решение турецкого суда, приговорившего лидера «террористической организации» ПРК к смертной казни.

Это решение ЕС означает признание факта, что, например, Греция поддерживала и укрывала террористов, а Италия не выдавала «лидера террористов» турецкому правосудию. Кроме того, известно, что на территории стран ЕС открыто действовали офисы ПРК, т.е. «террористической организации».

Вице-премьер Турции Джемиль Чичек в связи с этим вопрошал: для признания ПРК террористической организацией необходимы были жертвы в количестве 30 тысяч человек?[211].

Не совсем последовательной была позиция Евросоюза и в следующем аспекте. Как известно, в начале апреля 2002 г. на VIII съезде ПРК было объявлено о роспуске этой партии и образовании новой организации – Конгресса свободы и демократии Курдистана (KADEK). То есть на момент включения Евросоюзом ПРК в список террористических организаций этой партии уже фактически не существовало. Место ПРК занял KADEK, председателем которого также был избран Абдулла Оджалан. После этого Турция настаивала на том, чтобы Евросоюз внёс в свой «террористический список» и KADEK. Однако Евросоюз так и не включил его в этот список, подготовленный в начале ноября 2002 г. («террористические списки» ЕС обновляются каждые полгода). Председательствующая в ЕС Дания направила Турции документ, в котором говорилось, что не имеется достаточных материалов для включения в список террористических организаций KADEK.

Европейцы не включили KADEK в «террористический список» под предлогом того, что «эта организация пока не совершала террористических актов». KADEK не был включён в «террористический список» ЕС, обновлённый в июне и сентябре 2003 года. (Между тем упразднённая ПРК в этих списках всё время присутствовала.) Турецкие власти совершенно справедливо заявляли, что упразднение ПРК и образование новой организации ничего не меняет, так как руководство остаётся тем же. По мнению турецких властей, если Оджалан признан террористом, то объявление его лидером новой организации априори делает её террористической.

В этом смысле последовательной политики придерживались США. Вашингтон на протяжении многих лет включал ПРК в список террористических организаций и никогда не ставил под сомнение террористическую сущность ПРК и Оджалана. Госдепартамент считал, что «изменение наименования никак не повлияет на [террористический] статус группы» (ПРК – KADEK)[212]. После роспуска KADEK и создания Народного конгресса (НК – KONGRA-GEL, KG) Вашингтон также заявил, что вновь созданная организация является террористической и изменение названий организации не влечёт изменения её сути[213]. Хотя, как отмечалось в главе I, в докладах госдепартамента США касательно ПРК на протяжении нескольких лет после ареста Оджалана присутствовала достаточно сдержанная позиция.

Начальник турецкого генштаба Хильми Озкок, комментируя готовящееся решение ЕС не включать в террористический список KADEK в начале июня 2003 г., обвинял ЕС в том, что тем самым, Евросоюз поддерживает терроризм[214]. Спустя несколько дней, 6 июня 2003 г. на встрече в Люксембурге министры внутренних дел ЕС отказались внести KADEK в списки террористических организаций. Примечательно, что Соединённые Штаты включили эту организацию в террористический список (1 мая 2003 г.), заявив, как уже отмечалось, что смена названия не меняет террористической сути организации.

По-видимому, учтя эти факторы, ЕС на саммите 25 марта 2004 г. в Брюсселе всё же включил KONGRA-GEL в свой террористический список.

Генеральный секретарь СПТК (которая не раз становилась объектом нападений со стороны ПРК) Кемал Буркай после включения Евросоюзом ПРК распространил заявление, в котором заявил, что это решение является бессмысленным, поскольку принято после 4 лет прекращения со стороны ПРК вооружённой борьбы, тогда как в 90-е годы ЕС отказался признавать ПРК террористической организацией[215].

Примечательно, что 3 апреля 2008 г. находящийся в Люксембурге суд ЕС признал незаконным включение ПРК в 2002 г. и KONGRA-GEL в 2004 г. в террористический список Евросоюза, посчитав, что ЕС нарушил правовые процедуры, должным образом не аргументировав это решение. Кроме того, суд посчитал, что ПРК не имела возможности оспорить это решение ЕС, не получив права на апелляцию. Это решение суда многи-

ми политическими силами было воспринято в качестве жеста поддержки ПРК. Более того, некоторые политики, например руководители Народно-республиканской партии Турции, открыто заявляли, что это решение суда является «новой игрой и заговором, предпринятыми против Турции империалистическими державами». Заместитель руководителя фракции НРП в парламенте Турции Хаккы Суха Окай считал, например, что это решение суда со всей очевидностью подтвердило, что «ЕС оказывает террористической организации логистическую поддержку». Схожей позиции (однако в более смягчённой форме) придерживался и спикер ВНСТ (представитель ПСР) Кёксал Топтан.

Однако несмотря на процедурные ошибки, допущенные при включении в террористический список ПРК, власти ЕС не исключили из него эту организацию, посчитав, что решение суда касалось списка 2002 г., а ПРК в очередной раз была включена в террористический список ЕС в декабре 2007 года.

Признание Евросоюзом ПРК в качестве террористической организации означало признание правоты Турции, обвинявшей различные страны ЕС в «помощи террористам». Проблема ПРК, сказавшиеся на отношениях Турции с ЕС, особенно ярко была выражена в турецко-греческих отношениях на протяжении всех 1990-х годов. Сегодня, спустя несколько лет после того, как кризис в турецко-греческих отношениях достиг наивысшей точки за десятилетие 90-х гг. XX в., все заворожены греко-турецким «мирным процессом», начавшимся после мощного землетрясения в Турции в 1999 году. Сегодня проблема турецко-греческих противоречий в связи с проблемой ПРК стала мало актуальной. Однако решение ЕС, принятое в мае 2002 г., о внесении ПРК в список террористических организаций, с нашей точки зрения, имеет некоторое парадоксальное значение: Турция была совершенно права, обвиняя Грецию в «поддержке международного терроризма». Евросоюз признал, что Греция (и не только Греция, просто об этой стране речь идёт в наибольшей степени) поддерживала терроризм и укрывала террористов и их лидеров. В связи с этим представляется весьма полезным рассмотреть обвинения Турции в адрес Греции по поддержке ею «терроризма ПРК», которые в 2002 г. ЕС фактически были признаны правомерными, хотя и до этого были подтверждены фактами.

2.3. Курдский фактор в турецко-греческих отношениях

2.3.1. Поддержка Грецией ПРК и укрывательство её лидера Оджалана

Несмотря на многочисленные отрицания, Афины, по справедливому замечанию Анкары, были «пойманы за руку». Примечательно, что даже незадолго до захвата Оджалана представители греческих властей заявляли, что ничего не знают о местонахождении лидера ПРК и Оджалан в Грецию не приезжал. Греция всячески отвергала обвинения турецких властей о том, что укрывает Оджалана[216]. Как оказалось, турецкие обвинения были обоснованны.

С конца 80-х и особенно в 90-х годах в связи с высоким уровнем напряжённости между Турцией и Грецией последняя стала одним из главных союзников ПРК. 30 апреля 1998 г. в Афинах официально был открыт офис этой партии. До этого офис ПРК в столице Греции действовал неофициально. Впервые в истории эта курдская партия открыла представительство под собственным названием[217]. Турция считала, что это подтверждает поддержку Грецией терроризма. Высокопоставленные турецкие военные призывали США и европейские страны осудить Грецию на международной арене за её продолжающуюся и очевидную поддержку ПРК. Они заявляли, что «Греция стоит за террористической деятельностью в Турции», и считали, что хотя Греция отрицает связь с ПРК, «официальное открытие бюро ПРК в Афинах показывает миру, что Греция официально поддерживает ПРК». Турецкие генералы утверждали, что имеют «доказательства широкомасштабного сотрудничества между Грецией и Сирией для поддержки ПРК против Турции»[218].

30 апреля 1998 г. премьер-министр Турции Месут Йылмаз в письменном заявлении призвал Грецию прекратить проведение враждебной политики в отношении Турции, осуществляя поддержку ПРК, и обвинил в препятствовании сближению Анкары с ЕС и поддержке ПРК. Глава турецкого правительства даже угрожал Греции принятием ответных мер[219].

Руководство турецкой армии утверждало, что «Греция на государственном уровне поддерживает сепаратистскую деятельность в Турции», оказывает политическую и военную поддержку ПРК, предоставляет убежище и тренировочные центры в Греции террористам (в районе Лаврион). Турецкая разведка обвиняла Афины, что на базах в Греции с 1984 г. подготовлено не менее 500 террористов[220].

Примечательно, что беспокойство открытием в греческой столице офиса ПРК выражали и США. Вашингтон запросил у Греции информацию об этом событии. Представитель госдепартамента США Ли Маклени (Lee McLenny) заявлял, что Соединённые Штаты осуждают «индивидуальную поддержку ПРК некоторыми членами греческого правительства» как несовместимую с позицией в отношении международного терроризма[221]. Следует отметить, что толерантное отношение Греции к ПРК США отмечали и ранее[222].

Греция не только не соглашалась с Турцией в том, что поддерживает терроризм, но и протестовала против этого. Так, 1 июля 1997 г. посол Греции в Турции Димитриос Незеритис вручил ноту протеста МИД Турции, после того как Турция в очередной раз обвинила Афины в поддержке терроризма. Министерством иностранных дел Турции был обнародован доклад о «сотрудничестве Греции с ПРК» (укрывательстве ПРК на базе в Греции, поддержке со стороны греческих государственных органов и т.п.)[223]. Однако, комментируя эту ноту Греции, пресс-секретарь МИД Турции Омер Акбел в очередной раз повторял, что Турция имеет «конкретные доказательства [поддержки Грецией терроризма]»[224].

Поддержка ПРК имела, кроме полномасштабного соперничества с Турцией, и экономический аспект. По мнению турецких властей, Греция, в экономике которой туристический сектор играет важную роль, оказывала помощь ПРК с целью препятствовать развитию туризма в Турции. Представители турецкой разведки считали, что некоторых террористов специально готовили для террористической деятельности в местах отдыха[225].

МИД Турции также регулярно утверждал, что Греция (как и Сирия) поддерживает терроризм ПРК[226].

В декабре 1998 г., т.е. к концу метаний Оджалана после выдворения из Сирии, премьер-министр Греции Костас Симитис раскритиковал чиновников МИД и разведки за то, что они

не предпринимают достаточных усилий для улучшения имиджа лидера ПРК. Согласно данным турецких спецслужб, особенно Симитис критиковал министра иностранных дел Теодороса Пангалоса и главу греческой разведки за неудачу популяризовать Оджалана в качестве «важнейшей козырной карты против Турции», в то время когда ПРК стала на путь политизации[227].

Как отмечал греческий адвокат Абдуллы Оджалана Гианнис Рачотис (Giannis Rachotis), до захвата лидера ПРК эта партия была не только легальной на территории Греции, но и между ней и официальными структурами страны существовало тесное сотрудничество. Находящаяся у власти ПАСОК и известные греческие организации оказывали помощь ПРК. Кроме того, тесные связи существовали между ПРК и греческими спецслужбами[228].

Захват в Кении Оджалана, скрывавшегося в резиденции греческого посла в этой африканской стране, обнажил поддержку Афинами лидера ПРК. Премьер-министр Греции Костас Симитис сразу же после этого отправил в отставку министра иностранных дел Теодороса Пангалоса, министра внутренних дел Алекоса Пападопулоса и министра общественного порядка Филиппоса Пецалникоса, а также главу греческой разведки (EYP) Хараламбоса Ставрокакиса. К. Симитис назначил даже расследование «с целью выявления лиц, незаконно превысивших свои полномочия и позволивших Оджалану прибыть в Грецию». Однако хорошо было известно, и это подтверждал глава МИДа Пангалос, что с самого начала ситуация с Оджаланом находилась под личным контролем греческого премьера. Примечательно, что отправленный в отставку Теодорос Пангалос не скрывал, что Греция поддерживала ПРК, и заявлял, что акты насилия, осуществляемые ПРК, не являются терроризмом. В интервью ежедневной греческой газете *«Ethnos»* Пангалос заявил, что в то время как конкретные акты терроризма должны осуждаться, совершенно неправильно осуждать акты насилия организаций, «которые не имеют другого выхода». По словам бывшего главы греческого внешнеполитического ведомства, службы безопасности Греции не смогли защитить Оджалана, так как против них действовали более мощные спецслужбы[229].

Премьер-министр Греции К. Симитис считал, что «Греция полностью выполнила свою моральную обязанность», в то же время отмечая, что предоставление политического убежища

Оджалану являлось бы стратегической ошибкой, поскольку Греция могла быть втянута в вооружённый конфликт с Турцией[230].

Примечательно, что опровергая слухи о сдаче Грецией Оджалана, премьер-министр Греции признавал ответственность греческих властей и призывал лидеров ЕС «гарантировать права Оджалана», заявляя, что обсуждал этот вопрос с премьерами Австрии, Германии и Франции[231].

В ответ на многочисленные обвинения, предъявляемые Анкарой, Греция даже перешла в «контрнаступление». Выступая 19 февраля, премьер-министр Греции К. Симитис заявил о планах «дипломатического контрнаступления» для обеспечения прав А. Оджалана и «для привлечения внимания к борьбе курдского народа». В качестве предполагаемых шагов объявлялось послание лидерам стран ЕС, в котором должна была быть подчёркнута необходимость принятия Евросоюзом мер для защиты прав Оджалана. Кроме требования о гарантиях Оджалану, К. Симитис призывал лидеров стран ЕС оказать давление на Анкару для «политического решения курдского вопроса», при этом покритиковав ЕС за неспособность к «решительным действиям» во время пребывания лидера ПРК в Европе. На заседании совета министров иностранных дел Греция ставила вопрос о выработке общей позиции в поддержку политической борьбы и прав курдского народа. Греция обещала также выступить с подобными инициативами в Европарламенте и в других международных организациях, таких как Совет Европы[232]. При этом собственно Совет Европы также проявлял инициативу в этом вопросе. Председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы лорд Рассел-Джонстон потребовал у турецких властей уточнить, при каких обстоятельствах Оджалан был арестован и доставлен в Турцию, а также гарантировать, что отношение к нему будет отмечать Европейской конвенции по правам человека и другим документам Совета Европы[233].

Сразу же после захвата Оджалана официальный представитель греческого правительства Димитрис Реппас заявлял, что Греция «убедительно» поднимет перед мировым сообществом курдскую проблему и вопрос о судьбе Оджалана. При этом Реппас отмечал, что инициативы на этот счёт предпринимались и раньше, однако ими «никто не интересовался», но теперь, когда ситуация более сложная, «Европейский союз обязан решать этот вопрос». Реппас отмечал также, что пре-

мьер-министр Франции Лионель Жоспен в телефонном разговоре с премьер-министром Греции Константиносом Симитисом заявил, что обдумывает выдвижение инициативы по курдскому вопросу[234]. Однако, как теперь уже известно, ни Греция, ни Франция, ни другие страны Евросоюза так и не подняли вопрос о решении курдской проблемы. Евросоюз как раз и заинтересован в наличии курдской проблемы в Турции как мощного рычага против этой страны.

Решительнее Греции была настроена Республика Кипр[235]. Парламент этой страны выражал «солидарность с курдами» и решительно осуждал «политику геноцида, проводимую против них турецкими властями». Кипрские депутаты расценивали «похищение и арест Оджалана как явную провокацию и как методы, противоречащие международному праву». Кипрский законодательный орган выражал «разочарование безразличием, с которым международное сообщество наблюдало за преступными преследованиями лидера курдов». В принятой резолюции осуждалась «принявшая в Турции систематический характер политика нарушения основных прав человека в отношении курдов»[236].

Во время парламентских дебатов по внешней политике, состоявшихся 5 марта 1999 г., премьер-министр Симитис обвинял Турцию в нарушении международного права и прав человека, критиковал её в вопросе обращения с Оджаланом, обусловливая возможность присоединения Турции к ЕС именно решением этих проблем. При этом Симитис обвинил ЕС в игнорировании этого вопроса[237]. Однако спустя две недели правительства Греции и Кипра перестали «заботить» и международное право, и права человека. С тех пор Греция и Кипр «забыли» о правах человека в Турции и правах курдов.

После захвата Оджалана Турция утверждала, что несмотря на членство в Совете Европы, ЕС, и будучи участницей различных международных договорённостей о сотрудничестве в борьбе против терроризма, Греция поддерживала терроризм. Анкара считала, что это подтвердила 4-месячная история с Оджаланом и особенно ситуация с его захватом, когда «Афины были пойманы за руку». Турецкие власти не могли не заявить, что «международная репутация страны Греции заметно пошатнулась, так как она всё это время укрывала террористов» и «врала всему миру». Греция действовала по принципу: всё антитурецкое благоприятно для Греции. Она не под-

держивала Оджалана открыто, опасаясь международного осуждения, но в эпоху высоких технологий и спутников-шпионов не могла даже скрыть местонахождение нежелательного гостя. В результате отношения с Турцией были испорчены донельзя, и Греция получила нового врага – курдов. В Греции имелись тренировочные базы Партии рабочих Курдистана. Хотя Греция отрицала всё это, турецкая разведка утверждала о неопровержимых доказательствах подготовки в этой стране «городских бойцов» ПРК. Кроме того, Греция никогда не рассматривала ПРК в качестве террористической организации. Греческие власти разрешали филиалам ПРК функционировать во всех крупнейших городах Греции. Греческие спецслужбы терпимо относились к сбору этими организациями пожертвований и проведению «культурных вечеров» для пополнения средств. Подробно рассказывая о различных методах греческой поддержки ПРК, турки утверждали, что все действия координировались премьер-министром страны, что и подтвердил отставленный министр иностранных дел Пангалос. О захвате Оджалана турки говорили следующим образом: «Не сумев обеспечить Оджалану безопасное место, Греция вручила его кенийской (и турецкой) разведке»[238].

Абдулла Оджалан на суде также утверждал, что ПРК получала от Греции и Кипра «оружие» (в том числе тяжёлое вооружение), различную помощь и поддержку. Таким образом, все факты свидетельствовали о том, что Греция поддерживала организацию, которая Соединёнными Штатами, а впоследствии и Евросоюзом была признана террористической.

Президент Турции С. Демирель даже называл Грецию «государством-изгоем, которое должно быть внесено в список стран, поддерживающих терроризм», и «партнёром кровавых преступлений терроризма ПРК»[239].

Демирелю вторил премьер-министр Бюлент Эджевит: «Весь мир знает о поддержке Грецией терроризма ПРК»[240]. Турецкие власти утверждали, что Грецию следует считать «государством вне закона»[241].

Как стало известно также, у Оджалана имелся паспорт Республики Кипр на имя известного кипрского журналиста, обозревателя газеты *«Filelefttheros»* который являлся одним из лидеров «комитета кипрско-курдской солидарности», Лазароса Мавроса. В его паспорт, как известно, была вклеена фотография лидера ПРК.

Президент Турции С. Демирель заявлял, что Анкара ожидает давления цивилизованного мира на Афины для прекращения поддержки терроризма. По словам турецкого президента, даже не надо предпринимать никаких усилий, чтобы доказать, что Греция поддерживала терроризм. Как отметил Демирель, Греция и не отрицала свою «деятельность» [по поддержке ПРК], однако в любом случае укрывательство Оджалана в греческом посольстве в Найроби является «достаточным доказательством» [поддержки терроризма][242].

Греческие представители, официально отрицающие многочисленные турецкие данные о поддержке Грецией Оджалана, после его захвата, вызвавшего широкомасштабные демонстрации и нападения на греческие дипломатические представительства, в период паники всю вину возлагали на Абдуллу Оджалана, утверждая даже, что Оджалан «попался» в руки Турции, так как не прислушался к советам греков.

Руководство Греции утверждало, что сделало всё, чтобы защитить Оджалана[243]. При этом турецкие обвинения Греция пыталась парировать заявлениями об ответственности Анкары «перед международным сообществом за нарушения прав человека» и необходимости обращать внимание на положение национальных меньшинств[244]. Правда, в дальнейшем Грецию уже не интересовало положение национальных меньшинств в Турции и ситуация с правами человека в этой стране.

По признанию Оджалана, ПРК в Грецию «приглашало» еще правительство Папандреу (в конце 80-х годов), хотя в силу «географических неудобств» ПРК не смогла воспользоваться этим «приглашением». В интервью греческой газете «Эксусиа» 23 декабря 1999 г., т.е. за 2 месяца до своего захвата, Оджалан заявлял, что дружба с Грецией сыграла большую роль в его решении отправиться в Европу.

ПРК, как уже отмечалось, находилась в Греции открыто. Кроме того, на территории этой страны действовало несколько организаций, аффилированных с ПРК – 2 офиса Фронта национального освобождения Курдистана (ФНОК), известного как политико-дипломатическое крыло ПРК, 2 «Комитета Курдистана», «Культурный центр Курдистана» и «Представительство Курдского Красного полумесяца». Первое представительство ФНОК «на Балканах» было открыто в Афинах 5 апреля 1994 года. В ноябре того же года подобное представительство было открыто в Салониках. ФНОК, как известно, никогда не скрывал

своей принадлежности к ПРК. Более того, председателем ФНОК был Абдулла Оджалан.

Греческое правительство не делало тайны из своих симпатий к ПРК. К Оджалану в Сирию (и ранее в Ливан), как выяснилось, регулярно приезжали греческие общественные и политические деятели, депутаты парламента, сотрудники спецслужб. Греция осуществляла полномасштабную критику политики турецких властей в отношении курдов. Так, в январе 1998 г. министр иностранных дел Греции Теодорос Пангалос утверждал, что турецкие власти осуществляют программу геноцида против курдов[245]. Греческое правительство заявляло об отказе иметь какие-либо отношения с Турцией, считая, что «невозможно обсуждать что-либо с убийцами, насильниками и ворами»[246].

Греческие власти открыто поддерживали ПРК, считая эту партию политическим и освободительным движением[247]. Руководство Греции (президент Костас Симитис) не только не рассматривало ПРК в качестве террористической организации, но и утверждало, что 14-летний конфликт Турции с ПРК является международной проблемой и Оджалан должен получить политическое убежище[248]. То же самое греческие власти повторяли и после захвата Оджалана[249].

Подобной позиции придерживалось и руководство Республики Кипр[250].

Примечательно, что госдепартамент США регулярно в своих докладах, посвящённых «глобальному терроризму», отмечал поддержку Грецией Партии рабочих Курдистана. Так, в докладе за 1994 г. говорилось, что ПРК открыла офисы своего политического крыла (ERNK, Фронт национального освобождения Курдистана) в Италии и Греции.

В части, посвящённой Греции, доклада за 1995 г. признавалось, что власти этой страны позволили действовать ПРК на греческой территории через созданную этой партией организацию – Фронт [национального освобождения Курдистана][251]. В докладе за 1996 г. утверждалось, что Греция продолжает толерантно относиться к официальному присутствию в Афинах двух турецких террористических групп – политического крыла ПРК – ФНОК и DHKP/C.

В докладе за 1997 г. указывалось, что ПРК пользуется большой симпатией и поддержкой среди греческой общественности. В апреле 1997 г. 157 депутатов парламента Греции подписали официальное приглашение Оджалану посетить Грецию.

В 1998 г., отмечалось в докладе за тот же год, греческие парламентарии открыто встречались с членами ПРК и ФНОК. В ноябре 109 депутатов, в основном из правящей партии ПАСОК, повторили приглашение Оджалану посетить Грецию. В докладе за 1999 г. Греция, высокопоставленные официальные лица которой предоставляли Оджалану убежище и поддержку, называлась слабейшим звеном в усилиях Европы против терроризма.

Греция и не скрывала своей поддержки ПРК. Во время нахождения Оджалана в Риме 14 ноября 1998 г. пресс-секретарь правительства Греции Димитри Реппас заявлял: «Греция систематически поддерживала право курдов на самоопределение». Следует отметить, что представитель греческого правительства имел в виду именно Оджалана и ПРК, а, конечно же, например, не иранских или сирийских курдов, так как традиционно Греция имеет весьма тёплые отношения и с Ираном, и с Сирией.

После захвата Оджалана руководство Турции заявляло о необходимости включения Греции в список стран, поддерживающих терроризм. Премьер-министр Турции Бюлент Эджевит вдобавок к этому критиковал и Европейский союз, «закрывающий глаза» на действия Греции, пойманной «за руку» в поддержке терроризма. В заявлении внешнеполитического ведомства Турции от 23 февраля 1999 г. отмечалось, что «не может быть объяснения молчанию ЕС в отношении действий Греции...»[252]

Представители правительства Греции считали, что Турция таким образом предпринимает попытки «манипулированием ситуации с Оджаланом изменить в свою пользу баланс сил в турецко-греческих отношениях». Греческие власти пытались оправдать попытки Греции укрыть Оджалана «гуманитарными мотивами». Естественно, Турция считала подобные объяснения неприемлемыми. По мнению турецких властей, «гуманитарные мотивы» могли быть «основой солидарности не с террористами, а с их жертвами». Однако Греция после захвата Оджалана «заботилась» о трёх его соратницах, оставшихся в греческом посольстве в Найроби[253].

Поэтому турецкие лидеры утверждали, что Греция возглавляет список стран, укрывающих террористов. Премьер-министр Турции Б. Эджевит считал, что решение греческих властей предоставить политическое убежище двум помощницам Оджалана, которые были с ним в греческом посольстве в Кении, подтверждало покровительство Греции «террористам ПРК». Эджевит заявлял, что «Греция стала основным источни-

ком предоставления убежища и учебных баз для террористов, которые пытались разделить нашу страну». Исходя из этого, турецкий премьер обвинял Грецию в преступлении «против человечности»[254].

Греческие власти отвергали обвинения турецких властей, считая, что это была поддержка не «террористов», а национально-освободительного движения. Вновь назначенный министр иностранных дел Греции Гиоргис Папандреу заявлял на обвинения турецких лидеров: «Мы выполнили нашу задачу. Мы были обязаны этим курдскому народу»[255].

Примечательно, что Соединённые Штаты выражали недовольство решением греческих властей предоставить соратницам Оджалана политическое убежище[256].

Заместитель пресс-секретаря госдепартамента США 24 февраля 1999 г. Джеймс Фули также признавал, что Греция укрывала Оджалана, которого Соединённые Штаты всегда называли террористом[257]. 1 декабря 1998 г., когда Оджалан официально попросил у итальянских властей предоставления ему политического убежища, пресс-секретарь госдепартамента Джеймс Рубин заявлял, что американские власти ведут активные переговоры с Турцией, Италией, Германией и другими государствами, «чтобы Оджалан предстал перед правосудием за террористические преступления...»[258]

В докладе госдепа по терроризму за 1999 г. Греция называлась одним из самых слабых звеньев в усилиях Европы по борьбе с терроризмом, в то время как Турция восхвалялась за борьбу с террором. В докладе говорилось, что высокопоставленные официальные лица Греции, пытаясь помочь «террористическому лидеру ПРК Абдулле Оджалану найти убежище», обеспечили его транзит через Грецию и временное убежище в резиденции греческого посольства в Найроби[259].

Весьма характерным для европейской политики является заявление президента Франции Жака Ширака, сделанное им сразу же после захвата Оджалана в Кении, 17 февраля 1999 г. в интервью *«The Associated Press»*: «Оджалан принадлежит группе, которая считается во многих странах, в том числе и Франции, террористической». Однако Ширак выражал надежду на «справедливый суд», под которым имелось в виду обеспечение прав лидера ПРК, который, по словам Ширака, является «террористом». Таким образом, с одной стороны, европейские лидеры поддерживали Турцию в борьбе с «террором», в то же

время требуя обеспечения прав «террористических лидеров», зная, что в Турции нарушают права «террористов».

Позиция Турции в отношении стран ЕС в целом может быть выражена следующим заявлением главы МИД Турции Исмаила Джема: «Позор Западной Европе и позор нашему так называемому соседу»[260]. Эту позицию Турции в отношении Западной Европы и Греции трудно подвергнуть критике, поскольку, как уже отмечалось, страны ЕС, называя (или позже назвав задним числом) ПРК и Оджалана террористами, предоставляли им убежище и возможность действовать на своей территории.

США выражали удовлетворение захватом Оджалана, считая, что он как лидер террористической организации должен предстать перед судом[261].

После поимки Оджалана, находившегося «в гостях у греческой дипломатии», Греция оказалась в весьма сложной ситуации. С одной стороны, по всему миру сторонники ПРК провели акции протеста и нападений на греческие дипломатические миссии и представительства, с другой – накалилась внутриполитическая обстановка, приведшая к отставке трёх министров правительства страны. Индекс Афинской фондовой биржи резко снизился на 6%, хотя после отставки трёх членов правительства почти восстановился. Так, министр обороны Греции Акис Цохадзопулос заявлял: «Дело Оджалана очень дорого обошлось Афинам»[262].

Таким образом, Греция, имея противоречия с Турцией, использовала ПРК в качестве рычага давления на Анкару. Греческие власти откровенно и открыто поддерживали ПРК и её лидера Абдуллу Оджалана, утверждая, что они олицетворяют курдское национально-освободительное движение. Однако спустя 3 недели после ареста Оджалана Греция радикально изменила свою позицию. 8 марта 1998 г. новый министр иностранных дел Греции Гиоргис Папандреу заявил: «Греция не поддерживает терроризм. ПРК не является легальной организацией в нашей стране...»[263].

Полный провал Греции в деле поддержки ПРК, а также начавшийся в 1999–2000 г. процесс примирения между Турцией и Грецией привёл к радикальному переосмыслению греческими властями проблемы ПРК, которая в 90-х годах сыграла свою функциональную роль в противостоянии Афин с Анкарой.

Спустя 3 года (27 марта 2002 г.) после захвата Абдуллы Оджалана тот же Г. Папандреу заявлял, что «ПРК на протяже-

нии ряда лет вела террористическую деятельность». Чуть раньше «террористической организацией» ПРК назвал пресс-секретарь МИД Греции Панос Беглитис. Заявив, что нельзя сводить курдскую проблему к деятельности ПРК, которая представляет незначительное меньшинство [курдов], Папандреу отмечал, что Греция выступала против террористической и сепаратистской деятельности. Однако в Турции подобные заявления членов правительства Греции воспринимались с юмором, поскольку эта страна сама укрывала Оджалана и т.п.[264] Таким образом, Греция уже и сама откровенно признавала, что незадолго до этого поддерживала и укрывала террористическую организацию.

Власти Республики Кипр также отрицали, что оказывали поддержку Партии рабочих Курдистана. После того, как на суде Абдулла Оджалан назвал Кипр в числе стран, оказывавших помощь ПРК, правительство категорически отвергло эти заявления. Оно считало, что обвинения Оджалана могли относиться к возможной деятельности отдельных лиц[265].

Таким образом, использовав Партию рабочих Курдистана в противоборстве с Турцией, Кипр, как и Греция, полностью отказывался от сотрудничества с этой дискредитированной силой, сваливая вину на «отдельные лица». Хотя хорошо известно, что поддержка в адрес ПРК через различные организации оказывалась именно по рекомендации властей страны.

2.3.2. Нормализация турецко-греческих отношений и отказ Греции от поддержки ПРК

После захвата Оджалана премьер-министр Греции заявил, что преувеличение значения курдского фактора (употреблялась даже такая фраза, как «курдизация греческой внешней политики») греческой дипломатией в противоборстве с Турцией было бы «трагической и стратегической ошибкой»[266]. Глава правительства Греции искренне признавал, что как бы ни помогала его страна ПРК, последняя остаётся всего лишь средством, подчинённым фактором, и не может иметь независимого значения.

Сразу же после захвата Оджалана началась работа по снижению напряжённости между Турцией и Грецией. Естественно,

обе стороны понимали, что курдский вопрос играет лишь сугубо функциональную роль, а отношения между соседними странами должны выйти на новый этап. Процесс сближения осуществлялся при посредничестве Вашингтона. Госдепартамент США в начале марта 1999 г. отправил высокопоставленного американского дипломата Томаса Миллера, являющегося специальным координатором американского внешнеполитического ведомства по Кипру, с посреднической миссией в Турцию, Грецию и на Кипр.

После переговоров в Анкаре с министром иностранных дел Турции Исмаилом Джемом Т. Миллер намекнул, что США оказывают нажим на Афины, чтобы греческие власти пошли на компромисс с Турцией по вопросу ПРК[267].

В конце июля 1999 г., после 10-летнего перерыва возобновились греко-турецкие переговоры и начались регулярные встречи представителей Турции и Греции. Был создан совет экспертов для решения маловажных проблем. В Афины приехала турецкая делегация под руководством заместителя министра иностранных дел Фарука Логоглу. Чуть позже, в Сараево на Балканском саммите встретились министры иностранных дел Турции и Греции – Исмаил Джем и Гиоргис Папандреу, внесшие огромный вклад в налаживание греческо-турецких отношений. После землетрясения 17 августа 1999 г. Греция оказала Турции гуманитарную помощь, что также стало одним из факторов налаживания отношений (некоторые наблюдатели назвали этот процесс «сейсмической дипломатией»). Греция даже начала предоставлять турецкой авиации своё воздушное пространство (для направления гуманитарной помощи в Косово). Однако в обеих странах, особенно в Греции, существовали мощные лобби, не желающие урегулирования отношений с Анкарой. Так, в сентябре 1999 г. министр обороны Греции Акис Цохадзопулос, выступая на конференции в Американском университете в Вашингтоне, заявлял, что Турция не должна быть принята в ряды ЕС, пока она оккупирует северную часть Кипра. При этом греческий министр обвинил НАТО в ханжестве, отметив, что альянс совершил интервенцию в Косово, однако остался безмолвным в отношении курдского вопроса в Турции и греков-киприотов, изгнанных из Северного Кипра[268].

Однако на состоявшемся 9–10 декабря 1999 г. саммите ЕС в Хельсинки Греция уже не выступала против вступления Турции в Евросоюз, что было весьма позитивно воспринято в Анкаре.

В середине января 2000 г. турецкую столицу посетил министр иностранных дел Греции Гиоргис Папандреу. Последний раз до этого глава греческого МИД (тогда им был Эвангелос Аверофф) посещал Турцию в 1962 года. Этот визит многие наблюдатели назвали историческим. Греческий министр посетил даже мавзолей Ататюрка, хотя побывавший в Турции всего за неделю до этого министр иностранных дел Ирана Кемаль Харрази отказался сделать это. Греческий министр заявил в Анкаре, что Афины не хотят раздела Турции и создания курдского государства, хотя приветствовали бы улучшение положения курдов в Турции. Имея в виду турецких курдов, Папандреу отмечал: «Если каждое меньшинство будет требовать автономию и независимость – это приведёт к хаосу». При этом греческий министр заявил, что его страна никогда не была благосклонна к терроризму и к ПРК, а также никогда не поддерживала сецессию[269]. Кризисные вопросы турецко-греческих отношений во время этого визита не затрагивались[270]. Турецко-греческие отношения вошли в фазу «мягкого решения проблем», сосредоточившись на вопросах экологии и туризма[271].

В сформированном по итогам парламентских выборов в апреле 2000 г. Костасом Симитисом новом правительстве Греции отставленные в связи с делом «Оджалана» министры опять вернулись в правительство[272]. В Турции были насторожены этими назначениями. Однако эти люди никоим образом не вмешивались в греческо-турецкие отношения. Тем не менее примечателен сам факт, что лица, почти официально помогавшие Оджалану, который был признан лидером террористической организации, вновь вернулись на высшие государственные посты.

После ареста Оджалана между Грецией и Турцией начался процесс нормализации отношений. Афины не только отказались от поддержки ПРК, но и стали заявлять о том, что это – террористическая организация. Тем самым, греческие власти признавали, что на протяжении ряда лет открыто поддерживали терроризм.

ПРК сыграла свою функциональную роль. Греция перестала не только поддерживать ПРК. Она перестала совершенно касаться курдской проблемы (в т.ч. и в действительно «гуманитарном аспекте»), хотя в конце 90-х грозилась ставить этот вопрос в международных организациях. Курдская проблема сама по себе для греческих властей никогда не существовала, а являлась лишь одним из факторов противоборства с Турцией.

2.4. Отношение Германии к проблеме ПРК

В 90-х годах, особенно в первой половине этого десятилетия, активно была вовлечена в проблему ПРК ФРГ.

Как известно, ПРК наиболее активную деятельность за пределами Турции развернула в 90-х гг. именно на территории Германии. ФРГ стала крупнейшей базой ПРК для пропаганды в Европе. Этому способствовало наличие крупной по численности в Европе курдской диаспоры – 500–700 тыс. человек (по некоторым данным, до 1 млн.). Высокая поддержка ПРК в Германии, например, в отличие от той же Швеции, была обусловлена положением курдов в этой стране. Курды в Германии мало интегрированы в немецкое общество, значительная часть из них не имеет гражданства ФРГ.

В 80-х и начале 90-х годов германское общество в целом благожелательно относилось к курдам и не было настроено против ПРК. Эта партия действовала достаточно свободно на территории ФРГ, используя возможности немецкой демократии. Подобная деятельность ПРК вызывала сильное недовольство турецких властей. В связи с этим они даже заявляли о «скрытой» или «непреднамеренной» поддержке ПРК со стороны Германии[273]. Однако проведение ряда громких операций ПРК, в том числе против правоохранительных органов, сильно изменило эту ситуацию.

После возобновления в мае 1993 г. боевых действий ПРК развернула широкомасштабную кампанию против Турции и различных турецких организаций за рубежом, осуществляя нападения на турецкие организации. Руководство ПРК считало, что таким образом произойдёт расширение масштабов национально-освободительной борьбы. Кроме того, ПРК протестовала таким образом против тесного германо-турецкого сотрудничества, особенно в военной сфере.

Объектами ПРК стали туристическая инфраструктура (отели, рестораны и т.д.). Однако наибольший резонанс имели атаки против турецких дипломатических миссий и различных организаций за рубежом, в первую очередь в Германии, Франции и Швейцарии. В 1993 г. ПРК двумя волнами предприняла

десятки антитурецких операций. 24 июня члены ПРК осуществили нападения на дипломатические представительства Турции. В частности, на один день было захвачено даже турецкое консульство в Мюнхене. 4 ноября атакам ПРК также подверглись десятки объектов, в результате чего в Висбадене был убит 1 турок.

Незаконные действия ПРК приводили к серьёзным столкновениям с германской полицией.

После событий 4 ноября 1993 г. правоохранительные органы ФРГ провели массовые обыски у организаций и лиц, близких к ПРК. Были конфискованы различные материалы. Во Франции 18 ноября полиция арестовала десятки курдов, участвовавших в незаконных действиях. 26 ноября министерство внутренних дел ФРГ запретило деятельность на территории страны ПРК и 35 аффилированных с ней организаций. ПРК была признана в ФРГ террористической организацией. 30 ноября деятельность дочерних организаций ПРК (Комитета Курдистана и Федерации культурных ассоциаций и патриотических рабочих Курдистана) признали незаконной и французские власти.

В 1994 г. между ПРК и немецкой полицией происходили многочисленные столкновения, вызванные незаконными действиями ПРК. Как отмечалось в докладе госдепартамента США о терроризме за 1994 год, ПРК впервые начала угрожать интересам Запада (ранее ПРК боролась лишь с Турцией). ПРК блокировала дороги, проводила без разрешения властей многотысячные демонстрации.

Действия ПРК на территории ФРГ вызывали серьёзную озабоченность немецких властей. В августе 1995 г. глава контртеррористического подразделения Федерального ведомства по защите конституции Клаус Грюневальд (Klaus Grünewald) посетил лидера ПРК Абдуллу Оджалана, требуя прекращения насилия на территории Германии. На несколько месяцев ПРК уменьшила свою активность в ФРГ. Однако во время празднования Науроза в Дортмунде и других городах между ПРК и полицией произошли столкновения, во время которых пострадали несколько полицейских. ПРК угрожала немецким властям увеличением масштабов насилия посредством «актов самопожертвований» (две курдянки совершили подобные акты в 1994 г. в Мангейме). Количество «фанатиков», готовых к осуществлению «актов самопожертвования», К. Грюневальд оце-

нивал в 500–1000 человек, активистов ПРК – около 9 тысяч. Поэтому он называл ПРК «террористической проблемой Германии номер 1» и «наиболее опасной организацией»[274].

Однако, несмотря на запрет ПРК, политика германских властей не являлась антикурдской. ФРГ была обеспокоена притоком курдских беженцев в связи с уничтожением турецкой армией населённых пунктов в Турецком Курдистане и критиковала политику Турции в отношении курдской проблемы. Кроме того, немецкие власти лояльно относились к деятельности ПРК, не направленной на осуществление насилия против турецких учреждений[275].

Понимая, что действия ПРК серьёзно ухудшили отношение общественного мнения Германии и властей страны к ПРК и курдам, Оджалан даже извинился за атаки.

После 1994 г. ПРК почти не проводила никаких действий против правоохранительных органов Германии, пытаясь убедить власти снять запрет на деятельность близких ей организаций, наложенный в 1993 году.

В связи с этим 13 января 1998 г. генеральный прокурор ФРГ Кай Нем (Kay Nehm) заявил, что ПРК более не рассматривается властями ФРГ в качестве террористической организации. Кай Нем отметил, что ПРК является скорее криминальной, чем террористической организацией. Он утверждал также, что «не имеется доказательств вовлечения [ПРК] в поджоги и убийства»[276]. Свою позицию генпрокурор Германии не изменил и после встречи с генеральным консулом Турции в Карлсруэ Вефаханом Оджаком, которому он объяснил мотивы подобного решения[277]. Вслед за этим решением генпрокурора страны министр внутренних дел Германии Манфред Кантер (Manfred Kanther) заявил, что эта позиция (не рассматривать ПРК в качестве террористической организации) не будет пересматриваться[278]. Более того, министр иностранных дел ФРГ Клаус Кинкель 15 января 1998 г. заявил: «Если ПРК заявила, что не будет осуществлять акты терроризма и докажет подлинность своих заявлений, Германия может рассмотреть возможность встречи с её лидером для обсуждения курдской проблемы»[279]. Подобная позиция властей Германии вызывала обеспокоенность руководства Турции, утверждавшего даже, что представители ФРГ вели переговоры с членами ПРК[280].

Германия, понимая сложный и многоаспектный характер курдского вопроса, избегала вовлечения в проблему ПРК. Так,

хотя Абдулла Оджалан был объявлен в международный розыск ФРГ, во время нахождения лидера ПРК в Риме Германия отозвала свой ордер, заявив, что не имеет к нему никаких претензий.

Таким образом, ведущая страна ЕС, по крайней мере, с 1998 г. не считала ПРК террористической организацией.

2.5. Оценка Турцией политики ЕС в отношении курдов

ЕС активно использует курдскую проблему во взаимоотношениях с Турцией, время от времени выступая «в защиту» прав курдов. В связи с этим Анкара обвиняет ЕС в «разжигании курдского сепаратизма». Турецкие власти традиционно придерживались мнения, что Евросоюз поддерживает курдов, используя этот вопрос в своей политике. В этой связи примечательны заявления в начале 1998 г. тогдашнего министра иностранных дел Турции Исмаила Джема. Отметив, что «ЕС содействует курдскому сепаратизму», И. Джем назвал весьма «опасным» рост интереса ЕС к курдскому вопросу, что своей политикой ЕС хочет «загнать Турцию в угол». И. Джема удивляло упоминание в резолюциях Европарламента «курдской проблемы Турции», в то время как существуют также курдские проблемы Сирии, Ирана и Ирака. Он считал, что ЕС не только предпринимает весьма некорректные шаги, которые могут разрушить баланс на Среднем Востоке, но и выполняет «функцию подстрекательства и провоцирования сепаратизма...в Турции»[281]. Безусловно, более пристальное внимание ЕС к Турции объясняется тем, что Турция, в отличие от Сирии, Ирана и Ирака, претендует стать членом Евросоюза. Однако недовольство турецких властей понятно. ЕС и страны, входящие в Евросоюз, имеющие сравнительно тесные отношения с Сирией и Ираном, никогда не ставят перед ними проблему нарушения прав курдов[282].

Руководство Турции считало, что «если бы не Европа, Турция давно решила бы эту (курдскую. – Н.М.) проблему»[283].

При этом турецкие официальные лица, всячески отвергали «придирки» европейцев по поводу прав человека в Турции. Спикер ВНСТ Мустафа Калемли даже заявлял: «Турции нечего учиться у Европы касательно прав человека. В действительности, они сами могут многому чему научиться у нас в этом вопросе...»[284].

Турецкие власти действия Евросоюза по вопросу прав человека в Турции оценивали как «поддержку терроризма»[285]. В марте 2000 г. премьер-министр Бюлент Эджевит призывал «не поддерживать террористические группировки прямо либо косвенно, под предлогом прав человека»[286], а 31 мая 2007 г. начальник генштаба Турции Яшар Буюканыт на международном военном симпозиуме в Стамбуле заявил, что ряд союзников Турции по НАТО, которые «учат Турцию правам человека», поддерживают терроризм[287].

2.6. Оценка политики Евросоюза курдскими политиками и интерес ЕС к курдской проблеме

Единственным путём, который может ограничить и даже прекратить возможность вмешательства внешних сил во внутренние дела Турции посредством использования курдского фактора, является решение курдской проблемы. Иначе эта проблема будет предоставлять возможность внешним силам постоянно присутствовать во внутриполитической ситуации Турции.

Евросоюз воспринимается курдскими политиками в Турции чуть ли не в качестве одного из субъектов внутренней политики. Курдские политические деятели регулярно обращаются к ЕС, считая, что он должен оказывать на турецкие власти более сильное давление и способствовать дальнейшей демократизации страны. Лидеры курдских политических партий, особенно легальных, регулярно проводят встречи с представителями евроструктур.

Многие курдские деятели критикуют подход ЕС, в соответствии с которым права человека в Турции рассматриваются лишь как права отдельных личностей, а не как права народа. При этом курдские политики призывают ЕС осуществлять перманентный мониторинг ситуации.

Как уже отмечалось, ЕС, с одной стороны, постоянно указывал Анкаре на необходимость «демократизации и соблюдения прав человека и меньшинств», с другой, особо ничем не обусловливал выполнение этих требований. Вместе с тем в Турецкий Курдистан зачастили представители различных ев-

ропейских организаций, в т.ч. и европейские лидеры. Однако турецкие власти с подозрением относились к подобным визитам, даже запрещая поездки в Курдистан.

В феврале 2000 г. Турцию посетила министр иностранных дел Швеции Анна Линд. Во время своего визита она пожелала посетить и Диярбакыр. Однако турецкие власти не разрешили ей сделать этого. Тем не менее шведский министр встретилась с мэром Диярбакыра Феридуном Челиком и обсудила вопросы прав человека в курдских районах страны. А. Линд заявила, что права человека являются предпосылкой для членства Турции в ЕС, добавив при этом, что Швеция поддерживает заявку Турции в ЕС.

При этом европейские политики отделяли курдскую проблему от ПРК. А. Линд утверждала, что ПРК является террористической организацией (хотя к тому времени ПРК уже более полутора лет не вела боевых действий), и не представляет большинства курдов[288].

Евросоюз очень интересуется проникновением на «Юго-Восток», пытаясь осуществлять программы экономического либо гуманитарного сотрудничества. Однако турецкие власти, как уже отмечалось, весьма ревностно относятся к любому взаимодействию европейцев в Курдистане, считая, что в «разжигании» курдского вопроса повинны именно европейские страны. Особенно сильно турецкие власти противятся, как и в случае с США, открытию каких-либо представительств и офисов западных стран в Диярбакыре – неофициальной культурной и политической столице Турецкого Курдистана.

Проблема экономического проникновения европейцев в Турецкий Курдистан обсуждалась, в частности, на состоявшемся 1 июля 2005 г. заседании Совета национальной безопасности. Турцию сильно беспокоит финансирование различных программ, фондов и проектов, преимущественно немцами и скандинавами в провинциях Курдистана. Турецкие власти безуспешно настаивали на том, чтобы европейцы осуществляли финансирование через Анкару. Поэтому турки пытаются пресечь это финансирование под предлогом пресечения денежных потоков, направляемых в адрес структур, близких «террористической ПРК». Хотя, как заявляют некоторые курдские наблюдатели, турецкие власти прекрасно осведомлены о денежных потоках ПРК.

Однако власти Турции позволяют европейцам осуществлять программы на западе этногеографического Северного Курдистана, который сильно туркизирован, более развит эко-

номически и наименее подвержен национально-освободительной борьбе. Так, в середине 2000 г. Турция позволила Евросоюзу создать бизнес-центр для работы в области консультаций и образования в Газиантепе. Хотя в инвестициях и экономическом развитии нуждаются в первую очередь Хакяри и Ширнак, олицетворяющие курдскую проблему и отсталые в социально-экономическом отношении.

Газиантеп привлекает и другие европейские страны. В начале сентября 2000 года этот город посетил посол Греции, высказавший желание Афин установить связи и с другими городами «Юго-Восточной Анатолии». 11 октября 2002 г. Газиантеп посетили руководители торговых представительств стран-членов ЕС в Турции. А в апреле 2010 г. в этом курдистанском мегаполисе побывали послы 12 стран ЕС для наблюдения за реализацией проектов, финансируемых Евросоюзом[289].

Нередко гуманитарные программы предлагают и страны Европы, не входящие в Евросоюз. Так, в июне 2000 г. Швейцария выделила 4,4 млн. долл. на программы для женщин и детей в рамках Проекта Юго-Восточной Анатолии и в регионе Восточной Анатолии.

В конце 2004 г. Диярбакыр посетил председатель Европарламента Дж. Боррел. Визиты европейских лидеров в Турецкий Курдистан вызывали сильное раздражение турецкого руководства, которое напоминало европейским представителям, что «в Турции 81 провинция». Как заявил 23 декабря 2004 г. премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган, представители ЕС, посещающие Турцию, выбирают в качестве основного места посещения Турецкий Курдистан и Диярбакыр. Эрдоган удивлялся, что «Диярбакыр стал [для европейцев] третьим важнейшим городом Турции, после Анкары и Стамбула». По мнению турецкого премьера, несмотря на «экономический и культурный динамизм Диярбакыра или богатство историческими достопримечательностями», не эти факторы являются определяющими для европейских гостей, отдающих предпочтение Диярбакыру, а политические мотивы, что доставляет турецким властям «дискомфорт»[290]. Следует отметить, что подобная позиция характерна не только для турецких лидеров. Согласно опросам, почти две трети турецких граждан уверены в том, что ЕС хочет расколоть страну[291].

Многие курды считают, что интерес представителей ЕС к поездкам в Курдистан вызван как раз тем, что турецкие власти не решают курдскую проблему[292].

Турецким властям трудно примириться с новыми реалиями. Однако очевидно, что Диярбакыр стал одним из центров турецкой политики, получив и международное измерение. Курдская проблема стала важнейшей составляющей современной турецкой политики. Представители ЕС понимают, что именно в Диярбакыре (а используя слова мэра этого города Османа Байдемира, можно добавить, что и в Ширнаке) решается будущее Турции.

Поэтому представители ЕС, несмотря на возмущение турецких властей, регулярно посещают Турецкий Курдистан, критикуя Турцию и призывая её действовать в направлении улучшения положения курдов.

В начале сентября 2004 г. Диярбакыр посетил комиссар ЕС по вопросам расширения Г. Ферхойген, заявивший во время своего визита, что «Турция находится лишь в начале пути» в отношении реформ по курдской проблеме и Анкаре необходимо ускорить работу в этом направлении. Отдельно комиссар ЕС остановился на проблеме возвращения в родные места людей, которые под предлогом борьбы с ПРК были изгнаны с родных мест турецкими властями, пытающимися изменить этнический ландшафт Курдистана. 4 июля 2005 г. Диярбакыр посетил посол Франции Поль Подо (Paul Paudade), который встретился с губернатором провинции Эфканом Ала, а также с мэром Диярбакыра Османом Байдемиром. Примечательно, что французский посол, посетивший различные города Турции, отмечал, что особенно важным для него являлась поездка в Диярбакыр[293]. В конце ноября 2007 г. в Диярбакыр приехал посол Германии в Турции Эскар Гюнтц, решив воочию увидеть в этом городе ряд объектов, сооружённых с помощью кредитов немецких банков. Однако более важными всё же были политические высказывания германского посла, заявившего, что курдский вопрос должен решаться политическими, дипломатическими, культурными и экономическими методами. Следует отметить, что посол ФРГ Рудольф Шмидт посещал «Юго-Восток» ещё в 2000 году.

Евросоюз всегда критически относился к военным интервенциям Турции в Южный Курдистан. И в 90-х годах и в 2007 г. ЕС призывал Турцию решать проблему политическими методами, в т.ч. и путём переговоров с властями Иракского Курдистана.

Несмотря на постоянную критику Евросоюза в адрес Турции в области прав человека и в первую очередь в отношении

курдского вопроса, ЕС понимает, что процесс изменений в Турции касательно курдской проблемы начат. Поэтому Евросоюз, благоприятно оценивая реформы в Турции, шаг за шагом рекомендует ей предпринять новые действия. Евросоюз постоянно напоминает Турции, что ей необходимо пройти длинный путь до европейских стандартов.

Нередко, правда, Евросоюз заявляет, что Турция в определённых направлениях не осуществляет никаких действий по осуществлению ключевых реформ. Так, об отсутствии прогресса в реформах на политическом направлении говорилось в докладе Евросоюза, опубликованном 5 ноября 2008 года[294].

Одним из основных направлений деятельности Евросоюза по переговорам с Турцией стало оказываемое на Анкару давление по вопросу признания курдского языка. Высокопоставленные еврочиновники (например, представитель ЕС по вопросам расширения Олли Рен) откровенно заявляли: «Чтобы стать членом Евросоюза Турция должна обеспечить права курдов и признать курдский язык». О необходимости предоставления культурных и политических прав курдам неоднократно заявлял и глава Комиссии ЕС Ж.-М. Баррозу[295].

В сентябре 2007 г. комиссия Совета Европы подготовила доклад по итогам поездки в Диярбакыр, в котором анализировала случаи возбуждения уголовных дел против мэров (мэра Диярбакыра Османа Байдемира и мэра административного округа города Диярбакыра – Сура – Абдуллы Демирбаша) и 17 депутатов местных советов от ПДО, в том числе за использование в своей деятельности курдского языка. В своём докладе комиссия Совета Европы рекомендовала турецким властям провести реформу законодательства о муниципалитетах и курдском языке. 21 ноября 2007 г. Конгресс местных и региональных властей, являющийся консультационным органом при Совете Европы, также советовал властям Турции разрешить местным властям в своей деятельности использовать курдский язык.

Между тем турецкие власти считают, что если они согласятся на это требование ЕС (признание курдского языка в качестве языка делопроизводства и обучения), страна фактически будет расколота.

Как известно, в быту, а также на частных курсах курдский язык (за исключением некоторых ограничений) используется свободно. Однако курды требуют обучения на курдском языке

в школах, а также в вузах и использования курдского языка в государственных учреждениях в Курдистане.

В последнее время ЕС стал даже настаивать на «региональной автономии» для курдов. Особенно активно эту идею поддерживал сопредседатель комиссии Турция – Европарламент Хуст Лагендайк (Joost Lagendijk), отмечая при этом, что региональная автономия не имеет ничего общего с сепаратизмом, поскольку и турецкие военные признают особенности курдского региона. Он считает, что Турция могла бы использовать в этом отношении примеры ФРГ и Великобритании[296]. Важным Евросоюз считает и экономическое развитие Курдистана и подтягивания его уровня до других регионов Турции.

Евросоюз открыто заявляет Турции, что пока она не решит курдский вопрос, предоставив самые широкие права курдам, речи о вступлении в ЕС идти не может. Как заявлял в июне 2006 г. Х. Лагендайк, «пока Турция не перейдёт диярбакырский мост, она не сможет войти в Евросоюз». Он рекомендовал турецким властям решать проблемы обеспечения прав человека с руководителями муниципалитетов в Курдистане[297]. ЕС советовал турецким властям решать курдский вопрос совместно с ПДО, имеющей значительное влияние среди курдов Турции, и регулярно побеждающей в десятках муниципалитетах в Турецком Курдистане. Когда в 2008 г. речь шла о возможном запрете ПДО, Х. Лагендайк заявил, что в этом случае Турция может забыть о ЕС. Вместе с тем Евросоюз регулярно призывал ПДО не смешивать курдскую проблему с ПРК и дистанцироваться от этой партии, предлагая ей выбор: либо «горы» (вооруженная борьба), либо парламент (политическая борьба).

Однако для ПДО (после закрытия ПДО в конце 2009 г. речь идёт о её правопреемнице – Партии мира и демократии) подобный выбор мог означать в некотором роде и вопрос жизни и смерти. Открещивание ПДО от ПРК может привести к серьёзному снижению популярности этой партии. Поддержка населением Партии демократического общества во многом обусловлена фактором ПРК. Отказ от «гор» может привести к вылету из парламента и многих местных администраций. Вряд ли ПДО без поддержки ПРК сможет противостоять турецким партиям, тем более в условиях одного из самых высоких в мире предвыборных барьеров.

Несмотря на отказ ПДО последовать совету ЕС дистанцироваться от ПРК и осуждать её действия, ЕС всё же предупре-

ждал турецкие власти не распускать ПДО. ЕС понимал, что эта партия является реальной политической силой, точнее – представителем наиболее крупной военно-политической силы курдов Турции, хотя и обосновывал свою позицию демократическими нормами[298]. Вместе с тем в связи с закрытием ПДО ЕС выражал лишь «озабоченность»[299], как и ранее, ничего не предпринимая против Турции, осуществляющей «недемократические действия», и рекомендуя турецким властям привести турецкий закон о партиях в соответствие с европейскими стандартами. Подобный подход был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, ЕС понимал, что у ПДО (ПРК) на такой случай есть партия, которая займёт место ПДО, и фактически произойдёт лишь смена вывески ПДО. Во-вторых, ЕС никогда ради курдской проблемы не ставит под вопрос важность своих отношений с Турцией.

Представители ЕС убеждают турецкие власти принять новую гражданскую конституцию, которая заменила бы принятый во время военного режима основной закон. В новой конституции предлагается отдельно обозначить курдов. При этом представители Евросоюза постоянно заявляют, что ЕС не собирается менять свою позицию в том, что ПРК является террористической организацией. Более того, европейские политики считают, что демократизация страны и предоставление национальных прав курдам ослабит поддержку ПРК курдским населением Турции. Еврокомиссия пытается и несколько «диверсифицировать» курдскую проблему, выведя её из-под монополии ПРК, организовывая встречи с другими курдскими партиями, не аффилированными с нею. Так, представители Еврокомиссии проводят встречи с руководителями XAK-PAR, хотя эта партия не имеет практически никакого влияния среди курдов.

Примечательно, что руководители ЕС в отношении Турецкого Курдистана уже начали употреблять термин «Курдистан»[300]. И это уже не становится причиной больших скандалов во взаимоотношениях с Турцией.

Турецкие власти, соглашаясь с необходимостью внесения изменений в конституцию, фактически заморозили этот процесс. Они открыто заявляли еврочиновникам в 2008 г., что в сложной политической обстановке в стране, особенно в преддверии назначенных на март 2009 г. местных выборов, делать этого не будут. Тем более, что власти предполагают

внести лишь косметические изменения в конституцию, не признавая курдскую идентичность.

Шаги, которые предпринимает Турция, в том числе и благодаря нажиму ЕС, не представляют собой даже полумеры. Так, открыв курдоязычное государственное телевидение, турецкие власти не разрешали вещать на курдском языке другим телекомпаниям.

К концу 2008 г. в кулуарах ЕС всё больше стали говорить о том, что уже не верят Эрдогану, осуществляющему «старую политику» Турции. ЕС осознал, что риторика турецких властей не подтверждается действиями.

В 2004–2005 гг. ПРК возобновила военные действия и активизировала свою работу, в том числе в странах Европы, где у неё имеется множество аффилированных организаций, и усилилось давление ЕС на Турцию по вопросу предоставления курдам национальных прав. Турецкие власти в связи с этим регулярно стали заявлять, что страны ЕС поддерживают терроризм, имея в виду ПРК.

Так, 11 декабря 2007 г. заместитель начальника генерального штаба Турции генерал Эргин Сайгун заявил, что «позиция некоторых стран Европы, включая союзников Турции, позволяет террористической организации [ПРК] находить новые базы для своих операций». Э. Сайгун отмечал также, что несмотря на то, что ЕС «предпринял определённые шаги в отношении ПРК», её представители и сторонники «осуществляют пропагандистскую работу в Европарламенте, а также в парламентах Франции и Великобритании»[301].

Во время встречи с послами стран ЕС в Турции в начале марта 2008 г. Эрдоган обвинял ЕС в «двойных стандартах» и «неискреннем подходе» в отношении терроризма. Премьер-министр Турции заявил, что лица, обвиняющиеся в терроризме и разыскиваемые Интерполом, спокойно путешествуют из страны в страну, а потом оказываются в Кандиле (на базах ПРК). А в середине 2007 г. Турция даже обратилась в Антитеррористический комитет СБ ООН с жалобой на Австрию, которая не арестовала высокопоставленного члена ПРК Риза Алтуна, уехавшего из Австрии в Ирак[302]. О «неискренности» ЕС в деле признания ПРК террористической организацией заявлял в середине октября 2007 г. и вице-премьер Турции Джемиль Чичек, считавший, что иначе Евросоюз не позволял бы свободно действовать на его территории сотням

организаций и многим «политическим деятелям», связанным с ПРК.

Таким образом, Европейский союз весьма активно использует курдскую проблему в своих отношениях с Турцией. Курдская проблема играет для ЕС сугубо функциональную роль. Несмотря на попытку Брюсселя представить свой интерес к положению курдов как желание улучшить ситуацию с правами человека, для Евросоюза, как и его отдельных членов, права курдов не представляют никакой ценности. Курды рассматриваются лишь в контексте взаимоотношений и противоречий с Турцией, являющейся, безусловно, одной из крупнейших евроазиатских держав и имеющей для ЕС важнейшее значение. Права человека (по крайней мере, в отношении Турции в части курдской проблемы) являются для ЕС одним из инструментов прагматичной внешней политики. При этом совершенно очевидно, что Евросоюз заинтересован в наличии у Турции серьёзных проблем на этом направлении. Критикуя Турцию, ЕС никогда не осуществляет на эту страну радикального нажима, чтобы потребовать реального улучшения ситуации с правами человека, не желая отталкивать от себя «вечного правонарушителя». Политика некоторых членов Европейского союза полностью подтверждает именно антитурецкую направленность их интереса к курдской проблеме. Так, Греция (как и Республика Кипр) открыто поддерживала ПРК, ведущую вооружённую борьбу с турецкими войсками, однако ни разу за последнее десятилетие не заинтересовалась положением курдов в Турции и обеспечением прав человека в Турецком Курдистане. Депутаты парламента Греции, представители спецслужб, многочисленные «общественные организации» регулярно навещали Абдуллу Оджалана и базы ПРК в Ливане и Сирии, тем самым одобряя убийства Партией рабочих Курдистана турецких военнослужащих. Однако после захвата Оджалана и прекращения ПРК вооружённой борьбы Греция «забыла» о существовании курдского вопроса. Грецию никогда не интересовало положение с правами человека в Ширнаке, Хакяри и Джезире, поэтому греческие представители никогда и не думают посещать эти регионы с правозащитной миссией.

Евросоюз очень активно использует курдскую проблему и ПРК как крупнейшую военно-политическую силу Курдистана. Хотя ЕС и идёт время от времени на уступки Турции, всё же никогда «не сдаст» окончательно ПРК. Включая эту партию

в террористический список, ЕС весьма лояльно относится к многочисленным организациям, созданным ПРК. ЕС заинтересован в ведении боевых действий против турецких властей, рассматривая это как очередную возможность в вечном торге с Турцией.

Подобная политика европейских держав имеет долгую историю.

Безусловно, эта политика ЕС временно предоставляет определённые преимущества и курдам, позволяя им выживать в борьбе против «своих властей», давая возможность манёвра для действий за рубежом, использовать ресурсы и т.п. Однако всё это носит временный и ограниченный характер.

Лидер ПРК Абдулла Оджалан понял это лишь во время своего нахождения в Европе и после своего ареста. Как писал после своего захвата А. Оджалан: «Четыре месяца, проведённые в трёх европейских столицах Европы, раскрыли мне некоторые важные истины. ...У Европы нет справедливой курдской политики. Она всего лишь использует курдский фактор в качестве аргумента при предъявлении каких-либо требований к Турции. Собственно говоря, продолжается та же политика, что и действовала на протяжении последних двух столетий... Им необходим курдский фактор...»[303]. Этот отрывок удивительно точно характеризует политику европейских стран в отношении курдов, однако трудно согласиться, что у этих держав должна быть «справедливая политика в отношении курдов». У европейских стран, как и у всех других государств, есть одна «справедливая политика» – защита и обеспечение своих интересов, а не забота о курдах, тутси и других народах, хотя, безусловно, европейские лидеры могут «сожалеть» о различных трагедиях и «делать всё возможное для их предотвращения». Вместо того, чтобы поучать внешние державы и ожидать от них «справедливой и искренней поддержки курдов», курдские политические силы должны учитывать интересы внешних держав и изучать их политику.

Безусловно, всё это говорит о большой трагедии в курдском движении. Один из крупнейших курдских политиков современности (вне зависимости от отношения к нему), лидер мощного движения, десятилетия выживавший в сложнейшей политической борьбе на Ближнем и Среднем Востоке, лишь после своего ареста понял прописные истины политики европейских держав.

Следует отметить, что и в средствах массовой информации ПРК появляются реалистичные оценки роли и политики европейских держав в курдском вопросе. Так, в одной из статей, опубликованной в газете *«Azadiya Welat»*, отмечалось, что нынешние проблемы курдов во многом обусловлены политикой государств Европы. Роль Англии в разделе Курдистана и подавлении курдских восстаний общеизвестна. Хорошо известно также, что кемалистский проект по созданию моноэтнической Турции был основан на французском примере насильственной ассимиляции других народов. Большая литература имеется и по турецко-германским отношениям, в том числе по вопросу поставок вооружений из ФРГ в Турцию в 90-е годы. Идеализирование Европы (ЕС) и её организаций, как наиболее прогрессивных и демократических является ошибочным. Одной из основ ЕС является торговля, и для защиты своих насущных интересов ЕС забывает и о демократии, и о правах человека. В этом смысле политика ЕС мало отличается не только от политики Соединённых Штатов, но и Турции, Ирана и Сирии[304].

2.7. Политика ЕС в отношении иракских курдов

До создания «зоны безопасности» в Курдистане

В 80-х годах для стран ЕЭС саддамовский Ирак являлся важным экономическим партнёром на Ближнем и Среднем Востоке. Европейские компании активно работали с иракскими властями. Как известно, иракские власти именно при помощи европейских компаний создавали химическое оружие. Безусловно, европейцы не могли не понимать, что оно будет использовано с большой вероятностью либо против курдов, либо против Ирана, что собственно и произошло.

При рассмотрении позиции стран Европы в отношении вопроса применения химического оружия против курдов следует отметить ситуацию, связанную с организацией в январе 1989 г. в Париже конференции о запрете химического оружия. Курдские представители тогда прибыли в Курдский институт в Париже и пытались рассказать участникам конференции о применении иракскими властями химического оружия против мирных

жителей в Иракском Курдистане. Более того, они привезли с собой жертв химического оружия (оставшихся в живых, но сильно пострадавших от химического оружия). Однако никого не интересовали реальные жертвы химического оружия (курды), никто и не думал выслушивать курдов. Запад (США и европейские страны) и СССР не собирались осуждать Саддама Хусейна[305]. На этой конференции, как ни в чём ни бывало, участвовали представители Ирака, подписавшие Заключительный акт парижской конференции государств – участников Женевского протокола 1925 г., и других заинтересованных государств, а также Заключительную декларацию[306].

Курдские лидеры нередко обвиняли европейские страны в игнорировании принципов демократии и прав человека при экономических отношениях с Ираком. Так, глава ПСК Дж. Талабани утверждал, что Франция жертвует «всеми ценностями демократии и прав человека в угоду коммерческой политике». Как отмечал Талабани, «Франция играет двойную игру. Она опасается свержения иракского правительства из-за своих коммерческих связей с этой страной»[307].

От создания «зоны безопасности» до свержения Саддама Хусейна

С самого начала 90-х гг., когда ЕС (до 1993 г. Европейское экономическое сообщество – ЕЭС), пытался нащупывать свою «независимую внешнеполитическую линию», еврочиновники в Брюсселе начали уделять внимание ситуации в Ираке и Иракском Курдистане. ЕС сыграл весьма важную роль в создании «зоны безопасности» в Иракском Курдистане в 1991 году. Как известно, 5 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию № 688 (против проголосовали Зимбабве, Йемен и Куба, считавшие, что этот вопрос не входит в компетенцию ООН и резолюция создаст опасный прецедент, воздержались – Китай и Индия, также заявившие, что этим вопросом ООН не должна заниматься). 7 апреля 1991 г. авиация Соединённых Штатов начала сбрасывать продукты питания, 8 апреля госсекретарь США Джеймс Бейкер пообещал курдам направить продукты питания и медикаменты, а президент Джордж Буш-старший создал программу защиты курдских беженцев с воздуха под названием *Operation Provide Comfort*. 10 апреля Соединённые

Штаты запретили иракской авиации пересекать 36-ю параллель. К началу мая количество военнослужащих ООН достигло максимума – 15 тысяч человек. При этом кроме военнослужащих Соединённых Штатов участие в оказании гуманитарной помощи курдам принимали французские, голландские, итальянские, британские военные. Первая фаза операции продлилась до 12 июня 1991 г., в ней всего приняли участие 21,7 тыс. военнослужащих из 7 стран.

На саммите ЕЭС в Люксембурге 8 апреля 1991 г. оказание гуманитарной помощи иракским курдам было важнейшим вопросом встречи. Французы предлагали как-то защитить курдов, однако конкретный план по созданию «зоны безопасности» выдвинул премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, который был единодушно поддержан всеми странами ЕЭС. На оказание помощи курдским беженцам было выделено $185 млн. Примечательно, что тогда один из еврочиновников заявил, что «курды спасли саммит»[308], имея в виду, что беда курдов объединила европейцев и стремление увеличить свою роль на международной арене отодвинуло на второй план существовавшие проблемы.

Однако о реальной внешней политике ЕС в отношении Южного Курдистана говорить всё же не приходится. Ситуация в Ираке после войны в Персидском заливе и создания на севере страны «зоны безопасности» полностью и монопольно находилась под контролем Вашингтона. Участие Великобритании в этом процессе нисколько не противоречит данному факту. Совершенно очевидно, что Великобритания участвовала в этом процессе (и в военной операции против Ирака в 2003 г.) не как европейская держава, а как союзник Соединённых Штатов. Участие Франции до 1996 г. в патрулировании «зоны безопасности» также фактически не имело никакого значения. Франция не играла определяющей роли в этом процессе, лишь «разбавляя англо-саксонский тандем». Поэтому сегодня уже мало кто помнит полёты французских ВВС над небом Иракского Курдистана.

Следует отметить также, что хотя Франция несколько раз на самом высоком уровне пыталась организовать различные межкурдские форумы, однако с точки зрения реальных политических процессов совершенно очевидно (и курдские лидеры регулярно признают это), что судьба курдов решается лишь в Вашингтоне, а европейские столицы и евроструктуры имеют

для курдов лишь морально-психологическое значение и рассматриваются с точки зрения попытки диверсификации своих отношений с зарубежными странами.

С конца 90-х годов Южный Курдистан начал активную регулярную дипломатическую работу в Европе. В 1998 г. Парламент Курдистана (контролируемый ДПК) принял решение об открытии при ЕС представительства РегПК, которое начало действовать с 1999 года. Представительство находится в Брюсселе и имеет отделения при ЕС, Совете Европы, Европарламенте и других структурах ЕС. Также это представительство выполняет функции представительства Курдистана в странах Бенилюкса. Главой представительства был назначен Бурхан Намик Джаф.

Благодаря деятельности представительства Европарламент в 2000 г. дважды приглашал на свои мероприятия премьер-министра РегПК в Эрбиле Нечирвана Барзани. Европарламент посещал также председатель парламента Курдистана Рож Нури Шавейш.

Именно в морально-психологическом контексте следует рассматривать и принятую Европарламентом 18 мая 2002 г. резолюцию по Ираку под названием «Ситуация в Ираке: 11 лет после войны в Персидском заливе»[309].

Чуть ранее, 23 апреля 2002 г. комитет по правам человека и внешним сношениям ЕС одобрил доклад по этой теме.

Европарламент признавал прогресс, достигнутый Курдистаном в деле развития демократии.

Особую поддержку Европарламент выражал курдам, проживающим в районах этногеографического Иракского Курдистана, не подконтрольных курдистанской администрации и подвергавшихся арабизации со стороны иракских властей.

В резолюции говорилось, что Ирак «продолжает оставаться угрозой региональной стабильности и безопасности мира», а иракское правительство последние 11 лет продолжает проводить политику террора и нарушения прав человека в отношении курдов, туркмен и айсоров на севере страны и шиитов на юге. Саддам Хусейн обвинялся в поддержке акций палестинского терроризма. Европарламент также отмечал, что продолжается политика арабизации и этнических чисток в регионах Киркука, Синджара, Мандали, Джалаула и Мосула, находящихся под контролем иракского правительства. Речь шла о 800 тыс. внутренне перемещённых лиц курдского, туркмен-

ского и ассирийского происхождения, которые сейчас живут в трёх курдских провинциях, находящихся под контролем курдских администраций.

Европарламент жёстко осуждал широкомасштабные нарушения прав человека и международного гуманитарного права иракским правительством, политику дискриминации и террора, проводимую властями Ирака. Резолюция Европарламента призывала иракское правительство полностью выполнять свои обязательства по конвенциям прав человека и международному гуманитарному праву, уважать права всех этнических и религиозных групп, немедленно прекратить практику насильственной депортации и переселений. В п. 11 говорилось об уважении к уже достигнутому улучшению в трёх провинциях на севере Ирака с точки зрения развития гражданского общества. Резолюция призывала Комиссию ЕС выработать активную стратегию с применением следующих мер:

- расследовать и заморозить нелегальные финансовые активы иракского руководства в ЕС;
- запретить доступ ведущих членов иракского режима в ЕС;
- осуществлять мониторинг нарушений прав человека;
- оказывать помощь иракцам в изгнании;
- поддерживать демократический эксперимент курдской администрации в Северном Ираке; оказывать помощь Северному Ираку, не только в гуманитарной области, но и в области здравоохранения, производства продуктов питания, экономики, социальных нужд, образования, свободы выражения и прессы и в др. секторах общества, создать программу поддержки по обезвреживанию мин;
- оказывать максимальное давление на иракский режим для прекращения репрессий, в первую очередь массовых экзекуций, арестов, кампаний внутренних переселений и этнических чисток в курдском регионе, находящемся под контролем центральных властей;
- обеспечивать долгосрочную непрекращающуюся защиту иракского населения, в особенности курдского и шиитского населения[310].

Руководство Курдистана весьма позитивно восприняло эту резолюцию Европарламента и призывало Евросоюз разработать и осуществить в Курдистане стратегический план по поддержке демократического эксперимента и развитию гражданского общества.

Курдские лидеры осознавали, что судьба Южного Курдистана определяется в Вашингтоне, а Евросоюз не представляет в курдском вопросе ощутимую силу, которая может проводить самостоятельную политику. Тем не менее они немалое значение придавали европейскому направлению своей дипломатии. Особенно это было заметно в преддверии американской кампании против Ирака. Курдские лидеры считали важным для Южного Курдистана иметь поддержку европейского общественного мнения и моральную поддержку европейских властей. Курдские власти призывали Евросоюз играть большую роль в курдских и иракских делах. Они желали привлечь Евросоюз к участию в курдском вопросе, чтобы интернационализировать вопрос Южного Курдистана и несколько ослабить монополию Соединённых Штатов.

С конца 2002 г., т.е. в преддверии военной кампании США против Ирака, курдских лидеров стали принимать на самом высоком уровне в Евросоюзе. В конце ноября 2002 г. Масуд Барзани и Джалал Талабани впервые встретились в Брюсселе с Верховным комиссаром ЕС по внешней политике Хавьером Соланой. 19 декабря 2002 г. после завершения саммита оппозиции в Лондоне главы ДПК и ПСК М. Барзани и Дж. Талабани провели переговоры с премьер-министром Великобритании Тони Блэром. Это была первая встреча курдских лидеров с Т. Блэром, ранее они встречались лишь с Дж. Мейджором как главой правительства Великобритании. Однако следует всё же признать, что политику Великобритании в иракском вопросе, как и, впрочем, по многим другим глобальным проблемам, лучше идентифицировать не с внешней политикой ЕС, а с американской дипломатией.

Выражением позиции ЕС были скорее антивоенные демарши ФРГ и Франции, которые, как считали курдские лидеры, противоречили интересам Южного Курдистана и Ирака в целом. Германию и Францию весьма жёстко критиковал лидер ПСК Дж. Талабани. Как заявлял Талабани, «Франция не принимает во внимание желания и права иракского народа». О Германии Талабани заявил следующим образом: «Германия боится, что после свержения Саддама Хусейна будут обнаружены документы, подтверждающие, что она помогала [Ираку], программы химического оружия, и курды потребуют компенсации»[311]. Впоследствии выяснилось, что основную долю поставок химического оружия баасистскому режиму осуществляли голландские и германские компании.

Германию критиковал и лидер ДПК Масуд Барзани за то, что Берлин «игнорирует курдскую проблему в Ираке», «ни разу не выразил своего мнения по вопросам федерализма» и что «немецкие фирмы поставляли режиму Саддама химическое оружие и несут моральную ответственность за трагедию Халабджи».

После свержения баасистского режима

После свержения баасистского режима ЕС открыл информационный центр в Багдаде. Хотя власти Курдистана настойчиво предлагали Евросоюзу открыть информационный центр (либо какой-то офис) в Курдистане, ЕС отказался сделать это, осуществляя все свои программы через багдадское представительство. Это вызывало недовольство курдистанской администрации, считающей, что сложная ситуация в Багдаде препятствует осуществлению различных инвестиционных и гуманитарных проектов ЕС в Курдистане. Кроме того, Евросоюз очень осторожно подходит к инвестициям в экономику Курдистана. Как удивлялся представитель РегПК в ЕС Бурхан Джафф, с одной стороны, страны Евросоюза, считая Южный Курдистан стабильным регионом, депортируют мигрантов из этого региона, не предоставляя им статуса политических беженцев. С другой стороны, европейцы воздерживаются от направления в Курдистан делегаций и компаний, поскольку говорят о том, что Курдистан является не вполне безопасным регионом[312].

Однако в подобном поведении ЕС нет ничего удивительного. Отказ от приёма беженцев из этого региона никоим образом не связан с инвестиционной привлекательностью. Тем более, что ЕС рассматривает Курдистан не с точки зрения его экономического развития, например, развития его аграрного и промышленного сектора и импорта сельскохозяйственной и иной продукции из Курдистана. Курдистан может быть интересен лишь с точки зрения экспорта энергоносителей и импорта европейских товаров, то есть сугубо в неоколониальном смысле.

Южнокурдистанские власти проявляют особую заинтересованность к процессу принятия Турции в ЕС. Они считают, что изменения, происходящие в Турции, предоставляют огромные возможности не только турецким, но и иракским курдам. Принятие Турции в ЕС, пусть даже в самой отдалённой перспективе, значительно сблизит с Евросоюзом и Иракский Курдистан.

В случае присоединения Турции к Евросоюзу кроме общей границы с ЕС Иракский Курдистан может получить в лице турецких курдов важный этнодемографический мост в отношениях с Европой. Однако сложности в отношениях между турецкими курдами и Южным Курдистаном, а также давление южнокурдистанских властей на диалект курманджи, на котором говорит большинство курдов Турции, принизили роль Иракского Курдистана для турецких курдов.

Власти Южного Курдистана пытаются подключить к ситуации в Ираке Евросоюз, вовлечь его в ситуацию в Курдистане. В мае 2007 г. и ноябре 2009 г. во время выступлений в Европарламенте и Европейском Союзе более активно участвовать в различных проектах в Курдистане призывал европейцев президент Курдистана Масуд Барзани. Однако Евросоюз воздерживается от активной политики в этом регионе, предпочитая осторожные отношения. Лишь некоторые страны ЕС пытаются «войти» в Южный Курдистан, и то большей частью культурно-гуманитарным путём. Именно так действуют Франция, Германия, отчасти Швеция.

Примечательна также позиция Греции в отношении Южного Курдистана. Греция в 90-х годах очень поддерживала ПРК, и греческое общественное мнение было настроено сильно прокурдски (точнее – прооджалановски) и антитурецки. Однако позиция Афин, традиционно (до ареста А. Оджалана) благоприятно воспринимаемая среди курдов, в отношении Южного Курдистана состояла (и состоит) в следующем. Греция и Республика Кипр опасались, что если США окажут на Турцию давление для того, чтобы Анкара «молчаливо одобрила» либо хотя бы безразлично отнеслась к созданию независимого государства в Южном Курдистане, Турция может потребовать от США признания Турецкой Республики Северного Кипра. Поэтому, понимая, что при обсуждении вопроса Южного Курдистана Вашингтоном в любом случае будет учитываться позиция Анкары, Афины и Никосия беспокоились о возможной сделке между американцами и турками. Греция и Кипр считали, что Турция, не сумев противостоять нажиму американцев, будет выторговывать у США, которые не могут не учитывать важную роль Турции в регионе, новые условия.

Новый этап в политике стран Европейского союза по отношению к Южному Курдистану можно наблюдать с 2008 г., когда крупнейшие страны ЕС стали открывать в Эрбиле консульства.

В 2008–2009 гг. в Эрбиле были открыты консульства крупнейших стран ЕС – Франции и ФРГ.

Консульство Франции возглавил известный французский врач Фредерик Тиссо (Dr. Frederick Tissot). На торжественной церемонии открытия, состоявшейся в начале июня 2008 г., присутствовали премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани и министр иностранных дел Франции Бернар Кушнер, начавший свою речь словами: «Да здравствует Курдистан!»

18 февраля 2009 г. в Эрбиле состоялась церемония открытия консульства ФРГ, на которой присутствовали премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани и министр иностранных дел Германии Франк Вальтер Штайнмайер. В своём выступлении на церемонии открытия Н. Барзани назвал день открытия консульства ФРГ в Эрбиле «историческим», знаменующим собой «начало новой эпохи в германо-курдистанских отношениях». Н. Барзани назвал Германию «важнейшим партнёром», особо отметив возможность осуществления различных германских проектов в Курдистане, в частности, открытие Института Гёте. Примечательно, что в упомянутом выступлении премьер-министр Курдистана, особо отметив, что «ЕС не может закрывать глаза на преступления», совершенные против курдов баасистским режимом, призывал Европарламент принять резолюцию по этому вопросу.

Глава МИД ФРГ во время визита в Курдистан был принят также президентом Курдистана Масудом Барзани.

В декабре 2007 г. в Эрбиле был открыт и офис посольства Великобритании в Ираке, которое возглавил опытный британский дипломат Роберт Вильсон. Однако, как мы уже отмечали, деятельность Соединённого королевства в Ираке необходимо рассматривать в контексте американской политики.

Для расширения международных связей Южного Курдистана весьма важным является также открытие дипломатических представительств других стран ЕС – Польши, Чехии, а также стран Европы, не входящих пока в Европейский Союз (Хорватия). Эти страны, как известно, в международной политике активно взаимодействуют с Соединёнными Штатами.

Итак, европейские страны только начали проникать в Иракский Курдистан. Однако они понимают, что им вряд ли можно рассчитывать на серьёзное политическое влияние в этом регионе. Как отмечал французский консул в конце 2008 г., Франция фактически не играет никакой роли ни в Ираке, ни в Ирак-

ском Курдистане[313]. Европейские страны делают упор на образовательные программы – предоставление грантов на обучение, открытие культурных центров и языковых курсов, детских садов, школ. В частности, в Южном Курдистане уже начали функционировать немецкие и французские образовательные учреждения. Наблюдается проникновение в Курдистан и французских компаний. Так, французская компания *La Farge* инвестировала 750 млн. долл. в цементный завод в Базиане (Басиане), в 30 км от Сулеймании. Мощность завода, начавшего действовать с середины 2008 г., составляет 2,5 млн. т (половина потребности всего Ирака в цементе). Компания владеет также цементным заводом в Таслудже (в 30 км от завода в Базиане), мощность которого также составляет 2,5 млн. т в год. Завод в Таслудже она получила в результате поглощения компании Orascom Cement в январе 2008 года. На обоих заводах занято около 2 тыс. человек[314]. Французы также интересовались розничной торговлей Курдистана, планируя открыть гипермаркеты[315].

* * *

Таким образом, курдский вопрос играет весьма важную роль во внешней политике Европейского Союза и его членов. При этом ЕС сконцентрирован в первую очередь на курдской проблеме в Турции, что обусловлено значением Турции. Взаимоотношения с Анкарой для ЕС являются жизненно важными, как в экономическом, так и в политическом отношениях. Турция является крупным торгово-экономическим партнёром ЕС и играет большую роль в обширном регионе Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья, Черноморского бассейна и Южного Кавказа. Одним из основных вопросов отношений Турции с ЕС в последние несколько десятилетий является проблема присоединения к этому союзу Турции. ЕС не желает принимать Турцию в свои ряды вследствие различных факторов, связанных с размерами этой страны, в основном расположенной за пределами европейского континента, и граничащей с другими государствами Ближнего и Среднего Востока. В то же время он не отчуждает Анкару, понимая её непреходящее значение, желая видеть её в качестве крупного партнёра и буфера с другими (нестабильными) регионами. В этой политике Евросоюз активно использует курдскую проблему, которая, несмотря на все гуманитарные и правовые аспекты дея-

тельности ЕС, играет для него сугубо функциональную роль. Риторика руководства ЕС и властей стран, входящих в Евросоюз, касающаяся защиты прав человека в Турции и предоставления курдам национальных прав, подчинена политическим целям.

В 90-х годах использование курдского фактора происходило в ЕС на двух уровнях – непосредственно на уровне Евросоюза и на уровне отдельных стран, имеющих противоречия с Турцией. Однако с 2000-х годов отдельные государства существенно снизили уровень использования курдской проблемы в своих противоречиях с Турцией, и курдский фактор чаще используется во взаимоотношениях с Анкарой Евросоюзом в целом либо декларируется странами ЕС в качестве вопроса также по общеевропейским проблемам.

Южный Курдистан имеет для ЕС меньшее значение. Понимая, что в Ираке главную роль играют США, Евросоюз сделал ставку на мягкое проникновение в Иракский Курдистан, используя гуманитарные, образовательные и экономические средства.

Глава III

КУРДЫ И РОССИЯ: БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ. ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КУРДСКОГО ВОПРОСА

В отечественном курдоведении отсутствуют исследования по *реальной* политике постсоветской России в отношении курдов. Не вызывает сомнений, что публиковавшиеся в партийной печати курдских партий, большей частью ПРК, статьи по политике России в отношении курдского вопроса, точнее – о том, как Россия ***должна*** вести себя в отношении курдов, являются некачественной пропагандой.

Создаётся странная ситуация: российские курдоведы, научные сотрудники российских научных организаций не затрагивали этот вопрос, предпочитая изучать не имеющие отношения к постсоветской России вопросы или исследовать сугубо исторические аспекты. А в тех случаях, когда мимоходом затрагиваются вопросы интересов России в курдском вопросе, как правило, мы имеем дело с размышлениями, не имеющими ничего общего с реальностью. Хотя, очевидно, что Россия не могла не иметь никакой позиции в отношении курдов, так как в её внешней политике немалая роль придаётся отношениям с Ираком и Турцией, в которых остро стоит (стояла) курдская проблема, и в силу интересов (точнее – «остатков интересов») России на Ближнем и Среднем Востоке в целом. «Безразличие» России к курдам не было отсутствием политики. Напротив, это тоже определённая политика.

Как писал в 1993 г. один из наиболее авторитетных курдоведов проф. М.С. Лазарев, Россия не участвует в мировой политике в отношении курдов. «Её официальная позиция по курдскому вопросу в его современном состоянии никак не заявлена. Количество и качество публикаций в прессе и материалов в электронных средствах массовой информации в России несравнимы с таковыми в западных странах. Курдоведение в академических институтах приходит в упадок, а в университетах почти не преподаётся»[316]. М.С. Лазарев в этой статье, бывшей

тогда, по сути, единственной по политике России в отношении курдов, призывал не забывать «государственные интересы России на Востоке, особенно фундаментального, долговременного характера, в том числе, а может быть, в первую очередь в бурлящем Курдистане». Он предлагал российским властям осуществить ряд недорогостоящих, но весьма перспективных действий, которые способствовали бы сохранению влияния России в Курдистане, где место России активно занимал Запад. Однако Москву Курдистан не интересовал.

Пониманием этого прискорбного для курдов обстоятельства была пронизана статья Ш.Х. Мгои, опубликованная в 1997 году[317]. Однако известный курдовед считал, что подобная политика России в отношении курдского вопроса не соответствует «геополитическим интересам России»[318]. Более того, в качестве «иллюстрации позиции» российского внешнеполитического ведомства по курдскому вопросу вообще Ш.Х. Мгои считал полное молчание российских властей в связи с «государственным терроризмом» «в отношении курдских деятелей» (речь шла о решении берлинского суда, который установил, что расстрел генсека Демократической партии Иранского Курдистана Садека Шарафкенди был организован высшим руководством Ирана. – Н.М.)[319]. Позже он называл политику России по курдскому вопросу неполноценной и неэффективной. По его мнению, «порочна и бесперспективна практика, при которой одним из средств или методов поддержания «добрососедских отношений» [России] с государствами, где существует курдская проблема, является игнорирование курдского вопроса»[320]. Очевидно, что двусторонние отношения России со странами, имеющими в своём составе части этногеографического Курдистана, не могут определяться наличием в этих странах курдской проблемы, хотя исходя из внутренней динамики, курдский вопрос может быть принят во внимание, что не означает поддержки курдов. Ш.Х. Мгои было «непонятно» и представлялось «нелогичным», что «Россия со своими богатыми традициями федерализма остаётся безучастной, например, к требованию курдов Ирака о федерации как форме решения курдского вопроса в этой стране...»[321] Однако международная политика представляет собой жёсткую систему прагматичных отношений, не имеющих никакой связи с моралью и «непорочностью». Ш.Х. Мгои утверждал, что «по непонятным причинам игнорируется очевидный факт совпадения геополитических интересов России в ре-

гионе с курдским национальным движением, нацеленным на удовлетворение национально-демократических прав многомиллионного народа»[322]. Однако очевидно, что никакого факта совпадения геополитических интересов России с курдским национальным движением нет и не может быть априори. Фразы об «очевидных фактах совпадения геополитических интересов» являлись ни чем иным, как нежеланием объяснить факты игнорирования Россией курдов и курдских партий.

Выражая сожаление (что представляет собой эмоциональную категорию, поэтому сложно поддающуюся анализу и оценке) нынешней политикой России в отношении курдов, профессор Ш. Мгои замечал, что «новая демократическая Россия не может оставаться безучастной к судьбе многомиллионного народа...»[323], не объясняя невозможности подобной политики, которая и стала единственной реально проводимой.

Ещё одна статья М.С. Лазарева, посвящённая отношениям России с курдами, была опубликована в конце 2001 года[324].

В ней[325] рассматривалась в основном политика СССР по курдскому вопросу и лишь несколько страниц посвящены современному периоду. М. Лазарев считал, что «Москве и в самом деле не до курдов»[326], однако «Россия, несмотря на переживаемый ныне ею поистине трагический и критический момент в её истории, не может оставаться нейтральной по отношению к событиям, происходящим в Курдистане»[327]. Но Россия, как известно, всё же никак не реагировала на события в Курдистане. Затрагивая вопрос о национальных интересах постсоветской России, М.С. Лазарев писал о необходимости решения курдского вопроса «на основе предоставления всему курдскому народу его неотъемлемого, естественного, законного и общепризнанного современным и международным сообществом права на свободу и самоопределение вплоть до образования собственного государства». Это, по мнению М.С. Лазарева, позволило бы курдской проблеме «перестать быть одной из главных причин постоянной напряжённости на Ближнем Востоке» и перестало бы служить «источником столь же постоянной угрозы для России»[328].

Однако нам представляется, что российские национальные интересы отнюдь не сконцентрированы на поддержке курдского самоопределения, и, соответственно, не проявляются в этом отношении.

М.С. Лазарев считал, что «свобода для курдов если не стала ещё, то должна стать одной из приоритетных целей ближ-

невосточной политики России» и представляет «её объективный геополитический интерес, который, к сожалению, ещё не всегда и не всеми осознаётся»[329]. Однако курдский вопрос так и не стал приоритетом политики России и, по нашему мнению, вряд ли станет им. Как писал М.С. Лазарев, «генеральное направление политики России в курдском вопросе в современных условиях для объективного аналитика представляется вполне ясным», хотя «конкретные пути её реализации в значительной степени ещё покрыты туманом»[330]. Однако в реальности «генеральное направление» российской дипломатии в отношении курдского вопроса как раз состояло в отсутствии желания властей страны иметь какие-либо официальные контакты с курдами.

По мнению М.С. Лазарева, отсутствие внятной внешней политики России, переживающей «переходный этап в своей истории», приводило к «недооценке самостоятельного значения курдского вопроса для государственных интересов России»[331]. Между тем руководители России и российской дипломатии не раз заявляли, что страна уже прошла этап становления внешнеполитического курса. В официальных документах по внешней политике России (в отличие от США) курдам не отводилось никакого места.

Одним «из негативных моментов в отношении современной России к курдской проблеме», по мнению М.С. Лазарева, являлось «отсутствие согласованности в действиях различных государственных структур»[332]. Однако, с нашей точки зрения, некоторая неразбериха, господствовавшая в первой половине 1990-х гг. в управлении внешней политикой России, и выражавшаяся в различных заявлениях по внешнеполитическим вопросам, была жёстко пресечена ещё в середине 90-х гг., в частности, Указом Президента РФ от 12 марта 1996 г. № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Тем более, что в начале 1996 г. министром иностранных дел был назначен Е.М. Примаков. По крайней мере, с этого времени координирующая роль МИД России в проведении внешней политики не вызывает никаких сомнений. Хотя и до этого реальную внешнюю политику страны и в этот сложный период монопольно осуществляли президент и МИД страны. Тем более это было очевидно в эпоху президентства Владимира Путина.

«Более того, – писал М.С. Лазарев, – имеют место контрдействия со стороны недобросовестной оппозиции, заметно ослабляющие эффективность тех или иных внешнеполитических мероприятий. ...Доморощенные левые прокоммунистические силы открыто демонстрируют симпатию к позорному террористическому режиму Саддама Хусейна и тем самым заметно роняют престиж России у курдов»[333]. Однако хорошо известно, что именно российские власти на протяжении многих лет поддерживали «позорный террористический режим Саддама Хусейна». Для МИД и руководителей России режим Саддама Хусейна являлся не «позорным и террористическим», а законным и партнёрским. Падению престижа России в Курдистане способствовала политика российских властей, а не «недобросовестная оппозиция». Подавляющее большинство населения Курдистана не знало представителей прокоммунистических сил, тем более их заявлений, но прекрасно знало о позиции России в отношении Багдада, Анкары и курдов.

В качестве основополагающих принципов, «которым должна следовать курдская политика России», когда «новая Россия окрепнет и начнёт прокладывать самостоятельный путь в Курдистане, и на всём Ближнем Востоке и в других регионах нашей планеты», М.С. Лазарев предлагал принцип «приоритета прав человека», необходимость «признания за курдским народом неотъемлемого права на самоопределение вплоть до образования независимого государства», «интернационализации курдского вопроса, который должен стать самостоятельным и равноправным субъектом в практической деятельности ООН и других международных структур» т.д.[334] Однако российская дипломатия (как и любая другая) вряд ли когда-либо будет действовать на основании указанных принципов.

Кроме того, трудно согласиться с М.С. Лазаревым, что «без России, которой и историей и географией предназначено играть ведущую роль на ближневосточной арене, курдского вопроса не решить»[335].

Вряд ли кто-либо из специалистов-курдоведов лучше М.С. Лазарева понимал политику СССР и Россию в отношении курдов. Однако, по нашему мнению, М.С. Лазарев несколько идеализировал внешнюю политику постсоветской России. Эти исследования М.С. Лазарева, глубоко уважаемого в Курдистане, в немалой степени были направлены на предотвращение

отчуждения курдов от России и играли очень большую роль в сохранении в Курдистане пророссийских симпатий.

Мы не считаем, что 90-е гг. XX в. являлись не заслуживающим внимания российских курдологов периодом с точки зрения анализа политики России в отношении курдов. Совершенно очевидно, что изучение политики и позиции Российской Федерации в этом сложном вопросе должно быть приоритетной темой для российских курдоведов. Более того, по нашему мнению, это десятилетие как раз и стало индикатором степени реальной заинтересованности в курдах постсоветской России, дипломатию которой в настоящее время трудно обвинить в идеологизированности. Нет оснований сомневаться в искренности многочисленных заявлений творцов российской внешней политики о том, что основным её принципом является прагматизм.

Считая, что в целом курс России в отношении курдов (если можно так сказать) полно вписывается в её нынешнее внешнеполитическое поведение, и понимая, что внешнюю политику России формируют и осуществляют вполне дееспособные и квалифицированные президент и МИД страны, мы поставили целью попытаться проанализировать то, что «было», и то, что «есть». То есть нас интересует не то, что «должно быть», а то, что «есть». По нашему мнению, то, что «есть» (особенно на протяжении долгого периода), и является тем, что «должно быть». Россия проводит ту внешнюю политику, которая, по мнению её властей и руководителей, соответствует её национальным интересам. Мы категорически не согласны с широко распространённым в некоторых кругах мнением, что российские власти проводят неправильную или ошибочную политику в отношении курдов.

В своём послании Федеральному собранию Российской Федерации 18 апреля 2001 г. Президент РФ В.В. Путин отмечал, что «нормой в международном сообществе, современном мире является... жёсткая конкуренция – за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние», и «в... этой борьбе России надо быть сильной и конкурентоспособной». Поэтому, утверждал В.В. Путин, «...российская внешняя политика и в дальнейшем будет строиться сугубо прагматично, исходя из наших возможностей и национальных интересов – военно-стратегических, экономических, политических»[336].

Руководство МИД России, говоря в начале 2000-х годов «о главном из того, что будет отличать внешнюю политику

России в предстоящий период», в первую очередь называло «реализм» (во взгляде на международную ситуацию, в постановке конкретных целей, в оценке собственных возможностей) и «прагматизм» (внешняя политика призвана быть действенным помощником в решении задач внутреннего развития, в том числе и в экономическом отношении). При этом, отмечая многовекторность и сбалансированность в географическом отношении внешней политики России, руководство МИД в качестве приоритетов называло СНГ, Европу, НАТО[337].

Курды никак не вписывались во внешнеполитические интересы с точки зрения реального сотрудничества. По крайней мере, так считали и считают власти и ***все*** высшие руководители страны, что и будет показано в этой главе.

Анализ реального отношения России к курдам строится на нескольких простых, но в то же время необходимых для данного исследования истинах, как правило, не учитываемых многочисленными «экспертами», затрагивающими «российско-курдские отношения». К сожалению, нередко не принимаются во внимание система и структура внутренней политики России, механизм принятия внешнеполитических решений и не происходит вычленение «ответственных» заявлений от «безответственных» и «бесполезных».

Итак, вкратце это:

1) Руководство внешней политикой страны осуществляет президент страны. И конституционно (ст. 80 и 86 Конституции РФ) и реально это является совершенно очевидным[338].
2) «Государственное управление в области отношений Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями» осуществляет МИД России.
3) «С официальными заявлениями и инициативами по вопросам внешней политики государства выступают президент Российской Федерации, председатель Правительства Российской Федерации и министр иностранных дел, а другие лица – по их соответствующему поручению.

Официальная информация внешнеполитического характера обнародуется пресс-секретарями Президента РФ и председателя Правительства РФ, Департаментом информации и печати МИД РФ, а также уполномоченными на то министром иностранных дел РФ представителями Министерства» (п. 4 Указа № 375).

Таким образом, реальное влияние Государственной думы на внешнюю политику ограничивается ратификацией договоров. Касающиеся внешней политики (в том числе, например, по поводу курдов[339]) заявления, обращения и т.п., принятые Госдумой, не имеют никакого значения, не говоря уже о высказываниях различных депутатов и/или других людей, не облечённых «внешнеполитической властью». Эти документы имели значение лишь для партийной пропаганды курдских партий, в первую очередь ПРК.

В этом контексте весьма примечательно, например, мнение, высказанное послом России в Турции А.А. Лебедевым[340] сразу же после своего назначения. После вручения президенту Турции Сулейману Демирелю верительных грамот на своей первой пресс-конференции в Анкаре российский посол прокомментировал заявление Государственной Думы «О мирной инициативе в решении курдской проблемы в Турецкой Республике», принятое 9 сентября 1998 года. В этом заявлении нижняя палата российского парламента, поддерживая «инициативу лидера Партии рабочих Курдистана Абдуллы Оджалана, объявившего об одностороннем прекращении курдскими партизанами боевых действий с 1 сентября 1998 года», призывала руководство Турецкой Республики приступить к мирным переговорам»[341]. Как считал А. Лебедев, «это странное заявление». Он призвал турецкие власти не принимать всерьёз заявление российского парламента. Российский посол убеждал Турцию, что заявление Госдумы «ни к чему не обязывает ни Министерство иностранных дел, ни правительство [России]. МИД очень упорно пытался предотвратить его (заявление Госдумы. – Н. М.). Однако хотя он не сумел сделать этого, эта резолюция не может стать преобладающей позицией [России]». Российский посол выражал оптимизм по вопросу развития экономического сотрудничества между Россией и Турцией, отметив, что финансовый кризис в России не повлияет на российско-турецкие экономические отношения, а строительство трансчерноморского газопровода уже началось[342].

В начале ноября 1998 г. после принятия Государственной Думой обращения к президенту РФ с просьбой о предоставлении Абдулле Оджалану политического убежища российский посол в Турции, осудив это решение нижней палаты российского парламента, весьма справедливо заявил, что оно «не будет иметь никакого влияния на проводимую российским пра-

вительством политику». А. Лебедев однозначно заявлял, что Россия ни при каких обстоятельствах не предоставит убежища Оджалану[343].

Таким образом, посол России в Турции весьма верно обращал внимание турецкой стороны на то, что заявления российского парламента нет необходимости принимать всерьёз и позиция Государственной думы нисколько не влияет на внешнюю политику России, если МИД придерживается другого подхода.

Примечательно, что даже руководство Государственной думы уверяло турецких коллег в том, что не будет поддерживать ПРК. В июле 1996 г. во время встречи со спикером турецкого парламента Мустафой Калемли, который посетовал, что ПРК использует всякую возможность, чтобы найти поддержку России, председатель Госдумы Г. Селезнёв заявил: «Это не должно быть проблемой. Некоторые наши депутаты присутствовали на встречах курдов, живущих в России. Однако мы не поддерживаем ПРК. Мы уважаем турецкую конституцию и выбор турок. Дума никогда не поддержит организации, которые осуществляют против Турции террористическую деятельность»[344].

Таким образом, руководство Госдумы фактически относило ПРК к организациям, осуществляющим террористическую деятельность. Подобной позиции придерживалась и администрация президента России, традиционно имеющая большое влияние.

Более того, руководство Думы поддержку ПРК некоторыми депутатами объясняло «всплеском эмоций» и их ангажированностью. Так, при встрече с премьер-министром Турции Б. Эджевитом во время его визита в Москву в начале ноября 1999 г. спикер Госдумы Г. Селезнёв с сожалением отмечал, что «российско-турецкие межпарламентские отношения выстраиваются не совсем ровно из-за всплесков эмоций некоторых ангажированных депутатов»[345].

Руководство администрации Президента России придерживалось той же позиции. В феврале 1996 г. помощник президента Б.Н. Ельцина по внешней политике Дмитрий Рюриков заявил, что «Россия и Турция едины в вопросах о терроризме» и «террористической организации ПРК в России нет места». В заявлении, сделанном для турецких СМИ, Рюриков отметил, что оба государства ведут совместную борьбу против терроризма, и отрицал утверждения, что Россия поддерживает ПРК[346].

Точно так же не имели никакого значения с точки зрения влияния на происходящие процессы, например, принятая Великим национальным собранием Турции 14 декабря 1999 г. декларация, призывающая Россию «положить конец происходящей в Чечне гуманитарной трагедии». В этом заявлении турецкие парламентарии осуждали использование Россией вооружённых сил против «населённых пунктов»[347]. Российский МИД указанную декларацию ВНСТ попросту проигнорировал.

Небезынтересным является и то обстоятельство, что политика постсоветской России в отношении курдов в целом оставалась и остаётся неизменной и при Ельцине, и при Путине, и при Козыреве, Примакове, Иванове и Лаврове, что, конечно же, не случайно.

Известный курдолог Ш.Х. Мгои в середине 1997 г. писал: «Одним из парадоксов внешней политики новой России является то, что коренное обновление её внешнеполитического курса[348] удивительным образом не коснулось курдской проблемы»[349]. Однако очевидно, что это обстоятельство не только не является парадоксом, но и представляет собой фундаментальный принцип, который не ставили под сомнение все руководители российской внешней политики.

Несколько забегая вперёд, осмелимся спрогнозировать неизменность позиции России в отношении курдов, по крайней мере, в краткосрочном плане. Изменение позиции России в отношении курдов может произойти лишь при кардинальных изменениях в самом Курдистане, например, при достижении независимости Иракским Курдистаном. А в нынешней ситуации Россия действует в рамках интереса к Южному Курдистану[350] государств «второго (или даже третьего) порядка» (государства первого порядка, политика которых имеет сильное влияние на ситуацию в Курдистане – США, Великобритания, Турция, Иран)[351].

Понимая, что у России не было «курдской политики» вследствие отсутствия с курдами официальных отношений, тем не менее можно попытаться вычленить курдский элемент в отношениях России со странами, в состав которых входят части этногеографического Курдистана и где действуют курдские военно-политические организации. Ещё одним фактором анализа «политики» России к курдам является её отношение к трём крупнейшим игрокам «курдистанской политической сцены» (ДПК, ПСК и ПРК), представленным в российской столице

и делающим различные заявления по вопросу отношений с Россией.

Таким образом, анализ будет посвящён не «российско-курдистанским отношениям», которых в 90-х годах и начале 2000 г. попросту не было, а отношениям России с государствами региона, в которых присутствует курдский аспект, и с ДПК, ПСК и ПРК. Именно этот смысл и вкладывается в понятие «российско-курдские отношения».

3.1. Россия и иракские курды в 90-х гг. XX в.

3.1.1. Нефтяной фактор в «иракской» политике России

«Южнокурдистанская политика» России (если таковую вообще можно вычленить) в 1990-х гг. во многом совпадала с политикой США, направленной на бессрочное замораживание «иракской проблемы», и определялась до свержения Саддама Хусейна нефтяными интересами России. Москва, для которой цены на нефть являются жизненно важными, не была заинтересована в выходе иракской нефти на мировые рынки. Цена же российской нефти *Urals* («Юралс») зависела в значительной степени от политики Ирака. Российская высокосернистая нефть сходна по качеству с иракским сортом *Kirkuk*. Между тем высокосернистое сырьё ни в Европе, ни в Америке широко не используется по экологическим соображениям. Поэтому экспорт иракской нефти влиял главным образом на цену российской нефти[352]. Так, например, когда в начале января 2001 г. Багдад приостановил экспортные поставки сырья, надеясь таким образом решить проблему цены на собственную нефть, заметно возрос спрос на российскую нефть (*Urals*), в результате чего стала расти и её цена[353].

Иракский экспорт нефти стал одной из причин российского дефолта 1998 года. Хотя падение цен на нефть в 1998 г. было вызвано азиатским кризисом, столь резкое их снижение (баррель нефти тогда стоил чуть более 10 долл.) в некоторой степени было предопределено и действиями Саддама Хусейна. В начале 1998 г. Ирак с разрешения ООН увеличил производство нефти с 0,7 до 2,5 млн. барр./сут. и стал мировым свинг-

продюсером (производящим последний баррель нефти и тем самым определяющим её цену)[354].

Этот фактор обусловливал заинтересованность России в ограничении поставок иракской нефти на мировые рынки. Поэтому заключив «выгодные контракты», используя политическую позицию России, направленную якобы на избавление Ирака от «несправедливых санкций», российские нефтекомпании не спешили приступать к разработке месторождений, ссылаясь на существующий в отношении Ирака режим эмбарго. Главным для российских нефтяных компаний (ЛУКОЙЛ и др.) было застолбить за собой иракские месторождения. Всё это вызывало возмущение иракских властей, грозящих на протяжении нескольких лет аннулировать контракты с российскими компаниями. Например, иракские власти ещё в середине 1999 г. пригрозили ЛУКОЙЛу пересмотром соглашения, «так как российская сторона не выполняет взятых на себя обязательств»[355].

Между тем контракты с российскими нефтекомпаниями были подписаны в первую очередь для того, чтобы заинтересовать Россию предпринять политические усилия для снятия системы санкций против Ирака. Российским технологиям трудно конкурировать с западными, и они могли прижиться в Ираке лишь благодаря дешевизне добычи нефти и, что самое главное, политическим факторам. Например, «Татнефть» несколько лет пыталась начать работать в Киркукском районе. Эта компания вместе с «Зарубежнефтью» заключила с иракскими властями соглашение на бурение более 70 скважин на месторождении Бай-Хасан, однако так и не приступила к его выполнению. Кроме чисто политических проблем, связанных с возможной военной операцией США против Ирака, «Татнефть» сталкивалась и с технологическими проблемами при разработке киркукских месторождений. Российская компания использовала вертикальный способ бурения, который сопряжён с более высокими затратами, чем горизонтальное или направленное бурение. Кроме того, деятельность «Татнефти» осложнял и высокий уровень долга, который компания была обязана погашать, что сказывалось на её инвестиционных возможностях. Другие компании также не смогли преодолеть проблемы для начала работы на иракском нефтегазовом рынке. Например, в середине 2002 г. аффилированная с «Газпромом» компания «Сибур» подписала соглашение с иракскими властями о разработке газового месторождения Джамбур. Соглашение предусматривало модернизацию газоперерабатывающих мощно-

стей и терминала сжиженного газа. Но после того как разразился скандал с выводом активов из «Сибура», стало очевидно, что проект не будет реализован.

Ирак надеялся, что заключение крупных контрактов с российскими компаниями вынудит Россию защищать эту страну, в которой у Москвы будут значительные активы. В Багдаде считали, что санкции – вещь преодолимая и Россия может воспользоваться ст. 50 Устава ООН, если санкции ограничивают развитие её экономики. Однако такая крупная и ведущая широкомасштабную деятельность на мировых рынках компания, как «ЛУКОЙЛ», вряд ли пошла бы на нарушение режима санкций ООН, опасаясь попасть в американские «чёрные списки»[356]. Понимая, что ЛУКОЙЛ так и не начнёт реально работать в Ираке, Багдад не разрешал этой компании участвовать в 11-й и 12-й фазе программы «Нефть в обмен на продовольствие», хотя ЛУКОЙЛ подавал заявки на участие в программе.

Кроме того, именно режим санкций и программа «Нефть в обмен на продовольствие» предоставили России возможность активно участвовать в продаже иракской нефти, занимая первое место по объёмам сотрудничества с Ираком в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» (далее шли Франция и Египет). В рамках 1–11-й фаз российскими фирмами было реализовано около 1 млрд. баррелей иракской нефти на сумму 15 млрд. долларов США (около 40% совокупного иракского нефтеэкспорта). Выбор иракскими властями российских нефтекомпаний в качестве партнёров по программе «Нефть в обмен на продовольствие» обусловливался в первую очередь именно политическими мотивами. В других условиях российским компаниям было бы сложно выдержать конкуренцию со стороны западных гигантов-нефтекомпаний[357].

Иракские власти, видя нежелание российских нефтекомпаний нарушать антииракские санкции, заявляли, что эти фирмы действуют не в рамках интересов России, а подчинены Западу[358].

Необходимо отметить, что от начала разработки до введения участка в эксплуатацию проходит как минимум несколько лет, и Ирак, настаивая на немедленном начале разработок иракских нефтяных месторождений, надеялся, что к этому времени санкции уже будут сняты. Однако, например, ЛУКОЙЛ, по сути, отказался от инвестирования в иракскую нефтедобычу до отмены эмбарго, выйдя из проектов по иракской нефти. Подобные действия российской компании приводили к разочаро-

ванию Багдада[359]. В то же время наивно полагать, что в российском МИДе не понимали: за щедрыми предложениями Багдада стояло желание спровоцировать американо-российскую конфронтацию для возможной игры на противоречиях. Руководители России ни в коей мере не ставили под сомнение отношения с Соединёнными Штатами из-за иракской проблемы[360].

Россия понимала также, что получить 7 млрд. долл. долга с одного из самых авантюристических и милитаристских режимов не совсем реально, поэтому действовала ради реальной выгоды на нефтяных рынках. Небольшие перспективы российско-иракских экономических связей понимали и кувейтские власти, для которых Ирак исторически являлся угрозой[361].

После свержения баасистского режима в Ираке значительная часть долга (93%) Ирака России была списана российскими властями.

Иракские власти понимали нефтяную логику российской политики. Замминистра нефти Ирака Фаиз Шахин, являвшийся также главой Российско-иракского общества дружбы, в интервью газете «Время новостей» признавал, что «...многим, России тоже, выгодно прекращение иракского [нефтяного] экспорта – цены-то растут. Иракская нефть *Kirkuk* похожа на российскую Urals», хотя и утверждал, что «из-за санкций против нас Россия больше теряет...»[362]. Однако при росте цен на нефть Россия получала реальные деньги, а так называемые «потери», о которых говорили иракцы, больше напоминали химеру, являясь инструментом политической пропаганды.

Поэтому, поняв, что ЛУКОЙЛ так и не начнёт разработку иракских нефтяных месторождений, в конце 2002 г. иракские власти окончательно под предлогом невыполнения российской нефтяной компанией взятых на себя обязательств и проводимых ею переговоров с США о соблюдении своих интересов после свержения режима Саддама Хусейна расторгли контракт с российской нефтекомпанией. Поводом была выбрана информация о переговорах ЛУКОЙЛа с американцами о своих интересах после свержения режима Саддама Хусейна. Более того, заявив, что это решение бесповоротно, Багдад одновременно начал делать заявления о готовности подпустить к своей нефти английские и американские компании, если США и Великобритания прекратят давление на Ирак.

Таким образом, политика Соединенных Штатов, направленная на препятствование свободного доступа иракской неф-

ти на мировой рынок, отвечала интересам, в том числе, и России, как и других стран-нефтеэкспортеров. Поэтому неудивительно, что российские власти ограничивались заявлениями об удовлетворённости «уровнем контактов с Ираком» и заверяли иракских партнёров, что «Россия последовательно будет отстаивать позицию Ирака, в том числе в ООН», и «делать всё возможное» для снятия санкций. Однако на деле Россия как постоянный член Совета безопасности ООН регулярно поддерживала их продление, а США проводили нужные им резолюции. Россия ни разу не воспользовалась правом вето для снятия санкций с Ирака, как предлагал сделать Багдад, некоторые «аналитики» и даже ГД[363]. Примечательно, что бывший посол России в Ираке В.Е. Титоренко в одной из своих статей, в которой он выражал «исключительно личную точку зрения», писал, что «под давлением США Совет Безопасности ООН на протяжении многих лет раз за разом проштамповывал резолюции, которые в конечном счете стали предлогом для развязывания войны, а в 2003 г. вообще легализовал действия агрессоров»[364]. То есть, по мнению высокопоставленного российского дипломата (в период написания статьи он работал послом России в Алжире), под давлением США, в частности, Россия раз за разом проштамповывала резолюции, которые в конечном счете стали предлогом для развязывания войны, а в 2003 г. вообще легализовала действия агрессоров. Таким образом, бывший российский посол в Ираке считал, что Россия, являющаяся членом СБ ООН, на протяжении многих лет, в том числе, и в 2003 г. (т.е. в период президентства В.В. Путина) не имела собственной позиции, а лишь уступала давлению США, поддерживала их проекты и легализовала агрессию.

В Москве прекрасно понимали, что Багдад не может быть препятствием на пути российско-американского партнёрства или альтернативой ему, а может быть лишь фактором торга с Соединёнными Штатами. Так было при различных министрах иностранных дел России. Менялась риторика МИДа, но не содержание реальной политики. «Иракская политика» России определялась не геополитическими, а экономическими, главным образом нефтяными интересами. Что же касается громких заявлений известных российских популистов, то они вписывались в контекст политики российского МИДа как средство пропаганды для поддержания интереса Багдада к Москве[365]. В Москве не могли не понимать, что арабская (в первую оче-

редь иракская) нефть является конкурентом российского углеводородного сырья[366].

Иракские власти в целом, как уже отмечалось, понимая логику российской дипломатии в иракском вопросе, всё же тешили себя надеждой на «патриотизацию» российской внешней политики, под которой понималось американо-российское противостояние и широкомасштабная поддержка Россией Саддама Хусейна в спорах с США. Вице-президент Ирака член Совета революционного командования Таха Ясин Рамадан в конце апреля 2001 г. посетил Москву и не сомневался, что в отношениях с Москвой начинается новый этап. Иракские власти ждали от нового президента России В.В. Путина «большего», чем от Б.Н. Ельцина. Они считали, что Путин проводит политику многополярности, направленную на подрыв мирового господства США, стремится «вернуть России прежнюю международную роль», под которой подразумевалось в первую очередь, что «Россия вновь разворачивается к арабскому миру, к Ираку» и «Путин стремится к сотрудничеству с арабским миром». Однако хотя руководство Ирака заявляло, что российские власти подтвердили «стремление к развитию долгосрочного сотрудничества во всех областях» и надеялись на возвращение «отношений на уровень 1990 года», оно категорически выступало против предложений России по урегулированию иракского кризиса, внесённых в Совет Безопасности ООН, ставя МИД России в неловкое положение. При этом иракское руководство считало, что резолюция № 1284, одобренная в 1999 году, в том числе, и Россией[367], «ещё хуже, чем резолюция № 687 СБ ООН 1991 года», и оскорбительно высказывалось в адрес известных российских дипломатов, работавших в системе ООН[368].

Россия не выступала в ООН (имеется в виду голосование, а не заявления) против документов, предлагаемых США[369]. Россия преследовала свои собственные интересы, которые диктовали ей соглашаться в этом вопросе с США.

Россия, как уже отмечалось, получала значительную выгоду от ограничения поставок иракской нефти на мировые рынки. Более того, российские власти планировали увеличить поставки российской нефти на мировые рынки в связи с бойкотом Ирака. 23 апреля 2002 г., когда Саддам Хусейн в очередной раз призвал нефтедобывающие государства поддержать эмбарго на экспорт нефти в знак протеста против вторжения Израиля на палестинские территории, на встрече с участниками

американо-российского делового совета вице-премьер, министр финансов России Алексей Кудрин заявил, что в этих условиях Россия может отменить ограничения на экспорт нефти в третьем квартале 2002 года. Россия была готова использовать момент и восполнять отсутствие на мировых рынках иракской нефти[370]. Руководство России в ожидании военной акции против Ирака, когда цены на нефть держались выше 30 долларов за баррель, открыто признавало (министр финансов А. Кудрин), что Россия «снимает сливки» с цен на нефть[371]. Перманентный рост доходов бюджета и стабилизационного фонда был обусловлен высокими ценами на нефть. Последние же в некоторой степени были обусловлены и «иракским фактором».

3.1.2. Оценка российской политики иракскими курдами

В связи с нефтяными интересами России Джалал Талабани совершенно справедливо сетовал, что политика Москвы обусловлена «коммерческими интересами»[372]. Иракским курдам в них не находилась места. Поэтому трудно объяснить заявления ПСК о непонимании позиции России, ограничивающейся в связи с возобновлением осенью 1996 г. боевых действий между ДПК и ПСК лишь заявлениями (в отличие от США, предпринимающих усилия для мирного разрешения конфликта) и предложением возобновить диалог и переговоры между курдами и Багдадом[373].

Мнение Ш.Х. Мгои о том, что «некоторые политические круги в Москве (очевидно, что речь здесь шла о МИД России и политическом руководстве страны. – Н.М.) стремятся ради налаживания экономических и других отношений с багдадским режимом превратить вопрос о национальных правах и статусе курдов в разменную монету»[374], было близко к реальности. Однако данная этому обстоятельству негативная коннотация вряд ли правомерна и носила идеалистичный и эмоциональный характер. Российское руководство считало, что именно проведением такой политики (определённый уровень сотрудничества с Саддамом Хусейном) обеспечивается защита национальных интересов страны.

Заявления южнокурдистанских лидеров (Джалала Талабани и Масуда Барзани) об игнорировании Москвой курдов и обвинения в недостатке реализма[375] выглядели, по меньшей мере, странными. Именно в этом вопросе, наверное, наиболее и

проявлялись реализм и прагматизм российской внешней политики, о которых часто говорят руководство России и МИД.

Масуд Барзани считал, что Россия «не уделяет никакого внимания курдской проблеме, полностью игнорирует Курдистан»[376] и «курдский вопрос»[377]. О том, что в отличие от США и Западной Европы «в своей позиции по иракскому вопросу Российская Федерация не учитывает проблему Курдистана», заявлял и премьер-министр Регионального правительства Курдистана Нечирван Барзани[378]. Сходной позиции придерживался и ПСК, считавший, что СССР и Россия «отвернулись от курдской проблемы»[379]. По мнению Масуда Барзани, подобное «игнорирование» Россией Курдистана «не в интересах России, ведь мы рядом»[380]. В другом своём интервью Масуд Барзани также утверждал, что «...в высшей степени в интересах России – не отказываться от поддержки курдов»[381]. Он отмечал, что курдам «хотелось бы, чтобы Москва больше учитывала нынешние реалии» Ирака[382].

То же самое можно сказать о Джалале Талабани, заявлявшем: «российское правительство проводит неправильную (wrong) политику, игнорируя курдский народ»[383]. «Сотрудничая только с Саддамом, Москва игнорирует иракский народ. Сегодня российская политика в Ираке очень недальновидна. (...) Это повредит интересам России»[384]. ПСК считала, что «Россия... играет на стороне Саддама Хусейна»[385].

Таким образом, по мнению глав ДПК и ПСК, курды понимали, в чём состоят интересы России, лучше российских властей. Однако сомнительно, что в Москве и в российском МИДе не понимали сложившихся «иракских реалий».

Курдские лидеры обвиняли Россию в недооценке курдского фактора и считали, что могут указывать России, как она *должна* осуществлять свою внешнюю политику в отношении Ирака и Курдистана. Естественно, подобные заявления МИД России не могло воспринимать всерьёз.

Однако российская дипломатия, оценивая выгоды, возможные от сотрудничества с иракскими властями и курдами, выбирала Багдад. Это было обусловлено, как уже отмечалось, нефтяным фактором.

Один из известнейших курдских политиков Фуад Маасум российскую политику в отношении Ирака оценивал следующим образом: «Россия открыто защищает иракский режим. Мы желали бы, чтобы российская политика была открытой и понят-

ной в пользу народов Ирака»[386]. Опытнейший курдский политик считал, что внешняя политика великих держав должна быть обусловлена возможностью понимания народами стран, в отношении которых она проводится. Тем не менее, российская политика в отношении Ирака была совершенно понятна. Другое дело, что интересы России противоречили интересам властей Южного Курдистана. Ф. Маасум считал, что, «*преследуя свои узкие интересы* (курсив мой. – Н.М.), Россия, к сожалению, одобряет политику правящего режима в уничтожении своих граждан»[387].

Очевидно, что вряд ли курдские политики вправе оценивать узость или широту интересов России в отношении Ирака. Подобные заявления курдских лидеров говорили не только об их непонимании системы международных отношений, но и являлись некорректными и неуважительными в отношении России и российской власти.

Россия проводила именно *такую* (сотрудничество с Багдадом и игнорирование курдов) «курдскую» политику. Более того, Россия проводила *такую* «курдскую» политику *осознанно*. Россию, впрочем, как и все другие страны, не беспокоило (и не должно беспокоить) положение *иракского народа*. В этом контексте невозможно не отметить, что подобные оценки курдских лидеров ни в коей мере не способствовали возникновению интереса России к курдам. В Москве, по-видимому, не могли не вызывать раздражение (а может быть, и иронию над наивностью курдов) поучения курдов об интересах России. Для российской дипломатии «забота» курдов об её интересах, по меньшей мере, сомнительна. Создавалось впечатление, что курдские политики считали, что они более осознают и заботятся об интересах России, чем российские дипломаты, МИД и президент страны, осуществляющие именно *такую* политику. Следует отметить также, что особенно выражением подобной «поучительной» позиции злоупотребляла ПРК, так и не дождавшаяся помощи от России.

В этой связи, наверное, можно даже говорить о своеобразном международно-политическом комплексе курдских лидеров и партий, считающих, что внешние силы должны (обязаны) вести в отношении курдского вопроса именно ту политику, какую ожидают сами курды. А ожидания курдов состоят в том, что отношение держав к курдским силам должно быть обусловлено не интересами, а бескорыстной помощью курдам.

В том случае, когда курдские силы говорят об интересах, речь идёт о том, что именно курды понимают, в чём состоят эти интересы, и какую политику должны проводить державы[388].

Нередко создаётся впечатление, что курдские политические силы зачастую и сейчас не учитывают, что великие державы преследуют свои интересы, которые могут противоречить интересам курдов.

В начале 2002 г. премьер-министр РегПК в Эрбиле Нечирван Барзани, оценивая перспективы «российско-курдских отношений», с сожалением отмечал, что «сегодня в политике Российской Федерации курдскому вопросу не уделяется внимания» и «в позиции России по иракскому вопросу не учитываются проблемы Курдистана». При этом курдистанского премьера удивляла подобная позиция России, в то время как страны Запада заявляли, «что решение курдской проблемы никоим образом не может быть проигнорировано в ходе урегулирования иракского вопроса», и даже столицы соседних государств налаживали отношения с Региональным правительством, признавая его фактической властью в регионе. Н. Барзани призывал Россию в ходе переговоров по разрешению иракского вопроса не забывать «о правах курдов, которые составляют значительную часть населения Ирака», так как «без решения курдского вопроса иракский вопрос не может быть урегулирован»[389].

Однако заявление премьер-министра Курдистана о необходимости учёта курдского фактора для урегулирования иракской проблемы, обращённое России, было безадресным. Желала ли Россия скорейшего урегулирования «иракского вопроса»? Как уже отмечалось, понимая, что именно санкции против Ирака предоставляли России определённые преимущества, российская дипломатия не возражала против дальнейшей консервации этой проблемы.

В то же время в целом Н. Барзани высказывался прагматично об отношениях с Россией. Он отмечал позитивные моменты отношений курдов с СССР[390], но не обходил стороной факт молчания Советского Союза во время геноцида курдов иракским правительством. Тем не менее, утверждал Н. Барзани, «мы никогда не забываем того добра, которое оказал Советский Союз курдскому народу, Демократической партии Курдистана и её лидеру Мустафе Барзани». Глава курдской администрации выражал надежду, что «с изменением международной ситуации» в отношениях между российским и курдским на-

родами откроется новая страница», и они сделают «для этого всё», зависящее от них[391].

Таким образом, с сожалением отмечая факт безразличия постсоветской России к курдам, воздавая должное помощи Советского Союза и выражая готовность делать всё для налаживания российско-курдистанских отношений, курдский премьер вполне конкретно говорил об официальных отношениях иракских курдов с Западом и странами Ближнего и Среднего Востока. Что касается других курдских премьеров, например, Бархама Салеха, хорошо известного в США и Европе, у них, похоже, и вовсе не было никаких касающихся России заявлений, что является весьма симптоматичным. Они не просили Россию «обратить внимание на курдский вопрос», зная, что их призывы в Москве будут проигнорированы. Для нового поколения курдских лидеров безразличие России, безусловно, являлось крайне прискорбным фактом, однако они не делали из этого трагедию. Вполне очевидно, что для них на первом месте стоит прагматизм[392]. Новые курдские лидеры готовы разговаривать с российскими коллегами языком цифр, экономических выгод и совместных взаимовыгодных проектов. При этом власти Курдистана готовы всячески поддерживать перманентно официально заявляемые принципы иракской политики России: сохранение территориальной целостности страны и решение проблем и противоречий мирными методами за столом переговоров.

Миф и вера в то, что Россия обязательно «вернётся» (в качестве мировой державы) в Курдистан, получили некоторое распространение.

Однако в Курдистане существовала и точка зрения, что единственной позицией южнокурдистанских лидеров, проводящих переговоры на самом высоком уровне с руководителями США, европейских и ближневосточных государств, в отношении Москвы может быть «ответное безразличие».

Разговоры о «традиционном участии России в курдском вопросе и исторической дружбе русского и курдского народов» у прагматичной современной российской дипломатии не вызывали никакого сочувствия. Курды не могут «учить Россию понимать собственные интересы». Возможно, было обоснованным мнение, что ярко выраженное *ответное* безразличие курдов к России (при готовности всегда откликнуться на реальные предложения о сотрудничестве) может способствовать действительно некоторому повороту к ним Москвы. В между-

народной политике, помимо очевидных глубинных стратегических интересов, немалое значение, как и в личных отношениях, играет психологический момент. Назойливые и поучающие «предложения о сотрудничестве» имеют лишь раздражающий эффект. Тем более, что сегодня иракским курдам есть с кем сотрудничать, а их определённая легитимность в международном масштабе несомненна.

3.1.3. Кадровый аспект российской дипломатии в отношении курдов

Важным фактором российской дипломатии в отношении курдов являются и личные пристрастия российских дипломатов. Карьерные российские дипломаты, в частности, специалисты по Ближнему и Среднему Востоку, как правило, являются арабистами, туркологами и иранистами. Получая образование и формируясь в подобных условиях, они рассматривают курдский вопрос сквозь «арабскую, турецкую и иранскую (персидскую) призму». Связи с изучаемой страной, которая не признаёт курдов либо настроена антикурдски, ограничивают их отношения с курдами. Дипломат никогда не сделает никаких осуждающих (даже справедливых) заявлений в отношении тех стран, куда он может поехать представлять свою страну. Более того, как правило, бывшие дипломаты после своей отставки продолжают взаимодействовать со странами, в которых работали и специалистами по которым они являются. Это взаимодействие проявляется в различной форме. Бывшие дипломаты могут работать как в крупных коммерческих организациях, так и в некоммерческом секторе, возглавляя, например, Советы, Общества и другие совместные организации. В связи с этим ими в очень большой степени учитывается официальная позиция стран. Поэтому нередко дипломаты становятся лоббистами соответствующих стран в своём государстве.

Единственным реальным способом формирования реального взгляда на курдский вопрос (без влияния туркологии, арабистики и иранистики) в России может стать подготовка дипломатов-курдоведов (например, в МГИМО и ИСАА при МГУ). Российское курдоведение же, как известно, «подкармливается остатками с барского стола» туркологии, арабистики и иранистики. Упомянутые отрасли российского востоковедения довольно

динамично развиваются в немалой степени благодаря полноценной системе подготовки кадров с 1-го курса университетской скамьи (например, в ИСАА при МГУ, МГИМО, востфаке СПбГУ и др. вузах), поставляющей уже готовых специалистов в науку. Российская курдология, олицетворением которой являются Сектор курдоведения Института востоковедения РАН (ИВ РАН), преимущественно исследующий социально-политические аспекты курдского вопроса и проблемы новейшей истории курдов, а также курдоведы санкт-петербургского Института восточных рукописей РАН (до 2008 года – Санкт-Петербургское отделение ИВ РАН), которые в основном специализируются в области филологии, литературоведения и медиевистики, подпитывается выходцами из смежных, а иногда и далеко не смежных наук.

В нынешней ситуации «безразличия» России к курдам талантливым молодым востоковедам не интересен курдский вопрос, что может обернуться крахом курдологии в России. Ведь, как известно, наиболее интенсивно развиваются те направления регионо- и страноведения, которые интересны с точки зрения внешнеполитических проблем, что, кстати, и подтверждает взлёт курдоведческой науки в 60-х и 70-х гг. XX века. Поэтому не исключён резкий упадок российского курдоведения, при весьма радужных перспективах развития курдологии на Западе (особенно в США). Российская курдоведческая наука может оказаться на том же уровне, как, например, изучение белуджей.

О проблеме развития курдоведческой науки в России специалисты начали говорить уже в начале 1980-х годов. В 1982 г. профессор М.С. Лазарев на Всесоюзном совещании курдологов в Ленинграде выступил с докладом о проблемах изучения истории курдов. Он отмечал, что в начале 70-х годов читал курс по истории курдов в ИСАА при МГУ, «но после 1975 года (имеется в виду создание курдской автономии в Ираке. – Н.М.), когда было заключено соглашение, насчёт которого были неоправданные розовые надежды, решили курс прекратить, вроде он уже неактуален. Вот видите, какое узкое... деляческое... отношение, причём даже люди не задумываются, что соглашение-то зыбкое, что проблема отнюдь не решена, а наоборот, причём... чтение таких курсов вызывало большой интерес в студенческой среде». М.С. Лазарев заявлял, что «необходимо всё-таки добиться – это важное научно-организационное дело, политическое дело, чтобы восстановить, чтобы начать систематическое чтение курсов там, где для этого есть воз-

можности, – в Ленинграде, Москве, Ереване, Тбилиси и, может быть, в Баку». Однако, как известно, советское руководство считало курдоведение неактуальным направлением. Небольшой курс по истории курдов читался лишь в Ереванском госуниверситете Шакро Худоевичем Мгои.

Более 40 лет назад один из основоположников советского курдоведения Канат Курдоевич Курдоев писал: «Курдоведение из подчинённой отрасли иранистики выделилось в самостоятельную область востоковедения, которая ставит своей целью решение больших проблем языка, литературы, истории и этнографии курдского народа и подготовку соответствующих кадров по этим областям науки»[393]. Однако не исключено, что в недалёком будущем курдоведение лишится уровня самостоятельной области изучения в российском востоковедении и будет представлено в основном несколькими одиночками, да и то, возможно, преимущественно курдского происхождения, позиция которых нередко ангажирована. Если в СССР статус учёного (любого направления) автоматически означал высокий уровень жизни, то в современной России уровень доходов и, соответственно, жизни учёных значительно ниже. Поэтому популярными являются именно те направления, в которых можно сделать карьеру и по которым можно налаживать официальные связи. Российское курдоведение может иметь перспективы лишь в случае предоставления этой отраслью востоковедения возможности сделать карьеру, т.е. если курдский вопрос будет интересен руководству страны внешнеполитически.

Следует, правда, отметить, что ослабление кадровой базы курдоведения было заметно задолго до существенного ухудшения условий научного работника. Так, ещё в 1982 г. К.К. Курдоев на уже упомянутом Всесоюзном совещании курдоведов в Ленинграде отмечал серьёзнейшие проблемы, стоящие перед курдоведением. По его словам, несмотря на десятки защищённых диссертаций в области курдоведения, количество специалистов в системе научных учреждений СССР (в первую очередь Академии наук СССР, Академий наук Армении, Азербайджана, а также Московского, Ленинградского, Ереванского, Бакинского и Тбилисского университетов) не увеличивалось. Это было обусловлено тем, что большинство лиц, написавших и защитивших диссертации, были курдами из-за рубежа. К.К. Курдоев в своём выступлении отмечал, что ранее он обращал внимание руководства Института востоковедения СССР на необходимость под-

готовки специалистов-курдоведов в системе академических учреждений Советского Союза. При этом, как заявлял К.К. Курдоев, «если мы сейчас не предпримем решительных мер по подготовке курдоведческих кадров, то через 10–15 лет наша наука перестанет существовать как самостоятельная область востоковедения». Он предлагал начать подготовку курдоведческих кадров на кафедрах арабской, персидской и тюркской филологии восточных факультетов МГУ, ЛГУ, Ереванского, Бакинского и Тбилисского госуниверситетов специалистов двойной специальности.

Примечательно, что на том же Совещании курдоведов в Ленинграде участников особенно заинтересовал доклад О.И. Жигалиной о бурном развитии курдоведения в странах Запада, где начала проводиться планомерная работа по развитию курдоведения и подготовке кадров в этой области[394].

С сожалением можно констатировать, что предсказания К.К. Курдоева отчасти сбываются. Ныне курдоведением в России занимаются всего лишь несколько человек. Это – очень опытный курдовед О.И. Жигалина, а также два сотрудника сектора курдоведения ИВ РАН, защитивших диссертации уже в XXI веке, и несколько опытнейших учёных Института восточных рукописей РАН, которым не предвидится никакой замены. Ряд востоковедов изредка публикует работы по курдам, однако указанные работы касаются курдской тематики со стороны, имея целью турецкие, арабские и иранские исследования. Несмотря на имеющиеся диссертации по курдскому вопросу, авторы этих диссертаций не сконцентрированы на курдоведческой тематике. Почти никто не поступает в аспирантуру Академии наук и ведущих российских востоковедческих центров по курдоведению. Кроме того, почему-то считается, что курдоведение можно заниматься, не зная курдского языка, будучи фактически оторванным от обширного массива источников на этом языке. Это единственная область востоковедения, где бытуют подобные суждения.

Повышение профессионализма в курдоведческих исследованиях, обеспечение всесторонней и глубокой информации без подготовки кадров по курдоведению по вузовской программе почти невозможно. Не случайно по целому ряду направлений почти отсутствуют фундаментальные исследования (да и не фундаментальные исследования тоже), по ряду вопросов исследования проводятся не на высоком уровне. Весьма мало исследований по непосредственно курдской тематике, по внутренней ситуации и общественным процессам в различ-

ных частях Курдистана, по внутренней политике Южного Курдистана. Такое же положение наблюдается в части изучения экономики, современных курдских СМИ и т.п. На волнах конъюнктуры нередко появляются авторы, предлагающие лишь самые общие суждения об истории курдов.

Для России совершенно недальновидно не иметь базы для подготовки дипломатов-курдоведов, хорошо знающих курдский вопрос и многомиллионный народ. Это совсем не означает необходимости поддержки Россией курдов. Однако вопрос подготовки курдоведов решается, исходя из предпочтений российского МИДа, который в настоящее время не считает это необходимым. Между тем на Западе курдология уже начала проникать в магистратуры и, возможно, в ближайшем будущем войдёт и в программы первой ступени высшего образования.

Практическое применение знаний вновь подготовленных курдоведов могло бы найтись в Иракском Курдистане, где ещё в конце 1990-х гг. (с разрешения Багдада) напрашивалось открытие российского дипломатического представительства, а также на радиостанции «Голос России», вещающей, в том числе, и на курдском языке (преимущественно на диалекте курманджи, но также на сорани и зазаки). Зависимость от этнических курдов в деле получения информации «от источника» приводит к тому, что изучение проблемы «в корне» усложняется, а дипломат и исследователь «не чувствуют проблему».

3.1.4. Отношения России с иракскими курдами в 90-х гг. XX в.

Если в отношении турецких курдов Россия не могла открыто поддерживать инсургентов, то с иракскими курдами дело обстояло намного удобнее. Курдская автономия в Ираке не ставилась под сомнение иракскими властями с момента её объявления в 1974 году. Иракские курды последовательно заявляли о поддержке территориальной целостности иракского государства. Следует отметить, что иракские курды представляют собой уникальный пример отрицания (по крайней мере, официально, что опять-таки официально никогда не ставилось под сомнение) этатистских амбиций. О независимости объявляли районы, население и территория которых в десятки раз меньше соответственных параметров Иракского Курдистана,

не говоря уже о размахе национально-освободительного движения. Иракский Курдистан является уникальным регионом (мир не знает ничего подобного), чьи власти и ведущие политические силы упорно на протяжении многих лет отстаивают территориальную целостность иракского государства, являясь, по сути, иракскими патриотами больше, чем власти в Багдаде. Территориальную целостность страны под угрозу ставили не курды, требующие самоопределения *внутри* иракского государства, а центральные власти, отказывавшие им в этом праве и вынуждавшие их вести борьбу за свои права.

Связи иракских курдов с Россией были бы направлены и могли бы развиваться для взаимовыгодного сотрудничества с нею Ирака и входящей в его состав курдской автономии. Кроме того, потенциально для южнокурдистанско-российских отношений складывалась уникальная ситуация и при Саддаме: Багдад не имел опасений, что Россия будет использовать против него курдский вопрос, хотя исторический прецедент времён Советского Союза существовал. Более того, Россия могла бы играть сверхпозитивную роль, имея доверие обеих сторон. Даже не желая втягиваться в политические дела, Москва могла бы наладить экономическое и гуманитарное сотрудничество.

Говорить о какой-либо другой политике России в отношении Ирака в целом и Южного Курдистана, в частности, было бы нереально. Однако, безусловно, Россия могла бы играть более активную чисто посредническую роль как в Южном Курдистане, так и во всем Ираке, зарабатывая политический капитал. Иракские курды не раз заявляли о своих надеждах на курдско-российское сотрудничество и заинтересованность в российском посредничестве в урегулировании ситуации. Особые надежды представитель ПСК возлагал на «господина Примакова», «который, как специалист по Ближнему Востоку и человек, не понаслышке знающий наши проблемы, реально может помочь в решении курдского вопроса дипломатическими методами»[395]. Однако эти надежды оказались призрачными, и Е.М. Примаков, возглавляя на протяжении нескольких лет российское внешнеполитическое ведомство, а впоследствии и будучи премьер-министром России, так и не предпринял никаких действий по урегулированию курдской проблемы в Ираке.

Справедливости ради надо отметить, что заявления курдских «представителей» о том, что «Россия могла бы стать главным посредником на межкурдских переговорах, а затем на перегово-

рах с иракским правительством»[396], являлись лишь попыткой интернационализировать замороженную курдскую проблему путем создания пропагандистских альтернатив. Именно так следует воспринимать и заявления Масуда Барзани. После некоторой «активизации российского посредничества» между курдами и Багдадом в 1998 г. глава ДПК «предупреждал Соединённые Штаты от игнорирования курдского вопроса», отмечая, что «образовавшийся вакуум могут заполнить другие силы». По словам лидера ДПК, Россия выражала готовность выступить посредником в урегулировании противоречий с центральными властями[397]. Но было очевидно, что вряд ли реально рассчитывать на то, что какая-либо другая страна сможет заменить в этой роли Соединённые Штаты. И в первую очередь это понимали в Вашингтоне.

Главным для российской дипломатии было бы создать эффект присутствия и проявить готовность к участию в урегулировании ситуации. В этом смысле весьма примечательны осуществлённые российско-курдские дипломатические контакты. Так, в конце 1997 г. в Москве политические консультации с членами Политбюро ДПК Сами Абдурахманом и Хошияром Зибари проводил замминистра иностранных дел России В. Посувалюк. Обсуждались проблемы «мирного урегулирования курдского вопроса в рамках территориальной целостности Ирака». ДПК придавала немалое значение отношениям с Россией, внешнеполитическим ведомством которой, по словам представителей ДПК, руководил «архитектор соглашения по автономии 1970 года»[398] [Е.М. Примаков].

Спустя три месяца, в апреле 1998 г. тогдашний посол России в Ираке Н. Картузов[399] и первый секретарь российского посольства А. Кинщак совершили трёхдневную поездку по Южному Курдистану. Были проведены политические консультации с лидерами ДПК и ПСК. На них обсуждались российско-курдские отношения, политическое положение в Ираке и в Южном Курдистане, а также пути урегулирования ситуации в Ираке и ирако-курдский диалог. 15 апреля российская делегация посетила штаб-квартиры ДПК в Эрбиле и Салахеддине. Российские дипломаты провели переговоры с Масудом Барзани и высшим руководством ДПК. 16 апреля члены российской делегации вместе с Масудом Барзани присутствовали на праздновании 17-й годовщины университета им. Салахеддина в Эрбиле. В тот же день российская делегация выехала в Сулейманию, где она была принята Джалалом Талабани и членами Полит-

бюро ПСК. Курдские лидеры высоко оценили значение этих консультаций и считали, что это могло способствовать усилению влияния России в регионе.

Российские дипломаты имели контакты с представителями ДПК и ПСК и в сопредельных странах. Так, например, как сообщало радио ПСК, 4 августа 1998 г. в Тегеране состоялась встреча Джалала Талабани с дипломатом российского посольства в Иране, на которой обсуждалась экономическая и политическая ситуация в Иракском Курдистане. А по сообщению печатного органа ДПК еженедельника «Хабат» от 27 июня 2001 г., представитель этой партии в Дамаске Гази Зибари принял первого секретаря посольства России в Сирии.

Важно, что эти контакты не вызывали раздражения в Багдаде. Более того, иракские власти приветствовали бы усилия России для урегулирования ситуации в Ираке. Поездка Картузова в Курдистан, очевидно, происходила (в отличие от визитов туда американских дипломатов) с ведома и согласия центральных властей. Руководство Ирака, традиционно осуждая представителей США, посещавших Иракский Курдистан (естественно, без ведома и согласия Багдада), не сделало в адрес российской делегации никаких негативных заявлений.

Однако иракские курды, пытаясь вовлечь Россию в курдистанский политический процесс, нередко делали России предложения, прецеденты по которым отсутствовали в международной практике. Например, представитель ДПК, именовавший себя представителем «Регионального правительства Курдистана» в Российской Федерации и странах СНГ Хошави Бабакр[400], заявил в 2000 г., что курды «призывают Россию признать курдскую автономию в рамках иракского государства»[401].

Однако, как известно, курдская автономия ещё тридцать лет назад была признана Багдадом и с тех пор ни разу принципиально не ставилась под сомнение иракскими властями. Мировая практика не знает признания автономий иностранными государствами.

Ещё одним наглядным примером непонимания российской политики иракскими курдами является размещённый в середине 2001 г. на сайте ПСК текст под названием «Россия выступает против этнических чисток» (*Russia Urged to Oppose Ethnic cleansing*). В сообщении говорилось, что «представитель РегПК в Москве Шорш Халид на встрече с депутатом Госдумы "Метроховым" (в сообщении именно "Metrokhov", хотя, очевидно, что это Сергей Митрохин. – Н. М.) обсудил роль России в усилиях

по приостановлению этнических чисток, насильственной депортации и политики арабизации, осуществляемых иракским режимом. ...Г-н Митрохин выразил... солидарность с курдским народом». Однако это короткое сообщение о встрече «представителя РегПК» с «рядовым» депутатом Государственной Думы России сопровождалось совершенно неуместным заголовком, якобы Россия выступает против арабизации Киркука. Хотя, как уже известно, и это прекрасно знали лидеры дипломатии ПСК Бархам Салих, являвшийся с 1991 по 2000 г. представителем в США, и Фуад Маасум, возглавлявший с 1998 г. работу за рубежом, постоянный представитель России в ООН С.В. Лавров[402] всячески противился осуждению ООН арабизации Киркука и Ханекина. Так, Фуад Маасум в середине 1999 года отмечал: «...Россия... одобряет политику правящего иракского режима в уничтожении своих граждан (имелась в виду арабизация Киркука и других курдских районов. – Н.М.). Когда наша делегация посещала штаб-квартиру ООН, мы встретились с большинством членов Совета безопасности, но представители России и Китая отказались от встречи с нами»[403].

Таким образом, представители ПСК за российскую позицию принимали заявления одного из депутатов Госдумы, а не действия и заявления, например, представителя России в ООН.

Подобный подход ПСК был обусловлен чисто внутриполитическими аспектами и попыткой выдать желаемое за действительное.

Курдские лидеры не только обвиняли Россию в непонимании своих интересов, но и нередко делали весьма негативные заявления в её адрес. Так, Джалал Талабани неоднократно критически оценивал политику России в отношении Багдада и иракских курдов. Например, после вторжения в августе-сентябре 1996 г. иракских войск по «приглашению» Масуда Барзани в Эрбиль и отказа России (вместе с Китаем и Францией) поддержать проект резолюции ООН, предложенный США и Великобританией, осуждающий вторжение иракской армии на территорию «зоны безопасности», Талабани заявил, что «политика России основывается на безнравственных принципах и определяется лишь коммерческими интересами»[404].

Соглашаясь с тем, что политика России «определяется коммерческими интересами», трудно назвать эту политику «безнравственной», скорее наоборот – это и есть (с точки зрения российских властей, которые преследуют собственные интересы) самая правильная политика.

Заявление лидера ПСК, что «Россия находится под влиянием иллюзий, что поддерживая Саддама Хусейна, она сможет вернуть свои иракские долги»[405], вряд ли соответствовало действительности. Россия не имела подобных иллюзий. Их не имели и известные популисты, постоянно заявлявшие об этом. Просто Россия предпочитала Ирак курдам, а отношения с Соединёнными Штатами Ираку. Джалал Талабани заявлял также, что «российское правительство ведёт ошибочную политику в отношении курдов, игнорируя интересы своего народа»[406]. Эти некорректные в отношении России и неприемлемые с дипломатической точки зрения заявления Талабани делал, по-видимому, вследствие того, что так и не сумел смириться с реальностью, т.е. курсом России, в котором курдам нет места.

Трудно согласиться также с Масудом Барзани, который в интервью газете «Время новостей» в мае 2003 г. (т.е. уже после свержения Саддама Хусейна) заявил, что Москва ошибалась, делая «ставку только на режим Саддама»[407]. Вряд ли является корректной оценка Масудом Барзани российской дипломатии в том, какую политику должна проводить Россия, её президент и МИД в отношении Ирака и, в частности, иракских курдов.

В том же интервью Масуд Барзани, отвечая на вопрос интервьюера: «Разве представители России не встречались с оппозицией, в том числе и с курдскими партиями?», метко отметил: «Это были пустые, несерьёзные встречи»[408]. Эта фраза весьма точно характеризовала взаимоотношения курдов с Россией (России с курдами).

Итак, южнокурдистанский фактор для России был полностью подчинён её политике в отношении Ирака в целом. В свою очередь ситуация вокруг Ирака являлась составной частью широкого спектра вопросов, большое значение среди которых имели проблемы поставок нефти Ираком на мировой рынок. Кроме того, «иракская проблема» играла свою роль в глобальной политике России, в первую очередь в отношениях с США.

В этом смысле Россия продолжала прагматичную политику, которую проводил Советский Союз, когда курды являлись одним из аспектов «иракской политики» СССР, а последняя – одним из аспектов соперничества с США. Изменились лишь масштаб державы и в связи с этим степень вовлечения в дела региона и уровень соперничества с США[409].

Попытки курдов использовать Россию в своих противоречиях с США не имели и не могли иметь успеха, поскольку не

были основаны на каких-либо серьёзных отношениях. Вашингтон понимал, что со стороны курдов это является своеобразным блефом, и Москва не может быть конкурентом США в Южном Курдистане. Россия также знала о желании курдов использовать её в отношениях с США в целях повышения своего статуса, т.е. превратить Россию в функциональный фактор процесса торга между руководством ведущими партиями Южного Курдистана и США. У Москвы отсутствовали интересы, которые бы двигали её к активной политике в Южном Курдистане. Поэтому к некорректным поучениям курдских лидеров и представителей российская дипломатия относилась с безразличием. Однако курдские власти всё же вынуждены были признать, что они вряд ли смогут повлиять на внешнюю политику России.

3.2. Россия и ПРК

В 90-х гг. XX в. «курдский фактор» в России олицетворяли всё же не южнокурдистанские партии, а ПРК. Ею на территории России велась широкомасштабная пропаганда.

Как верно пишут в предисловии к книге «Курдский конфликт в Турции» Гюлистан Гюрбей и Ферхад Ибрагим, «получая поддержку некоторых членов парламента или известных людей, а также установив отношения с некоторыми политическими группами в некоторых странах Европы (в первую очередь, наверное, это можно отнести к России. – Н.М.), ПРК, в особенности её руководство, верило, что достигло поддержки от соответствующих правительств»[410].

Ситуация с пребыванием и выдворением из России главы ПРК Абдуллы Оджалана с этой точки зрения стала своеобразным индикатором реальности «надежд» ПРК, которая почему-то считала, что отдельные депутаты российской Государственной Думы смогут помочь ей, вопреки позиции МИДа, правительства и президента. ПРК не хотела замечать, что Россия откровенно игнорирует её официально, хотя и может негласно использовать в торге с Турцией. Ни разу официальная Москва не дала повода усомниться в отсутствии интереса к ПРК. Последняя же, если до приезда в Москву Оджалана хотя и надеялась на то, что Москва начнёт налаживать официальные связи с ней, то

после выдворения Сирией её лидера, совсем перестала замечать «антиоджалановский» настрой официальной России. Лидеры партии не замечали, например, заявления директора ФСБ В.В. Путина о том, что «человека по имени Оджалан на территории России нет»[411], утверждения главы департамента печати и информации МИД России В. Рахманина: «Наши отношения с Турцией приоритетны. Ни ПРК, ни сам Оджалан не могут нанести ущерб этим связям»[412]. Кроме того, 13 ноября 1999 г. посол России в Турции вручил премьер-министру Турции Месуту Йылмазу послание от Е.М. Примакова, в котором говорилось, что Оджалана в России нет и что Россия не допустит его деятельности на своей территории[413].

Комментируя письмо премьер-министра Турции Месута Йылмаза, направленное главе российского правительства Е.М. Примакову, в котором говорилось, что Абдулла Оджалан находится недалеко от российской столицы, Владимир Рахманин заявлял: «Примаков сразу же поручил всем связанным с этим правительственным учреждениям разобраться. Турция будет проинформирована о результатах расследования». Отвечая на вопрос, находится ли Оджалан на территории России, высокопоставленный российский дипломат однозначно заявлял, что «это не важно», так как ПРК не может повлиять на российско-турецкие отношения. Чуть раньше успокаивал турецкие власти российский посол в Анкаре А. Лебедев, заявлявший, что «российское правительство не допустит присутствия Оджалана [в России]»[414]. А тогдашний министр внутренних дел С.В. Степашин и вовсе заявлял по поводу Оджалана: «Я знаю позицию Президента Бориса Ельцина, и политическое убежище не будет предоставлено никаким террористам»[415].

Турецкие руководители также неоднократно заявляли, что российские власти обещали им, что не предоставят Оджалану убежища. Премьер-министр Турции Бюлент Эджевит в январе 1999 г. «ответственно» заявлял, что хотя Оджалан, возможно, и находится на территории России, Москва ни за что не предоставит ему политического убежища. По словам Эджевита, это обещал ему российский премьер-министр Е.М. Примаков[416]. Уверенность главы турецкого правительства, по-видимому, зиждилась на каких-то двусторонних договорённостях между Турцией и Россией. Как верно отмечал посол России в Турции А. Лебедев, заверявший турецкие власти в невозможности предоставления Оджалану какого-либо убежища, кризис с Од-

жаланом является примером, как необходимо выбираться из критических ситуаций[417].

Контакты «послов» ПРК с представителями российских оппозиционных партий и движений, а именно – с представителями коммунистического спектра и особенно с Либерально-демократической партией (ЛДПР) являлись, по меньшей мере, бесполезными с точки зрения помощи курдам, хотя бы в информационном плане. Ведь реальные действия, влияющие на судьбы курдов, осуществляет исполнительная власть страны. Не выполняя «частные» обещания (а обещания, данные отдельными депутатами, являются «частными», а не государственными), «контрагенты» ПРК легко оправдывали себя, заявляя, что «не всё зависело» от них[418]. Такими же бесполезными являлись и связи ПРК с бывшими высокопоставленными дипломатами[419]. Искушённые в мировой политике дипломаты считали достаточным разговаривать и успокаивать курдов ни к чему не обязывающими фразами («российская и мировая общественность прилагала все усилия...»[420]). Очевидно, что бывшие высокопоставленные дипломаты прекрасно понимали, что политику делает не общественность, а президент, премьер-министр, министр иностранных дел, глава администрации президента и т. п. А фразы про «общественность» были предусмотрены на потребление наивным курдским партиям.

Отношения курдских партий с депутатами фракций, не являющихся партиями власти, были бесполезны. В крайнем случае, они могли быть лишь неким дополнением к отношениям с представителями официального руководства страны и партий власти.

Таким образом, при отсутствии отношений с Кремлём (президент и его администрация), МИД и, например, НДР («Наш дом Россия») в середине 90-х годов или «Единой Россией» в настоящее время налаживание и поддержание связей с ЛДПР и коммунистами для курдов не имело никакого смысла. При нежелании властей страны вступать в какие-либо отношения с курдскими партиями им не приносили никакой пользы связи с депутатами. Однако так называемые курдские представители в России, не сумев «достучаться» до властей, пытались у руководства своих партий представить отношения с некоторыми российскими парламентариями в качестве «российско-курдистанских», а позицию этих депутатов – как позицию России. В немалой степени это было обусловлено желанием

преувеличить своё дипломатическое влияние и осуществлять рекрутинг новых сторонников.

Более того, поскольку российские власти не имели с ПРК никаких официальных отношений и лидер ПРК не находился на территории России открыто, «контрагенты» ПРК считали, что вину за отказ предоставить политическое убежище Оджалану необходимо возложить на Италию, где он сдался властям[421].

Между тем сам Оджалан возлагал вину на Россию[422]. Он вполне реально оценивал роль России и Италии. И до своего ареста он это делал вполне корректно, не скатываясь к откровенным оскорблениям, что наблюдалось впоследствии.

Примечательно, что директор ФСБ В.В. Путин считал, что Россия не отказывала Абдулле Оджалану в предоставлении политического убежища, поскольку «ни к президенту РФ, ни к правительству с просьбой о предоставлении убежища он не обращался»[423], и даже не выдворяла его[424]. Он заявил об этом 19 февраля 1999 г., сразу же после закрытого заседания Госдумы, посвящённого аресту Оджалана. Однако, как известно, Госдума обращалась к президенту РФ[425]. С письменной просьбой о предоставлении политического убежища к руководству России обращался и сам Оджалан[426], а также Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации[427]. Менее чем за месяц до своего ареста А. Оджалан всё ещё надеялся на предоставление ему Россией политического убежища[428]. Правда, директор ФСБ В. Путин заявил на заседании Госдумы, что письмо Оджалана «не поступало в Кремль»[429]. Кроме того, как утверждал В. Путин, «такого человека (Оджалана. – Н.М.) в нашей стране не бывало, по документам не обнаружено»[430].

Таким образом, российские власти сделали вид, что якобы не знали о желании лидера ПРК получить убежище в России, заняв позицию, что «а если Оджалан обратился бы к руководству России, то его просьба была бы рассмотрена в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Утверждения некоторых «курдских дипломатов», что «сегодняшняя оппозиция завтра может прийти к власти»[431], не имеют под собой никакой реальной основы. Совершенно очевидно, что прокоммунистические движения и партии и ЛДПР *никогда* не придут к власти, а назначение на какой-либо пост в исполнительной власти представителя какого-либо из этих движений фактически означает их перерождение в «профессионалов», у которых моментально исчезнет сочувствие к кур-

дам. В то же время очевидно, что подобные контакты, маргинализуя называющих себя «курдскими дипломатами» представителей партий Курдистана, дискредитировали их (и «курдских дипломатов», и курдские партии) в глазах российской исполнительной власти, единственной силы, осуществляющей реальную политику. Кроме того, такие контакты загоняли курдов в мир иллюзорных представлений и ничем не подкреплённых ожиданий «достучаться» через думских депутатов-популистов и внедумских коммунистов-маргиналов из различных многочисленных карликовых партий до власти, донести свои чаяния «до российского народа» и надеяться на приход к власти «патриотически» настроенных лидеров. В этом смысле, по меньшей мере, неконструктивными являлись также рассуждения «курдских дипломатов», особенно из окружения ПРК, о непонимании российскими властями «подлинных (истинных) интересов России», которые состоят в необходимости создания «стратегического российско-курдского союза»[432]. Курдские «дипломаты» не желали видеть, что́, кем и как определяется понимание национальной безопасности России и её интересов. Естественно, курдские партии не интересовали позиция президента и Совета безопасности страны, а также содержание стратегически важнейшего документа под названием «Концепция национальной безопасности».

Таким же образом курдскими партиями не учитывалось, что внешнеполитическая линия России определяется Концепцией внешней политики, которая представляет собой систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России[433].

Ни в одном из этих концептуальных документов России, *ни в одном* из заявлений российских лидеров и дипломатов, т.е. людей, осуществляющих *реальную* российскую внешнюю политику, не говорится об интересах России на «курдском направлении». А как говорилось в Концепции внешней политики, «многообразие и сложность международных проблем и наличие кризисных ситуаций предполагают своевременную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности Российской Федерации». Курдская проблема для новой России, как и в целом Ближний и Средний Восток, не является приоритетным вопросом, хотя время от времени значение Ближнего и Среднего Востока для России повышается. Однако этот процесс обусловлен, как правило, мировыми тен-

денциями. В то же время в американской «Стратегии для нового столетия» открыто говорилось о «защите курдского меньшинства» в Ираке[434].

Заявления некоторых курдских «политиков» о невозможности открытого выражения российской дипломатией своей политики в отношении курдов можно охарактеризовать как беспочвенные, так как *неофициальные* отношения любой страны с курдским движением в Турции являются для курдов однозначно *вредными*, предоставляя возможность после использования курдского фактора в своих интересах *открещиваться* от курдов. Всё это, конечно же, не способствовало процессу легитимизации ПРК и лишало её всякой респектабельности в международной политике.

Отказ России поддержать ПРК и предоставить Абдулле Оджалану политическое убежище расценивался руководством этой партии как отсутствие стратегической концепции на Ближнем и Среднем Востоке, хотя в целом ПРК понимала, что Россия лишь использует курдов в своих отношениях с другими странами[435].

Курдские «политики» по определению не могут лучше российских лидеров и дипломатов осознавать, в чем состоят интересы национальной безопасности России (поддержка их позиции известными популистами является лишь дискредитирующим фактором). Избрание президентом России В.В. Путина также никак не повлияло на «курдское направление». Напротив, увеличился объём сотрудничества с Турцией. Таким образом, можно однозначно констатировать отсутствие сколько-нибудь значительных интересов России в отношении курдов. Особенно чётко это выявилось в эпоху после 11 сентября 2001 года.

Опять-таки неверными и нетактичными являлись и заявления других функционеров ПРК. Согласно этим заявлениям, Россия является «геополитическим союзником курдского народа» и должна пересмотреть свою стратегию на Ближнем Востоке, сделав курдский фактор приоритетным в своей внешней политике. Ряд подобных заявлений, озвученных на «научной конференции» в Дипломатической академии МИД РФ сторонниками ПРК, вошёл впоследствии в изданное по материалам конференции «учебное пособие» этого учреждения Министерства иностранных дел России[436].

Утверждения ряда бывших депутатов и «экспертов»[437], что Россия является геополитическим союзником курдского народа,

также не имели ничего общего с реальностью. Тем более Россия не обязана пересматривать свою стратегию из-за мнения представителей каких-то курдских партий. Кроме того, последнее означало признание того, что в российской «стратегии на Ближнем Востоке» до этого курдам не отводилось никакого места.

По мнению всех этих и множества других, близких к ПРК «политиков» и «экспертов», российское руководство и дипломатия страны не способны осознавать интересы России, а «представители курдского национально-освободительного движения» «открывают им глаза» и просвещают их в отношении интересов собственной страны[438].

Близкие к ПРК исследователи считали, что *российская общественность и Госдума «понимают»* общность геостратегических и геополитических интересов России и «Курдистана», *«знают»* об их исторических узах, о выступлениях курдов на стороне России, *а творцы российской внешней политики* (президент, правительство и МИД) так и *не могут определить курс* страны в курдском вопросе. А сама Россия (т.е., видимо, *руководство страны*) «ещё не освободилась от старых стереотипов, находится под влиянием догм», т.е. *ничего не понимает*[439]. Между тем совершенно очевидно, что как раз нежелание России налаживать официальные связи с курдами как Турции, так и Ирака и было «чётко определённой политикой» страны в курдском вопросе.

Заявления, что «Россия... могла бы возглавить процесс по мирному решению, политическому решению курдской проблемы», выработать новую концепцию в курдской политике и занять твёрдую позицию в отношении курдского вопроса[440], также не имели ничего общего с реальностью.

Изредка близкие к ПРК деятели реалистично оценивали политику России в отношении использования курдов и курдской проблемы, верно утверждая, что «в течение ста лет... начиная с 20-х годов (XX в. – Н.М.) и до наших дней» «Россия разыгрывала курдскую карту только ради своих государственных интересов»[441]. Однако из этого делался не имеющий никакого отношения к предыдущему верному утверждению вывод, что «пора России изменить свою курдскую политику»[442]. Как уже неоднократно отмечалось, среди курдских политиков и курдов-курдоведов было широко распространено мнение о необходимости защиты Россией не своих интересов, а интересов «курдского освободительного движения».

На первый взгляд, парадоксально, но в отношениях с курдами были замечены лишь *бывшие* и/или не определяющие политику России деятели. А их симпатии, как это ни прискорбно для курдов, с реально-политической точки зрения *бесполезны*. «Властные» же деятели всячески избегали курдов. Хотя последние нуждались в симпатиях именно высокопоставленных должностных лиц, а не бывших высокопоставленных или маргинальных деятелей.

Лидеры ПРК были убеждены, что внимание к курдскому фактору руководства России усилило бы её позиции на Кавказе, в Средней Азии и на Ближнем Востоке[443]. Но Россия, «как и раньше», не предприняла серьёзных шагов в этом направлении. ПРК считала, что принявшие данное решение являются соучастниками международного заговора[444]. Лидер ПРК был уверен, что Россия искусно участвовала в международном заговоре против него[445].

Таким образом, по мнению лидеров ПРК, тогдашние президент Б.Н. Ельцин, премьер-министр Е.М. Примаков и директор ФСБ В.В. Путин являются «соучастниками международного заговора» против курдов.

Тогдашнее руководство России, по мнению ПРК, нанесло «вред русско-курдским отношениям». Однако президиум Совета ПРК надеялся, что «русский народ в лице патриотически настроенного нового руководства России и Государственной Думы РФ исправит эту досадную ошибку в отношении курдского народа»[446].

ПРК считала, что «патриотически настроенное новое руководство России» повернётся лицом к ПРК, не понимая, что этого не произойдёт. ПРК безосновательно надеялась, что Госдума может оказать ей реальную помощь. Наиболее странным являлось то, что ПРК никак не хотела верить, что это была не «досадная ошибка», «исправлять» которую российские власти не будут.

Спустя некоторое время представитель ПРК Гасан Алкан[447] весьма справедливо признавал игнорирование Россией ПРК и отказ от иллюзий по поводу «патриотически настроенного нового руководства России»: «Хотя нынешнее российское руководство полностью отличается от предыдущего, подход к курдскому вопросу вновь носит неопределённый характер. Политика Москвы по отношению к курдскому движению, ПРК и её руководству ещё до конца не определена»[448]. Представитель ПРК путал безразличие с неопределённостью, поскольку пози-

ция России в отношении этой партии была чётко определённой: ПРК *безразлична* России.

Все «геополитические предложения» Абдуллы Оджалана и его антитурецкие, антиамериканские и антиизраильские тирады во время пребывания в России в октябре-ноябре 1998 г.[449] не вызывали (и не могли вызвать) никакого интереса у российского руководства. В сегодняшнем мире нет стран и лидеров, которые бы жертвовали отношениями с Турцией и, что самое важное, с Соединёнными Штатами в угоду «интересам ПРК» (случай с Муамаром Каддафи[450] является исключением). Поэтому хотя лидер ПРК и заявлял, что наконец-то сбылась его «давняя мечта о приезде в Россию», его цель – «не дать возможность осуществиться грязным домыслам наших врагов» и создать дружеский союз «между нашими народами»[451] – так и не была (и ни при каких обстоятельствах не могла быть) реализована.

Заявления Абдуллы Оджалана о том, что он считает «Россию историческим и стратегическим союзником Курдистана» и что целью давления Турции на Россию является уничтожение руководства ПРК, чтобы «затем задушить в крови национально-освободительную борьбу курдского народа, что открывает Турции и её союзникам дорогу для установления контроля над всем Ближне- и Средневосточным регионом и беспрепятственного осуществления нефтяных и других проектов»[452], также были проигнорированы российским руководством.

Отказ в предоставлении политического убежища Абдулле Оджалану вызвал острую критику ПРК, даже оскорбления в адрес России и её руководителей, утверждения, что Москва, уступив давлению Соединённых Штатов, Израиля и еврейского лобби, обменяла его на кредиты Международного валютного фонда[453]. Однако до своего ареста А. Оджалан отмечал приверженность президента России Б.Н. Ельцина и народа России «ценностям демократии и гуманизма»[454].

Эти крайне некорректные заявления лидера ПРК Абдуллы Оджалана в отношении России весьма наглядно показывают цели ПРК. Безусловно, российская дипломатия также прекрасно понимала весьма утилитарное отношение ПРК к России, нереальность планов ПРК, попытку использования России. В случае, если российские власти не «оправдывали надежд» ПРК, они превращались для этой партии (как, впрочем, и для лидеров Южного Курдистана) в проводников «безнравственной» политики, «холуев Запада и Израиля» и т.п.

Окружение лидера ПРК даже пыталось «запугать» Россию «переориентацией» на США и другие страны[455]. В Москве прекрасно понимали, что это блеф. ПРК навязывалась в друзья официальной России, которая ни разу не поставила под сомнение своё безразличие к ней.

Примечательно, что более чем за год до своего пленения Абдулла Оджалан более трезво оценивал позицию России, хотя всё же постоянно сбивался с реальности на иллюзии, с действительной ситуации на желаемую.

В интервью корреспондентам «Независимой газеты» и «Коммерсантъ-daily» лидер ПРК отмечал, что в то время, как власти ФРГ заявили о том, что ПРК не является террористической организацией, «Россия идёт на сближение с Турцией»[456], хотя и удивлялся этому, особенно тому, что это происходит «в тот момент, когда другие страны пересматривают своё отношение к Анкаре»[457].

Однако в этом не было ничего удивительного. Для постсоветской России Турция всегда являлась одним из важнейших экономических партнёров, что, безусловно, не исключает наличия каких-то противоречий.

Кроме того, отвечая на вопрос о взаимосвязи визита российского премьера В.С. Черномырдина в Анкару в декабре 1997 г., во время которого было подписано соглашение по транспортировке в Турцию российского газа («Голубой поток»), со сложностями «курдских общественных организаций в России... с российскими властями», полностью подтвердил это утверждение. Однако там же Абдулла Оджалан сделал заявление, которое свидетельствует о том, что лидер ПРК, более двадцати лет выживавший в гуще жесточайшей политической борьбы в регионе (другой вопрос, как?), не знал или не хотел знать систему принятия внешнеполитических решений России. Вот что заявлял А. Оджалан: «А ведь незадолго до этого (визита В.С. Черномырдина в Турцию и последующего "притеснения" близких к ПРК организаций в России. – Н. М.), беседуя с приезжавшей ко мне делегацией Госдумы РФ, мы пришли к общему выводу о необходимости установления стратегического партнёрства между Россией и КРП (ПРК. – Н. М.). Говорили о том, что это в интересах России»[458].

Лидер ПРК имел в виду поездку к нему в Сирию осенью 1997 г. депутатов Госдумы А.В. Митрофанова (фракция ЛДПР), О.О. Миронова (КПРФ) и С.С. Митрохина («Яблоко»). Между

тем это был не визит «делегации Госдумы», а частный визит депутатов. Эта т.н. «делегация Госдумы» не имела никаких официальных полномочий, которые, как правило, имеют официальные парламентские делегации на переговорах со своими зарубежными коллегами и др. лицами на подписание, например, соглашений о парламентском сотрудничестве и т.д. Тем более ПРК декларировала наличие «Парламента» (Парламент Курдистана в изгнании). Кроме того, перечисленные депутаты не имели никакого влияния на реальную внешнюю политику России, не говоря уже о выработке курса на «установление стратегического партнёрства». Это, кстати, и подтвердило выдворение российскими властями Оджалана из России. Лидер ПРК или вправду думал или делал вид, что не понимает, что вопросы необходимости установления стратегического партнёрства решали президент России (Б.Н. Ельцин), премьер-министр (В.С. Черномырдин, С.В. Кириенко, Е.М. Примаков), министр иностранных дел (Е.М. Примаков, И.С. Иванов), министр обороны, Совет безопасности страны, директор ФСБ, а не отдельные депутаты. С депутатами Госдумы разговаривать о «стратегическом партнёрстве» можно было лишь абстрактно, для своего личного удовольствия, а не реальных дел. Придавать какое-либо значение своим частным разговорам с этими депутатами, по меньшей мере, *бесполезно*.

В том же интервью Абдулла Оджалан, заявляя, что конфликт вокруг т.н. «курдской деревни»[459] в Ярославской области «имеет символическое значение», весьма справедливо отмечал, что «Россия по отношению к курдам продолжает ту политику, которую проводил Советский Союз»[460], имея в виду игнорирование Россией курдских военно-политических сил.

Лидер ПРК также справедливо отмечал, что отношения с курдами для России подчинены российско-турецким отношениям и «дружбу с курдами Москва не раз приносила в жертву отношениям с кемалистской Турцией»[461]. Он считал, что «и сейчас Россия использует нас для давления на Турцию, а когда получает от неё уступки, давит на курдов. Это дешёвая политика»[462]. Казалось бы, глава ПРК прекрасно понимает настоящий интерес российской дипломатии: использовать курдов в качестве козыря в торге со своим соперником, но, безусловно, и партнёром – Турцией. Однако Оджалану всё же до конца не хотелось верить в это.

Пытаясь отговорить Россию от экономического сотрудничества с Турцией, так как последней «нечего дать России»,

Оджалан заявлял, что «в России не понимают, что сотрудничество с Турцией опасно для российской государственности. Турция уже глубоко внедрилась в экономическую и политическую жизнь России, создав многочисленные плацдармы для дальнейшей экспансии: начиная с занимающихся сомнительной деятельностью фондов и фирм и кончая Чечнёй. Но турецкое участие в чеченских событиях – это ещё цветочки по сравнению с тем, что ждёт Россию в будущем»[463].

Для принятия решительных мер против Турции, являющейся «стратегическим врагом» России и ведущей «от Кавказа до Средней Азии целенаправленную работу против России», Оджалан предлагал использовать курдское национальное движение, которое лидер ПРК считал самым надёжным оружием России против Турции. По его мнению, ПРК могла стать для России «опорой в ближневосточном регионе»[464]. Понимая реальную политику России, Оджалан, однако, удивлялся, «почему Россия остается безучастной к дружественному ей движению целого народа, предпочитая строить сомнительные отношения с Турцией»[465] и не желая понять, что борьба ПРК «отвечает интересам России»[466]. Тем не менее Оджалан надеялся, что российские власти смогут «всесторонне оценить» его предложения, особенно те, «которые касаются интересов России»[467].

Все «предостережения» лидеров ПРК о «турецкой экспансии» российской власти безразличны. Более того, и в последующие годы руководство России проводило широкомасштабную политику увеличения объёмов сотрудничества с Турцией, а президент (премьер-министр) России В.В. Путин на встречах с премьер-министром Турции Р.-Т. Эрдоганом постоянно подчёркивал значительный рост объёмов двусторонней торговли.

Оджалан представлял свою партию в качестве барьера на пути осуществления планов транспортировки энергоносителей из Каспия, минуя территорию России. Он регулярно повторял, что политика ПРК «отвечает интересам России». Однако лидер ПРК всё же был вынужден признать, что «в Москве этого, видимо, не хотят понять». Оджалан считал, что «это – историческая ошибка, за которую России, возможно, придётся дорого заплатить»[468].

В близких к ПРК кругах не могли понять и «удивлялись», что Госдума «понимает значение курдского вопроса», а исполнительная власть, напротив, «игнорирует курдов»[469]. Хотя любой, даже поверхностно знакомый с российской политической

системой человек ничуть не удивлялся, что российское правительство и президент России, «вопреки» постановлениям и заявлениям Госдумы, не оказывали помощь ПРК. Однако в структурах ПРК, эти не имеющие никакого значения и никаких последствий заявления и постановления, а также различные слушания подавались в качестве важнейших документов. Более того, говорилось о «российско-курдистанских отношениях»[470], за которые выдавались отношения между «экспертами» и представителями ПРК с отдельными депутатами Госдумы.

Представители структур ПРК «с большим недоумением наблюдали, как господин Черномырдин, посещая Турцию, подписывал с ней контракты о продаже российского газа»[471]. Между тем российские власти, как известно, придавали «Голубому потоку» огромнейшее значение, называя его «важным элементом российско-турецких отношений» и утверждая, что «его реализация отвечает интересам и России, и Турции. Причем не только экономическим, но и интересам долгосрочного сотрудничества в более широком плане»[472]. Впоследствии, в своей Защитной речи Абдулла Оджалан утверждал, что «в целях предотвращения предоставления мне политического убежища в России Анкара шла на весомые уступки России, в первую очередь, в реализации проекта "Голубой поток"».

Мнение респектабельных внешнеполитических деятелей России ПРК не интересовало. Так, известный российский дипломат бывший посол России в США В. Лукин, будучи главой комитета Госдумы по международным делам, после захвата Оджалана заявил: «Стремление курдов [к отделению от Турции], понятное по-человечески, противоречит реалиям, сложившимся в Европе, и противоречит интересам России». Под реалиями В. Лукин имел в виду принцип территориальной целостности, закреплённый Хельсинкским актом[473].

Не исключено также, что некоторые так называемые оппозиционные партии и известные популисты, традиционно активные на «курдском направлении» (опять-таки это в первую очередь относится к ПРК), были нацелены на дискредитацию курдов, «держали» их «на крючке», избавляя официальные власти от необходимости проводить открытую политику и обозначать свою позицию.

Примечательно, что Генеральный прокурор России В.В. Устинов в своей книге «Обвиняется терроризм», по сути, ставшей официальной доктриной правоохранительных органов страны

по борьбе с терроризмом, относил ПРК к экстремистским группировкам, подчёркивая, что эта партия осуществляет большую часть террористических актов в Турции. Как писал генпрокурор России, до недавнего времени боевики ПРК осуществляли «от 50 до 60% всех терактов на территории Турции»[474]. Таким образом, Генеральный прокурор России считал ПРК террористической организацией. Тем не менее ПРК так и не была включена в России в список террористических организаций.

Кроме того, если ПРК, по мнению генпрокурора России, являлась экстремистской и террористической организацией, то поддержка некоторыми депутатами Государственной думы ПРК может рассматриваться в качестве пособничества экстремистам и террористам. Подобным же образом можно было расценивать и наличие на территории России «базы ПРК»[475], а также обращение Государственной думы к президенту Б.Н. Ельцину о предоставлении Оджалану политического убежища.

Сходной с генеральным прокурором В. Устиновым позиции придерживался и уже упомянутый посол России в Турции А. Лебедев. В конце октября 2002 г. недовольный освещением турецкими средствами массовой информации событий вокруг захвата террористами театрального центра на Дубровке в российской столице А. Лебедев[476] направил в ведущие турецкие газеты открытое письмо, в котором обвинял их в «двойном стандарте»[477]. В контексте интересующей нас темы посол отмечал, что считает «справедливой» позицию турецких властей, по мнению которых Абдулла Оджалан, лидер «так называемой Рабочей партии Курдистана...» является «руководителем курдских сепаратистов, т.е. главным врагом Турции и главным террористом». Российский посол заявил, что «был рад, когда российское руководство приняло единственно правильное решение о выдворении Оджалана из России»[478]. Как заявил А.А. Лебедев, после бегства «лидера курдских сепаратистов Оджалана из Сирии в Россию» «Россия... свой долг выполнила – Оджалан был вынужден покинуть нашу территорию и потом попался в руки турецкого правосудия». «Так почему же к нам применяется двойной стандарт?» – вопрошал российский посол. При этом посол России в Турции был недоволен функционированием в Турции связанного не только с «Масхадовым и Закаевым, но и с Яндарбиевым и Удуговым» Кавказского чеченского центра[479].

Мы не оцениваем высказывания российского посла в Турции о курдских сепаратистах, об идентификации сепаратистов

с террористами и о том, что Абдулла Оджалан является «руководителем курдских сепаратистов и главным террористом». Однако весьма примечательно, что российская дипломатия в обмен на симпатии Турции к своей «чеченской политике»[480] полностью поддерживала Турцию в её «курдской политике», без учёта положения чеченцев в России и курдов в Турции. Кроме того, заявление российского посла фактически означало официальное признание российской дипломатией того факта, что «российское руководство» выдворило главу ПРК.

Выдворение Оджалана, по мнению А. Лебедева, привело к изменению позиции Турции по чеченскому вопросу[481]. Следует отметить также версию, что Оджалан был выдворен из России в обмен на освобождение из плена чеченских боевиков полпреда президента России в Чечне В. Власова[482].

Уже после своей отставки А. Лебедев заявлял также, что при рассмотрении ситуации с Оджаланом «надо помнить о том, сколько крови на его руках»[483]. Примечательно, что в самой Турции высокопоставленные официальные лица неоднократно заявляли, что причиной вооружённого конфликта в Турецком Курдистане являлась политика турецких властей, отрицающих курдскую идентичность. А. Лебедев говорил и о «курдских терактах» (которые пошли на убыль после ареста Оджалана)[484].

В конце 2007 г. осудил «террористические акты, совершённые террористами ПРК», заместитель министра иностранных дел России А. Салтанов[485].

Таким образом, высокопоставленные представители внешнеполитического ведомства России определяли ПРК в качестве террористической организации.

Российский МИД начал отмечать изменение позиции Турции в отношении чеченской проблемы с 2004 года. На это, конечно же, в немалой степени повлиял политический процесс в Чечне и создание легитимных органов власти в этой российской республике. Однако изменение турецкой позиции происходило медленно. Этот процесс начался в конце 1999 г., то есть спустя несколько месяцев после ареста Оджалана.

4–6 ноября 1999 г. состоялся официальный визит премьер-министра Турции Б. Эджевита в Россию, в ходе которого были проведены переговоры с Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным (а также с Председателем Госдумы Г.Н. Селезнёвым и мэром Москвы Ю.М. Лужковым). Сопровождавший Б. Эджевита министр иностранных дел Тур-

ции И. Джем обсуждал различные аспекты двусторонних взаимоотношений с главой МИД России И.С. Ивановым. Во время переговоров премьер-министров Турции и России был обсуждён широкий спектр вопросов, касающихся торгово-экономического сотрудничества. Однако наиболее важным являлось подписание 5 ноября «Российско-Турецкой Декларации по борьбе с терроризмом», в которой осуждался терроризм во всех его проявлениях. Комментируя подписание этой декларации, В.В. Путин заявил: «Мы осуждаем терроризм и выражаем общее желание бороться с этим злом, поразившим многие страны мира». Российский премьер также отметил, что Россия «никогда не будет поддерживать никакие террористические действия против Турции, откуда бы они ни исходили». Кроме того, В.В. Путин подчеркнул, что действия России на Северном Кавказе не имеют ничего общего с агрессией, так как агрессия может быть совершена только одним государством против другого государства, «Чечня – субъект нашей федерации, и, кроме того, наши действия направлены исключительно на подавление международного терроризма». Глава правительства России, отметив, что многие террористы прикрываются исламскими лозунгами и тем самым компрометируют ислам, рассчитывал «на поддержку всего мирового сообщества, в том числе и исламских стран»[486]. Безусловно, в этом контексте одной из наиболее важных была позиция Турецкой Республики.

Эта декларация фактически предусматривала своеобразный «курдско-чеченский обмен» между Россией и Турцией. Москва и Анкара, осуждая «терроризм во всех его проявлениях», конечно же, понимали, что имеет в виду противоположная сторона. Анкара под терроризмом понимала, естественно, ПРК, Россия – бандформирования, вторгшиеся в Дагестан. Стороны согласились с тем, что Россия не будет использовать против Турции ПРК, а Турция – оказывать помощь чеченцам.

В связи с этим Эджевит в парламенте страны подвергался сильной критике[487].

Визит Эджевита в Россию и подписание декларации по борьбе с терроризмом можно считать важной вехой в развитии двусторонних отношений в контексте курдской и чеченской проблем[488]. Однако позиция Турции какое-то время всё ещё не удовлетворяла российскую сторону. Москва вплоть до конца 2003 г. считала, что Турция сквозь пальцы смотрит на деятельность ряда организаций и отдельных лиц на своей тер-

ритории, продолжающих оказывать поддержку действующим в Чечне террористам. Россия рассчитывала со стороны Турции «на соответствующую реакцию, основанную на общности подходов к проблематике борьбы с международным терроризмом»[489]. Очевидно, что́ каждая страна по-разному понимала «борьбу с международным терроризмом». Озабоченность наличием в России общественных организаций, близких к ПРК, выражала и Турция.

Лишь в начале 2004 г. в преддверии визита в Россию вице-премьера и министра иностранных дел Турции Абдуллы Гюля российская дипломатия стала выражать удовлетворение позицией Турции по чеченской проблеме[490]. Одной из основных тем переговоров А. Гюля в России была как раз «проблема терроризма». По итогам своих переговоров в российской столице А. Гюль заявил, что Турция «заинтересована в тесном сотрудничестве с Россией в борьбе с терроризмом». По его словам, «стабильность региона должна строиться на основе обеспечения безопасности и безусловного сохранения территориальной целостности каждой из его стран. Терроризм подрывает основы стабильности, и Турция намерена вместе с Россией усилить борьбу с этим злом». А. Гюль отметил: «В течение долгих лет Турция напрямую сталкивается с угрозой терроризма и поэтому хорошо понимает проблемы, которые есть в этой сфере и у России. От терактов страдают невинные люди, и мы самым решительным образом осуждаем любые акции террористов». Ему вторил и исполняющий обязанности министра иностранных дел России И.С. Иванов: «Наши страны не понаслышке знают, что такое международный терроризм. Граждане двух стран неоднократно были жертвами террористических актов». В последние годы, сказал Игорь Иванов, «взаимодействие России и Турции в борьбе с международным терроризмом заметно расширилось»[491]. То есть фактически глава внешнеполитического ведомства России согласился с Турцией в том, что эта страна страдала от терроризма ПРК, а Анкара в свою очередь признала необходимость борьбы с террористами на Северном Кавказе.

В декабре 2004 г. президент России В. Путин во время своего визита в Турцию выражал удовлетворение позицией Турции в отношении чеченских группировок. В ответ на это турецкая сторона обращала внимание российских властей, что ожидает от неё действий против ПРК. 15 декабря 2004 г. министр

обороны Турции В. Гёнюл заявил, что Турция хотела бы, чтобы Россия включила ПРК в список террористических организаций[492].

Отказ Турции от поддержки (по крайней мере, почти прямой, как это было в середине 90-х годов) сторонников Ичкерии не мог не повлиять на российскую политику в отношении ПРК. Пока ПРК отправлена «в резерв».

Примечательно, что упразднение ПРК и её реорганизация в KADEK в апреле 2002 г. не изменили отношения к ним российской дипломатии. Как подчеркнул 22 декабря 2002 г. пресс-секретарь МИД России А. Яковенко, заявление т.н. представителя KADEK Халита Джуди о том, что эта организация готова возобновить вооруженные атаки в Турции, является образцом терроризма, добавив, что Россия выступает против терроризма и желает развивать отношения с Турцией[493].

Таким образом, курды Турции сыграли для России функциональную роль в торге по некоторому изменению турецкой позиции в чеченской проблеме. До последнего времени в Турции открыто действовали организации боевиков, а сами боевики поправляли здоровье. В настоящее время наиболее одиозным представителям боевиков турецкие власти отказывают во въезде на свою территорию, однако многие организации всё ещё продолжают действовать с ведома турецких властей, хотя и менее открыто. Следует отметить, что ещё в середине 1990-х годов обращал внимание на этот процесс известный курдолог проф. А. Ментешашвили, утверждая, что «вошедшие в азарт Россия и Турция используют малые народы (имелись в виду курды и чеченцы. – Н.М.) как игровых пешек, как разменную монету в достижении своих целей»[494].

Косвенно признавая, что ПРК является террористической организацией, Российская Федерация, тем не менее, не включала эту партию в официальный список. На обращения турецких властей Россия «по-европейски» предлагала представить материалы, свидетельствующие о терроризме ПРК, придерживаясь следующей позиции: «Если подобные материалы будут представлены турецкой стороной, то они будут рассмотрены Россией». Однако РФ не собиралась включать ПРК в список террористических организаций. Эта партия не осуществляла на территории России никаких противозаконных действий. Более того, вряд ли деятельность представителей ПРК на российской территории находится вне внимания определённых служб. Включение ПРК в «террористический список» настрои-

ло бы против России значительную часть курдов, поддерживающих ПРК. Кроме того, для Москвы ПРК представляет определённый «резерв».

* * *

Для России курдская проблема Турции исторически является важным фактором обеспечения своих интересов на южном и юго-западном стратегических направлениях, являющихся наиболее уязвимыми направлениями российской геополитики.

Россия заинтересована в функционировании курдского фактора в Турции таким образом, чтобы при необходимости местные курдские военно-политические силы принимали пророссийскую ориентацию под влиянием иллюзий, рождаемых влиятельными российскими популистами и, по-видимому, сотрудниками спецслужб, о возможной помощи курдам со стороны Москвы вследствие «общности геополитических целей» или в случае прихода к власти «патриотически настроенных сил», которые никогда не придут к власти или, придя к власти, будут проводить в отношении курдов и курдской проблемы ту же политику, что и «атлантистские агенты влияния». *«Северокурдистанская политика» России*, если таковую вообще можно выделить, подчинена интересам Москвы в обширном балканско-кавказском-переднеазиатском регионе в различных пространственных и проблемно-аспектных вариациях, и имеет, таким образом, лишь функциональное значение.

С точки зрения традиционной геополитики интересы России на этом направлении сконцентрированы на следующих факторах:

1. Черноморские проливы. Они представляют собой «извечный вопрос русской геополитики»[495]. Россия, как ни парадоксально, исторически заинтересована в турецком контроле над Проливами. Ранее она использовала проблему христианских меньшинств Османской империи для давления на нее. Россия не была заинтересована в «христианском» контроле над Проливами, так как не имела бы на них никаких рычагов воздействия, в то время как на Турцию можно было бы давить «заботой об угнетаемых христианах», добиваясь уступок от ставшего традиционным партнёра. Теперь этот вопрос увязывается с курдским фактором.

Таким образом, курдский фактор являлся в вопросе Проливов одним из средств давления на Анкару, то есть имеет чисто функциональное значение.

2. Блокирование курдским фактором возможных путей транспортировки каспийских и центральноазиатских энергоресурсов через Турцию.

Политика и позиция России в этом вопросе достаточно динамична, сочетая как методы традиционной геополитики, так и взаимные уступки с соперниками. Кроме того, в России понимают, что значение курдского фактора с точки зрения блокирования транспортных маршрутов было значительно переоценено. Очевидно, что эта проблема (подавление вооружённого сопротивления курдов) как раз и решаема.

3. Геополитический фактор. Курдистан с точки зрения адептов геополитики является «этнотерриториальной, этногеографической, а курдский фактор в лице курдского национально-освободительного движения (точнее – движения, ведущего вооружённую борьбу с властями) и курдского демополитического феномена – военно-политической преградой на пути турецкой геополитической экспансии на Кавказ и в Центральную Азию». Курдистан геополитически «разрывает» тюркский пояс, простирающийся «от Адриатики до Великой Китайской стены», является важнейшим препятствием распространению неопантюркизма на постсоветском Юге.

Однако подобная точка зрения представляется не совсем верной. Во-первых «курдская угроза» обусловливает милитаризацию турецкого государства (в данном случае не важно, что эта угроза была обусловлена в свою очередь лишением курдов всех прав) и превращение Турецкого Курдистана, по сути, призакавказского региона в полигон Анкары.

В условиях приоритета экономических и финансовых рычагов влияния «геополитическая барьерность» Курдистана не играет значительной роли и вряд ли может повлиять на связи Турции с Азербайджаном и постсоветскими центральноазиатскими республиками.

Примечательно, что использование курдского фактора со стороны России, как правило, открыто обсуждается лишь в удалённых от официальных властей кругах. Позиция официальной российской дипломатии, как и полагается, ограничивается набором общих, ничего не значащих фраз. Так, например, руководитель департамента печати и информации МИД России В.О. Рахманин, выступая на брифинге 16 февраля 1999 г., т.е. сразу же после захвата турецкими спецслужбами лидера ПРК Абдуллы Оджалана, заявлял: «Что же касается собственно

курдской проблемы, то позиция России состоит в том, что она должна решаться в рамках сохранения территориальной целостности государств, в которых имеется курдское население, включая, разумеется, Турцию. Российский подход базируется на основополагающих принципах международного права, в том числе в отношении соблюдения прав человека и нацменьшинств. Разумеется, он распространяется на курдов. Любые силовые методы, тем более террористического характера, неприемлемы и решительно отвергаются. Выход может быть найден только политическим путём»[496].

Из этого заявления можно сделать ряд выводов, обусловливающих подход России к курдам:

1) МИД России признает наличие национальной «курдской проблемы», в том числе и в Турции. Правда российская дипломатия избегала раскрытия ею понимания «проблемы», не поясняя, имеется ли в виду нарушение прав курдов турецкими властями?

2) Курдская проблема «должна решаться» в рамках территориальной целостности, защиты прав человека и национальных меньшинств.

Десятки миллионов курдов, проживающих на территории этногеографического Курдистана тысячи лет, рассматриваются российским МИДом в качестве национальных меньшинств Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Таких же, как, например, курды или корейцы в России.

Курды не имеют права на самоопределение. Право на самоопределение, согласно пониманию российской дипломатии, имеют несколько десятков тысяч югоосетин и абхазов, имевших (при всех имеющихся сложностях) всё же при всех грузинских режимах неизмеримо больше национальных прав, чем те же курды в Турции, Иране или Сирии.

Курды могут претендовать лишь на защиту своих прав, как отдельных личностей и национального меньшинства.

3) Проблема должна решаться не силовыми, а политическими методами. С этим благим пожеланием всегда были согласны все без исключения курдские партии. Однако традиционно к этому не готовы именно страны, в состав которых входят части Курдистана.

Кроме того, следует отметить, что сегодня российские власти уже даже и не говорят о курдской проблеме.

По мнению А.Г. Дугина, курдов, представляющих важнейший этнический фактор, «можно использовать для провокации

геополитических потрясений внутри Турции"[497]. По сути, это откровенное предложение является временами императивом российской политики[498] в этом вопросе и слово «можно» не исключено, что, может быть, даже излишне. Хотя приведённое мнение является частным, оно представляется весьма верным. Таким образом, курдский вопрос втиснут в прокрустово ложе «турецкой», точнее – «антитурецкой» политики (или даже «провокации») России. Для самих курдов это оборачивается, как правило, немалыми бедами. Дозированная, тайная (неофициальная) и ни к чему не обязывающая помощь лишь временно обеспечивает выживание курдского движения, однако превращает его в вопрос иностранного заговора против Турции, что предопределяет ожесточенную расправу над курдами. Реальная помощь может быть предоставлена лишь официальным путём, пусть даже на гуманитарно-правовом уровне.

Следует отметить, что спустя несколько лет А. Дугин уже говорил о необходимости российско-турецкого евразийского союза и т.п., сотрудничая с одним из руководителей подпольной организации «Эргенекон» – лидером Рабочей партии Турции Догу Перинчеком.

Теперь А. Дугин считает, что поскольку Турция не проводит антироссийскую политику в регионах, населённых тюрками, Россия не поддерживает ПРК.[499]

Мнение о возможности использования курдов против Турции в 90-х годах выражало и руководство ЛДПР. Так, член фракции ЛДПР, председатель комитета геополитики Госдумы писал: «...Народу Курдистана следует оказать как минимум такую же помощь, какую оказывает Турция сепаратистским движениям в России, т.е. оружием, военно-технической подготовкой бойцов сопротивления, финансовыми средствами. Борющиеся курды – это сильнейший козырь России в расчётах и прикидках с НАТО и Турцией. Россия всенепременно должна поддерживать курдов, чтобы указать атлантистам на курдскую угрозу. Анкара должна быть серьёзно озабочена: курды смогут взорвать Турцию изнутри»[500].

Итак, Россия может использовать курдов для «провокации геополитических потрясений внутри Турции». При этом курды никогда не рассматриваются Россией более чем как геополитический козырь или «курдская карта» в качестве одного «из действенных и эффективных рычагов для воздействия

на турецкие нефтяные амбиции»[501] и часто бывают «обменены» на некоторые уступки со стороны Турции.

В отношении Турции Россия традиционно действует в рамках необходимости содействия всеми силами «сохранению государства (Османская империя. – Н.М.), слабость и плохое управление которым является ценной гарантией безопасности [России]»[502] (Александр I).

3.3. Россия и Иракский Курдистан после 11 сентября 2001 г. и свержения Саддама Хусейна

3.3.1. Россия и Иракский Курдистан: 2002–2006 гг.

Появившиеся после завершения «антитеррористической кампании» в Афганистане ожидания о её распространении на Ирак не могли не затронуть вопросов места курдов в предполагаемых операциях. Своё отношение к этому выразили и российские спецслужбы, заявляющие о сепаратистских планах курдов и поддержке США этих планов в обмен на помощь против иракских властей[503].

Газета «Аль-Хайят» сообщала (со ссылкой на «российские дипломатические источники»), что якобы Соединённые Штаты направили 40 военных инструкторов на территорию курдской администрации. При этом российские дипломаты выражали надежду, что оба курдских лидера – Барзани и Талабани, будут действовать разумно, чтобы не ввязываться в военную акцию против Саддама Хусейна, хотя американцы и уговаривают их (вместе с Турцией) принять участие в операции[504].

Эти «утечки» были направлены на дискредитацию курдов, находившихся в сложном положении. С одной стороны, курды были вынуждены поддерживать США. С другой, учитывать позицию стран региона.

ПСК резко и категорично опровергал напечатанную в «Аль-Хайят» информацию российских источников о присутствии в Курдистане 40 американских военных советников, назвав её «полностью фальшивой (лживой)» (“totally false”). При этом представитель ПСК выразил удивление «ролью российских государственных (правительственных) источников в распростра-

нении сведений, которые представляют собой чистую дезинформацию, нанося вред интересам народа Курдистана, и являются вредными для традиционно дружеских отношений между российским народом и Курдистаном». По словам представителя ПСК, «к сожалению для нас, российские правительственные источники пробуют фабриковать новости для удовлетворения Багдада». ПСК считал, что «нынешняя российская политика полностью игнорирует справедливые интересы народа региона Курдистан и Ирака. Вместо этого она (российская политика. – Н.М.) является циничной и оппортунистической, направленной на поддержку тоталитарного багдадского режима в обмен на большие коммерческие контракты, подаренные иракским правительством»[505].

Таким образом, власти Южного Курдистана осуждали политику Москвы в отношении Ирака и курдов, обвиняли её в распространении антикурдской дезинформации и считали, что Россия поддерживает тоталитарный режим.

В декабре 2002 г. Иракский Курдистан посетил посол России в Ираке В. Титоренко[506], который провёл переговоры с курдскими премьерами Нечирваном Барзани и Бархамом Салихом. Российский посол в очередной раз осудил попытки США осуществить свержение Саддама Хусейна, а также назвал Лондонскую конференцию иракской оппозиции заговором, направленным на «свержение легитимного правительства Ирака». Титоренко на встрече с Бархамом Салихом высказал опасение по поводу возможной гражданской войны в Ираке. В ответ на это Бархам Салих пригласил его в лагерь беженцев с территорий, контролируемых иракскими властями, и сказал, что «гражданская война уже идёт». Более того, Б. Салих призвал Россию вместе с американцами и британцами патрулировать север от 36-й параллели и участвовать в построении демократического Ирака[507]. Позиция российского посла воспринималась курдами в качестве пробаасистской и весьма далёкой от новых реалий.

Естественно, подобная позиция российской дипломатии, мягко говоря, не могла найти понимания у лидеров Южного Курдистана. Фактически российский посол обвинял курдских лидеров в участии в заговоре против «легитимного правительства Ирака» и выражал недовольство политикой иракских курдов. Поэтому российский посол воспринимался в Курдистане в качестве представителя баасистского режима[508].

Для понимании позиции В.Е. Титоренко см. также его статью *«Два года оккупации Ирака: итоги и перспективы»*[509].

Хотя в примечании к ней указано, что «данная статья отражает исключительно личную точку зрения ее автора», совершенно очевидно, что «личная точка зрения» высокопоставленного российского дипломата (в период написания статьи он работал послом России в Алжире), бывшего посла России в Ираке об этой стране также весьма примечательна для исследователей.

Так, В.Е. Титоренко отмечал, что Саддам Хусейн в последние годы своего правления предоставлял возможность курдам увеличить своё представительство в правительстве Ирака и руководстве партии БААС, однако курды «предпочли править в рамках своего анклава, находившегося под защитой американской авиации». Естественно, в Курдистане вряд ли могли пользоваться уважением дипломаты, всерьёз считающие, что курды могли бы предпочесть увеличение своего представительства в партии БААС, воспринимаемой в Курдистане в качестве фашистской партии, политика которой в отношении курдов зиждилась на их уничтожении.

В.Е. Титоренко считал, что произошёл «перекос... в пользу курдского меньшинства», составляющего-де 15% населения Ирака, но получившего до 25% кадрового состава властных структур. «При этом, – по его мнению, – последние получили еще и дополнительные льготы и привилегии от США – в виде сильной автономии, собственных вооруженных формирований и т.д. Причем аналогичных прав не имеют другие меньшинства – арабы-сунниты, которых почти вдвое больше, чем курдов, туркманы, христиане и т.д. Курды проводят политику самозахвата территорий, которые не входят в состав автономии, прежде всего Киркука с его богатейшими нефтепромыслами и Мосула с его важнейшим стратегическим положением. В этих претензиях курдов заложены зерна нового арабо-курдского конфликта. Его признаки уже проявлялись в ходе деления портфелей в новом руководстве Ирака после январских с.г. выборов законодательной ассамблеи».

Очевидно, что подобная позиция воспринималась в Курдистане в качестве пробаасистской. Курды не считают себя и не являются в Ираке национальным меньшинством. Даже в действующей во время правления Саддама Хусейна Временной конституции провозглашалось, что иракский народ состоит из «двух основных» национальностей – арабской и курдской (п. «b» ст. 5 Конституции Ирака, принятой в 1970 г.). Кроме того, доля курдов всё же превышала 15%, а численность

[арабов]-суннитов не превышала вдвое численность курдов. Что касается формирования автономных регионов, то сунниты и не претендовали на это. Более того, курды не выступали бы против формирования суннитского региона. Сравнивать объём национальных прав курдов и туркоман можно так же, как и, например, арабов и туркоман. Последние именно в Курдистане, а не в рамках партии БААС или режима Саддама Хусейна получили национальные права. Кроме того, обвинения курдов в самозахвате Киркука, из которого баасистским режимом было выселено значительное число курдов, пожелавших после свержения этого режима вернуться в родные места, также не могли встретить никакого понимания в Курдистане.

Курдистанские власти считали, что российская дипломатия весьма далека от понимания происходящих в Ираке и регионе событий. В этом контексте следует также отметить, что бывший посол России в Ираке, переведённый впоследствии на работу послом в Ливии, 18 марта 2011 во время ливийского кризиса был отправлен в отставку президентом России Д.А. Медведевым. Чамов был охарактеризован как фигура некомпетентная, поскольку «неадекватно представлял себе интересы России в ливийском конфликте»[510].

Руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН А.И. Шумилин предполагал, что «экс-посол Чамов имел тенденцию сводить широкий спектр российских интересов в мире к примитивной заинтересованности некоторых отечественных компаний в контрактах с правительством Каддафи». «Подобная "меркантильная" ментальность, – по мнению А.И. Шумилина, – достаточно распространена не только среди генералов и госкорпоративных коммерсантов в России, но и среди дипломатического корпуса, работающего в странах третьего мира, особенно в арабских государствах – традиционных клиентах Москвы с советских времен. Кроме "узкого угла" видения проблемы такие российские дипломаты в этих странах изрядно пронизаны антиамериканизмом и антизападничеством. Вкупе это затрудняет проведение реалистичной политики страны в современных условиях»[511]. Очевидно, что всё это относится (а, возможно, и в наибольшей степени) и к деятельности российских дипломатов в Ираке и некоторых других странах, в состав которых входит Курдистан.

В начале 2003 г. в Москву прибыл сопредседатель парламента Иракского Курдистана Рож Нури Шавеш, проведший встречи

с Госдуме, где его убеждали в «агрессивных планах американского империализма»[512]. Подобная позиция была распространена не только среди депутатов (коммунистов и др.), проявляющих активность на иракском направлении, но и высокопоставленных дипломатов, осуществляющих российскую политику в отношении Ирака. Как уже отмечалось, незадолго до начала операции американцев по свержению баасистского режима на встрече с премьер-министром РегПК в Сулеймании Б. Салихом почти то же самое, что и думские депутаты-коммунисты, заявлял посол России в Ираке В.Е. Титоренко.

Просаддамовской (если так можно сказать) точки зрения придерживалась не только значительная часть российского политического класса, но и большинство общественного мнения. Поэтому представители курдских партий находили «искренних друзей» лишь «среди российских правозащитников» – Е.Г. Боннер, Л. Пономарёва, С.А. Ковалёва[513]. В качестве «мыслящих людей, отлично понимавших, каким злом является режим Саддама Хусейна и насколько необходима демократизация Ирака», «представителю ДПК» виделись члены Российского Демократического Союза, Радикальной партии и В.И. Новодворская, с которыми взаимодействовало «представительство РегПК в России»[514]. Естественно, говорить о политическом влиянии указанных организаций и лиц (при всём уважении к ним), мягко говоря, бессмысленно.

Рож Нури Шавеш, кроме встреч в Госдуме, провёл переговоры в МИД и МЧС, у которых просил оказать курдскому региону гуманитарную помощь. По-видимому, курды пытались хотя бы как-то вовлечь Россию в иракские дела. Однако позиция России заключалась в критике политики США в отношении Ирака, военной кампании американцев.

Эта политика России вызывала недовольство США и не могла найти поддержки у южнокурдистанских лидеров, которые после отказа Турции предоставить свою территорию американским войскам для осуществления военной операции против баасистского режима стали важнейшими военными союзниками американцев. Более того, как уже отмечалось, власти Южного Курдистана всё время пытались убедить Соединённые Штаты в своей преданности, уговаривали США перенести военные базы из Турции в Южный Курдистан.

По-видимому, с подачи американских властей в середине марта 2003 г. тогдашний премьер-министр сулеймании

РегПК Бархам Салих во время своего визита в Вашингтон непосредственно перед началом переговоров с американскими официальными лицами заявил, что нефтегазовые контракты Франции и России, подписанные с Саддамом Хусейном, не останутся в силе[515].

После свержения баасистского режима 7 июля 2003 г. в Москве побывал глава ПСК Джалал Талабани. Однако этот визит в российскую столицу этот политический деятель нанёс в качестве председателя Высшего управляющего совета Ирака. Соответственно, в рамках переговоров с министром иностранных дел России И.С. Ивановым Талабани представлял лишь иракскую сторону и обсуждалась преимущественно общеиракская проблематика. Обе стороны подчеркивали «необходимость обеспечения суверенитета и территориальной целостности Ирака, уважения прав всех его этноконфессиональных групп, становления демократии и политического плюрализма». И.С. Иванов и Дж. Талабани высказались в пользу скорейшего формирования переходного иракского правительства. Была «подчеркнута важность международного участия в процессе послевоенного обустройства в Ираке на основе положений резолюции № 1483 Совета Безопасности ООН, норм международного права». Талабани заявил на встрече, что «ПСК и другие общественно-политические силы Иракского Курдистана выступают за весомый вклад России в политическое и экономическое возрождение Ирака». А министр иностранных дел России «подтвердил неизменную позицию России в поддержку справедливого демократического решения курдского вопроса в рамках единого иракского государства»[516].

После свержения баасистского режима позиция России в целом не изменилась. В Ираке были созданы новые органы власти, принята конституция. Однако все решения по Ираку принимались в Вашингтоне, даже несмотря на то, что некоторые из них одобрялись в ООН. Российские представители время от времени делали не имеющие никакого значения заявления, однако Ирак для российской внешней политики имел периферийное значение. Ещё более периферийное значение имели для России курды. Хотя начиная с формирования новых органов власти в Ираке, российские руководители не раз встречались с видными курдскими деятелями (Дж. Талабани, Х. Зибари), переговоры шли преимущественно лишь об Ираке, так как эти курдские лидеры представляли на переговорах

лишь Ирак. Так, можно упомянуть о встречах Дж. Талабани и Х. Зибари с официальными лицами России во время их визитов в Москву, соответственно, в качестве председателя Временного управляющего совета Ирака и министра иностранных дел, встрече Дж. Талабани с президентом России В.В. Путиным на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке и т.д.

29 марта – 2 апреля 2004 г. во время поездки в Багдад по поручению министра иностранных дел России посол по особым поручениям С.В. Кирпиченко встретился с рядом ведущих иракских политиков, в том числе и с курдами. Российский дипломат «имел беседы с председателем Временного управляющего совета Ирака М. Барзани и его членами А. Хакимом, Дж. Талабани, А. Аляуи, А. Пачачи, Ю. Канной. Состоялась также встреча с представителем Временной коалиционной власти (ВКВ)». При этом в сообщении МИД России отмечалось, что «в ходе бесед были рассмотрены вопросы политической обстановки в Ираке и возможные пути ее стабилизации». Также «с российской стороны подчеркивалась заинтересованность в скорейшем восстановлении суверенитета Ирака при ведущей и самостоятельной роли ООН, обеспечении его территориальной целостности, формировании органов власти, выражающих законные интересы всех иракцев»[517]. Таким образом, даже о встрече с Н. Барзани, который никогда и не пытался действовать от имени Ирака, хотя какое-то время являлся главой Временного управляющего совета страны и всегда считался традиционным курдским лидером, российский МИД заявлял лишь в общеиракском контексте.

Однако после некоторой стабилизации ситуации в Ираке (имеется в виду не военная, а политическая ситуация), выразившейся в создании иракских органов власти и повышении роли курдов в стране, что на данном этапе приветствовалось и другими крупнейшими политическими силами страны, Российская Федерация, как и многие другие страны, выступавшие против военной операции Соединённых Штатов, была вынуждена начать считаться с внутрииракскими реалиями. Российская дипломатия стала выражать желание открыть в Курдистане дипломатическое представительство.

В июле 2005 г. после формирования органов власти Иракского Курдистана (начало работы парламента, избранного 30 января 2005 г., и президента Курдистана) регион посетил посол России в Ираке Владимир Чамов. В. Чамов побывал в Дохуке и

Эрбиле. Выступая 20 июля в Дохукском университете, российский посол заявил, что Россия готова установить с курдскими администрациями тесные взаимоотношения, особенно в сфере образования, науки и экономики. В. Чамов и ректор Дохукского университета доктор Эсмет Мухамед Халид выразили готовность установить обмен студентами между Курдистаном и Россией. Кроме того, посол России заявил о желании России открыть в Эрбиле консульство. 21 июля В. Чамов посетил Эрбиль, где также заявил о желании России открыть консульство в курдской столице[518].

На встрече с членами политбюро ДПК посол России заявил, что «российское правительство желает установить тесные отношения с народом Курдистана во всех областях».

24 июля В. Чамов встретился с министром реконструкции эрбильского РегПК. Курдистанский министр предложил российским фирмам начать активно работать в Курдистане, который с точки зрения безопасности весьма выгодно отличается от остальной части Ирака. Российский посол заверил курдского министра, что дипломаты проинформируют российских бизнесменов и инвесторов об экономических достижениях в Курдистане. Примечательно, что ничего не сообщалось, был ли принят российский посол президентом Курдистана Масудом Барзани.

С одной стороны, визит российского посла в Курдистан, как и любого другого высокопоставленного дипломата, имел позитивное значение для курдов, с другой стороны, важность этого визита не стоило переоценивать. Это был не первый визит посла России в Ираке в Курдистан, однако и на этот раз фактически не произошло никакого прорыва в отношениях.

Точно так же Курдистан посещали и посещают послы других стран, и курдские информационные агентства даже с бóльшим интересом передавали сообщения о посещении Курдистана, например, послами Сенегала или Чехии, которых принимал президент Курдистана Масуд Барзани, нежели России. Подобный подход был вызван тем, что в Курдистане считали, что поездка российского посла в Курдистан вряд ли приведёт к прорыву в южнокурдистано-российских отношениях. Между тем посол Сенегала на встрече с Масудом Барзани передал ему официальное приглашение сенегальского руководства посетить эту африканскую страну, хотя президент Курдистана пока так и не посетил Африку, а Чехия заявляла

о желании осуществить в Курдистане различные экономические проекты.

Несмотря на довольно доброжелательные в отношении курдов заявления посла России в Ираке во время его визита в Курдистан, российские дипломаты не уставали повторять, что позиция России в отношении ситуации в Ираке, точнее – «иракского кризиса», почти полностью совпадает с позицией Турции. Не вдаваясь здесь в подробности турецкой позиции относительно проблемы Ирака, невозможно не отметить, что в Южном Курдистане эта позиция рассматривалась как антикурдская.

В одном из своих выступлений в начале 2004 г. посол России в Турции П. Стегний заявил, что «в целом российская сторона с удовлетворением констатирует близость или совпадение основных позиций Москвы и Анкары по вопросам иракского урегулирования и решения ключевых региональных проблем»[519]. При этом российский посол имел в виду последовательное выступление «против применения силы без соответствующих санкций Совета безопасности ООН». По мнению П. Стегния, свержение баасистского режима разрушило два треугольника стабильности – внешний (баланс во взаимоотношениях регионального трио: Саудовской Аравии, Ирана и Ирака) и внутренний, под которым имелся в виду «слом второго, внутрииракского треугольника стабильности, основанного на этноконфессиональной структуре, веками складывавшегося баланса сил и интересов между шиитами, суннитами и курдами».

По мнению П. Стегния, этот слом «внутрииракского треугольника стабильности» может иметь весьма «серьёзные последствия», и лишь «время покажет, насколько эффективно удастся решить в новых условиях программу обеспечения внутренней стабильности в Ираке»[520]. Безусловно, российский посол был абсолютно прав в том, что позиции России и Турции в части озабоченности «сломом внутрииракского треугольника стабильности» совпадают. Однако очевидно, что в Южном Курдистане эта позиция рассматривалась как антикурдская. Поскольку т.н. «внутрииракский треугольник стабильности» (по крайней мере, для курдов) представлял собой тотальное господство арабов-суннитов, отсутствие возможности равномерного представительства основных этноконфессиональных групп, которое обеспечивалось военной диктатурой, жесточайшим приме-

нением силы, уничтожением сотен тысяч мирных жителей, позиция приверженцев такой стабильности не могла найти понимания у курдов. Курды в новом Ираке являются одними из основных победителей и ни за что не согласятся на восстановление стабильности «по Стегнию» или «России и Турции».

В указанном своём выступлении перед турецкими аналитиками российский посол почти полностью солидаризировался с региональным антикурдским фронтом. По словам П. Стегния, «мы понимаем озабоченности Турции, Сирии и Ирана в отношении нарастающих центробежных сил в самом Ираке». Он подчеркивал, что «Россия всегда выступала за незыблемость территориальной целостности Ирака и исходит из того, что любые проявления сепаратизма могут привести к непоправимым последствиям и цепной реакции в регионе»[521]. Как известно, «озабоченности Турции, Сирии и Ирана в отношении нарастающих центробежных сил в Ираке» состояли в раскрутке антикурдской истерии и попыток воспрепятствовать демократическому эксперименту в Южном Курдистане (по крайней мере, с точки зрения курдов).

Курдские лидеры понимали, что изменение российской позиции в отношении Ирака и курдов вряд ли возможно. Поэтому время от времени они выступали с резкой критикой позиции России. Так, в сентябре 2005 г. Дж. Талабани в интервью российским СМИ заявил следующее: «Я считаю, что сегодня Россия смотрит на Ирак сквозь призму отношений с США, а вам нужно выстраивать хорошие отношения непосредственно с этим правительством, с этим парламентом, с легальными партиями, с политическими группами. Например, Россия заявляет: "Американские войска должны быть выведены из Ирака". Представьте себе, что завтра они уходят. И что дальше – гражданская война. Кто помешает Ирану захватить юг Ирака? Кто помешает Турции под лозунгом защиты туркоманского меньшинства в Киркуке войти на север страны? Кто помешает Сирии? Нет, Россия проводит нереалистическую политику, отражающую недружественное видение ситуации в Ираке. ...Это заставляет нас смотреть на вас с подозрением.

Россия должна пересмотреть свою политику в Ираке. Пусть Россия будет другом новому режиму... Я считаю, что российская политика должна быть пересмотрена»[522].

Указанное интервью Талабани примечательно по следующим причинам. Дж. Талабани заявил, что в целом «сегодня

Россия смотрит на Ирак сквозь призму отношений с США». Фактически курды признали, что Ирак (в том числе и иракские курды) сам по себе России не интересен. Россия – не Советский Союз и не страдает глобальным мессианизмом. Для России Ирак является аспектом во взаимоотношениях с США и с точки зрения состояния мировых нефтяных рынков. И сколько бы курдские лидеры ни советовали России «выстраивать хорошие отношения непосредственно с этим правительством, с этим парламентом, с легальными партиями, с политическими группами» и быть «другом новому режиму», Россия вряд ли изменит свою политику. Хотя Талабани в данном случае выступал в качестве иракского лидера (президента Ирака), фактически он выражал точку зрения иракских курдов. Ведь арабские руководители Ирака с подобными заявлениями не выступали.

Примечательно, что 21 января 2006 г. на церемонии подписания в парламенте Курдистана соглашения между Масудом Барзани и Джалалом Талабани о создании единого РегПК присутствовали послы всех стран-членов Совета Безопасности ООН, за исключением России, а также Ирана.

Однако подобная политика России не исключала, что в связи с желанием многих стран налаживать связи с Южным Курдистаном, ставшим одним из важнейших центров иракской политики, Россия также решит примкнуть к этому процессу.

19 апреля 2006 г. Масуд Барзани в своей резиденции в Салахэддине принял высокопоставленную делегацию МИД России – посла по особым поручениям Сергея Кирпиченко и посла России в Ираке Владимира Чамова. Согласно сообщению телеканала *Kurdistan TV*, российские дипломаты заявили о желании открыть в Курдистане (в Эрбиле) российское консульство. По информации телеканала, Сергей Кирпиченко заявил на встрече, что целью визита делегации из России является рассмотрение вопроса о возможности открытия российского консульства в Эрбиле, что откроет новую страницу во взаимоотношениях между Курдистаном и Россией. Курдский президент пообещал оказание всей необходимой помощи для открытия в столице Курдистана российского консульства и призвал российские компании активней действовать в Курдистане. В сообщении говорилось также, что российский посол по особым поручениям заявил якобы об изменении политики президента Путина в отношении Курдистана, который

выразил надежду, что Масуд Барзани окажет содействие в этом процессе[523].

Сомнительно, что российские послы могли заявить об изменении политики Путина и т.д. Зная курдские СМИ и их свойство нередко выдавать желаемое за действительное, легко можно предположить, что некоторые заявления российских дипломатов, по меньшей мере, преувеличены. Примечательно также, что на сайте МИД России информации о встрече российских дипломатов с Барзани не было.

Некоторое изменение политики России (желание открыть два консульства в Ираке – в Курдистане и на шиитском юге) свидетельствовало о желании Москвы играть более важную роль в иракской политике, а возможно, и быть готовым к самому разному развитию ситуации в Ираке (например, его распаду).

Однако курдские власти весьма скептически относились к роли России в Ираке. По словам президента Курдистана Масуда Барзани, «Россия сегодня не играет никакой роли в Ираке. У России нет никакого влияния на ситуацию [в Ираке]». При этом Масуд Барзани отметил следующее: «Я бы посоветовал россиянам выбрать эффективную силу, на которую они могли бы опереться в Ираке. Не надо делать ставку на тех, у кого нет влияния на будущее страны»[524]. По-видимому, Масуд Барзани пытался намекнуть России для усиления своего влияния в Ираке сделать ставку на курдов. Примечательно, что несмотря на то, что «Россия выступала против войны в Ираке и поддерживала хорошие отношения с Саддамом, мало общаясь с пришедшей сейчас к власти оппозицией», Масуд Барзани считал, что это не должно сказаться на интересах российских компаний и не надо «сводить счёты за прошлое»[525]. Однако, как уже отмечалось, Джалал Талабани и Бархам Салих придерживались другого мнения.

При этом президент Курдистана признавал, что главными друзьями курдов являются сегодня американцы[526].

В своём интервью газете «Время новостей» Масуд Барзани в апреле 2006 г. заявил, что при подходящих условиях и соответствующем приглашении он «с удовольствием бы посетил» российскую столицу[527].

Однако пока президент Курдистана получает приглашения лишь из других столиц.

3.3.2. Открытие генерального консульства России в Иракском Курдистане и контакты России и Южного Курдистана в 2007–2008 гг.

Учитывая сложившиеся в Ираке реалии, а также начало процесса открытия в Эрбиле консульств зарубежных государств, в конце 2006 г. МИД России принял решение о создании в городе Эрбиль (Ирак)[528] (именно так, без упоминания Курдистана предпочитает заявлять МИД России) генерального консульства. Весной 2007 г. генеральным консулом был назначен опытный дипломат, ранее работавший в российских дипломатических представительствах в Египте и Сирии, В.М. Гараев. В мае 2007 г. он прибыл в Эрбиль для подготовки открытия консульства.

28 ноября 2007 г. в Эрбиле было открыто генеральное консульство Российской Федерации. На официальной церемонии открытия присутствовали премьер-министр Региона Курдистан и представители регионального истеблишмента. Со стороны России в церемонии открытия генерального консульства участвовали посол России в Ираке Владимир Чамов, специальный представитель президента России (бывший министр энергетики) Игорь Юсуфов и генеральный консул России Вагиф Гараев. Кроме того, в церемонии открытия участвовали сотрудники ООН и иностранные дипломаты.

После прибытия в Курдистан В.М. Гараева им была проведена большая работа по налаживанию связей с представителями властей Курдистана, различными организациями и ведомствами, причём не только в Эрбиле. Кроме того, В. Гараев был принят президентом Курдистана Масудом Барзани.

Россия стала второй после Ирана страной, открывшей в Курдистане полноценное, согласованное с МИД Ирака (глава – член политбюро Демократической партии Курдистана Хошияр Зибари), консульство. К этому времени Австрия, Чехия, Франция, ФРГ, Нидерланды, Южная Корея, Италия, Великобритания и США имели здесь обычные представительства.

Выступая на открытии российского генконсульства, премьер-министр Регионального правительства Курдистана Нечирван Барзани выразил особую благодарность президенту В.В. Путину за «смелое решение и проявленный интерес к Региону Курдистану». Премьер-министр Курдистана считал, что это событие «знаменует новую фазу отношений между народами России и Региона Курдистан».

Особо отметил Н. Барзани предоставление «Россией [в 1947–1958 гг.] убежища генералу [Мустафе] Барзани и его соратникам».

По мнению Н. Барзани, открытие генерального консульства России в Курдистане означает начало новой стадии в отношениях между Россией и Курдистаном и станет серьёзной основой для установления тесных связей. Основной интерес Курдистана в отношении России, по мнению Н. Барзани, заключается в следующем: «Мы пытаемся осуществить возрождение нашего региона, но без помощи друзей в международном сообществе мы не можем осуществить эту задачу».

Н. Барзани отметил, что открытие консульств различных государств в Курдистане свидетельствует о значительных шагах регионального правительства на пути демократии и экономического развития. По мнению Н. Барзани, «открытие этого консульства в Эрбиле свидетельствует о желании России увеличить сотрудничество с регионом Курдистана для интересов обеих сторон, и будет содействовать экономическим отношениям». Однако глава правительства Курдистана выразил заинтересованность не только в экономическом, но и научном и культурном сотрудничестве с Россией.

На церемонии открытия генерального консульства выступил также посол России В.М. Чамов, сыгравший большую роль в учреждении российского генерального консульства в Эрбиле. Он отметил, что консульство может сыграть важную роль для граждан региона, и многие граждане, бизнесмены, студенты смогут получать визы без поездки в Багдад.

Открытие генерального консульства России в Эрбиле курдистанской и российской сторонами во избежание дипломатических проблем с Багдадом оценивалось в рамках иракско-российских отношений. Комментируя открытие российского консульства, руководитель департамента внешних сношений Регионального правительства Курдистана (фактически министр иностранных дел РегПК) Фалах Мустафа Бакыр отметил позитивную роль в этом событии министерства иностранных дел Ирака[529].

Российские представители также всячески подчёркивали «иракский характер» генерального консульства в Курдистане, хотя иракские власти не имеют в Курдистане никакого влияния. Примечательно сообщение, распространённое МИД России для средств массовой информации. Так, в сообщении говорилось об открытии консульства в «иракском городе Эрбиль» без упоминания, что Эрбиль является административным центром Региона Курдистан. Кроме того, отмечалось, что с российской стороны

в церемонии открытия приняли «участие Посол России в Ираке В.М. Чамов и Генеральный консул в Ираке В.М. Гараев, с иракской – глава Правительства Курдского автономного района Н. Барзани»[530]. Странно, что в Министерстве иностранных дел России даже не знали, что Курдского автономного района (КАР) в Ираке уже 2 года не существовало (он был до принятия новой постсаддамовской конституции)[531]. В настоящее время официальное название бывшего КАР, что особенно подчёркивают власти Курдистана, «Регион Курдистан»[532].

Российский МИД открытие консульства рассматривал, «как свидетельство обоюдного стремления России и Ирака к дальнейшему укреплению двусторонних отношений, базирующихся на многолетних традициях дружбы народов обеих стран. Учреждение российского консульского представительства в Иракском Курдистане позволит более эффективно решать задачи по защите прав и интересов проживающих там наших соотечественников в сложных условиях, переживаемых Ираком на нынешнем этапе. Это также должно обеспечить дополнительные возможности для развития разнопланового взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Ираком, в т.ч. на региональном уровне»[533].

29 ноября, после открытия консульства, посол России в Ираке посетил департамент внешних сношений РегПК и встретился с его руководителем Фалахом Мустафой. На встрече обсуждались механизмы увеличения связей между Регионом Курдистан и Российской Федерацией. При этом Фалах Мустафа отметил, что все связи с Россией осуществляются в рамках конституции Ирака[534].

Однако несмотря на то, что генеральное консульство в Эрбиле входит в состав дипломатических органов России в Ираке, вследствие сложившейся в Ираке военно-политической обстановки и места, занимаемого Курдистаном в современном Ираке, оно имеет сравнительно бóльшую автономию по сравнению с аналогичными консульствами в других странах. Вместе с тем в консульский округ входят не только Дохук, Эрбиль и Сулеймания – 3 провинции, составляющие Регион Курдистан. В него входят и две провинции на севере Ирака, вне пределов Региона Курдистана.

В Курдистане, власти которого прилагают значительные усилия по установлению и расширению связей с иностранными государствами, открытие генерального консульства России было встречено с большим энтузиазмом. Все местные средства массовой информации сообщили об этом событии. Так, га-

зета «Хабат», являющаяся партийным органом Демократической партии Курдистана, посвятила открытию консульства целую полосу[535]. Правда, публикации представляли собой выступления посла В. Чамова и премьер-министра Н. Барзани. Кроме того, на указанной полосе были опубликованы 3 фотографии: отдельно премьер-министр Нечирвана Барзани, церемония поднятия российского флага Н. Барзани и В. Чамовым и портрет В. Чамова. Примечательно, что другая ведущая газета Иракского Курдистана – печатный орган Патриотического союза Курдистана «Курдистани нуэ» («Новый Курдистан») опубликовала лишь небольшую общую заметку об открытии в Эрбиле представительства ООН и генерального консульства России (именно в такой последовательности)[536]. Возможно, это обусловлено ревностью представителей ПСК к возросшей роли Эрбиля и ДПК. Так, в средствах массовой информации, близких к ПСК, особо отмечалось, что на церемонии открытия генерального консульства России присутствовал представитель президента Ирака Джалала Талабани член политбюро ПСК Мала Бахтиар, хотя СМИ ДПК даже не упоминали об этом.

Россию очень долго ждали в Курдистане. Ранее курдские лидеры нередко заявляли об игнорировании Москвой курдов. Открытие российского представительства в Иракском Курдистане напрашивалось ещё с конца 90-х годов (с разрешения Ирака).

Позиция властей Курдистана в отношении России, как и других стран, состоит в приглашении участвовать в разработке природных ресурсов, а также реализации различных экономических программ. Очевидно, что целью курдов является создание конкуренции между различными экономическими субъектами для повышения ценности этих ресурсов и доходов регионального правительства Курдистана. В связи с политическими рисками, связанными, в том числе, с разной трактовкой курдами и центральными властями конституции Ирака в части прав РегПК в отношении соглашений на разработку месторождений на территории Курдистана, правительству региона для того, чтобы завлечь иностранные компании, приходится демпинговать, что значительно уменьшает доходы курдов. Кроме того, участие иностранных компаний в разработке нефтяных месторождений в Иракском Курдистане используется курдами в качестве фактора суверенизации региона.

Однако российские нефтяные компании воздерживаются от участия в нефтедобыче на территории Курдистана, опасаясь на-

влечь на себя гнев центральных властей. Для российских компаний важнее всё-таки сотрудничество с центральными властями Ирака. Это не исключает экономических связей с Регионом Курдистан, но лишь с ведома Багдада. Подобный подход вызывает недовольство и даже возмущение курдистанских властей.

12 ноября 2007 г. правительство Курдистана сообщило, что региональный совет по нефти и газу заключил пять соглашений о разделе продукции на разработку нефтегазовых месторождений. В рамках одного из соглашений 4 лицензионных блока на площади 1,5 тыс. км в районе Эрбиля получила, согласно данным курдистанских властей, «аффилированная с ТНК-ВР» Norbest Limited (другие соглашения были подписаны с корейской KNOC, британской Sterling Energy, американскими Aspect Energy и Hillwood International Energy)[537]. Примечательно, что в руководстве ТНК-ВР открещивались от компании Norbest, заявляя, что это является частной инициативой акционеров этой крупнейшей компании. Представитель В. Вексельберга А. Шторх также заявлял, что предприниматель не имеет отношения к проекту. Источники, близкие к владельцам ТНК-ВР, уточняли, что в Курдистане собирается работать структура акционеров «Альфа-групп», владевших 25% акций ТНК-ВР. Особо подчёркивалось, что в составе владельцев Norbest, созданной непосредственно для работы на блоках месторождений и участия в тендерах, нет структур ВР. Представители ТНК-ВР откровенно заявляли, что «такая конструкция необходима для минимизации политических рисков»[538].

«Альфа-групп» также не признавала участие в проекте, что было обусловлено её крупными проектами в Турции (владение частью акций телекоммуникационной компании Turkcell и др.)[539].

Кроме того, ряд новых документов по проектам с Norbest планировалось подписать спустя две недели – в день предполагаемого открытия консульства 28 ноября 2007 года.

Однако вскоре власти Курдистана стали заявлять о том, что намерены расторгнуть с Norbest контракт. Правительство Курдистана считало, что Norbest представляет всю ТНК-ВР, а не только российских акционеров. Между тем британские акционеры компании так и не проявили никакого интереса к Курдистану, считая этот проект политически опасным. Хотя в мае 2008 г. президент ТНК-ВР в интервью газете «Ведомости» отмечал, что «российские акционеры ТНК-ВР AAR ("Альфа-групп", "Access Industries", "Ренова". – Н.М.) отдельно от ТНК-ВР через Norbest Limited сделали очень интересные инвести-

ции в месторождения на севере Ирака»[540], это не меняло ситуацию. Кроме того, между российскими и британскими акционерами ТНК-ВР возникли серьёзные разногласия, а британские акционеры были нацелены на участие в проектах на юге Ирака, что делало важным для них позиции центральных властей. Всё это способствовало желанию правительства Курдистана прекратить работу с Norbest. Представители AAR утверждали при этом, что уведомляли власти Курдистана о бенефициарах Norbest, которая образована для самостоятельного ведения дел на территории Ирака и прямой связи между Norbest и ТНК-ВР не имеется[541]. Однако курдистанская администрация всё же считала, что участие в проектах на её территории Norbest является неофициальным проникновением в регион ТНК-ВР. РегПК были не интересны российские акционеры.

Для курдистанских властей в настоящее время основной целью является полная интернационализация углеводородных ресурсов Курдистана, подключение к добыче и транспортировке нефти и газа крупнейших мировых компаний. Совершенно очевидно желание властей Курдистана сделать этот регион одним из важнейших звеньев проекта «Набукко», который рассматривается Россией и «Газпромом» в качестве основного конкурента. Поэтому газовые интересы Курдистана вступают в противоречие с российскими. Это обстоятельство осознаётся и руководством Курдистана[542]. С этой точки зрения Россия заинтересована в продолжении ситуации, когда Ирак (в том числе и Курдистан) не может стать поставщиком газа для европейских потребителей.

Кроме того, следует учитывать, что при получении крупными российскими компаниями (речь здесь идёт о «Лукойле»[543], «Газпромнефти» и др.), обладающими также лоббистскими возможностями, больших месторождений в Арабском Ираке они предпочтут работать с центральными властями Ирака, нежели с курдами.

В 2008 г. были установлены связи между торгово-промышленными палатами России и Курдистана. В мае 2008 г. Регион Курдистан посетила российская делегация под руководством главы ТПП России Е.М. Примакова. В неё входил также заместитель председателя комитета по международным делам Госдумы и руководитель депутатской группы «Россия – Ирак» З.А. Муцоев, являвшийся до избрания в парламент предпринимателем. По итогам переговоров Е.М. Примакова с руководством Курдистана было решено создать российско-курдистанский совет по экономическому сотрудничеству, который возглавил З.А. Муцоев (с курдистанской

стороны сопредседателем совета был назначен глава инвестиционного комитета Курдистана Хераш Мухарам). Примечательно, что во избежание каких-либо проблем с центральными властями встреча Примакова с Талабани состоялась в Сулеймании (Талабани для этого прибыл из иракской столицы). 8 мая 2008 г. на ужине в честь российской делегации в Сулеймании Дж. Талабани назвал Примакова другом Ирака и Курдистана. Однако, как известно, ранее курдские лидеры были недовольны позицией Примакова в отношении Ирака, считая, что он поддерживает Саддама Хусейна и баасистские власти в их антикурдской политике. Известно также выражение Дж. Талабани: «Товарищ Примаков нравился нам больше, чем господин Примаков». Талабани имел в виду деятельность Примакова в 70-е и 90-е годы. Активное участие в переговорах в Курдистане принимал консул России в Эрбиле В.М. Гараев.

В интервью радиостанции «Голос России» 15 мая 2008 г. вице-президент ТПП России Г. Петров заявил: «Поскольку полномасштабно возвращаться в Ирак для России не представляется возможным в силу общей ситуации в стране, поэтому было принято решение первый шаг начать с Курдистана». Однако от конкретных оценок возможных проектов российских предпринимателей в Курдистане Г. Петров воздерживался. По его словам, интерес для России представляют разработка различных руд в Курдистане, строительство электростанций (как гидро-, так и теплоэлектростанций), цементного и металлургического заводов, сооружение железных дорог. При этом последнее, по мнению российских предпринимателей, «носит не только экономический характер», поскольку поможет «реинтеграции страны» (более тесному включению Курдистана в иракское пространство).

Наиболее важным итогом встречи было не экономическое сотрудничество. Для курдов большее значение имело высказывание Примакова, что Киркук должен быть возвращён в состав Курдистан. В Курдистане эта фраза воспринималась не как личная точка зрения руководителя ТПП России, а как мнение крупного и влиятельного российского политического деятеля.

Что касается возможного участия в реализации экономических проектов в Курдистане российских подрядчиков, их перспективы представляются весьма туманными. Российские подрядчики не могут полноценно конкурировать с зарубежными подрядными компаниями, например, турецкими на территории России, не говоря уже о Южном Курдистане. В последние несколько лет иностранные, в частности, турецкие подрядные

организации проникли даже в электроэнергетику России, не говоря уже о гражданском и промышленном строительстве[544].

В Курдистане, и то с большой натяжкой, могут быть конкурентными лишь некоторые виды товаров российского производства, в частности, продукция металлургии, производство труб.

Интерес для иракских курдов представляет сотрудничество в области энергетики. Представители делегации Курдистана неоднократно посещали руководство министерства энергетики России. Так, в конце октября 2008 г. министр РегПК Имад Ахмед (в 2009 г. стал вице-премьером), возглавляя курдистанскую делегацию, проводил переговоры с замминистра энергетики России А. Яновским.

Одним из наиболее возможных путей участия России в экономике Иракского Курдистана может быть проникновение российского капитала, скупка различных активов. Несмотря на имеющиеся проблемы, Курдистан представляет собой с экономической точки зрения чистый лист. Однако и здесь вряд ли можно прогнозировать поток российских инвесторов, поскольку вряд ли российские предприниматели смогут задействовать эти активы.

Хотя в Курдистане и в России много говорят о визите Е.М. Примакова в Курдистан, совершенно очевидно, что его значение сильно переоценивается. Этот визит в первую очередь можно рассмотреть с точки зрения желания приятных воспоминаний известного российского политического деятеля. Хотя турецкие компании не имели поддержки в качестве приезда бывших премьер-министров в Эрбиль, они заняли главное место в экономике Курдистана. Конкурентоспособность российских компаний в Курдистане зависит не от приезда высокопоставленных лиц. Российский бизнес в принципе неконкурентоспособен по сравнению с турецкими компаниями, работающими по всему миру.

Таким образом, представляется, что вряд ли российские компании смогут осуществить значительные инвестиции в экономику Южного Курдистана. Тем более это касается значимых активов. Инвестиции российских предпринимателей, скорее всего, могут быть направлены лишь в торговую отрасль (например, торговые комплексы). Кроме того, это могут быть такие специфические виды бизнеса, как, например, игровой бизнес (казино и т.п.).

Хотя курды признают, что их главными друзьями и патронами являются сегодня американцы, налицо желание Эрбиля подключить к курдистанской политике другие державы.

Однако, несмотря на заявления руководства Курдистана о желании усилить связи с Россией, она до сих пор не относится к приоритетным направлениям. Одним из показателей того, что Россия не представляет для Южного Курдистана реального интереса и занимает в его внешней политике далеко не первое место, является ситуация с назначением представителей Регионального правительства Курдистана. Как известно, на важнейших для Курдистана направлениях представители объединённого РегПК уже назначены (например: представителем РегПК в США является Кубат Талабани, также назначен представитель РегПК в Великобритании). В начале марта 2008 г., когда между ДПК и ПСК обсуждался вопрос о распределении постов представителей РегПК за рубежом, речь шла о разделении постов представительств в 10 странах (по пять представительств): Великобритания, Австралия, Бельгия, ФРГ, Испания (ДПК), США, Франция, Италия, Швеция и Иран (ПСК). Таким образом, открытие представительства в России не входило в планы властей Южного Курдистана, предполагавших это сделать, в частности, в Бельгии, Испании и Австралии. Руководство Курдистана считает, что роль этих стран важнее роли России. А так называемые «представители» ДПК и ПСК в России не уполномочены региональным правительством Курдистана на представление интересов в России.

Большим препятствием для дальнейшего развития российско-курдистанских связей являются проблемы на пути визита в Россию президента Курдистана Масуда Барзани. Российские власти в целом не против пригласить М. Барзани в Россию, однако уже несколько лет этот вопрос не решается в связи с согласованием уровня переговоров с президентом Курдистана. Российская сторона считает, что поскольку М. Барзани является руководителем одного из регионов Ирака, то с российской стороны переговоры с ним должны формально проводить руководители каких-то российских регионов. Однако очевидно, что Масуд Барзани, проводивший на самом высоком уровне переговоры в США, странах Европы и Ближнего и Среднего Востока (фактически на уровне главы государства), вряд ли согласится на подобные протокольные предложения России. Об этом прекрасно знают и российские дипломаты. Таким образом, можно заключить, что в целом российские власти не заинтересованы в проведении переговоров с руководством Курдистана на том уровне, на котором делают это другие страны, в том числе и наиболее влиятельные в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курдистан и курдский вопрос с 90-х годов стали одним из важнейших вопросов макрорегиональной политики.

Несмотря на долговременный процесс изменения внешнеполитических действий заинтересованных в курдском вопросе акторов, курдский вопрос занял прочное место с точки зрения реализации их стратегий. Внешняя политика вовлечённых в курдский вопрос государств осуществляется в рамках их стратегии к региону в целом, но имеет свою специфику на уровне каждой отдельной страны. Внешние державы проводят сбалансированную политику, не позволяющую, вопреки мнению некоторых алармистов, говорить о полностью прокурдской политике США на Ближнем Востоке. Однако, как писал ещё в начале 90-х годов М.С. Лазарев, «Курдистан и курдская проблема приобрели для Запада самостоятельную и всё больше возрастающую ценность»[545]. В первую очередь, конечно же, это относится к США, поскольку Вашингтон стал основным модератором ближне- и средневосточного пространства, а курдский вопрос является одним из важнейших, особенно с точки зрения перспективы, аспектов осуществляемых изменений. «Хотя, – писал М.С. Лазарев, – Запад преследует собственные интересы, это не должно отталкивать от него курдские национальные силы. На данном отрезке истории курдам и Западу по пути»[546]. Соединённые Штаты уже весьма глубоко вовлечены в курдский вопрос. Однако в будущем может произойти горизонтальное расширение участия в курдском вопросе – на северо-, восточно- и даже западно-курдистанском направлении. США уже «нащупывают» свою политику в отношении курдов Турции. ПРК воспринимается Соединёнными Штатами в качестве военно-политической реальности в регионе.

В Вашингтоне всё чаще можно услышать о необходимости изменения границ на Ближнем и Среднем Востоке. В этих планах основным и наиболее противоречивым вопросом являются границы проектируемого курдского государства. Тем не менее мнение о необходимости создания курдского государства

в Вашингтоне пока далеко не определяющее, как иногда это пытаются представить некоторые эксперты. Соединённые Штаты используют курдский вопрос практически без конкретных обязательств в отношении курдов, понимая, что они привязаны к США вынужденно и надолго, иррегулярно задействуют курдский фактор для усмирения различных оппонентов.

Европейский союз, прикрываясь проблемой прав человека в Турции, также проводит сугубо прагматическую политику, направленную на остужение пыла Анкары по вступлению в ЕС. В то же время он не выпускает Турцию из своих объятий, понимая стратегическую ценность этой страны по важнейшим для ЕС направлениям. Курдский вопрос стал для Брюсселя удобным способом проведения своей политики «кнута и пряника» в отношении Турции.

Россия, как и Запад, действовала прагматично. Её отношение к курдам находилось в тени связей с Ираком и Турцией. 90-е годы были весьма сложным периодом в отношениях России с курдскими военно-политическими силами. С одной стороны, Россия имела мощную благоприятную основу среди общественного мнения в Курдистане. С другой стороны, пробаасистская и фактически антикурдская, по мнению курдов, внешняя политика России по отношению к Ираку вызвала их сильное охлаждение к России. Более того, курдские лидеры выражали своё негативное отношение к политике Москвы, а потом и вовсе стали игнорировать её. Представляется, что в 90-х годах Россия могла бы проводить в отношении Южного Курдистана более активную политику, особенно с учётом того, что центральные власти Ирака не подозревали Москву, как, например, американцев, в желании расколоть страну. Свержение Саддама Хусейна и резкое возрастание роли курдов несколько изменили отношение России к Южному Курдистану. Однако важно понимать, что потенциальное российско-южнокурдистанское сотрудничество не должно основываться на ложных ожиданиях сторон, что может привести к разочарованиям и ухудшению отношений. Москва должна понимать, что Соединённые Штаты не имеют в Южном Курдистане конкурентов.

Таким образом, курдский вопрос с начала 90-х стал важным аспектом международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и занял определённое место во внешней политике глобальных акторов в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Paul White*. Primitive Rebels or Revolutionary Modernizers? The Kurdish National Movement in Turkey (Zed Books, 2000); *Christopher Houston*. Islam, Kurds and the Turkish Nation State (Berg, 2001); *Martin Strohmeier*. Presentation of a Kurdish National Identity: Heroes and Patriots, Traitors and Foes (E.J. Brill, 2003); *Abbas Vali (ed.)*. Essays on the Origins of Kurdish Nationalism (Costa Mesa, Mazda, 2003); *Gareth Stansfield*. Iraqi Kurdistan: Political Development and Emergent Democracy (Routledge Curzon, 2003); *Hakan Ozoglu*. Kurdish Notables and the Ottoman State: Evolving Identities, Competing Loyalties, and Shifting Boundaries (State University of New York Press, 2004); *Robert Olson*. The Goat and the Butcher: Nationalism and State Formation in Kurdistan: Iraq since the Iraqi War (Mazda Publishers, 2005); *Denise Natali*. The Kurds and the State: Evolving National Identity in Iraq, Turkey, and Iran (Syracuse University Press, 2005); *Kerim Yildiz*. The Kurds in Turkey: EU Accession and Human Rights (Pluto Press in association with Kurdish Human Rights Project, 2005); *Mohammed M. A. Ahmed, Michael M. Gunter*. The Kurdish Question and the 2003 Iraqi War (Mazda, 2005); *Brendan O'Leary, John McGarry and Khaled Salih (eds.)* in The Future of Kurdistan in Iraq (University of Pennsylvania Press, 2005); *Faleh A. Jabar and Hosham Dawod (eds.)*. The Kurds: Nationalism and Politics (Saqi, 2006); *Mohammed M. A. Ahmed, Michael M. Gunter*. The Evolution of Kurdish Nationalism (Mazda Publishers, 2006); *Kerim Yildiz*. The Kurds in Iraq: The Past, Present and Future (Pluto, 2004); Kerim Yildiz. The Kurds in Syria: The Forgotten People (Pluto Press in association with Kurdish Human Rights Project, 2006); *David Romano*. The Kurdish Nationalist Movement: Opportunity, Mobilization and Identity (Cambridge University Press, 2006); *Ali Kemal Ozcan*. Turkey's Kurds: A Theoretical Analysis of the PKK and Abdullah Ocalan (Routledge, 2006); *Kerim Yildiz*. The Kurds in Iran: The Past, Present and Future (Pluto Press, 2007); *Aliza Marcus*. Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence (New York University Press, 2007); *Asa Lundgren*. The Unwelcome Neighbour: Turkey's Kurdish Policy (I. B. Tauris, 2007); Metin Heper.

The State and Kurds in Turkey: The Question of Assimilation (Palgrave Macmillan, 2007); *Joost Jongerden*. The Settlement Issue in Turkey and the Kurds: An Analysis of Spatial Policies, Modernity and War (E.J. Brill, 2007); *Michael M. Gunter*. The Kurds Ascending: The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey (Palgrave Macmillan, 2008); *Gareth Stansfield*. The Kurds and Iraq (Routledge, 2008).

[2] *Robert Olson*. The Kurdish Question and Turkish-Iranian Relations: From World War I to 1998 (Mazda Publishers, 1998); *Robert Olson*. Turkey s Relations with Iran, Syria, Israel, and Russia, 1991–2000: The Kurdish and Islamist Questions (Mazda Publishers, 2001); *Robert Olson*. Turkey-Iran Relations, 1979–2004: Revolution, Ideology, War, Coups and Geopolitics (Mazda Publishers, 2003).

[3] В России эта партия более известна под названием Рабочая партия Курдистана (РПК). Однако более верным при переводе с курдского языка является наименование «Партия рабочих Курдистана». Название «Партия рабочих Курдистана» использовал в своих трудах и наиболее авторитетный российский исследователь по турецким курдам М.А. Гасратян (см., например, его монографии: Курды Турции в новейшее время. – Ер., 1990, с. 289; Курдская проблема в Турции (1986–1995). – М.: ИВ РАН, 2001, с. 15.). Совершенно неверным является также часто встречающееся название «Курдская рабочая партия». В работе, несмотря на изменения названия ПРК (KADEK, Kongra-Gel), используется это наиболее известное название.

[4] См. по: *Компас*, № 4, 23.01.1997.

[5] *«Стратегия национальной безопасности США для нового столетия»* // *«НВО»*, 1999, № 5.

[6] *«Стратегическая концепция НАТО»* // *«НВО»*, 1999, № 16.

[7] Цит. по: *Иванова И.И.* Концепции национальной безопасности стран Восточного Средиземноморья и политика империализма // Проблемы и концепции национальной безопасности стран Азии и Северной Африки (Тезисы рабочего совещания). – М., 1986, с. 46.

[8] См. по: *Babekir Zêbarî dibêje bila Iraq bibe endama Natoyê*. [Бабакр Зибари заявляет: пусть Ирак станет членом НАТО.] // www.nefel.com, 17.02.2006.

[9] В зону ответственности Бюро Ближнего Востока входят отношения с Алжиром, Бахрейном, Египтом, Ираном, Ираком, Израилем, Иорданией, Кувейтом, Ливаном, Ливией, Марокко, Оманом, Катаром, Саудовской Аравией, Сирией, Тунисом, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Йеменом. Главой Бюро в ранге помощника госсекре-

таря США с 18 марта 2005 г. по 18 декабря 2008 г. являлся известный дипломат, специалист по Ближнему Востоку Дэвид Уэлч (C. David Welch, род. в 1953 г.), находящийся на дипломатической работе в регионе Ближнего и Среднего Востока с конца 1970-х годов. До назначения на нынешний пост Д. Уэлч с августа 2001 г. являлся послом в Египте, а с октября 1998 г. по август 2001 г. был помощником госсекретаря США по связям с международными организациями. В 1996–1998 гг. он активно участвовал в урегулировании межкурдского конфликта между ДПК и ПСК, лично посещая Иракский Курдистан, считается одним из архитекторов подписанного между этими партиями соглашения 17 сентября 1998 г. в Вашингтоне. На сайте государственного департамента США в разделе биографии Д. Уэлча особо отмечена его роль в переговорном процессе о прекращении огня между «курдскими партиями в Северном Ираке». (http://www.state.gov/r/pa/ei/biog/43834.htm).

Д. Уэлча на этом посту заменил Джеффри Д. Фелтман, также хорошо знакомый с Иракским Курдистаном. Как указано на сайте госдепартамента США, в 2003–2004 гг. он руководил офисом Временной коалиционной администрации (ВКА) в «иракской провинции Эрбиль» (http://www.state.gov/r/pa/ei/biog/120440.htm), хотя очевидно, что это было представительство ВКА не в провинции Эрбиль, а в Иракском Курдистане.

[10] «*Компас*», 06.02.1997, № 6, с. 7.

[11] О турецко-американских противоречиях в 1990-х годах см., например: *Fuller, Graham E.* The Institutional Framework of U.S.-Turkish Relations. // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy.* Conference Report. / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997, с. 1–10.

[12] Так, согласно данным Генштаба Турции, в 2007 г. Греция 72 раза нарушала границу территориальных вод, в основном около спорных островов Кардак. В декабре 2007 г. МИД Турции вручил послу Греции в Анкаре ноту протеста в связи с нарушением греческой военной авиацией границ территориальных вод Турции. Руководство Греции также регулярно выражает недовольство позицией Турции по спорным двусторонним проблемам, считая, что Анкара не отвечает взаимностью на уступки Афин. Греция считает, что Турция нарушает международное право и даже провоцирует Афины на враждебные действия.

[13] Автором концепции «неооттоманизма» является советник по внешней политике Р.-Т. Эрдогана (с 1 мая 2009 г. министр иностранных дел Турции) профессор Ахмет Давутоглу, которого называют «турецким Генри Киссинджером». Он опубликовал книгу под названием «Стратегическая глубина» (*Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. – Istanbul: Küre, 2003), в которой были изложены основы регионоцентричной внешней политики ПСР.

[14] *Джавари Г.* Геополитическое измерение Курдистана на пороге XXI века. – М., 1998, с. 11.

[15] Об этом см. также: *Pallister D.* US 'abandoned Kurds to Iraq'. // *Guardian*, 26.10.1990.

[16] После подписания в 1972 г. между СССР и Ираком договора о дружбе и сотрудничестве Ирак стал для Советского Союза государством «прогрессивной ориентации» (*Музикарж И.* Арабские страны в современном мире. // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. С. 16. [с. 13–29]), а БААС – «авангардом революционной демократии на Арабском Востоке». Подр. см.: *Ценков Е.* Партия Арабского националистического (так в названии статьи. – Н.М.) возрождения: идейно-политический авангард революционной демократии на Арабском Востоке. // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. [с. 235–251].

[17] См. интервью с Махмудом Османом:
http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/saddam/interviews/othman.html.
Поэтому «решение курдской проблемы по-баасистски» поддерживалось социалистическим лагерем. Решением курдской проблемы являлась, по их мнению, «разработка закона об автономии для курдской области и ликвидация мятежа реакционных правых внутри курдского движения». (*Фукс К.* Проблемы борьбы коммунистов за сотрудничество с революционными демократами в странах социалистической ориентации. Опыт прогрессивных национальных фронтов в Сирии и Ираке // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. С. 79. [с. 72–89]). Под

«реакционными правыми» имелись в виду ДПК под руководством Мустафы Барзани и его сыновей (Идриса и Масуда), поскольку тогда баасистские власти создали свою ДПК, сумев переманить на свою сторону ряд членов этой партии (А. Акрауи). «Мятежом реакционных правых» было названо курдское восстание, оказавшееся в коллапсе после подписания иракско-иранского соглашения в Алжире в марте 1975 г.

[18] Об этом см., например: *Michael Dobbs*. US Had Key Role in Iraq Buildup. Trade in Chemical Arms Allowed Despite Their Use on Iranians, Kurds. // *The Washington Post*, 30.12.2002.

[19] См. по: *Michael Dobbs*. US Had Key Role in Iraq Buildup. Trade in Chemical Arms Allowed Despite Their Use on Iranians, Kurds. // *The Washington Post*, 30.12.2002.

[20] Следует отметить, что даже в конце 2001 г. глава ДПК Масуд Барзани, отвечая на вопрос об утверждении Соединённых Штатов, что их целью является смена правящего в Ираке режима, заявлял, что ему «непонятно», какова «истинная цель» американцев. (*Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак. // Время новостей*, 15.11.2001.)

[21] О недовольстве Анкары подписанным между ДПК и ПСК соглашением, в котором упоминалось федеральное устройство, а также жалобах турецких властей на непредставление Соединёнными Штатами «достаточной информации» см. заявление вице-премьера Турции Бюлента Эджевита в газете *Milliyet*, 29.09.1998.

Как заявляли американские высокопоставленные дипломаты, США понимают обеспокоенность Турции по вопросу «создания временной администрации», предусмотренной Вашингтонским соглашением. Поэтому они утверждали, что соглашение, подписанное в Вашингтоне, является продолжением Анкарского мирного процесса (*Cumhuriyet*, 29.09.1998).

[22] CENTCOM начало действовать с 1983 г. на базе созданных в 1980 г. после кризиса с заложниками в Иране и вторжения СССР в Афганистан объёдинённой группировки сил быстрого развёртывания.

[23] *Cumhuriyet*, 24.02.2003.

[24] Как известно, патрулирование территории Иракского Курдистана осуществлялось под эгидой «Многонациональных сил». После 1996 г. они состояли из британских и американских ВВС. До этого в патрулировании территории севернее 36-й параллели участвовала и Франция.

[25] *Michael Rubin*. The PKK Factor Another critical enemy front in the war on terror. // *National Review Online*, 05.08.2004.

[26] *Yasemin Congar*. CENTCOM'dan bakınca Türkiye görünmüyor. // *Milliyet*, 27.11.2006.
[27] *M. Hakan Yavuz. Provincial* Not *Ethnic* Federalism in Iraq. // *Middle East Policy*, Vol. XI, No. 1, Spring 2004, c. 131.
[28] *Ilnur Cevik*. Kurds want American bases in northern Iraq. // *The New Anatolian*, 09.02.2007.
[29] «*Хаулати*», 30.05.2007.
[30] Об этом заявил, например, на слушаниях в комитете по вооружениям Сената США командующий войсками США в Афганистане Д. Петреус: *DYA plan dike baregeha eskerî li Kurdistanê ava bike*. // www.netkurd.com, 18.03.2010.
[31] Из выступления *М.С. Лазарева* на радио *«Голос России»* (Главная редакция вещания на Ближний и Средний Восток). *Американское измерение курдской проблемы*. Записал Е. Ермолаев, 22.09.1998.
[32] *"Стратегия национальной безопасности США для нового столетия"*. // *"НГ-Сценарии"*, 10.02.1999, № 2 (36).
[33] *TDN*, 09.09.1994.
[34] *Cumhuriyet*, 04.12.1995.
[35] *Kurdistan TV*, 13.12.2001.
[36] Так, 27 февраля 2002 г. газета «Аль-Хайят» сообщила, что 7 высокопоставленных американских офицеров осуществляют в Южном Курдистане работу по подготовке создания трёх воздушных баз, хотя и Соединённые Штаты, и представители Южного Курдистана отрицали подобную информацию. «Аль-Хайят» утверждала, что американцы особенно подробно осматривали аэродром Бамерни (провинция Дохук).
[37] *International Herald Tribune*, September 19–20, 1998.
[38] Из выступления М.С. Лазарева на радио «Голос России» (Главная редакция вещания на Ближний и Средний Восток). *Американское измерение курдской проблемы*. Записал Е. Ермолаев, 22.09.1998.
[39] Из выступления М.С. Лазарева на радио «Голос России» (Главная редакция вещания на Ближний и Средний Восток). *Подвижки есть, но до окончательного решения далеко*. Записал Е. Ермолаев, 03.09.1998.
[40] *US hides "real policy" towards Iraq, Iraqi Kurdish leader says*. // Ankara, 20.03.2002, *AFP*.
[41] Поэтому Масуд Барзани и отказался от заявленной Соединёнными Штатами помощи в размере 90 млн. долл., выделенной иракской оппозиции, отмечая, что США «ставили такие условия, будто мы должны войти в какую-то шпионскую сеть». (*Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак. // Время новостей*, 15.11.2001.)

[42] Эль-Кувейт, 22.05.1999 /Корр. ИТАР-ТАСС Рафаэль Бикбаев.
[43] Этого очень опасался, в частности, Масуд Барзани, понимая, что такого диктатора могут поддержать и США с Европой. (*Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак. // Время новостей*, 15.11.2001.)
[44] Примечательно, что когда регулярно стали возникать серьёзные противоречия между правительством Южного Курдистана и премьер-министром Ирака Нури Малики, принимая (в 2007–2008 гг.), по сути, стратегический характер (проблема Киркука, Ханекина, попытка возрождения центральными властями Ирака системы «джашей» и т.п.), курдские лидеры как раз заявляли: «Мы не для того свергали одного диктатора, чтобы на его место пришёл другой диктатор». (см. заявление члена политбюро ДПК Фадыла Мирани: *("Me dîktatorekî ji bo wê yekê nerûxand ku dîktatorekî din bê cihê wî". //* http://dengeazad.com/NewsDetailN.aspx?id=1449&LinkID=137, 15.11.2008.) (курд. яз.) См. также заявления президента Курдистана Масуда Барзани, обвиняющего премьер-министра Нури Малики в автократии (*Barzanî: Malikî dixwaze bi tenê hikûm bike.* (Барзани: Малики хочет управлять единолично.) // www.netkurd.com, 17.11.2008 (курд. яз.)). В радикальном шовинизме обвинял премьер-министра Малики депутат парламента Ирака от курдистанского списка Махмуд Осман (*Mehmûd Osman: "Malîkî Şovenekî Radikale u Baweriya Wî bi Federaliyê Nîne"*. (Махмуд Осман: "Малики является радикальным шовинистом и не поддерживает федерализм". // www.rudaw.net, 05.01.2009. (курд. яз.))
Хотя руководство Курдистана открыто не заявляет об этом, однако все курды прекрасно понимают, что «хороший Ирак – это распавшийся, расколотый, слабый Ирак». А любая нормализация ситуации в стране и консолидация власти в Багдаде неизбежно приводят к действиям, которые вызывают возмущение Эрбиля.
[45] В 2009 г. вернулся в Ирак, став губернатором Киркука и высокопоставленным функционером ПСК.
[46] См. интервью Сирвана Рашида с Н. Каримом: газета *«Рожнама»*, (Сулеймания, сорани), 25.12.2007.
[47] Известный болгарский политолог, директор софийского Центра либеральных стратегий Иван Крастев говорит даже об «антиантиамериканизме Новой Европы»: *Ivan Krastev*. Anti-American Century? // *Journal of Democracy*, Vol. 15, Number 2, April 2004, с 10. К этой группе можно отнести также Грузию. Эти страны и регионы

являются ведущими силами поддержки американской внешней политики в критически важных для США регионах.

[48] Безусловно, поскольку Южный Курдистан не является государством, говорить о внешней политике в традиционном смысле некорректно, однако реально Южный Курдистан осуществляет свою внешнюю политику, отличную от внешнеполитического курса центральных властей Ирака, хотя министром иностранных дел Ирака и является представитель ДПК.

[49] *Azad Aslan*. New horizons. // *The Kurdish Globe*, No. 176, 18.09.2008.

[50] *Kurdistan TV*, 23.04.2003.

[51] Kurdistan TV, 19.05.2003.

[52] Как сообщил в июне 2004 г. заместитель губернатора Киркука по вопросам собственности Хасиб Рожбаяни, лишь 10 тысяч курдов вернулось в Киркук, ещё 40 тысяч курдов ждут передачи власти от американцев, чтобы сделать это. При этом Х. Рожбаяни заявил, что американцы игнорируют требования курдов, помогая арабам и туркоманам. То же самое заявлял Х. Рожбаяни чуть ранее, отмечая, что такой подход американцев на руку арабским шовинистам и Иракскому туркоманскому фронту. Он утверждал, что американцы позволяют арабам оставаться на землях изгнанных курдов, каждый раз заявляя, что всё это происходит в рамках временной конституции, хотя последняя направлена на искоренение баасистского наследия («*Хаулати*» (Сулеймания, сорани), № 177, 09.06.2004.)

[53] *Steven R. Weisman*. U.S. Presses Iraqi Kurds to Compromise on Issue of Autonomy. // *New York Times*, 07.01.2004.

[54] *Kurdistan TV*, 17.06.2004.

[55] *US and Britain take Arab side not Kurds': Kurdish official*. // KurdishMedia.com, 12.01.2005.

[56] *John Feffer*. The United States has a paradoxical approach to Iraq's Kurds // *The Hawler Tribune*, Issue 2, May 2008, c. 11.

О «двусмысленной политике США» см. также: *Жигалина О.И.* Турецкое вторжение в Ирак: некоторые гипотезы // http://www.fondsk.ru/article.php?id=1255, 02.03.2008.

[57] См., например: *Azad Aslan*. Arab Nationalism and US pressure. // *The Hewler Globe*, 30.08.2005. – No. 21.

[58] *Kurdistan TV*, 06.12.2008.

[59] *Жигалина О.И.* Коалиционные силы в Ираке и ситуация в этническом Курдистане. // *Ближний Восток и современность*. Сборник статей. Вып. 23. – М., 2004, с. 252 (с. 246–255).

[60] *Жигалина О.И.* Проблема курдского урегулирования и Запад // *Ближний Восток и современность*. Сборник статей. Вып. 19. – М., 2003, с. 258 (с. 255–263).
[61] *Жигалина О.И.* Проблема курдского урегулирования и Запад... с. 262.
[62] В 1993–1997 гг. Питер Гэлбрейт работал послом США в Хорватии, будучи до этого советником комитета сената США по международным делам по Ираку. В конце 90-х–начале 2000-х гг. он работал в структурах ООН в Восточном Тиморе, а после этого заместителем главы миссии ООН по содействию Афганистану.
[63] Ричард Холбрук активно участвовал в событиях на Балканах в качестве специального посланника США на Балканах. За деятельность на Балканах он получил на Западе прозвище «героя Боснии» и «главного архитектора Дейтонских соглашений». Р. Холбрук работал также послом США в ООН в администрации Б. Клинтона. После избрания президентом США Б. Обамы Р. Холбрук стал его спецпосланником по Афганистану и Пакистану. Скончался в декабре 2010 года.
[64] *Peter W. Galbraith*. The constitution and the Kurds // *Boston Globe*, 25.07.2005;
Peter W. Galbraith. Iraq: Bush's Islamic Republic // *The New York Review of Books*, Volume 52, No. 13, 11.08.2005.
[65] См. его статью в *The Washington Post*, 07.11.2005.
[66] *Peter W. Galbraith*. Unintended Consequences: How War in Iraq Strengthened America's Enemies. Simon & Schuster, 2008.
[67] См. его интервью: *Nagehan Alçı Ayan*. 'Kürtler için önemlisiniz' // *Akşam*, 20.11.2006.
[68] См., например, его открытое письмо президенту Дж. Бушу, опубликованное в газете *Washington Post*, 24.10.2006.
[69] *Holbrooke dibêje Iraq dê parçe bibe û Kurdistan jî bibe Taywan*. (Холбрук говорит, что Ирак распадётся и Курдистан станет Тайванем.) // www.nefel.com, 04.02.2007 (курд. яз.).
[70] *Gottlieb, Gidon*. Nation against State. A new approach to ethnic conflicts and the decline the sovereignty. – New York, Council for Doreign Relations Press, 1993, c. 80.
[71] См. статью Джо Байдена и тогдашнего председателя влиятельнейшего Совета по внешним отношениям Лесли Гелба: *Joseph R. Biden Jr. and Leslie H. Gelb*. Unity Through Autonomy in Iraq. // *The New York Times*, 01.05.2006.
См. также информацию об этом плане на сайте Дж. Байдена:
http://biden.senate.gov/press/press_kit/downloads/AYearOnIraq.pdf.

[72] Об этом см. интервью американского политолога Майкла Рубина южнокурдистанскому журналу «Ливин» от 15 апреля 2009, № 91.
[73] *Massoud Barzani: US let down Kurds over Kirkuk. // Today's Zaman*, 15.05.2009.
О недовольстве курдов политикой США см. также, например, высказывания депутата парламента Ирака Махмуда Османа, заявившего, в частности, что американцы обращаются с курдами, как «с детьми», которым приказывают: *Kurdish lawmaker expresses resentment toward U.S. // Peyamner*, 22.01.2008. М. Осман заявлял также, что США проводят в отношении Киркука политику, противоречащую интересам курдов, и «провокационно противостоят курдам» в Киркуке. (*'DYA komplogeriyê dike'*. ["США осуществляют заговор".] // *Azadiya Welat*, 30.10.2009.)
[74] Об этом см.: *Gunter, Michael M.* Transnational sources of support for the Kurdish insurgency in Turkey. // *Conflict Quarterly*, Spring 1991, c. 23. [7–29]. Примечательно, что представители МИД Турции утверждали в 1988 г., что госдеп США управляет лидером ПСК Джалалом Талабани, который объединил силы с Оджаланом (*Там же*).
[75] *Gunter, Michael M.* Transnational sources of support for the Kurdish insurgency in Turkey. // *Conflict Quarterly*, Spring 1991, c. 23.
[76] *Компас*, 26.01.1994, № 14, с. 11. О "дипломатической атаке Турции на США" по этому вопросу см. *Там же*, с. 9–10.
[77] В этом контексте небезынтересно мнение заместителя госсекретаря США Д. Фрида, как-то заявившего в отношении постсоветских стран Центральной Азии: «США стараются реалистично смотреть на способности стран региона к демократизации и не будут критиковать каждый недемократичный шаг этих режимов. Искусство дипломатии заключается в том, чтобы избрать для себя определённые принципы, придерживаться их, но применять их тогда, когда это имеет смысл. (Цит. по: *Сидоров Д., Зыгарь М.* Сводная женщина Востока. // «*Коммерсантъ*», 11.10.2005.)
[78] См. также, например: *Fuller, Graham E.* The Institutional Framework of U.S.-Turkish Relations. // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy*. Conference Report. / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997. P. 7–8. [1–9]
Sayari, Sabri. Turkish Perspectives toward German and U.S. foreign policy. // // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and*

Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy. Conference Report. / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997. P. 37–38. [32–42]

[79] *Country Reports on Human Rights Practices*. – 2000. *Turkey*. Released by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. 23.02.2001. http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2000/eur/index.cfm?docid=844.

[80] *Sayari, Sabri*. Turkish Perspectives toward German and U.S. foreign policy. // // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy*. Conference Report. / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997. P. 37–38. [32–42]

[81] *Country Reports on Human Rights Practices*. – 2000. *Turkey*. Released by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. 23.02.2001. http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2000/eur/index.cfm?docid=844.

[82] *Dana Priest*. U.S. Military Trains Foreign Troops. // *Washington Post*, 12.07.1998.

[83] *TDN*, 22.02.1995.

[84] *TDN*, 15.04.1995.

[85] *США – Курды – Оджалан* // Вашингтон, 17.02.1999. */Корр. ИТАР-ТАСС Иван Лебедев*.

[86] См. по: *Anadolu Agency*: News in English, 08.01.1998.

[87] *США – Турция – Оджалан – Госдеп* // Вашингтон, 30.06.1999, Корр. ИТАР-ТАСС *Сергей Хаботин*.

[88] См. заявление представителя госдепартамента США Джеймса Рубина по: США – Турция – Оджалан – Госдеп // Вашингтон, 30.06.1999, Корр. ИТАР-ТАСС Сергей Хаботин.

Следует отметить, что в данном случае рекомендация США «укрепить действие закона» в турецкой действительности неуместна, поскольку может быть направлена не столько на защиту прав человека, сколько на их массовое нарушение. Как известно, Турция является страной, где официально в законодательстве имелись нормы, в которых говорилось о «запрещённых языках» (в конституции и законах). Кроме того, несмотря внесение ряда поправок, отменивших наиболее одиозные положения турецкого законодательства в отношении курдов, законодательно до сих пор для курдов имеется множество ограничений, которые используются турецкими властями для преследования курдов «на основании законодательства». Курды

в Турции не существуют, не имеют права изучать в школах родной язык, называть детей курдскими именами, носить курдские фамилии и т.п.

[89] Первое консульство США на территории Юго-Восточной Турции было открыто в Искендеруне (Александретта) в 1858 г. и подчинялось тогда посольству США в Бейруте. В 1908 г. консульство из Искендеруна было перемещено в Алеппо (ныне Сирия), а в 1924 г. закрыто. В 1958 г. американцы вновь открыли консульство в Искендеруне, однако в 1961 г. переместили его в Адану. Кроме того, существует ещё американское консульство в Стамбуле.

[90] *Selcuk Gultasli.* Ankara fears EU members to follow US to Diyarbakir // *TDN*, 08.06.2000.

[91] *Pearson visits Diyarbakir // TDN*, 20.06.2001.

[92] www.state.gov./r/pa/ei/bgn/3432.htm.

[93] www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/tu.html.

[94] Тогда, в 2004 г., из ПРК вышли три влиятельнейших соратника Абдуллы Оджалана – его брат Осман Оджалан (партийная кличка Фархад), Файсал Дунлайчи (Кани Йылмаз), который был убит в 2006 г. в Южном Курдистане, и Низаметтин Таш (Ботан).

[95] *Ilnur Cevik.* "Turkey, US could score victory in Iraq" // *TDN*, 22.07.2003.

[96] Следует отметить, что и другой посол США в Турции Джеймс Джеффри говорил о необходимости увеличения объемов турецко-курдской торговли, точнее – между «югом и севером Курдистана». (*James Jeffrey got ticareta Tirkiyeyê û Iraqê dikare herêma kurdan xweş bike.* [Джеймс Джеффри заявил, что торговля между Турцией и Ираком может содействовать развитию курдского региона.] // www.nefel.com, 18.06.2009.)

[97] Из выступления М.С. Лазарева на радио «Голос России» (Главная редакция вещания на Ближний и Средний Восток). *Американское измерение курдской проблемы*. Записал Е. Ермолаев, 22.09.1998.

[98] См. Раздел Europen Overview в: *Patterns of Global Terrorism: 1992.* Office of the Secretary of State. Office of the Coordinator for Counter-terrorism. Released 30 April 1993.

[99] *Patterns of Global Terrorism, 1999.* April 2000.

[100] *Patterns of Global Terrorism, 2000.* 30 April 2001.

[101] *Patterns of Global Terrorism, 2001.* / United States Department of State, May 2002.

[102] *Patterns of Global Terrorism, 2002.* / United States Department of State, April 2003, c. 49.

[103] *Patterns of Global Terrorism, 2002.* / United States Department of State, April 2003, с. 112.
То же самое отмечалось и в докладе за 2003 и 2004 годы. *Patterns of Global Terrorism, 2003.* / United States Department of State, April 2004, с. 125; *Country Reports on Terrorism, 2004.* / US Department of State, Office of the Coordination for Counterterrorism, April 2005, с. 102.
[104] *Patterns of Global Terrorism, 2003.* / United States Department of State, April 2004, с. 55.
[105] *Patterns of Global Terrorism, 2003.* / United States Department of State, April 2004, с. 56.
Почти то же самое отмечалось и в докладе за 2004 год. Правда, воюющие члены ПРК назывались уже несколько по-другому (*militants*). *Country Reports on Terrorism, 2004.* / US Department of State, Office of the Coordination for Conterterrorism, April 2005, с. 54.
[106] *Country Reports on Terrorism, 2005.* / United States Department of State, Office of the Coordinator for Counterterrorism, April 2006, с. 122.
[107] *Country Reports on Terrorism, 2005.* с. 206, 132.
[108] На парламентских выборах 2011 г. Шарафеттин Эльчи вошёл в предвыборный блок, созданный вокруг Партии мира и демократии, избравшись при её поддержке в парламент Турции в качестве депутата от Диярбакыра.
[109] *Diyarbakır mayor says US official visited him in Washington.* // *TDN*, 13.02.2006.
Как известно, в 2009 г. турецкие власти запретили О. Байдемиру выезд за рубеж.
[110] *Hak-Par li Enqereyê çû serdana ambasada Emerîkayê û behsa federasyonê kir.* // www.nefel.com, 01.12.2008.
[111] *Şandeya Balyozxaneya Emerîkayê serdana HAK-PARê kir.* // *PUKmedia*, 09.01.2010.
[112] *Ambassador to encourage US nationals to visit eastern Turkey.* // *Hürriyet Daily News*, 22.05.2011.
[113] Ранее ПДО открыла представительство в Брюсселе. (*Nûneriya BDP'ê hate vekirin.* (Открылось представительство ПМД.) // *Azadiya Welat*, 07.05.2010.)
[114] *Gates: Separate PKK from Kurds who can offer compromise.* // *The New Anatolian*, 06.03.2008.
[115] *Patterns of Global Terrorism, 2001.* / United States Department of States, May 2002, с. 41. То же самое см. в: *Patterns of Global Terrorism, 2002.* / United States Department of States, April 2003, с. 49.

[116] *Patterns of Global Terrorism, 2003.* / United States Department of State, April 2004, с. 85.
[117] *Olson, Robert.* Turkey and Kurdistan-Iraq, 2003. // *Middle East Policy*, Vol. XI, No. 1, Spring 2004, с. 117–118 (115–119).
[118] Следует отметить, что Турция в своём антиамериканизме не едина. Как пишет Иван Крастев, XX век был «американским столетием», в то время как нынешняя эра, начавшаяся после 11 сентября 2001 г., является «антиамериканским столетием». (*Ivan Krastev.* Anti-American Century? // *Journal of Democracy*, Vol. 15, Number 2, April 2004, с. 5–16.) Антиамериканизм можно рассматривать в более широком контексте роста национализма в турецком обществе. О росте крайнего национализма в Турции после 2004 года см.: *Ioannis N. Grigoriadis.* Upsurge amidst Political Uncertainty. Nationalism in post-2004 Turkey / Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper. – Berlin, October 2006.
[119] Так, Турция обвиняла Соединённые Штаты в осуществлении «геноцида» в Фаллудже, что не могло не вызвать недовольства американцев, понесших там при проведении антитеррористической операции весьма значительные потери.
[120] Одной из самых громких статей в этом направлении стала опубликованная в середине февраля 2005 г. во влиятельнейшей *Wall Street Journal* статья редактора этого издания Роберта Поллака под названием «Снова больной человек Европы», вызвавшая большое недовольство в Анкаре. (*Robert Pollock.* The Sick Man of Europe // *The Wall Street Journal*, 16.02.2005.)
[121] Так, согласно проведённому турецким Университетом Билькент в середине 2007 г. опросу общественного мнения Турции, население страны в качестве основной угрозы безопасности назвало Соединённые Штаты (35,6% опрошенных). Следует отметить, что на второе место в ряду угроз турки поставили возможное образование курдского государства в «Северном Ираке» (25,8%). (*Poll reveals Turks see the US as threat, Greeks Turkey.* // *Today's Zaman*, 11.06.2007. *Li ba tirkan dijminê yekê Amerîka yê duyê kurd in.* // www.netkurd.com, 12.06.2007.) Хотя в 1999 г. положительно к США относились 52% граждан Турции (более положительное отношение в Турции было лишь к Северному Кипру и Азербайджану), в 2006 г. этот показатель упал до 12%. (*Cagatay, Soner.* Secularism and Foreign Policy in Turkey. New Elections, Troubling Trends / The Washington Institute for Near East Policy. *Policy Focus*, # 67, April 2007, с. 1.)

В середине 2007 г. лишь 9% граждан Турции положительно относились к США (83% отрицательно). Это был самый низкий показатель среди 47 стран, в которых *Pew Research Center* проводил опрос общественного мнения. К ЕС положительно относились 27% (в 2004 г. – 58%) граждан Турции, к России – 10%, к Израилю – 4%, к палестинцам – 57%, к Ирану – 28%. (*Anti-Americanism hits new record in Turkey // Today's Zaman*, 29.06.2007; *Turkey 'most anti-US country' in world, poll says // TDN*, 29.06.2007.)

При этом среди лидеров государств турки наиболее положительно относились к президенту Ирана М. Ахмадинежаду (21%). Дж. Бушу симпатизировали около 2%. 77% граждан Турции считали, что Соединённые Штаты могут представлять военную угрозу для Турции, а 64% считали, что США представляют наибольшую угрозу их стране (*Ümit Enginsoy*. Most Turks see US as potential military threat. // *TDN*, 26.07.2007.)

Согласно опросу общественного мнения, проведённого исследовательской компанией *Başkent* в апреле 2007 г. (более 1,5 тыс. респондентов в 15 городах Турции), 91,5% опрошенных рассматривали в качестве врага Израиль, 77,1% – США (Израиль и США идут, как правило, в общественном мнении Турции в связке). Кроме того, в качестве врагов рассматривались Армения (88,7%) и Дания (85,2%; в связи с карикатурными скандалами). В качестве друзей были названы Палестина (92,7%), Пакистан (90,5%), Афганистан (82,7%), Индонезия (75,8%), Иран (70,2%) и Египет (63,2%). Наиболее непопулярными лидерами государств были названы президент США Дж. Буш и премьер-министр Израиля Э. Ольмерт. (*TDN*, 01.05.2007.)

[122] *Larrabee, F. Stephen*. Turkey as a U.S. security partner. / RAND Corporation. Prepared for the United States Air Forces. 2008. C. vii, viii, 7–11, 29.

[123] Примечательно, что Иран, довольный негативным отношением жителей Турции к США, причиной этого считал действия Вашингтона, а именно – «оккупацию Ирака, попытки расчленения Ближнего Востока, поддержку преступлений сионистского режима», желание «создать курдское правительство на территории Сирии. (*Турецкий народ ненавидит США. // Тегеранское радио*, 16.09.2008, http://russian.irib.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=12862).

[124] *Гурьев А.А.* О ситуации в Турции (июнь 2005 г.) // *Сайт Института Ближнего Востока*. 04.07.2005. http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/04-07-05.htm.

[125] Из-за этого популярность Б. Обамы в Курдистане была ниже, чем у Дж. Маккейна. Как отмечал член комитета парламента Курдистана по международным делам Ареф Абдулла, «большинство курдов [Южного Курдистана] предпочитают республиканцев, которые придерживаются ясной линии по отношению к Ираку». Он считал, что между республиканцами и демократами не имеется существенных различий. Отличия у них больше по форме, нежели по сути, сказал курдистанский парламентарий. Иракские курды надеялись, что Маккейн поддержит независимость Курдистана и не будет выводить войска из Ирака. Арабское население Ирака больше симпатизировало Обаме, в том числе по причине расовой принадлежности Обамы. (*Most Iraqi Kurds preferred McCain // Peyamner*, 28.10.2008). Примечательно, что кроме Южного Курдистана лишь в Грузии Джон Маккейн был более популярен, чем Барак Обама.

[126] *Ercan Yavuz.* Turkey frets over untimely US pullout // *Today's Zaman*, 18.11.2008.

[127] *Jay Garner: I always support the US military base in Kurdistan // The Hawler Tribune*, Issue 2, May 2008, c. 9.

[128] См. интервью с Дж. Талабани: http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/saddam/interviews/talabani.html.

[129] *Karokh Nuraddin, Rasan Ramzi.* Chris Kutschera. 35 years of Photography & Journalism in Kurdistan // *The Hawler Tribune*, Issue 2, May 2008, c. 36.

[130] *John Feffer.* The United States has a paradoxical approach to Iraq's Kurds // *The Hawler Tribune*, Issue 2, May 2008, c. 11.

[131] *Jay Garner: I always support the US military base in Kurdistan // The Hawler Tribune*, Issue 2, May 2008, c. 8. См. его же заявление: «Я не могу утверждать, что Америка является реальным другом курдов». (*Там же*).

[132] *Financial Times*, 15.04.2003.

[133] Примечательно, что А. Оджалан регулярно заявляет о том, что уничтожение ПРК не в интересах Турции, аргументируя тем, что ликвидация ПРК приведёт к активизации «националистов Барзани и Талабани» и созданию курдского государства. Против этого радикально выступает ПРК, считая себя важной силой на пути создания независимого Курдистана. При этом А. Оджалан заявил, что создание независимого государства в Южном Курдистане на руку США, ДПК, ПСК и даже Ирану. Как считает лидер ПРК, таким образом США и Великобритания желают Турцию и ПРК поставить под свой

контроль. (*Abdullah Ocalan: Nemana PKK-ê ne di berjewendiya Tirkiyeyê de ye*. [Абдулла Оджалан: Ликвидация ПРК не в интересах Турции.] // www.nefel.com, 29.12.2007).

[134] Нередко об этом заявляют и представители турецкой политической элиты. Так, 5 апреля 2006 г. губернатор провинции Элязыг (Турецкий Курдистан) Муаммар Мушмал сказал: «К сожалению, сегодня США поддерживают и используют ПРК», возможно, мстя за решение Турции от 1 марта 2003 года [об отказе предоставить свою территорию для американцев для военной операции против Ирака]. (*Waliyê Elezîzê: Amerîka li pişt PKKê ye*. [Губернатор Элязыга: За ПРК стоит Америка.] // http://www.netkurd.org/nuce.asp?id=1453? 06.04.2006).

[135] *Peters, Ralf*. Blood borders. How a better Middle East would look // http://www.armedforcesjournal.com/2006/06/1833899.

[136] Подобную точку зрения высказывал и бывший госсекретарь США Генри Киссинджер. (*Cengiz Çandar*. Kissinger on 'intervention to northern Iraq'. // *Turkish Daily News*, 02.06.2007.)

[137] Об этом говорил, например, президент США Джордж Буш на переговорах с премьер-министром Турции Р.-Т. Эрдоганом 5 ноября 2007 г. То же самое заявляли турецким коллегам американские военные и политические представители, как до этой встречи лидеров двух стран, так и после.

[138] Как утверждал на состоявшемся в Анкаре семинаре, посвящённом турецко-американским отношениям, сотрудник посольства США в Турции Джон Кунстадтер (John Kunstadter), Соединённые Штаты и не собираются начинать боевые действия против баз ПРК в труднодоступных горах Кандиль. По мнению американского дипломата, то, что турки не могут сделать сами, они пытаются сделать руками американцев. (*Dîplomatekê Emerîkî: Tirk gileyan ji me dikin, nikarin xwe bigînin çîyayên Qendîl // Peyamnêr*, 10.05.2005.).

Такой же позиции придерживалось и военное руководство США. Так, во время посещения Турции 11 января 2005 г. главком Центрального командования генерал Джон Р. Абизайд заявил турецкому правительству, что он не будет распылять силы для того, чтобы отреагировать на их просьбы начать наступление на боевиков ПРК, которые используют «Северный Ирак» в качестве базы для нападений на турецкие силы. При этом американский генерал подтверждал, что США считают ПРК террористической организацией.

[139] 7 апреля 2007 г. об этом в интервью радиостанции «Голос Америки» заявил бывший председатель объединённого комитета на-

чальников штабов генерал Ричард Майерс. Он утверждал, что главной целью Соединённых Штатов является борьба против экстремистских групп в Багдаде и других районах Ирака. (*'Fight against PKK is not priority of US' // The New Anatolian*, 09.04.2007.)

[140] Генерал Р. Майерс заявлял, что против ПРК очень трудно проводить операции в горной местности. (*'Fight against PKK is not priority of US'. // The New Anatolian*, 09.04.2007.)

[141] См. интервью Р. Майерса по: *'Fight against PKK is not priority of US' // The New Anatolian*, 09.04.2007. Эти действия американцами как раз были осуществлены в то время, когда командующим американскими войсками в Ираке являлся Р. Майерс.

[142] Для обсуждения этих проблем 10 декабря 2005 г. Анкару посетил директор ФБР Роберт Мюллер, вслед за которым в Турции побывал директор ЦРУ Портер Госс.

Тогда же (с 10 по 14 декабря 2005 г.) проблему борьбы с ПРК обсуждал находившийся с визитом в США командующий сухопутными войсками Турции генерал Яшар Буюканыт. При этом турецкий генерал надеялся уговорить американцев предпринять совместные военные операции против ПРК в горах Кандиль на территории Южного Курдистана до начала вывода американских войск из Ирака.

[143] Об организации раскола в Партии рабочих Курдистана американцами заявлял и известный курдский деятель в Турции бывший депутат турецкого парламента и бывший глава партии HAK-PAR Абдулмелик Фырат. (*Melîk Firat: Daîreya şerê taybet PKK ava kir* (Kerkuk-Kurdistan 19.9.2004) // http://www.mezlum.com/modules.php?name=Sections&op=viewarticle&artid=265). (курд. яз.).

[144] См., например: *Peyamner*, 01.01.2005.

[145] Примечательно, что 4 декабря 2008 г. Карим Синджари был избран членом ЦК ДПК. Представляется, что этот шаг руководства ДПК был обусловлен в немалой степени политическими причинами, а именно повышением уровня курдского представителя в совместной с Турцией комиссии.

[146] Ранее он занимал посты заместителя председателя объединённого комитета начальников штабов, главнокомандующего Европейским командованием США и главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

Примечательно, что курдские организации вскоре после назначения Дж. Ральстона координатором по борьбе с ПРК от США требовали

отправить его в отставку, считая, что он использует свою должность для лоббирования интересов американской компании «Локхид Мартин», где он являлся членом совета (по продолжению поставок истребителей Турции на сумму 3 млрд. долларов).

[147] *Turkey cool on Iraq appointing envoy to counter PKK // The New Anatolian*, 01.09.2006.

[148] *Ümit Enginsoy*. Turkish military officials lose faith in tripartite anti-PKK process. // *TDN*, 19.11.2006.

[149] *Fikret Bila*. Komutanlar Cephesi. – Istanbul, Detay Yayınları, 2007.

[150] *Sabah*, 28.02.2007.

[151] Например, газета *Vatan* 11 сентября 2007 г. сообщала о переговорах между представителями США и ПРК в Кандиле.

[152] Первая встреча представителей США с руководством ПРК, на которой обсуждался целый спектр вопросов региональной безопасности, состоялась ещё в конце 2003 г. (*Вертяев К.В.* Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). – М., 2007, с. 184.)

[153] Лидер ПРК Мурат Карайылан заявил в конце октября 2010 г. газете *Radikal*, что в 2003–2004 гг. между ПРК и США имелись контакты. Кроме того, по его утверждениям, представители США имели встречи с членами PJAK, пытаясь добиться прекращения связей с ПРК. (См. по: *Sevil Küçükkoşum*. PKK Leader claims US collaboration // *Hürriyet Daily News*, 29.10.2010.)

Однако позже он отмечал, что активисты ПРК не имели отношений с представителями руководства США, а всего лишь с американцами, которые общались с членами ПРК под видом журналистов или шпионов. (*Murat Karayilan*: Em niha di qonaxa final; de ne. [Мы сейчас находимся в финальной стадии.] // www.rudaw.net, 11.07.2011.)

[154] *Ümit Enginsoy*. Iraqi Kurds have territorial ambitions on Turkey, top diplomat implies // *TDN*, 13.07.2007.

[155] *Sharon Behn*. Kurds demand U.S. defense // *Washington Times*, 19.10.2007.

[156] *David L. Phillips*. Disarming, Demobilizing and Reintegrating the Kurdistan Workers' Party (PKK) / National Committee of American Foreign Policy, 15 October 2007.

[157] См., например, мнение посла США в Турции Росса Вильсона по: *Yalçın Doğan*. Aktütün akılları iyice karıştırdı // *Hurriyet*, 28.10.2008.

12 декабря 2007 г. координатор госдепартамента США по противодействию терроризму генерал-лейтенант в отставке Делл Дейли (Dell Dailey), ранее работавший директором центра специальных операций вооружённых сил США, выступая в Вашингтонском ин-

ституте ближневосточной политики, заявил, что США хотели бы политического, а не военного решения проблемы ПРК, поскольку военного решения этой проблемы быть не может. (*Umit Enginsoy*. US wants political solution to PKK problem // *TDN*, 14.12.2007.)

[158] О таком подходе в Вашингтоне заявлял в Анкаре на переговорах с министром внутренних дел Турции Беширом Аталаем и командующий войсками США в Ираке генерал Реймонд Одиерно. (*Odierno discusses 'broad-based solutions' to PKK terrorism // Today's Zaman*, 04.02.2010.)

[159] *Гурьев А.А.* Ситуация в Турции: декабрь 2009 г. // www.iimes.ru/rus/stat/2010/08-01-10.htm. (сайт Института Ближнего Востока, 08.01.2010.)

[160] В этом автору признавались и высокопоставленные члены ПРК, долгое время находившиеся на территории Кандила.

[161] *Интервью с Ахмедом Хубером о высказываниях духовного лидера ИРИ //* http://russian.irib.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=299&Itemid=58, 03.11.2007.

См. также: *Турция и проблема ПКК на севере Ирака //* http://russian.irib.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=314&Itemid=43, 03.11.2007.

[162] По этой теме подробнее см. содержательную книгу известного турецкого журналиста Фикрета Била: *Fikret Bila*. Komutanlar Cephesi. – Istanbul, Detay Yayınları, 2007.

[163] *Fikret Bila*. Komutanlar Cephesi, c. 19–20.

[164] Там же, с. 72–73.

[165] Там же, с. 79–80.

[166] Там же, с. 100–101.

[167] Там же, с. 102.

[168] Там же, с. 113.

[169] Там же, с. 153.

[170] Там же, с. 181–182.

[171] Там же, с. 133.

[172] Там же, с. 298–299.

[173] Примечательно, что лидер ПРК Абдулла Оджалан в вопросе Южного Курдистана солидарен с крайне правыми националистическими силами в турецком истэблишменте. Так, 18 ноября 2006 г. во время встречи со своими адвокатами Абдулла Оджалан заявлял, что «амбиции Северного Ирака возрастают» и могут дойти до того уровня, когда он пожелает расколоть Турцию и присоединить к себе Север-

ный Курдистан. При этом лидер ПРК считал, что эти процессы необходимо рассматривать в рамках антитурецких «планов империализма», который хочет устроить Турции «что-то наподобие Севра», зная весьма опасливое, даже алармистское отношение турецкой политической элиты к Севрскому мирному договору (для обозначения этого употребляют даже термин «синдром Севра»). Как известно, турецкие националисты рассматривают «Севр» в качестве «империалистического заговора», расколовшего Османскую империю, считая, что лишь национально-освободительное движение под руководством Мустафы Кемаля смогло смягчить для турок последствия Севра подписанием мирного договора в Лозанне. Для курдских националистов Севрский мирный договор является первым и единственным международным документом, признавшим права курдов на создание независимого государства.

По мнению А. Оджалана, основную роль в реализации этого плана играют США, использующие проблему Кипра, вопрос признания армянского геноцида и Южный Курдистан, где Вашингтон желает создать антидемократическое государство, управляемое несколькими семействами, как в ОАЭ либо в Кувейте. Северо-западной границей этого государства, утверждал Оджалан, будет формально нынешняя ирако-турецкая граница, однако в действительности США планируют, что под контроль Южного Курдистана перейдут Хакяри и Ширнак, которые традиционно находились под влиянием семейства Барзани.

[174] См., например: *Foradori, Paolo; Rosa, Paolo; Scartezzini, Riccardo.* Managing a Multilevel Foreign Policy: The EU in International Affairs. Lexington Books, 2007.

Об истории формирования внешней политики ЕС см.: *Nuttall, Simon J.* European Foreign Policy. Oxford University Press, 2000.

[175] См., например: *Peterson, John; Sjursen, Helene.* A Common Foreign Policy for Europe?: Competing Visions of the CFSP. Routledge, 1998.

О противоречиях и парадоксах внешней политики ЕС см: *Zielonka, Jan.* Paradoxes of European Foreign Policy / Robert Schuman Centre. Martinus Nijhoff Publishers, 1998.

[176] *Ginsberg, Roy H.; Eizenstat, Stuart E.* The European Union in International Politics: Baptism by Fire. Rowman & Littlefield, 2001, с. 1–3.

[177] См., например, по этому вопросу мнение директора Люксембургского Института европейских и международных исследований Армана Клесса: «Процесс внешнеполитического объединения вызывает...

разочарование, даже скорбь... О единой внешнеполитической линии не приходится говорить. Наоборот, приходится констатировать напряжённость в отношениях некоторых партнёров по Евросоюзу, когда речь идёт о той или иной международной проблеме. Скажу больше: несогласованность, разнобой ощущается даже в деятельности общеевропейских учреждений». По его мнению, «в ближайшие десятилетия Европа будет оставаться такой же слабой, несмотря на все амбиции». (*Европа остаётся слабой, несмотря на все амбиции // Время новостей*, 16.04.2002.)

Схожей точки зрения придерживается и один из ведущих российских политологов-международников – заместитель директора Института Европы РАН С.А. Караганов: «...Евросоюз не смог до сих пор создать единой внешней политики. Там, где и существуют элементы единой внешней политики – это всё-таки единая внешняя политика по нижней общей рамке. Очень слаба оборонная политика». По словам С.А. Караганова, «Евросоюз фактически является первой в экономическом отношении «державой» мира. Но во внешнеполитическом, в военном аспектах он если не карлик, то очень небольшой «человечек». Наблюдаются попытки усилить позиции в этой области, но они наталкиваются на то обстоятельство, что евросоюзные решения принимаются... по нижней рамке». (См. интервью с С.А. Карагановым: *Иванов А.* Европа останется конгломератом государств. Старый континент озабочен поисками своего места в мировой иерархии // *НГ Дипкурьер*, 07.10.2002.)

[178] Об этом см.: *Rynhold, Johnathan.* Spyer, Johnathan. British Policy Toward the Middle East in the Post-Cold War Era, 1991–2005: A bridge between the US and the EU? // *Levey, Zach. Podeh, Elie.* Britain and the Middle East: From Imperial Power to Junior Partner, Sussex Academic Press, 2008, с. 281–301.

[179] *Мосаки Н. З.* В Турции мечтают о правах чукчей // *НГ*, 31.01.2002.

[180] www.institutkurde.org/ikpweba/publica/bulleti/206.htm#2

[181] О подобном предвзятом отношении к России со стороны западных экспертов писали в своей статье А. Шлейфер и Д. Трейзман «Россия – нормальная страна». Они отмечали, что в целом Россия во всех отношениях представляет средний пример стран с сопоставимым уровнем. А. Шлейфер и Д. Трейзман пишут, что, согласно данным Международного института прессы, в Вене за период с 1999 по 2000 год, хотя ситуация в России в деле вмешательства государства в дела СМИ в целом была сравнительно неблагополучна, в России

«никогда не отмечалось таких вопиющих правонарушений, как в Турции, занимающей последнее место в списке [48 стран ОБСЕ]». (Далее приводились конкретные данные). Более того, в России, согласно этим данным, количество случаев вмешательства было даже меньше, чем в Венгрии. (*Шлейфер А., Трейзман Д.* Россия – нормальная страна // *Россия в глобальной политике*, 2004, № 2, с. 47).

А. Шлейфер и Д. Трейзман приводили пример с другой страной, которая так же, как и Турция, нарушает права курдов.

«В июне 2000 года *The Economist* назвал Россию «фальшивой демократией». В то же время недавно в этом издании Иран, где законодательство целиком находится под строгим контролем невыборного совета из религиозных деятелей, а ученые могут поплатиться жизнью за инакомыслие в вопросах вероучения, был назван «квазидемократическим» государством. ‹…› Кувейт, будучи наследственным эмиратом, где запрещены политические партии, женщины лишены права голоса на выборах в органы законодательной власти, а за критику в адрес эмира людей сажают в тюрьму, пользуется более высоким рейтингом с точки зрения политических свобод» (Там же, с. 46).

Россия в рейтинге Freedom House, отражающего уровень «политического давления, контроля и насилия» в отношении СМИ, оказалась в 2002 г. «в списке ниже Ирана, где за два года было запрещено сорок газет, за решеткой оказалось больше журналистов, чем где-либо в мире, а работников СМИ наказывают плетьми». (Там же, с. 46).

Как верно отмечают авторы упомянутого исследования, «в сравнении с другими странами со средним достатком ситуация с государственным преследованием прессы в России просто вопиюще нормальна» (Там же, с. 47), а по сравнению, например, с теми же Турцией и Ираном просто идеальна.

То же самое касается выборов. Хотя некоторые «перемены привели к тому, что Россия переместилась в менее либеральную часть политического спектра, они, однако, не выделяют её из числа обычных стран со средним достатком», приводя множество примеров преследования журналистов и давления во время выборов, в том числе и пример Турецкого Курдистана: «На спорных территориях – от мексиканского штата Чиапас до Восточной Турции и филиппинского Минданао – выборы проходили под пристальным наблюдением военных». (Там же, 49).

[182] *Issues arising from Turkey's membership perspective.* / Commission of the European Communities. Commission Staff working document. Brussels, 6.10.2004. Sec(2004) 1202. {Com(2004) 656final} C. 9.

[183] Там же. С. 7.
[184] Там же.
[185] *EU data rules out "too poor to join" theory for Turkey. // Today's Zaman*, 22.06.2011.
[186] По этой теме см. работу: *Flam, Harry*. Turkey and the EU: Politics and Economics of Accession. / Institute for International Economic Studies, Stokgolm University. Seminar Paper No. 718. – Stokgolm, February 2003.
В.В. Кунаков утверждал, что «в основе нынешнего тупика на пути интеграции Турции в "Общий рынок" лежат именно экономические и социальные факторы. Выдвигаемые обычно на первый план политические препятствия (например, гуманитарная ситуация в стране, курдская и кипрская проблемы, напряженные отношения с Грецией), несмотря на их серьезность, носят, по его мнению, все-таки вторичный характер. Он убежден, что неготовность Турции к вступлению в ЕС определяется именно экономическими факторами, причем речь в данном случае идет не только о достигнутом уровне развития (хотя здесь разрыв особенно заметен), но и о недостаточности экономического потенциала страны, прежде всего с точки зрения научно-технической и технологической базы производства» (*Кунаков В.В.* Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999, с. 4). Тем не менее, В.В. Кунаков признавал, что курдский вопрос «заслуживает особого внимания в контексте рассмотрения вопроса о полном членстве страны в ЕС, несмотря на, казалось бы, "не вполне экономический" характер проблемы», и рассматривал его в качестве одного из основных препятствий для полноправного членства страны в этой организации (*Там же*, с. 58–63, с. 91). Он отмечал, что внеэкономические факторы могут «навсегда блокировать полноправное членство Турции в ЕС» (*Там же*, с. 92).
После вступления в ЕС Румынии и Болгарии «экономический» аргумент несколько ослаб.
[187] На протяжении длительного периода «экономическим сердцем» Турции являлся Стамбул и близлежащие районы. До половины промышленного производства приходилось на Стамбул и районы, находящиеся в радиусе 75 км от него. И сегодня переоценить роль Стамбула в турецкой экономике невозможно. Однако в последние десятилетия бурно развивается анатолийский бизнес – особенно в Конье, Кайсери, а также в на западе Турецкого Курдистана в Газиантепе,

К. Мараше, Малатье, которые фактически экономически отторгнуты от курдского региона и ассимилированы в политическом и культурно-языковом отношении. В 2006 г. из 500 крупнейших фирм 155 представляли Анатолию, а из 1000 крупнейших турецких компаний более половины приходилось на Анатолию. (*Pelin Turgut*. Anatolian tigers: Regions prove plentiful. // *Financial Times*, 22.11.2006.)
Об «анатолийских тиграх» и турецком исламском капитале см.: *Ömer Demir, Mustafa Acar, Metin Toprak*. Anatolian Tigers or Islamic Capital: Prospects and Challenges // *Middle Eastern Studies,* Vol. 40, Issue 6 November 2004, с. 166–188; *Wendy Kristianasen*. No delight for Turkey. New faces of Islam // *Le Monde Diplomatique*, http://mondediplo.com/1997/07/turkey; *Pelin Turgut*. Anatolian tigers: Regions prove plentiful // *Financial Times*, 22.11.2006.

[188] *Issues arising from Turkey's membership perspective* / Commission of the European Communities. Commission Staff working document. Brussels, 6.10.2004. Sec(2004) 1202. {Com(2004) 656final} С. 13.

[189] *Issues arising from Turkey's membership perspective*... 6.10.2004. С. 40.

[190] *Sarkozy: Em naxwazin Kurdistan bibe kêşeya Ewropayê*. (Саркози: мы не желаем, чтобы Курдистан стал проблемой Европы.) // http://www.netkurd.com/nuce.asp?id=6912, 04.05.2007. (курд. яз.)

[191] О том, что Турция не является европейской страной, см. заявление бывшего министра иностранных дел Франции Ю. Ведрина (См. по: *EU ready to work with AKP. Vedrine: Turkey has no place in EU // TDN*, 05.11.2002.). При этом, по его мнению, демократизация Турции никак не должна повлиять на присоединение к ЕС, поскольку «Южная Корея тоже демократическая страна, но никогда не получит доступа в ЕС, или Марокко». При этом Ведрин отметил, что ЕС постоянно врёт Турции, так как большинство стран ЕС знают, что Турция никогда не будет полноправным членом ЕС (Там же.).
Совершенно очевидно, что Ю. Ведрин, лишь совсем недавно до этого руководивший дипломатией одной из крупнейших стран ЕС, не мог изменить в одночасье своего мнения о Турции. Очевидно, что и, будучи министром иностранных дел Франции, он имел подобные убеждения. Видимо, тогда ему приходилось скрывать свои взгляды. Несомненно, что его позиция выражает мнение и властей, и населения как Франции, так и других стран Европы.
То, что Турция не является европейской страной, заявлял и бывший президент Франции и руководитель Конвента ЕС В. Жискар д'Эстен. Один из авторитетнейших политиков Европы XX в., ещё и руководящий

органом, которому было поручено создание конституции ЕС, заявил об этом 8 ноября 2002 г. газете *«Le Monde»*. Он отмечал также, что «большинство членов Евросоюза... в действительности против [присоединения Турции к ЕС], но они никогда не говорят Турции этого».
В ноябре 2004 г. в преддверии саммита ЕС, на котором ожидалось решить вопрос о вступлении либо невступлении Турции в ЕС, В.Ж. д'Эстен в своей колонке во влиятельной французской газете *«Le Figaro»* 25 ноября 2004 г. вновь резко высказался против принятия Турции в ЕС, выдвинув идею о формировании «привилегированного партнёрства».
В конце марта 2005 г. то же мнение высказал лидер правящей Народной партии Франции Н. Саркози, ставший впоследствии президентом страны. Будучи президентом Франции, Н. Саркози неоднократно повторял свою точку зрения, предлагая Турции модель специального партнёрства с Турцией, например, в рамках Средиземноморского союза, т.е. так же, как и с Марокко и Тунисом, а не в рамках ЕС.
Таким образом, б*о*льшая часть европейцев считает, что вероятное вступление Турции в ЕС будет означать конец исторического «европейского проекта».

[192] См. точку зрения по этому вопросу руководства ФРГ: (*Washingtom Times*, 01.11.2002.)
Президент Франции Жак Ширак сравнивал поддержку Соединёнными Штатами вступления Турции в ЕС, как если бы Франция вмешивалась в американо-мексиканские отношения. Председатель Еврокомиссии Р. Проди также заявлял, что Турция, прося Соединённые Штаты лоббировать в Европе принятие её в члены ЕС, совершает большую ошибку: «США оказывают на нас давление. Это неприемлемо. Это вызывает негативную реакцию европейцев, что [отрицательно] влияет на решение о принятии Турции в ЕС» (*Prodi: I defended Turkey; I was left alone // TDN*, 21.01.2003).
[193] Например: в апреле 1997 г. заместитель министра иностранных дел Греции Я. Кранидиотис заявил, что Греция всячески будет блокировать принятие в члены ЕС Турции, отметив при этом, что Турция в первую очередь должна прекратить «агрессию» на Эгеях, позитивно работать над решением кипрской проблемы и улучшить положение с правами человека (*Cumhuriyet*, *Milliyet*, *Hurriyet*, все 14.04.1997).
Спустя две недели на Совете ассоциации Турция – ЕС в Люксембурге Греция блокировала выделение Евросоюзом финансовой помощи Турции (*Cumhuriyet*, 30.04.1997).

[194] Как заявил 10 октября 2004 г. во время визита в греческий город Навкапт президент Греции К. Стефанопулос, прежде чем вступить в ЕС, Турция должна будет урегулировать отношения с Грецией и Кипром.

[195] См., например, заявление заместителя министра иностранных дел Греции Д. Друтсас: *Today's Turkey has no place in EU, says Greek minister. // Hürriyet Daily News*, 14.12.2009.

[196] *Editorial: Ilnur Cevik.* Where were you after the coup? Gentlemen of the EU, it was your silence and tacit approval of authoritarian rulers in Turkey that landed us in the current state... // *TDN*, 10.12.2002.

[197] *Report of the Socialist Party of Kurdistan On the Relationship Between the EU and Turkey And the EU-Accession of Turkey.* September 2002 // http://www.kurdistan.nu/english/socialist_parti_report.htm.

[198] См. заметку Рэма Кёкера (Rem Köker) в *Hürriyet*, 22.05.2008.

[199] М. Йылмаз заявлял: «Мы находимся здесь, так как мы уверены, что дорога в ЕС проходит через Диярбакыр». (*Yilmaz: road to EU passes through Diyarbakir // TDN*, 17.12.1999.)

[200] *Ocalan calls Turkey's EU candidate status a turning point in democratization // TDN*, 15.12.1999.

[201] *Jailed Kurdish politician urges EU to open doors to Turkey //* Ankara, 06.09.2002 (*AFP*).

[202] *EU Membership Offers Hope for Turkey's Kurds // Deutsche Welle*, 17.12.2004.

[203] По этой теме см.: *Majority of Turks support EU bid // TDN*, 14.06.2002; *Cuneyt Ulsever.* How do Turkish people feel about EU? // *TDN*, 18.06.2002; *90 percent in Southeastern Anatolia back EU membership. // TDN*, 25.07.2003; *Most passionate region in regard to EU membership is southeast // TDN*, 17.09.2003.

О наиболее высокой поддержке вступления Турции в ЕС в Курдистане см. также: *Mehmet Ali Birand.* EU project wins, as AKP loses votes // *TDN*, 11.04.2008.

[204] *Bulbul, Kudret.* Turkey and the EU: A Survey on Turkish MP's EU Vision // *Alternatives.* Turkish Journal of International Relations. Vol. 5, Number 3, Fall 2006, с. 42 (32–60).

[205] *Naif Bêzwan.* "Divê Kurd yekdeng bi Yekîtiya Ewropayê re biaxivin" [Курды должны разговаривать с Европейским Союзом с единой позиции.] // *Peyama Kurd*, 24.09.2004.

[206] *Cagatay, Soner.* Turkey at a Crossroads. Preserving Ankara's Western Orientation // *Policy Watch*, No. 48. The Washington Institute for Near East Policy, October 2005, с. 3–4.

[207] Так, в докладе госдепартамента США по терроризму за 2000 г. отмечалось, что австрийские власти позволяют действовать в Вене офисам политического фронта ПРК, открытым там с 1995 года. Количество активных членов ПРК в Австрии оценивалось в количестве 400 человек, сторонников – 4 тысяч. (*Patterns of Global Terrorism, 2000.* / United States Department of State, 30 April 2001. См. раздел Europe Overview, часть по Австрии).

[208] См. по: *Amikam Nachmani*. Turkey: facing a new millennium. Coping with intertwined conflict. Manchester University Press, 2003, c. 50.

[209] ПРК была включена в этот список под № 11. Кроме неё в список террористических организаций были включены, в частности, «Аль-Каида»; «Аска Тасуна» (Баскская сепаратистская группа); Испания; ETA (Эускади Та Аскатасуна – «Страна Басков и свобода»), Испания; CIRA, Северная Ирландия; «Хамас», Палестина; «Моджахеддине Хальк», Иран; OV, Северная Ирландия; «Истинная IRA», Северная Ирландия; RHD, Северная Ирландия; «Революционная народно-освободительная армия – фронт», Турция; «Ассоциация защиты Ольстера/Бойцы за свободу Ольстера», Северная Ирландия.

[210] *Wisa bidome şerê kurdan û tirkan mimkûn e* [Если так продолжится, возможна война курдов и турок.] // *Azadiya Welat*, 12.06.2010.

[211] *Ankara ups pressure on Europe for action against PKK // Today's Zaman*, 10.11.2007.

[212] См. по: *New party to replace PKK, said Ocalan's brother* // Tunceli, Turkey, 15.04.2002 (*Reuters*).

[213] *US says KONGRA-GEL terrorists, will be eliminated // TDN*, 30.01.2004. 4 апреля 2005 г. на последнем съезде KONGRA-GEL было решено вернуть старое название – ПРК.

[214] *Hilmi Ozkok: Yekîtiya Ewropayê piştgiriya terorê dike // Kerkuk Kurdistane*, 02.06.2003.

[215] *Kemal Burkay*. In a Resolution from May 4th, the European Union Included the PKK on their List of Terrorist Organizations. Press Statement // http://www.kurdistan.nu/english/press_statement_05_02.htm.

[216] *Reppas' press briefing*, Bulletin of the Greek Ministry of Press, 02.02.1999. Цит. по: *Foreign Ministry Publications: Greece and PKK Terrorism (II)*. Annex II Statements made by Greek authorities and PKK militants involved in the Öcalan affair // www.mfa.gov.tr/grupe/eh/default.htm. (сайт МИД Турции).

[217] См., например, в аффилированной с ПРК газете: «30 апреля в Афинах состоялась презентация представительства РПК (ПРК. – Н.М.),

на которой присутствовали представители правящей партии ПАСОК... другие организации». (*Представительство РПК в столице древней Эллады // Стон Родины*, Москва, апрель 1998, № 7, 8 (№ 74, 75).

[218] *Military calls on US, Europe to condemn Greece over obvious PKK support // TDN*, 02.05.1998.

[219] *Yilmaz warns Greece over hostile stance on Turkey-EU ties and support for PKK // TDN*, 01.05.1998.

[220] *Там же.*

[221] См. по: *Anadolu Agency*, 07.05.1998.

[222] См., например, заявления пресс-секретаря государственного департамента США Джеймса Фули по: *Hurriyet*, 02.10.1997, а также (в т.ч. касательно обвинения США в адрес ПРК по убийству двух нанятых американцами сотрудников): *Cumhuriyet*, 03.10.1997.

[223] *Milliyet*, 02.07.1998.

[224] *Sabah*, 01.07.1997.

[225] *Anadolu Agency*, 07.05.1998.

[226] См. о публикациях МИД Турции на эту тему: *Foreign Ministry seeks to display PKK's real face. // TDN*, 15.01.1999.

См. также заявления министра иностранных дел Турции Исмаила Джема, открыто обвинявшего Грецию в поддержке терроризма. Он утверждал, что «Греция является главным суппортером всех действий, направленных против территориальной целостности Турции». Как заявлял турецкий министр, Афины дают убежище и поддержку сепаратистским террористам, воюющим с Турцией. Джем говорил, что «греческое правительство является защитником международного терроризма, о чём Турция рассказывает всему миру и греческому народу». (*Ankara relieved but wary of possible S-300 deployment on Crete. // TDN*, 31.12.1998.)

[227] *Simitis bashes subordinates for failing to boost Ocalan. // TDN*, 22.12.1998.

[228] *Hevpeyvîn: Heike Schrader. Werger: Nasredîn Akyol.* Parêzerê Yûnanî yê Serokê PKKê Öcalan, Rachotis: 'Xiyaneteke Bi Vî Awayî Nebûye'. [*Интервью: Хейке Шрёдер. Перевод: Насреддин Акьёл.* Греческий адвокат Абдуллы Оджалана Рачотис: «Подобного предательства ещё не было».] // www.rudaw.net, 18.02.2009.

[229] См. по: *Pangalos says PKK violence not terrorism // TDN*, 17.03.1999.

[230] *Simitis claims another victim. // TDN*, 20.02.1999.

[231] *Греция–Правительство–Симитис–Оджалан* / Корр. ИТАР-ТАСС *Ю. Малинов*, Афины, 20.02.1999; *Simitis claims another victim...*

[232] *Греция–Правительство–Курды–Оджалан.* Афины, 19.02.1999 / *Корр. ИТАР-ТАСС Ю. Малинов.*

Греция–Правительство–Симитис–Оджалан. Афины, 20.02.1999 / *Корр. ИТАР-ТАСС Ю. Малинов. Turkey: Greece still acts as rogue state // TDN*, 27.02.1999.

[233] *Совет Европы призвал Турцию уважать принципы правового государства / Корр. ИТАР-ТАСС М. Калмыков.* – Париж, 17.02.1999.

[234] *Греция «убедительно» поднимет перед мировым сообществом курдскую проблему и вопрос о судьбе лидера Курдской рабочей партии Абдуллаха Оджалана //* Корр. ИТАР-ТАСС *Ю. Малинов*, Афины, 19.02.1999.

[235] О поддержке Кипром ПРК см.: *Ata Atun.* The Greek Cypriot-PKK connection // *Today's Zaman*, 27.10.2007.

Ata Atun. EU should stop Greek Cypriot support for terrorists // *Today's Zaman*, 29.10.2007.

[236] *Кипр–Турция–Парламент–Курды.* Никосия, 19.02.1999 / *Корр. ИТАР-ТАСС Р. Мусин.*

[237] *FM Cem: Greece is a terrorist state for Turkey // TDN*, 06.03.1999.

[238] *Greek-PKK connections: Q&A // TDN*, 20.02.1999.

[239] *Ilnur Cevik.* Demirel describes Greece: A 'rogue state'. // *TDN*, 23.02.1999.

Turkey and Greece Trade Words Over Kurd. // New York Times, 23.02.1999.

Foreign Ministry Publications: Greece and PKK Terrorism (II). Annex VIII. President Demirel's answer to a question by the Philippines television regarding Greek support to PKK terrorism (22.02.1999) // www.mfa.gov.tr/grupe/eh/eh05/default.htm.

Президент Турции призвал включить Грецию в список стран, поддерживающих терроризм / Корр. ИТАР-ТАСС *А. Палария*, Анкара, 22.02.2005.

Обвинения Демиреля в адрес Греции // Пульс планеты, 23.02.1999.

Сулейман Демирель заявлял также: «Греция традиционно поддерживает все враждебные Турции элементы. Греция поддерживает... деятельность терроризма ПРК... Греция служит убежищем для членов ПРК... Греция никогда не осуждала террористических актов ПРК. Напротив, греческое правительство объявило, что не считает ПРК террористической организацией, а её лидера Оджалана – террористом».

Турецкий президент отметил также, что защита Афинами Оджалана, вопреки тому, что он – находящийся в международном розыске террорист, является громогласным нарушением международного права. «Продолжающаяся поддержка Грецией террористической организации ПРК является ни чем иным, как серьёзным нарушением международного права. Сегодня каждая цивилизованная страна борется

с терроризмом. Поэтому, будучи пойманной за руку, вовлечённая в терроризм Греция подтверждает, что не принадлежит к цивилизованному миру. Соответственно, она должна быть внесена в список стран, поддерживающих терроризм и предоставляющих убежище террористам. Такая страна может быть названа лишь изгоем» (*Там же*).

[240] *Ilnur Cevik.* Demirel describes Greece: A 'rogue state' // *TDN*, 23.02.1999.

[241] *Греческий премьер обвинил Турцию в попытках изоляции его страны в Европе* // Афины, 23.02.1999 / Корр. *ИТАР-ТАСС* [Без фамилии].

[242] *"The civilized world should act on Greek support for terrorism". The exclusive TDN anniversary interview with President Demirel.* // *TDN*, 15.03.1999.

[243] См., например, заявление премьер-министра Греции К. Симитиса (*Press Bureau of the Prime Minister, Athens, 16 February 1999. Цит. по: Foreign Ministry Publications: Greece and PKK Terrorism (II). Annex II* Statements made by Greek authorities and PKK militants involved in the Öcalan affair // www.mfa.gov.tr/grupe/eh/default.htm) и пресс-секретаря правительства Греции Д. Реппаса (*Greek ministers resign after Ocalan fiasco* // *TDN*, 19.02.1999). Более того, тот же Д. Реппас, отвергая обвинения в «сотрудничестве» с Турцией с целью выдачи Оджалана турецким властям, подчёркивал, что «только одна Греция оказывала ему содействие и защиту». (См. по: *В связи с волной протестов, обрушившихся на Грецию из-за ареста Абдуллы Оджалана, в отставку отправлены трое ключевых министров греческого правительства* // Афины, 19 февраля 1999 г. / Корр. *РИА "Новости"* Э. Асланьян.)

[244] *Греческий премьер обвинил Турцию в попытках изоляции его страны в Европе* // Афины, 23.02.1999 / Корр. *ИТАР-ТАСС* [Без фамилии].

[245] *Milliyet*, 21.01.1998.

[246] Так заявлял министр иностранных дел Греции Т. Пангалос: Athens News Agency, *Daily News Bulletin*, 27.09.1997.

[247] О том, что ПРК является политическим и освободительным движением и «борется за освобождение Курдистана» заявлял и посол Греции в Саудовской Аравии Г. Николаидис (*Riyadh Daily*, 08.11.1998) 18 ноября 1998 г. заместитель министра иностранных дел Греции Я. Крандидиотис также заявил, что Афины не считают ПРК террористической организацией (См. по: *Yilmaz to Italy: 'Don't be accomplice to PKK's crimes'* // *TDN*, 19.11.1998).

В качестве освободительного движения рассматривал ПРК и премьер-министр Греции Костас Симитис. 26 ноября 1998 г. греческий премьер заявлял, что ПРК является «организацией, борющейся за права курдского меньшинства, и использует различные средства для дости-

жения этой цели». (*Athens News*, 10.03.1999. Цит. по*: Foreign Ministry Publications: Greece and PKK Terrorism (II). Annex II.* Statements made…)

[248] *Stuck with Ocalan, Italy seeks a way out // TDN*, 01.12.1998.

[249] Как заявлял пресс-секретарь правительства Греции Д. Реппас: «Греция никогда не считала ПРК террористической организацией… Поэтому мы оказывали Оджалану гуманитарную помощь…» (*Athens News*, 10.03.1999. Цит. по*: Foreign Ministry Publications: Greece and PKK Terrorism (II). Annex II.* Statements made…)

[250] Министр иностранных дел Кипра Я. Касулидис также заявлял (6 мая 1998 г.), что правительство Республики Кипр не рассматривает ПРК в качестве террористической организации и симпатизирует борьбе курдов. На слушаниях в комитете по правам человека парламента Кипра Я. Касулидис сказал, что не может считать ПРК террористической организацией, поскольку отсутствует решение суда по этому вопросу. (*Hurriyet*, 07.05.1998; *Greek Cyprus: "We do not view PKK as terrorist organization" // TDN*, 09.05.1998.)

[251] Кроме того, отмечалось, что Греция позволила открыть у себя офис другой террористической группировки – Революционной партии народного освобождения/Фронт (DHKP/C).

О подобной политике в отношении ФНОК говорилось в разделе, посвящённом Великобритании, где был арестован один из лидеров ПРК Кани Йылмаз. Таким образом, госдепартамент США считал, что ряд европейских стран, в частности, Греция и Великобритания, по крайней мере, позволяют действовать на своей территории «террористам».

[252] *Turkey continues to blast Greece for supporting terrorism. The Foreign Ministry accuses the European Union of turning a blind eye to Greece's support of the PKK // TDN*, 24.02.1999.

О необходимости включения Греции в список «террористических стран» заявлял и министр иностранных дел Исмаил Джем. Более того, он считал, что Турция уже неоднократно доказывала, что Греция является террористической страной». (*Ocalan's aides becoming a headache for Athens // TDN*, 01.03.1999.)

[253] *Ankara: Greece must openly condemn PKK, cut all links. // TDN*, 25.02.1999.

Греция, как известно, столкнувшись с массовыми акциями курдов и будучи обвинённой с разных сторон в «предательстве Оджалана», решила вывезти в Афины трёх его соратниц, оставшихся после его захвата в греческом посольстве в Кении. Между тем Турция жёстко требовала их выдачи, как «соратниц вождя террористов». Как заяв-

лял МИД Турции по поводу решения греческих властей предоставить вид на жительство двум соратницам Оджалана (третья имела бельгийский паспорт): «Совершенно очевидно, что Греция не сделала необходимых выводов и желает продолжать свою политику, которая ставит её в категорию государств-изгоев». В заявлении говорилось также, что Греция больше не может отрицать, что поддерживала терроризм, и своими действиями на международной арене подтвердила, что она является страной, поддерживающей терроризм (*Turkey: Greece still acts as rogue state // TDN*, 27.02.1999).

[254] *Ecevit: Greece committing crime against humanity. // TDN*, 28.02.1999.
Поймав Грецию «за руку» в «поддержке терроризма», турецкие власти нередко ещё и откровенно иронизировали над ней. Так, министр иностранных дел Турции Исмаил Джем, находясь в Праге, заявлял, что Бюлент Эджевит каждый раз за время своего премьерства вносит огромный вклад в развитие греческой демократии. Турецкий министр сравнил отставку трех членов греческого правительства, «открыто поддерживавших терроризм», с падением власти военных в Греции в 1974 г., после неудачного переворота на Кипре и последовавшей за этим турецкой интервенцией.

[255] *Turkey: Greece still acts as rogue state // TDN*, 27.02.1999.

[256] *Simitis: Greece's foreign policy cannot be 'Kurdified' // TDN*, 02.03.1999.

[257] *Harun Kazaz.* US says Greece not to be listed as terrorist state, but... // *TDN*, 25.02.1999.

[258] *Harun Kazaz.* Ocalan 'officially' seeks asylum in Italy // *TDN*, 03.12.1998.

[259] *Selcuk Gultasli. Turkey keeps low profile on US report // TDN*, 03.05.2000.

[260] *Soldiers' families demand death penalty for PKK chief // TDN*, 01.03.1999.

[261] См., например, заявление пресс-секретаря Белого дома Джо Локхарта: «Мы очень довольны арестом этого террористического лидера (Оджалана. – Н.М.). Мы уверены, и доклады госдепартамента показывают это, что ПРК является террористической организацией». Почти то же самое говорил пресс-секретарь госдепа Джеймс Фули: «Мы неоднократно и публично заявляли, что США считают ПРК террористической организацией. Мы верим, что её лидер Оджалан должен предстать перед правосудием... за террористические акты». (*Harun Kazaz.* US pleased by capture of Ocalan, denies any involvement // *TDN*, 18.02.1999.)

[262] *'Ocalan escapade' continues to shake Athens // TDN*, 08.03.1999.

[263] *Greek FM: PKK is not legal in Greece // TDN*, 09.03.1999.

[264] *Cumhuriyet*, 28.03.2002; *Milliyet*, 28.03.2002; *Hurriyet*, 28.03.2002.

[265] *Кипр–Правительство–Оджалан* // Корр. ИТАР-ТАСС *Р. Мусин.* Никосия, 02.06.1999.
[266] *Simitis: Greece's foreign policy cannot be 'Kurdified'* // *TDN*, 02.03.1999.
[267] *Miller seeks to cool tempers in Turkey, Greece and Cyprus* // *TDN*, 10.03.1999.
Turkey Still Harsh, Greece Still Defiant // *Turkish Probe*, 14.03.1999.
[268] *Tzohatzopoulos casts shadow on warm Turco-Greek climate* // *TDN*, 25.09.1999.
[269] *Ilnur Cevik.* Papandreou declares Greece opposes the division of Turkey // *TDN*, 22.01.2000.
[270] Между Грецией и Турцией были подписаны соглашения по борьбе с нелегальной миграцией и организованной преступностью, об избегании двойного налогообложения, по защите окружающей среды, туризму.
[271] В начале февраля 2000 г. ответный визит в греческую столицу нанёс министр иностранных дел Турции И. Джем. Это также был первый визит министра иностранных дел Турции в Грецию за последние 40 лет. Турецкий и греческий главы МИД подписали соглашения по культуре, морской торговле, таможенным делам, науке и технологиям. Спустя несколько дней на состоявшемся в Бухаресте Балканском саммите встречу провели и премьер-министры Греции и Турции К. Симитис и Б. Эджевит.
[272] Бывший во время истории с Оджаланом министром иностранных дел Т. Пангалос стал министром культуры, бывший министр внутренних дел А. Пападопулос стал министром здравоохранения, а бывший министр общественной безопасности Ф. Пецалникос – заместителем министра образования. Кроме того, К. Симитис назначил заместителем министра иностранных дел Э. Папазу, которая в 1995 г. посетила Оджалана в долине Бекаа.
[273] Kramer, Heinz. The Institutional Framework of German-Turkish Relations // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy.* Conference Report / American Institute for Contemporary German Studies, The John Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997. C. 19. [10–31]
[274] *Sabah*, 23.05.1996.
[275] Kramer, Heinz. The Institutional Framework of German-Turkish Relations... C. 20.
[276] *Hurriyet,* 14.01.1998.
[277] *Anadolu Agency,* 16.01.1998.

[278] *Hurriyet*, 16.01.1998.
[279] Там же.
[280] Об этом заявлял посол Турции в ФРГ Волкан Вурал. Он утверждал, что ПРК согласилась прекратить «террористическую деятельность в Германии в обмен на поддержку этой страны». «Трудно понять», – продолжал Вурал, – почему Германия, ранее боровшаяся с терроризмом, сегодня заявляет о своей поддержке террористической организации ПРК» (*Cumhuriyet*, 19.01.1998).
[281] См. по: *Saadet Oruc.* What is the PKK Trying to Do? // *Turkish Probe*, 01.02.1998.
[282] Примечательно, что имея в виду наличие курдской проблемы в Турции, Иране, Ираке и Сирии, И. Джем весьма справедливо заявлял: «Прошлые действия Западной Европы по подобным вопросам совсем не внушают доверия. Вы знаете о Боснии. Кто так поспешно развалил Югославию? Кто ввергнул Балканы в нынешнюю ситуацию? Некоторые европейские страны разделили Югославию и Балканы в соответствии со своими национальными интересами и начали искать политических и экономических сателлитов для себя. В результате пострадали сотни тысяч людей…Вот почему я не доверяю Западной Европе». (См. по: *Ilnur Cevik.* Turks feel European Conference was a Trap on Kurdish Issue and Cyprus // *Turkish Probe*, 01.02.1998.) Как известно, значительная часть вины за кровавый развал Югославии лежит и на странах Западной Европы, начавших поспешное признание новых государств.
[283] Заявление премьер-министра Эджевита: *Ecevit: Kurds and Turks are equal. // Kurdish Observer*, 07.06.2001.
Турецкие власти в принципе всегда утверждали, что в Турции нет курдской проблемы, а проблему создала Европа (См., например: *Milliyet*, 08.05.1994).
[284] *Kalemli: "There is nothing we can learn from Europe regarding human rights" // TDN*, 01.10.1997.
[285] *Chris Ramford.* European Union. A political Sociology. Blackwell Publishing, 2002, c. 245.
[286] *Hurriyet*, 23.03.2000.
[287] *Turkish military blasts NATO allies for support Kurdish rebels // RIA Novosti*, Ankara, 02.07.2007.
[288] *Akşam*, 05.02.2003.
Lindh pleased with visit to Turkey // TDN, 08.02.2003.
Примечательно также, что считающаяся «другом курдского народа» Анна Линд в преддверии американской кампании против Ирака за-

являла, что Швеция выступает категорически против создания «курдского государства на севере Ирака» (*Akşam*, 05.02.2003. *Lindh pleased with visit to Turkey // TDN*, 08.02.2003).

[289] *Nurdan Bozkurt*. European envoys visit Gaziantep in Turkish Southeast // *Hürriyet Daily News*, 21.04.2010.

[290] *Erdoğan reminds EU politicians Turkey has 81 provinces to visit // TDN*, 25.12.2004.

Erdogan: Em ji çûyina ewropiyan ya Diyarbekirê ne razî ne. (Мы недовольны поездками европейцев в Диярбакыр.) // *KK-Nûçe*, 24.12.2004 (курд. яз.).

Р.-Т. Эрдоган рекомендовал своим «европейским друзьям» посетить, например, восточно-анатолийскую провинцию Эрзурум (в этой провинции на севере Северного Курдистана курдский вопрос остро не стоит, поскольку Эрзурум подвергся сильной ассимиляции), центрально-анатолийские провинции Конья и Кайсери, причерноморскую Ризе. «И вообще, Турция имеет 81 провинцию. Почему они (европейцы. – Н.М.) не выбирают другие места?» (*Erdoğan reminds EU politicians... Erdogan: Em ji çûyina ewropiyan...*).

В июле 2005 г. в интервью *CNN-Turk* Эрдоган ещё раз высказал своё недовольство европейскими дипломатами, заявив: «[Европейские дипломаты] приезжают в нашу страну, но едут в Диярбакыр и Хакяри. Место переговоров – Анкара. Почему же они уезжают туда? Они подстрекают террор». См. по: *Tayyip Erdogan: Pêwist be em dê li derveyî hidûdan jî operasyona bikin*. (Тайип Эрдоган: Нам необходимо провести операции за пределами наших границ.) // *KK-Nûçe*, 14.07.2005 (курд. яз.).

[291] *Tayyip Erdogan: Pêwist be em...* (Там же).

[292] См., например, мнение советника мэра Диярбакыра Х. Озсоя: *Vincent Boland*. Turkey's Nightmare: Violence In The east places An Obstacle On The Road To Europe // *Financial Times*, 06.12.2005.

[293] См. по: *Balyozê Frenseyê PKKê bi tundî Şermezar kir*. [Посол Франции осудил ПРК.] // *Peyamner*, 05.07.2005.
http://www.peyamner.com/article.php?id=14998&lang=latin.

[294] Комментируя этот доклад, Олли Рен заявлял, что Хорватия может закончить переговоры по вступлению в ЕС в 2009 г., в то время как Турции предстоит ещё долгий путь, и советовал турецким властям более энергично проводить реформы, отмечая, что «темп переговоров по вступлению в ЕС зависит от темпа реформ». Некоторые политологи считали, что названия докладов по выполнению Турцией

условий для вступления в ЕС «Progress Report» являются эвфемизмом «Regress Report».

[295] См., напр.: *Barroso: Divêt mafên kulturî û siyasî yên kurdan bên temîn kirin* (Баррозо: курдам должны быть предоставлены культурные и политические права.) // www.netkurd.com, 11.04.2008.
Необходимость внесения изменений в турецкое законодательство для введения в школах Турции обучения на курдском языке неоднократно отмечалась в различных докладах ЕС и Европарламента по Турции.

[296] *Turkey should consider regional autonomy, says Lagendijk // Hürriyet Daily News*, 05.11.2008.

[297] *Joost Lagendijk: Tirkîye heta ku pira Amedê derbas nebe nikane bikeve Yekîtîya Ewropa* [Хуст Лагендайк: пока Турция не перейдёт диярбакырский мост, она не сможет войти в ЕС.] // http://www.peyamner.com/article.php?id=49500&lang=latin, 10.06.2006.
О позиции Х. Лагендайка в отношении курдского языка см. его статью: *Kurdish: A different language // Today's Zaman*, 28.06.2007.

[298] *EU criticizes DTP but warns closure could affect representation // Today's Zaman*, 15.12.2010.

[299] *EU expresses concern about Turkey's DTP ban // Hurriyet Daily News*, 13.12.2009.

[300] См., например: *Namzetê komîsertiya YE'yê got 'Kurdistan'* [Представитель комиссариата ЕС сказал «Курдистан».] // *AK news*, Kanûna Paşîn 13, 2010.

[301] См. по: *Turkey accuses EU of helping Kurdish PKK separatists // RIA-Novosti*, 12.12.2007.
Примечательно, что в торге с Европарламентом Турция активно использовала проблему турок Германии. Так, 4 апреля 2006 г. во время заседания совместного парламентского комитета Турция – Евросоюз в Страсбурге при обсуждении повестки предстоящих слушаний представители Турции (депутаты ВНСТ Онур Оймен и Шюкрю Элекдаг из Народно-Республиканской партии и Айдын Думанлыоглу из Партии справедливости и развития) выступали против включения в повестку проблемы Юго-Востока и прав курдов, угрожая настаивать на рассмотрении прав турок в Европе.

[302] О невыдаче странами ЕС Турции членов ПРК, признанной ЕС террористической организацией, заявлял Эрдоган и в октябре 2007 года. (*Turkey's prime minister has slammed European Union countries // Peyamner*. 27.10.2007; *Turkey Accuses EU of Harboring Kurdish Ter-*

rorists // Peyamner, 27.10.2007. *Самохоткин А.* Турция критикует союзников // *ВН*, 29.10.2007.)

[303] *Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства жрецов до Демократической цивилизации. Как следует понимать внутренний смысл заговора века? (с. 1–12). // *Axina Welat* (Стон Родины), № 12 (137), 1–15 февраля 2002 г., спецвыпуск, с. 7.

[304] *Azîz Ogur.* Ewropa berpirsa pirsgirêka kurd e. [Ответственность за курдскую проблему несёт Европа.] // *Azadiya Welat*, 26.01.2008.

[305] Запад тогда был обеспокоен желанием Ливии создать завод по производству химического оружия.

[306] Как отмечала супруга бывшего президента Франции Франсуа Миттерана Даниэль Миттеран, Саддам Хусейн в конце 1980-х годов (даже после Халабджи) считался во Франции демократом (См. интервью Даниэль Миттеран: *Şirûst Aryen.* "Ger Fransayû rola xwe bilîsta, Öcalan ne dihat girtin" [Если бы Франция сыграла свою роль, Оджалан не был бы пойман.] // [Газета] *Rûdaw*, Nr. 1, 06.07.2009. R. 7.).

[307] *Juliet Towhidi.* Kurdish leader storms out of Paris Conference // *Reuters*, 15.10.1989.

[308] Цит. по: *Lawrence Fridman and Efraim Karsh.* The Gulf Conflict. 1990–1991. Diplomacy and War in the New World Order. – Princeton, Princeton University Press, 1993, c. 423.

[309] За эту резолюцию проголосовало 354 члена Европарламента, 29 – против, 31 депутат воздержался.

[310] См. резолюцию Европарламента по: *European Parliament resolution on the situation in Iraq eleven years after the Gulf War // Kurdish-Media.com*, 18 May 2002.

См. также *Report on the situation in Iraq eleven years after the Gulf War* (2000/2329(INI). European Parliament, Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy. Rapporteur: Baroness Nicholson of Winterbourne. 26 April 2002 // http://www.iraqwatch.org/government/EU/eu-parl-042602.htm.

[311] *John Hemming.* Jalal Talabani attacks French opposition to war // Dukan (Southern Kurdistan), 15.02.2003, *Reuters*.

[312] *Interview with KRG's EU representative. // The Kurdish Globe*, No. 129, 02.10.2007.

[313] *Interview with Dr. Frederick Tissot, Head of French Diplomatic Representative Office in the Kurdistan. //* www.rudaw.net, 21.10.2008.

[314] См. сообщение на сайте La Farge: La Farge inaugurates a new cement plant at Bazian, Iraq. // http://www.lafarge.com, 04.08.2009. См. также

интервью консула Франции в регионе Курдистан Ф. Тиссо: *French Consul discuss bilateral relations. // The Kurdish Globe*, No. 220, 15.08.2009. С. 8).

[315] *French Consul discuss bilateral relations. // The Kurdish Globe*, No. 220, 15.08.2009. С. 8.

[316] *Лазарев М.С.* Россия и курдский вопрос. Запад резко активизирует свои усилия в его решении, а мы молчим // *Независимая газета* (НГ), 06.10.1993.

[317] *Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов. Однако очаг напряжённости находится вблизи российских границ // *НГ*, 05.05.1997.

[318] *Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов // *НГ*, 05.05.1997.

[319] *Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов // *НГ*, 05.05.1997.

[320] *Новый Курдистан*, № 6–7, август – сентябрь 2002.

[321] *Новый Курдистан*, № 6–7, август – сентябрь 2002.

[322] *Новый Курдистан*, № 6–7, август – сентябрь 2002.

[323] *Новый Курдистан*, № 6–7, август – сентябрь 2002.

[324] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан (Уроки истории и новые задачи) // Курдский альманах. М., 2001. № 1, с. 32–57.

[325] Статья анализируется по состоянию на период публикации.

[326] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 51.

[327] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 52–53.

[328] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 52–53.

[329] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 53.

[330] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 53.

[331] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 55.

[332] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 55.

[333] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 55.

[334] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 56–57.

[335] *Лазарев М. С.* Россия и Курдистан... с. 57.

[336] Правовая система «Консультант+».

[337] Выступление заместителя министра иностранных дел России *Е.П. Гусарова "Приоритеты внешнеполитической Концепции Российской Федерации"* на совместном заседании комитетов Парламентской Ассамблеи НАТО и Федерального собрания России 6 апреля 2001 года, Москва // *Информационный бюллетень Департамента печати и информации МИД РФ.* Сообщения МИД, 09.04.2001, 606-06-04-2001. Найдено на сайте МИД России (www.mid.ru).

[338] Примечательно, что на своей первой пресс-конференции после назначения министром иностранных дел после избрания В.В. Путина

президентом России на второй срок в марте 2004 г. С.В. Лавров, отвечая на вопрос, как будет строиться взаимодействие МИД с другими игроками на внешнеполитическом поле: Администрацией Президента, Советом Безопасности России, силовыми структурами, заявил следующее: «Взаимоотношения с Администрацией Президента России и с Советом Безопасности России будут строиться в соответствии с Конституцией. Внешнюю политику определяет Президент, и МИД ее выполняет. Это закреплено в Конституции Российской Федерации. Здесь никаких изменений нет и быть не может». (*Стенограмма выступления и ответов на вопросы российских и зарубежных СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции в Пресс-центре МИД России, Москва, 17 марта 2004 года* // См. по:
http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika37.html)

[339] См. Постановление ГД ФС РФ от 14.05.1997 № 1405-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД ФС РФ) *«О курдской проблеме»* // *Собрание законодательства РФ* (далее – СЗ), 26.05.1997, № 21, ст. 2445; *Ведомости ФС РФ*, 11.06.1997, № 17, ст. 770; Постановление ГД ФС РФ от 23.05.1997 г. № 1438-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«О вторжении турецкой армии в Северный Ирак»* (*СЗ*, 02.06.1997, № 22, ст. 2567; *Ведомости ФС РФ*, 21.06.1997, № 18, ст. 835); Постановление ГД ФС РФ от 26.09.1997 № 1764-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«Об очередном вторжении турецкой армии в Курдский автономный район Ирака»* (*СЗ*, 06.10.1997, № 40, ст. 4581; *Ведомости ФС РФ*, 11.10.1997, № 29, ст. 1308); Постановление ГД ФС РФ от 04.03.1998 № 2242-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«Об обращении Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации «К депутатам парламента Турецкой Республики об урегулировании курдской проблемы»* (*СЗ*, 16.03.1998, № 11, ст. 1265); Постановление ГД ФС РФ от 09.09.1998 № 2939-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«О мирной инициативе в решении курдской проблемы в Турецкой Республике»* (*СЗ*, 21.09.1998, № 38, ст. 4751); Постановление ГД ФС РФ от 23.10.1998 № 3153-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«О взрывоопасной ситуации на турецко-сирийской границе»* (*СЗ*, 02.11.1998, № 44, ст. 5445); Постановление ГД ФС РФ от 04.11.1998 № 3170-II ГД «Об обращении ГД ФС РФ *«К президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину о предоставлении политического убежища в Российской Федерации лидеру Рабочей партии Курдистана Аб-*

дулле Оджалану» (*СЗ*, 16.11.1998, № 46, ст. 5638); Постановление ГД ФС РФ от 19.02.1999 № 3681-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«О захвате лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана»* (*СЗ*, 08.03.1999, № 10, ст. 1167; *Ведомости ФС РФ*, 11.03.1999, № 8, ст. 519); Постановление ГД ФС РФ от 12.05.1999 № 3955-II ГД «О заявлении ГД ФС РФ *«О ситуации с соблюдением прав курдского народа в Турецкой Республике»* (*СЗ*, 17.05.1999, № 20, ст. 2420; *Российская газета*, № 96, 20.05.1999 (Заявление), *Ведомости ФС РФ*, 21.05.1997, № 15, ст. 958); Постановление ГД ФС РФ от 04.06.1999 № 4045-II ГД «Об обращении ГД ФС РФ *«К президенту Турецкой Республики Сулейману Демирелю о судебном процессе над лидером курдского народа Абдуллой Оджаланом»* (*Ведомости ФС РФ*, 11.06.1999, № 17, ст. 1131; *СЗ*, 14.06.1999, № 24, ст. 2948).

См. также заявления комитета Государственной думы геополитики: «Об агрессивных заявлениях руководителей Турецкой Республики» от 08.10.1998 // *Курдистан рапорт* (далее – КР), февраль 1999, № 19–20. С.57), «О политике геноцида в отношении курдского народа» от 13.10.1998 (*КР*, февраль 1999, № 19–20. С.57–58).

[340] А.А. Лебедев был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Турецкой Республике Указом Президента от 30 июня 1998 г. № 752 «О назначении Лебедева А.А. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Турецкой Республике» (*СЗ*, 06.07.1998, № 27, ст. 3168). А. Лебедев являлся послом в Турции до 2003 года.

[341] Постановление ГД ФС РФ от 09.09.1998 № 2939-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О мирной инициативе в решении курдской проблемы в Турецкой Республике»* (*СЗ*, 21.09.1998, № 38, ст. 4751).

[342] *Russian ambassador: There will be no S-300s crisis. The Duma's Kurdish resolution should not be taken seriously, Ambassador Lebedev maintains // TDN*, 12.09.1998.

[343] *Senior Russian official in Turkey with Moscow's guarantees on Ocalan. Russian Interior Minister: 'I know President Boris Yeltsin's stance, and political asylum will not be granted to any terrorist' // TDN*, 06.11.1998.

Следует отметить, что Распоряжением Президента РФ от 02.12.2000 г. № 544-рп («О поощрении сотрудников Министерства иностранных дел Российской Федерации») «за активное участие в проведении внешнеполитического курса Российской Федерации» А.А. Лебедеву была объявлена благодарность.

[344] *Hurriyet*, 16.07.1996.
[345] http://www.rg.ru/oficial/from_min/gd_99/444.htm.
[346] *Hurriyet*, 05.02.1996.
[347] *Turkish Parliament accepts a joint declaration on Chechnya // TDN*, 16.12.1999.
[348] Под «коренным обновлением» внешнеполитического курса России Ш.Х. Мгои, очевидно, имел в виду увольнение с поста министра иностранных дел России в начале 1996 г. А.В. Козырева и назначение на эту должность Е.М. Примакова. Если А.В. Козырева то и дело обвиняли в «сдаче национальных интересов Западу», то Е.М. Примаков считался «патриотом» и «прагматиком», к тому же имеющим большой опыт руководства внешней разведкой.
[349] *Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов // *НГ*, 05.05.1997.
[350] Хотя Южный Курдистан не является государством, но вследствие высокой степени самостоятельности и определённой роли в международных отношениях можно отдельно выделять интересы других государств к этому полунезависимому образованию.
[351] В этом контексте весьма примечательно мнение известного российского военного аналитика П. Фельгенгауэра. Отвечая на вопрос: «С чем связано отсутствие у России собственной позиции в отношении курдской проблемы», он отвечал: «Россия сейчас много говорит о том, что мы возрождаем силу Советского Союза, но это, в основном, пропаганда. Интересы и реальные возможности России лежат гораздо ближе к нашим границам – Курдистан в них не попадает. Конечно, есть отношения России с Ираном, есть отношения с Турцией, с Ираком, с Америкой. Курдистан лежит вне этой сферы. У нас нет возможности действительно влиять на ситуацию в этом регионе. Мы, конечно, член Совета Безопасности [ООН], мы – важное государство, но это лежит за сферой наших возможностей. Поэтому естественно, что у Москвы нет такой геополитики, потому что у нас нет там серьёзных интересов. Там есть важные игроки – Турция, Иран, США, даже Израиль, а Россия лежит гораздо севернее, и у неё нет сейчас возможностей влиять на ситуацию в этом регионе». (*Мироев И., Ягмур Р.* Павел Фельгенгауэр. «Военного решения курдской проблемы нет» // *Свободный Курдистан*, март 2008, № 3 (57), с. 7.)
[352] *Горелов Н.* Сырьевая политэкономия // *Время новостей (ВН)*, 28.09.2000.
Мосаки Н. Суета вокруг санкций // *Новые Известия*, 30.06.2001.

[353] *Горелов Н.* Отсчёт пошёл // *ВН*, 10.01.2001.
[354] Подр. см. по: *Мамаев Ш.* Метаморфозы «большой игры» на Ближнем Востоке // *Мировая энергетическая политика*, июнь 2003, № 06 (16), с. 37.
[355] См. заявление министра нефти Ирака Амера Рашида по: Эль-Кувейт, 26.07.1999 / *Корр. ИТАР-ТАСС К. Мачульский* // *Пульс планеты*, 27.07.1999
[356] В этом контексте можно отметить также, что из-за наличия экономических санкций США (в 2007 г. США ввели ограничения на инвестиции в Иран со стороны энергокомпаний третьих стран; не более 20 млн. долл.) в отношении Ирана вышел из проекта «Анаран» в Иранском Курдистане (провинция Илам), хотя российская компания возлагала на этот иранский блок большие надежды, а запасы месторождения оценивались в 2 млрд. долл. В связи с возможным ужесточением международных санкций из-за ядерной программы Тегерана было объявлено также о приостановке поставок нефтепродуктов трейдером ЛУКОЙЛа в Иран. (*Корытина Е.* Прощай Иран! // *РБК daily*, 08.04.2010; *Иран будет разрабатывать нефтяное месторождение Азар* // www.iran.ru, 22.05.2009; Милачева Т. ЛУКОЙЛ ушёл из Ирана из-за санкций США // *РБК daily*, 25.03.2010.)
[357] *Smith, Marc A.* Russia & The Middle East / Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre. F 79. September 2002, c. 4.
[358] Так, старший сын Саддама Хусейна Удэй, являвшийся одним из влиятельнейших иракских политиков, заявлял даже, что российские нефтяные фирмы являются «прикрытием» американских и британских нефтекомпаний и работают «на их фронте». Он утверждал, что в немалой степени это обусловлено еврейским происхождением владельцев этих нефтекомпаний. (*Saddam's son attack Russian firms* // *UPI*, 4 January, 2001, Baghdad, Iraq.) Вице-президент Ирака Таха Ясин Рамадан заявлял, что иракские власти считают ЛУКОЙЛ американской компанией, «она только по названию российская». (См. по: *Супонина Е.* Полагаемся на себя, на свой народ и на Бога // *ВН*, 26.02.2003.)
[359] См. интервью заместителя министра нефти Ирака Фаиза Шаина: *Супонина Е.* Сила Ирака – сила России // *ВН*, 03.07.2001.
[360] В этом смысле весьма примечательно сделанное 28 января 2003 г. президентом России В.В. Путиным заявление во время визита в Киев: «Мы не со всем согласны и выступаем против некоторых реше-

ний США. Но качество наших отношений не позволяет нам скатиться до конфронтации». В те же дни министр иностранных дел России И. Иванов на пресс-конференции в Москве, отвечая на вопрос о возможности применения Россией права вето в случае внесения США и Великобританией резолюции в СБ ООН о военной акции в Ираке, недвусмысленно дал понять, что российская дипломатия останется верна своим принципам не блокировать предложения США в ООН по иракскому (и не только иракскому) вопросам. Как заявил глава внешнеполитического ведомства России: «Лучше найти компромисс, решение, которое позволит сохранить единство в СБ ООН. Поэтому мы будем направлять наши усилия на то, чтобы думать о том, чтобы избежать вето и выйти на такое решение, которое сохранило бы единство членов Совбеза». (Цит. по: *Верлин Е., Злобин Н.* Москва уступает Вашингтону. США, похоже, додавят Россию в иракском вопросе. // *НГ*, 30.01.2003.)
Следует отметить, что глава МИД России подобные заявления делал, несмотря на имеющиеся постановления Государственной Думы. См., например: Постановление ГД от 15.05.2002 № 2721-III ГД «О развитии ситуации вокруг Республики Ирак». (*СЗ*, 20.05.2002, № 20, ст. 1843; *Ведомости ФС РФ*, 21.05.2002, № 15, ст. 937); Заявление от 22.01.2003 «Об обострении ситуации вокруг Республики Ирак» (Принято Постановлением ГД ФС РФ от 22.01.2003 № 3560-III ГД. Документ опубликован не был.).
МИДу России, конечно же, эти документы ГД (как и её заявления по курдской проблеме середины 1990-х гг.) были безразличны.
[361] В этом смысле весьма примечательно интервью министра нефти и информации Кувейта во время визита в Москву газете «ВН». На вопрос, почему сотрудничество России с Ираком всё-таки более активно, чем с Кувейтом, член правящей в Кувейте семьи Ас-Сабах отвечает: «С Ираком в какой-то период у вас была идеологическая близость. Сейчас же Ираку очень нужно добиться отмены экономических санкций, а Россия – постоянный член Совета Безопасности ООН. У нас такой проблемы нет. Вспомните, когда Ирак был силен и воевал с Ираном, сотрудничества с Россией было меньше». А на возражения корреспондента, что «в советские времена Ирак у нас только оружия закупал на многие миллиарды долларов», кувейтский министр весьма справедливо отвечает: «И где эти миллиарды?! Ирак же их не выплатил, а остался должен! А Франции, США, Великобритании он всё выплачивал сразу». (*Супонина Е.* Для России естественно искать новые нефтяные рынки // *ВН*, 15.05.2002.)

[362] *Супонина Е.* Сила Ирака – это сила России // *ВН,* 03.07.2001.
[363] См., например: Постановление от 04.07.2001 № 1739-III ГД «О необходимости отмены экономических санкций в отношении Республики Ирак». (*Ведомости ФС РФ*, 11.07.2001, № 20, ст. 1210); Постановление ГД от 15.05.2002 № 2721-III ГД «О развитии ситуации вокруг Республики Ирак» (*СЗ*, 20.05.2002, № 20, ст. 1843); Заявление «Об экономических санкциях в отношении Республики Ирак», утверждённое Постановлением ГД от 31.03.2000 № 212-III ГД «О заявлении ГД ФС РФ «Об экономических санкциях в отношении Республики Ирак» (*СЗ*, 10.04.2000, № 15, ст. 1562).
[364] *Титоренко В.Е.* Два года оккупации Ирака: итоги и перспективы // http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/14-04-05.htm, 14.04.2005.
[365] *Мосаки Н.* Слово и дело. Москве выгодны санкции против Багдада // *ВН*, 23.05.2001.
Это была первая в российской прессе статья, в которой сделана попытка объяснить, казалось бы, нелогичную политику России, выражающуюся в перманентной реальной поддержке санкций против Ирака, в первую очередь на уровне солидарного с США голосования в ООН.
[366] Даже один из лидеров ЛДПР, которая слыла одним из основных суппортеров Ирака и Саддама Хусейна в России, Алексей Митрофанов заявлял: «В своё время Советский Союз ставил на арабов.... Теперь всё изменилось. СССР нет, социалистического лагеря нет, *арабы – наши конкуренты на рынке энергоносителей* (курсив мой. – Н.М.). Кто конкурент нашего «Газпрома» помимо Норвегии? Алжир, Саудовская Аравия, Кувейт, Эмираты поставляют нефть на мировой рынок, где Россия тоже кормится. Россия даёт в США очень мало нефти, а арабы очень много. Хотелось бы наоборот». (*Митрофанов А.* Дорога от Тель-Авива до Москвы // *НГ*, 24.01.2003.) Хотя А. Митрофанов деликатно не упомянул Ирак в этом списке арабских стран-конкурентов, совершенно очевидно, что как раз в первую очередь это относится к Багдаду.
[367] *Резолюция 1284 (1999)*, принятая Советом Безопасности на его 4084-м заседании, 17 декабря 1999 года // http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1999/res1284.htm. (сайт ООН).
[368] Так, о Юлии Воронцове Таха Ясин Рамадан говорил: «Этот Воронцов – никакой не русский. Он представляет США (Ю. Воронцов по предложению Генерального секретаря ООН стал координатором высокого уровня по возвращению кувейтских граждан и собствен-

ности из Ирака. – Н.М.), не надо его защищать. Мы русских уважаем, это друзья, но Воронцов представляет не российское правительство, а американское. А с американцами мы не сотрудничаем...» ([Интервью Елены Супониной с Таха Ясин Рамаданом] *«В Путине есть что-то такое, чего не было раньше». Багдад верит, что Россия вновь поворачивается к Ираку // ВН*, 14.05.2001.) Между тем МИД России считает Ю.М. Воронцова выдающимся советским и российским дипломатом, много сделавшим «для последовательной защиты и продвижения интересов Родины...», внесшим «огромный личный вклад в решение сложнейших международных проблем, реализацию внешнеполитического курса нашей страны». (Подр. о Ю.М. Воронцове, прошедшем путь от референта до первого заместителя министра иностранных дел и отмеченном за свою более чем полувековую дипломатическую карьеру множеством высоких государственных наград, см.: *О кончине Ю.М. Воронцова*. // МИД России. Департамент информации и печати. 13.12.2007.
http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/075A4438805E18B5C32573B0004FC416).

[369] Посол Ирака при ООН М. аль-Дури называл обновлённый вариант программы «Нефть в обмен на продовольствие», принятый 14.05.2002 г. всеми членами СБ ООН (в том числе, конечно же, и поддерживающей «снятие с Ирака режима санкций» Россией. – Н.М.), «оскорблением для иракского народа». (*НГ*, 16.05.2002.)

[370] *Агламишьян В.* Христенко «построит» нефтяников. США готовы заменить арабскую нефть российской // *НГ*, 24.04.2002.

[371] *Мосаки Н.* Россия и иракские курды // *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции*. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 174 [172–187].

[372] *Talabani condemns Russia, France, China for defeat of UN resolution* // Dubai, 07.09.1996. (*AFP*).

[373] *Ганкин Л.* Ответит ли Москва на курдское приглашение? // *Московские новости*, 1996, № 42, 20–27 октября 1996.

[374] *Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов // *НГ*, 05.05.1997.

[375] Многочисленные подобные заявления см. далее.

[376] См. интервью с М. Барзани. *Супонина Е.* Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак // *ВН*, 15.11.2001 г.

[377] *Спиридонова Н.* Иракские курды устали от войны. Они стремятся к созданию федерации с Багдадом // *НГ*, 02.11.2001.

[378] *Андреев А.* Войны проблем не решают. Премьер Иракского Курдистана – за «Иракскую Федерацию» // *НГ*, 15.03.2002.

[379] См., например, заявление представителя ПСК: «К сожалению, в последние 25 лет СССР, а затем Россия отвернулись от курдской проблемы. Даже когда весь мир осуждал химическую бомбардировку города Халабджи, только Советский Союз хранил молчание. Сейчас нам хотелось бы, чтобы Россия вновь повернулась лицом к курдам». (*Надежда Спиридонова*. Курды надеются на Россию. Представитель Патриотического союза Курдистана в СНГ Шорш Халид Саид о возможностях урегулирования конфликта // *НГ*, 13.11.1996.)

[380] *Супонина Е.* Масуд Барзани: Ни к чему провоцировать Ирак // *ВН*, 15.11.2001 г.

[381] *Дунаев В.* Мой отец встречался с Никитой Хрущёвым // *Известия*, 08.02.2001.

[382] См. интервью с Масудом Барзани. *Спиридонова Н.* Иракские курды устали от войны // *НГ*, 02.11.2001.

Почти то же самое заявлял глава ДПК и чуть ранее: «Несмотря на свою поддержку Ирака, Россия может и должна смотреть на курдский вопрос, учитывая факт 10-летнего существования курдской администрации на севере Ирака». (*Дунаев В.* Мой отец встречался с Никитой Хрущёвым // *Известия*, 08.02.2001.)

Подобные заявления делал и так называемый «представитель РегПК» (о его статусе см. далее) Хошави Бабакр.

«Представитель Регионального правительства Курдистана» Хошави Бабакр заявлял, что Россия самоустранилась от происходящих в регионе процессов и не имеет определенных взглядов на курдский вопрос. При этом он утверждал, что России «в интересах и своих собственных, и курдского, и иракского народов... следовало бы занять более активную позицию в вопросе урегулирования в Курдистане и, выступив в качестве посредника между курдами и Багдадом (при Саддаме), использовать весь свой потенциал для достижения прочного урегулирования». (*Выступление «представителя Регионального правительства Курдистана в России и СНГ» Хошави Бабакра на пресс-конференции в Москве*, 15.11.2000).

Бабакр считал, что «Россия должна участвовать в урегулировании курдского вопроса», хотя российская дипломатия и недооценивает курдский фактор на Ближнем Востоке. При этом он заявил, что ДПК ищет контакты с российскими официальными лицами. В качестве «достижения» курдский представитель назвал приём Е.М. Примаковым в бытность премьер-министром России членов Политбюро ДПК, хотя и признал, что контакты с российскими официальными

лицами ограничиваются «случайными контактами» с членами оппозиционных партий в российском парламенте. (*Politics-Russia: Kurds seek backing from Moscow.* // Moscow, November 15, 2000, *IPS* (Inter Press Service). См. по: *Bulletin de liason et d'information.* / Institute Kurde de Paris, № 188, Novembre 2000. С. 57–58.)

Представитель ДПК отмечал также, что курды «с беспокойством» наблюдают, как российская дипломатия недооценивает курдский фактор», что может привести к конфликтам в регионе. Поэтому он призывал Россию учитывать в своей политике курдский фактор, законные права и интересы курдов. (Выступление «представителя Регионального правительства Курдистана в России и СНГ» Хошави Бабакра на пресс-конференции в Москве, 15.11.2000).

[383] *Talabani to Russian newspaper: "Russia should remember that there is no future for dictatorship" // Kurdistan Newsline*, № 12, 23.11.1999.

[384] *Супонина Е.* Джаляль Талабани: «Россия потеряет в Ираке всё» // *ВН*, 02.08.2000.

[385] См. интервью представителя ПСК в Москве Шорш Саида: *Ганкин Л.* Ответит ли Москва на курдское приглашение? // *Московские новости*, 1996, № 42, 20–27.10.1996.

См. также, например, мнение Ш.Х. Мгои, который говоря о линии МИДа России, придерживавшегося позиции, что «проблема автономии курдов – сугубо внутреннее дело Ирака, к которому международное сообщество не должно иметь отношения», считал, что она содействует попранию «интересов многострадальных курдов». (*Мгои Ш.Х.* Москва почти не слышит курдов // *НГ*, 05.05.1997.)

[386] *Магди Сапан.* Фуад Маасум: Судьба правящих партий тесно связана с решением курдского вопроса. // *Новый Курдистан*, № 4 (21), июль 1999, с. 4.

[387] Там же.

[388] В этом контексте можно провести исторические параллели. Нияз Ладжани в качестве одной из внутренних причин крушения Курдистанской Республики в Мехабаде в 1946 г. называет следующее. «Лидеры Республики не искали других союзников среди великих держав, помимо СССР. Даже тогда, когда Советская Армия покидала Иран, они не потеряли доверия к СССР, не учитывая того, что Советский Союз может преследовать и свои собственные интересы». (*Ладжани Н.* Внешняя политика СССР в Курдистане в годы Второй мировой войны и в послевоенный период: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – СПб, 1999. С. 11.) По его же мнению, «курды рас-

считывали на поддержку, опирались на СССР, а СССР преследовал... собственные интересы». (*Ладжани Н.* Указ. соч. С. 12.)

[389] См. интервью с Нечирваном Барзани // *Курдская мысль*, февраль-март 2002, № 6–7.

[390] Период с конца 1940-х и до подписания в 1972 г. советско-иракского договора он назвал «золотым веком в отношениях между Советским Союзом и курдами». (*Курдская мысль*, февраль-март 2002, № 6–7.)

[391] См. интервью с Нечирваном Барзани // *Курдская мысль*, февраль-март 2002, № 6–7.

[392] Так, отвечая на вопрос об упрёках в его адрес в связи с проведением «прозападного курса» Нечирван Барзани заявлял, что иракские курды преследуют и защищают исключительно «свои собственные интересы...» Что касается демократической либеральной парламентской системы, по словам курдского премьера, «исторический опыт продемонстрировал её истинность. Её нельзя считать ни прозападной, ни провосточной». (*Курдская мысль*, февраль-март 2002, № 6–7.)

[393] *Курдоев К.К.* Развитие советского востоковедения // *Учёные записки Института востоковедения*. Том XXV. – М., 1960, с. 67.

[394] Выступление О.И. Жигалиной было основано на статье: *Жигалина О.* Некоторые зарубежные центры курдоведения // *Специальный бюллетень*. АН СССР, Институт востоковедения. № 2 (215). – М., 1981. С. 97–131.

[395] *Надежда Спиридонова*. Курды надеются на Россию // *НГ*, 13.11.1996.

[396] Об этом заявлял представитель ПСК в России Шорш Саид: *Ганкин Л.* Ответит ли Москва на курдское приглашение? // *Московские новости*, № 42, 20–27.10.1996.

О «надеждах» иракских курдов на Россию см. его же интервью: *Надежда Спиридонова*. Курды надеются на Россию // *НГ*, 13.11.1996.

[397] *Russia continues it mediation between Baghdad and Kurds. // ArabicNews.com*, 19.05.1998.

[398] *KDP discusses PUK proposal in broad meeting. KDP improves ties with Russia, Iran // TDN*, 07.01.1998.

[399] Н.В. Картузов являлся послом в Ираке с августа 1994 по август 1999 г.

В бытность свою послом Ирака Н. Картузов Указом Президента от 12.05.1998 г. № 552 «О награждении государственными наградами РФ сотрудников МИД Российской Федерации» «за большой вклад

в проведение внешнеполитического курса России и многолетнюю добросовестную работу» был награждён Орденом Почёта. *(Российская газета*, 19.05.1998.)

[400] Называющий себя представителем РегПК в странах СНГ Хошави Бабакр в отличие от представителей РегПК в других странах и регионах не был зарегистрирован в качестве такового на территории России (как, впрочем, и его «коллега» из «Сулейманийского РегПК», подконтрольного ПСК). Фактически отсутствовало также и само представительство. Что касается его именования себя в качестве представителя РегПК, то следует отметить, что на веб-страничке РегПК (www.krg.org/about/abroad.asp) представительство РегПК в России отсутствовало. На упомянутой web-страничке (под названием *About KRG: KRG abroad. KRG is proud to have representation all over the world*) в 2002–2005 гг. говорилось о семи представительствах РегПК: в США (где представитель РегПК Ниджар Назим Шемдин был зарегистрирован в соответствии с *The Foreign Agents Registration Act* от имени РегПК (Эрбиль) в органах Министерства юстиции США), в Великобритании (Лондон), в Евросоюзе (Брюссель), в Северных странах (Швеция, Стокгольм) и Германии (Берлин), Франции (без указания местонахождения) и офис при отделении ООН в Женеве. По состоянию на декабрь 2004 г. на сайте РегПК было добавлено также представительство в Австралии (Сидней). Официальное открытие представительства РегПК (Эрбиль) в Сиднее произошло 28 июля 2005 г. В конце 2004 г. на web-страничке произошли следующие изменения. Были добавлены представительства в Австрии (без указания местонахождения) и Польше (Краков), а также представительство РегПК при ООН и международных организациях. Следует отметить, что фактически осуществлявшее функции представительства РегПК (Эрбиль) в Анкаре представительство ДПК в турецкой столице функционировало под именем партии (об этом свидетельствовали фото здания и таблички представительства ДПК в Анкаре на сайте ДПК – www.kdp-ankara.org.tr/), по-видимому, чтобы не вызывать раздражения турецких властей.

Следует отметить также, что на web-страничке комитета международных отношений ДПК (www.kdp.pp.se/KDP_International_Relations.html) ничего не было сказано о представительстве партии в России и соответственно о представителе. На этой web-страничке были представлены контактные данные следующих учреждений комитета международных отношений ДПК: центрального офиса СМИ и культуры

в Салахэддине, представительств ДПК в Вашингтоне, Мадриде, Лондоне и Анкаре. В сентябре 2002 г. web-страничка ДПК, посвящённая зарубежным представительствам, выглядела следующим образом: Бюро международных отношений ДПК в Лондоне, ДПК в Европе (Берлин), представительство в Турции (Анкара), Вашингтоне, Иране (Тегеран), Сирии (Дамаск и Камышло), и в Испании (Мадрид).

На сайте РегПК указано, что главой действующего в Эрбиле департамента по иностранным делам является Фалах Мустафа Бакыр. В качестве представительств РегПК за рубежом отмечены представительства (с указанием телефона и адреса) в Великобритании, США, Австрии, Франции, странах Северной Европы (Стокгольм), ОАЭ (Дубай), Польше (Краков), Испании и Португалии (Мадрид), Швейцарии (Берн), Астралии (Сидней) и миссия в Евросоюзе (Брюссель). (http://krg.org/articles/detail.asp?rnr=161&lngnr=12&smap=04080100&anr=65) (по состоянию на ноябрь 2008 г.). Таким образом, о представительстве РегПК в России ничего не говорится.

Примечательно, что при обсуждении создания объединённых региональных представительств вариант учреждения представительства в России не рассматривался.

Неофициальный статус представителя ДПК не означает, что при необходимости с ним могли организовываться встречи на различном уровне. Однако всё это, безусловно, носило неофициальный характер.

[401] *Politics-Russia: Kurds seek backing from Moscow*...17.11.2000.

[402] Указом Президента от 12.05.1998 г. № 552 «О награждении государственными наградами Российской Федерации сотрудников МИД Российской Федерации» за большой вклад в проведение внешнеполитического курса России и многолетнюю добросовестную работу С.В. Лавров награждён орденом «За заслуги перед Отечеством IV степени» (*Российская газета*, № 94, 19.05.1998).

[403] См. публикацию в газете, издаваемой представителем ПСК в России: *Магди Сапан*. Фуад Маасум: Судьба...

[404] *Talabani condemns Russia, France, China for defeat of UN resolution* // Dubai, 07.09.1996. (*AFP*).

[405] *Там же.*

[406] См. интервью Дж. Талабани. *Супонина Е.* Иракские курды отблагодарят друзей. «России неплохо бы вспомнить, что диктатуры не имеют будущего» // *Время МН*, 10.11.1999.

[407] *Елена Супонина*. Масуд Барзани: «Ирак останется единым» // *ВН*, 07.05.2003.

[408] *Там же.*

[409] Как верно писал Н. Ладжани, в 1958–1968 гг. «позиция Советского Союза по отношению к курдскому вопросу была неоднозначной» и «колебалась в зависимости от отношений с Ираком». После прихода к власти Касема в 1958 г., вывода страны из Багдадского пакта и ликвидации в стране военных баз Великобритании СССР сразу же поддержал новую иракскую власть. Курдская проблема тогда для СССР не являлась актуальной. Но когда баасисты совершили переворот в 1963 г. и стали проводить антисоветскую политику, СССР сразу стал оказывать политическое давление на иракское правительство и активно поддерживал курдов. После нормализации отношений с Ираком в 1964 г. СССР опять изменил политику по отношению к курдскому национально-освободительному движению. Хотя Советский Союз и продолжал выступать за мирное решение курдской проблемы, он не поддерживал курдское движения в борьбе против центральных властей Ирака. А главным и определяющим фактором, объясняющим политику СССР на всем Ближнем Востоке, являлось соперничество с США в политической, военной и экономической областях». (*Ладжани Н.* Внешняя политика СССР в Курдистане... С. 14.)

[410] *Ferhad Ibrahim, Gulistan Gurbey (eds.)* The Kurdish conflict in Turkey. Obstacles and Chances for Peace and Democracy. – N.Y.: St. Martin's Press, 2000, c. 12.

[411] Примечательно, что и спустя четыре месяца после захвата Оджалана В. Путин заявлял, что Оджалана в России не было. (См. текст бывшего депутата Госдумы Ю. Никифоренко (КПРФ): *Такой и нужен был "Семье". Личные впечатления от премьера-"наследника" и его рейтинга //*
http://nikiforenko.narod.ru/public/sr991204.htm.)

[412] См. по: *Russia "begins" probing Ocalan's whereabouts // TDN*, 24.10.1998.

[413] См. по: *Мамаев Ш.* Власова не освободили, а обменяли // *Власть*, № 45 (297), 24.11.1998.

[414] Цитаты из выступлений В. Рахманина и А. Лебедева см. по: *Russia "begins" probing Ocalan's whereabouts // TDN*, 24.10.1998.

[415] *Senior Russian official in Turkey with Moscow's guarantees on Ocalan. Russian Interior Minister: 'I know President Boris Yeltsin's stance, and political asylum will not be granted to any terrorist' // TDN*, 06.11.1998.

[416] *Russian FM says Ocalan not in Russia // TDN*, 23.01.1999.
См. также, например, *Moscow claims "no knowledge" of Ocalan's whereabouts // TDN*, 22.01.1999.
[417] *Sibel Utku & Alparslan Esmer*. Amb. Lebedev: No place for Ocalan in Russia // *TDN*, 04.12.1998.
[418] В этом смысле представляет интерес статья члена фракции ЛДПР Алексея Митрофанова, опубликованная в партийной печати ПРК (*Митрофанов А.* Решение принимало политическое руководство России // *Axina Welat* (далее – AW), 1–15 февраля 2002, спецвыпуск, с. 17.)
В статье депутат Госдумы пытался оправдаться. По его словам, «решение о выезде (Абдулла Оджалан заявлял о выдворении из России. – Н.М.) Оджалана принимали не силы безопасности, а политическое руководство». Таким образом, А.В. Митрофанов (как и ряд других «прооджалановских политиков») считал: военные и спецслужбы хотели поддержать ПРК, а политическое руководство не понимает национальных интересах. Конечно же, А.В. Митрофанов прекрасно понимал, что речь должна идти не о силах безопасности или политическом руководстве, а о руководстве России. Руководство России (а руководство страной, в т. ч. и «силами безопасности» осуществляет именное политическое руководство – президент) приняло решение выдворить главу ПРК из страны. Далее Митрофанов писал: «С политической точки зрения это, конечно, проявление неуважения, но с точки зрения законности, по Конституции вопросы пребывания, гражданства, политического убежища решает президент. *Мы можем только рекомендовать, просить* (курсив мой. – Н.М.). С точки зрения морально-политической – конечно, нарушение, потому что учитывать надо было не столько сам факт резолюции Государственной думы, но и факт, сколько людей проголосовало «за», практически конституционное большинство («За», как известно, проголосовало 298 депутатов, а конституционное большинство составляет 300 человек из 450 депутатов. – Н.М.). И только один был «против». Это уникальный результат. Конечно, надо было это учитывать. Безусловно, с точки зрения принятых правил надо было предоставлять Абдулле Оджалану политическое убежище, но повторяю, по Конституции нашей страны мы здесь ничего не смогли сделать и были вынуждены подчиниться».
[419] Так, председателем созданного вскоре после захвата турецкими спецслужбами лидера ПРК общественного комитета защиты А. Оджа-

лана являлся В.С. Сафрончук, один из ветеранов советской дипломатии (спустя несколько лет этот бесполезный орган естественным образом прекратил своё существование). Функционеры ПРК всячески подчёркивали его ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла (в отставке) и то, что он в 1987–1992 гг. являлся заместителем Генерального секретаря ООН. Однако, занимая высокие посты в российской и мировой дипломатии, г-н Сафрончук не был замечен в прокурдских (или в прооджалановских) симпатиях, хотя в этот период происходило много событий вокруг курдского вопроса, или по-другому говоря, истребление курдов как в Ираке, так и в Турции. Поддержка В.С. Сафрончуком Оджалана спустя несколько лет после выхода в отставку осуществлялась им как политическим обозревателем «Советской России», т.е. опять-таки далеко не самой влиятельной, но, по сути, маргинальной российской газеты. Таким образом, регалии В.С. Сафрончука годились, очевидно, лишь для самоуспокоения функционеров ПРК, а не реальных дел.

[420] *Дружба*, март 2002 г., № 14–15, с. 53.

[421] См., например: *Митрофанов А.* Решение принимало…

[422] Оджалан утверждал, что его «задержание в Италии, несомненно, стало результатом трудностей в нашем диалоге». (*Абдулла Оджалан. Моя борьба – до победы // Завтра*, № 6 (271), 07.02.1999.) Под «нашим» диалогом Оджалан, с одной стороны, имел в виду ПРК, с другой – Россию, хотя с уполномоченными российскими представителями руководство ПРК официальных переговоров не вело.

О возложении Оджаланом вины на Россию свидетельствует и его фраза, что несмотря ни на что, он не держит «зла на Россию» и будет «впредь обращать к ней свои надежды». (*Абдулла Оджалан. Моя борьба…*)

Очевидно, что объяснение выдворения Оджалана внутриполитическими причинами или влиянием Масуда Барзани не имеет под собой никаких оснований. (См., например: *Митрофанов А.* Решение принимало…) Никогда дипломатия новой России не давала повода усомниться в своём безразличии к ПРК.

[423] *Россия – Курды – Оджалан – ФСБ.* Москва, 19.02.1999 / *Корр. ИТАР-ТАСС Р. Серебренников/.*

[424] *Россия не отказывала Оджалану в убежище //* http://www.polit.ru/news/1999/02/19/528520.html, 19.02.1999.

[425] Постановление ГД ФС РФ от 04.11.1998 № 3170-II ГД «Об обращении ГД ФС РФ *«К президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину о предоставлении политического убежища в Российской Федерации*

лидеру Рабочей партии Курдистана Абдулле Оджалану» (*СЗ*, 16.11.1998, № 46, ст. 5638)

[426] См. письмо А. Оджалана президенту России Б.Н. Ельцину от 25.10.1998 (*КР*, февраль 1999, № 19–20. С. 54). В этом письме Оджалан писал, что он в течение 1998 г. «через представителя Фронта национального освобождения Курдистана в странах СНГ и Восточной Европы Махира Валата неоднократно обращался в соответствующие структуры Российской Федерации с целью получения согласия на приезд в Российскую Федерацию». И далее: «...Официально прошу предоставить мне политическое убежище в Российской Федерации согласно существующим международно-правовым нормам и законам Российской Федерации».

См. также интервью Оджалана: *Батуев В.* «Абдулла, ручки-то... опусти!» // *Московский комсомолец*, 02.12.1998.

[427] См. письмо А. Оджалана Уполномоченному по правам человека в России О.О. Миронову, с которым он лично общался в бытность О.О. Миронова депутатом Госдумы, с просьбой обратиться к Президенту России предоставить Оджалану политическое убежище. (См. письмо А. Оджалана О.О. Миронову от 30.10.1998 // *КР*, февраль 1999, № 19–20. С. 59.). См. письмо О.О. Миронова Президенту России Б.Н. Ельцину с просьбой предоставить А. Оджалану политическое убежище в Российской Федерации. (*КР*, февраль 1999, № 19–20. С. 60.)

[428] См. его интервью: *Реутов А.* Оджалан просит Примакова о встрече. Лидер Рабочей партии Курдистана всё ещё надеется на получение политического убежища в России // *НГ*, 21.01.1999.

[429] См. текст бывшего депутата Госдумы Ю. Никифоренко (КПРФ): *Такой и нужен был "Семье". Личные впечатления от премьера-"наследника" и его рейтинга* // http://nikiforenko.narod.ru/public/sr991204.htm.

[430] *Такой и нужен был "Семье"...*

[431] Автор неоднократно слышал такие утверждения от представителей ПРК.

[432] См., например, мнение близкого к ПРК (ныне, увы, покойного и глубоко уважаемого) профессора-курдолога Шарафа Ашири, бывшего «депутата» созданного ПРК так называемого «Парламента Курдистана в изгнании»: «...Национальная безопасность России непосредственно связана со справедливым решением курдской проблемы». (*Ашири Ш.Ч.* Национально-освободительное движение в Ту-

рецком Курдистане // *Курдская проблема: международный аспект.* – М., 2001, с. 58.)

[433] Как заявлял (ныне покойный) заместитель министра иностранных дел России Е.П. Гусаров, «по сути утвержденная 28 июня 2000 г. Президентом В.В. Путиным новая редакция Концепции внешней политики России (предыдущая редакция была принята в 1993 г. – Н.М.) воплощает в себе идеологию всей деятельности нашего государства в сфере международных отношений. Она определяет основные направления, пути и методы отстаивания долгосрочных национальных интересов Российской Федерации в международных делах. Концепция призвана придать нашей внешней политике дополнительную открытость и предсказуемость. Это – послание Российского государства всем членам международного сообщества, устанавливающее четкие ориентиры в отношении наших будущих шагов во внешней политике». (*Выступление заместителя Министра иностранных дел России Е.П. Гусарова "Приоритеты внешнеполитической Концепции...*).

[434] *Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // Независимое военное обозрение*, 1999, № 5.

[435] См., например, заявление тогдашнего представителя ПРК в Москве Махира Валата: «Хватит время от времени разыгрывать курдскую карту. Стоит выработать наконец стратегическую концепцию на Ближнем Востоке и по курдской проблеме в частности!». (*Реутов А.* Преемник Оджалана будет назван скоро. Рабочая партия Курдистана пересматривает свою политику по отношению к ряду стран и сетует на поведение Москвы // *НГ*, 23.02.1999.

[436] *Ибрагим Аco.* Правовые основы самоопределения народов // *Курдская проблема: международный аспект*, с. 152.

См. также, например: Не менее бесполезным и бессмысленным являлось, заявление, что «...победа Курдистана означает победу России». (*Ростам Брои.* Остановить курдов // *Курдская проблема: международный аспект*, с. 159.)

Безусловно, тут речь шла не о Курдистане, а о ПРК. Однако руководство России никогда не считало, что победа ПРК (или даже теоретически Курдистана) будет означать победу России.

Близкие к ПРК курдские политики и курдоведы заявляли не только об общности «геополитических и геостратегических интересов» русского и курдского народов, но и в качестве связывающих эти народы факторов отмечали «совместную борьбу против врага, бли-

зость многих политических позиций» и даже «совпадения в национальной психологии». (*На вопросы газеты «Завтра» отвечает депутат Парламента Курдистана в изгнании, доктор исторических наук, профессор Шараф Аширu // Завтра*, 13.07.1999. № 28 (293).)

[437] В основном это были депутаты Госдумы от ЛДПР и КПРФ (А. Митрофанов, Ю. Никифоренко и др.).

[438] Многочисленные статьи этих политиков и экспертов печатались в журналах, издаваемых при поддержке ПРК («КР», «Дружба»).

[439] Профессор Ш. Аширu писал: «Российская общественность, прежде всего Государственная дума Российской Федерации, принявшая многочисленные решения и постановления, искренне поддерживает курдское национально-освободительное движение, выступает с осуждением действий Турции и требует немедленного освобождения Абдуллы Оджалана. Это объясняется тем, что Россия и Курдистан (какой Курдистан? – Н.М.) имеют общие геостратегические и геополитические интересы, связаны друг с другом историческими узами (почти во всех русско-турецких войнах курды выступали на стороне России). Курды всегда надеялись на Россию и придерживались политического курса, ориентируясь на Россию, и в России видели своего освободителя. К сожалению, во внешней политике России до сих пор нет чётко определённой политики в курдском вопросе. Она ещё не освободилась от старых стереотипов, находится под влиянием старых догм. Она *должна* (курсив мой. – Н.М.) сейчас определить своё отношение к курдскому движению». (*Аширu Ш.Ч.* Национально-освободительное движение в Турецком Курдистане… с. 58–59.)

См. ещё одно заявление Ш.Ч. Аширu, сделанное им уже «в ранге» главы Федеральной национально-культурной автономии курдов в России: «К сожалению, нынешняя власть в России (т.е. Путин, правительство и МИД. – Н.М.) пока ещё не освободилась от старых стереотипов в разработке курдской политики». (*Очередное заседание общественного комитета защиты А. Оджалана. // Дружба*, январь 2002, № 13). Безусловно, указанные заявления являются, как минимум, нетактичными.

См. также его заявление: «Из всех государственных органов России пока Государственная дума заняла принципиальную позицию в отношении курдского освободительного движения. К сожалению, отсутствует чёткая политика исполнительной власти РФ в курдском вопросе. В отношении курдской проблемы власти России пока не освободились от старых стереотипов». (*Завтра*, 13.07.1999.).

[440] *Ашири Ш.Ч.* Национально-освободительное движение в Турецком Курдистане... с. 59.
Почти то же самое см. в: *Завтра*, 13.07.1999.
[441] *Завтра*, 13.07.1999.
[442] Там же.
[443] *Дружба*, май 2001, № 11, с. 7.
См. ещё одно заявление руководства ПРК, в котором оно «заботилось» о геополитических интересах России: «Геополитические интересы России на Ближнем Востоке и Кавказе требуют установления взаимовыгодных связей между Российским государством и руководством курдского национального движения (имелась в виду ПРК. – Н.М.)». (*Дружба*, май 2001, № 11, с. 7.)
[444] *Дружба*, май 2001, № 11, с. 7.
Долгое время работавший в Сирии Сергей Медведко писал: «Как поведал мне приятель-курд – один из влиятельных политических деятелей Сирии, – «именно Москва, а вернее те, кто больше всех кричал о поддержке курдов», «засветили» Оджалана и в буквальном смысле продали его, наведя на «Моссад». (*Медведко С.* – Что предстоит Оджалану: казнь вождя или жизнь заключённого? // *Литературная газета*, 07.07–13.07.1999, № 27 (5750)).
[445] Когда я опять оказался в Москве (во второй раз. – Н.М.), по всей вероятности, умышленно был подготовлен и разыгрывался последний спектакль. ... Процесс не был ничем иным, как подготовкой распятия или гроба. В Москве очень активно забивали первые гвозди» (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства... // *AW*, 1–15 февраля 2002, с. 7.).
[446] *Дружба*, май 2001, № 11, с. 7.
[447] То, что Гасан Алкан являлся представителем ПРК, см.: *Дружба*, ноябрь 2001, № 12, с. 11.
[448] *Гасан Алкан.* Как Россия относится к тем, кто действительно стремится к миру? // *Дружба*, ноябрь 2001, № 12, с. 11.
[449] См., например, его статью: *Оджалан А.* Русские и курды связаны исторически. Лидер РПК полагает, что на Москву оказывается давление извне с целью разрушить дружбу двух народов // *НГ*, 25.11.1998.
[450] Ливийский президент являлся уникальным примером в современной мировой политике, никогда не ставящим под вопрос необходимость создания курдского государства. Он регулярно делал заявления о праве курдов не просто на самоопределение, а именно на создание своего государства, не опасаясь испортить отношения с госу-

дарствами, в состав которых входят части этногеографического Курдистана.

Так, в октябре 1996 г. во время визита тогдашнего премьер-министра Турции Неджметтина Эрбакана в Ливию, турки в своём излюбленном стиле предложили ливийской стороне подписать совместное заявление с осуждением «террористической деятельности ПРК». Муамар Каддафи к удивлению турецкой делегации заявил, что не считает борьбу курдов террористической, отметив, что курды должны иметь своё государство.

В начале 2002 г., выступая в парламенте страны, ливийский президент также заявил: «Курды – угнетённая нация, а их страна оккупирована. Создание независимого государства Курдистан – их законное право». По словам Каддафи, он заявил «своим друзьям в Ираке», что «арабы оккупируют страну курдов», «мусульмане угнетают другую мусульманскую нацию». (*Qadafi: It is a legitimate right to establish an independent Kurdistan State. // KurdishMedia.com*, 06.03.2002; *Libyan Leader Kaddafi: "Kurds have right to form independent state" // Kurdistan Newsline*, Tripoli, 06.03.2002.)

13 декабря 2007 г. во время своего визита в Париж Муамар Каддафи встретился с делегацией из Иракского Курдистана, в состав которой входили представитель президента Курдистана Дылшад Барзани, представитель ПСК во Франции Барзан Фарадж и др. На этой встрече М. Каддафи в очередной раз подчеркнул свою позицию о праве курдов на самоопределение, отметив при этом: «Я всегда был с курдским народом, никогда не меняя своей позиции. Из-за подобной позиции поддержки всех четырёх частей Курдистана я часто подвергался критике... Турция, Сирия и другие государства сильно критикуют нас (Ливию. – Н.М.), но я говорил и повторяю, что курдский народ проживает на своей земле и имеет право на самоопределение». При этом Каддафи заметил, что критики утверждают, что он больше курдов настаивает на создании курдского государства, поскольку политические партии Курдистана требуют лишь установления федеративных отношений. (*Qedafî: Ez dibêjim bila kurd serbixwe bibin û partiyên kurdan daxwaza federaliyê dikin* (Каддафи: Я выступаю за независимость курдов, а курдские партии требует федерализма.) // www.nefel.com, 14.12.2007 (курд. яз.).)

См. также заявление Муамара Каддафи в связи с арестом Абдуллы Оджалана // *Стон Родины*, М., 1–30 июня 2001, № 6 (131), с. 2.

О поддержке Муамаром Каддафи идеи создания курдского государства и о почтительном его отношении к курдскому флагу см. также интервью курдского общественного деятеля Джавада Меллы: *Roj Ehmed*. "Ewên baweriya wan bi Beşar heye manîfestoya Baasiyan nexwendine". [Те, кто верят баасистам, не читали манифест баасистов.] // www.rudaw.net, 26.06.2011.

[451] *Абдулла Оджалан о российско-курдских отношениях и политике турецкого государства // КР*, февраль 1999, № 19–20, с. 8. [5–9]

[452] См. обращение Абдуллы Оджалана к президенту РФ Борису Ельцину от 25.10.1998 г. // *КР*, февраль 1999, № 19–20, с. 54.
См. также статью А. Оджалана в «Независимой газете»: *Оджалан А.* Русские и курды связаны исторически. Лидер РПК полагает, что на Москву оказывается давление извне с целью разрушить дружбу двух народов // *НГ*, 25.11.1998.

[453] После своего ареста лидер ПРК писал: «...Москва, которая своей низкопробной игрой разрушила надежды миллионов, связанные с надеждой социализма, несмотря на все его недостатки, и которая ради нескольких миллионов долларов кредита МВФ взяла на себя невиданную по своему бесстыдству роль в моём аресте, вряд ли испытывает какие-либо угрызения совести». (*От Шумерского государства жрецов до народной республики. Защитная речь Абдуллы Оджалана, переданная в Европейский суд по правам человека // AW. Стон Родины*, № 12 (137), 1–31 декабря 2001, с. 2.)
«Премьер-министр Примаков и президент Ельцин были главными предателями и могильщиками реального социализма. Какой бы стратегической ни была моя позиция, но, ввиду сугубо экономических и грязных разведывательных целей, время само способствовало предательству, и они продали меня. Ждать уважения к ценностям свободы от тех, кто продал гигантскую советскую систему, означает, по меньшей мере, самообман. Отношения с МВФ, США, Израилем и Турцией однозначно диктовали необходимость осуществления по отношению ко мне противоправных акций. В то время как Дума 298 голосами против 1 вынесла решение о предоставлении мне политического убежища, для деспотического государства это ровным счётом не имело никакого значения». (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства жрецов до демократической цивилизации. Как следует понимать внутренний смысл заговора века? // *AW*, 1–15 февраля 2002, спецвыпуск, с. 6.)
«...Именно Израиль крепко держал в руках Москву в связанных со мной вопросах... Естественно, это осуществлялось при финансо-

вой и дипломатической поддержке США. Для того, чтобы сделать невозможным моё дальнейшее пребывание в Москве, был пущен в ход кредит МВФ в 8 миллиардов долларов. ...Все европейские, российские, американские и, в конце концов, кенийские бюрократы получили свои дивиденды». (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства... // *AW*, 1–15 февраля 2002, спецвыпуск, с. 6.)

«Российская Федерация, стремясь получить кредиты МВФ, по отношению ко мне выступила в роли продавца». (*А. Оджалан.* Политический доклад к III внеочередному съезду РПЖК. I часть // *Дружба*, ноябрь 2001, № 12, с. 4. [2–6])

«Выдворение меня из Москвы премьер-министром Примаковым напрямую связано с Израилем и еврейским лобби». (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства...// *AW*, 1–15 февраля 2002, с. 12.)

«Я и не предполагал, что русские и их правительство, остающиеся равнодушными к наиболее благородным своим ценностям, могут проявить какие-либо человеческие и нравственные душевные порывы в связи с моим положением. В тот период русские подтвердили, что нет никакой ценности, которой они ни пожертвовали бы ради денег». (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства... // *AW*, 1–15 февраля 2002, с. 12.)

В целом ПРК считает, что «пришедшие к власти правители России, изменили добрым историческим традициям отечества, холуйски исполняя волю Олбрайт, Клинтона и Израиля, за долларовую подачку МВФ предали его (Абдуллу Оджалана. – Н.М.), как за 30 сребреников предал Христа Иуда...» (*Васил Левски и Абдулла Оджалан.* // *AW*, 1–15 февраля 2002, с. 14).

Абдулла Оджалан считает себя пророком и сравнивает себя с Иисусом Христом, апостолом Павлом и др. (*Абдулла Оджалан.* От Шумерского государства жрецов до демократической цивилизации. Как следует понимать внутренний смысл заговора века? (с. 1–12) // *AW* (Стон Родины), № 12 (137), 1–15 февраля 2002, спецвыпуск, с. 4–5.)

[454] См. письмо А. Оджалана Б.Н. Ельцину // *КР*, февраль 1999, № 19–20. С. 54.

[455] Как заявлял представитель ФНОК Гажар Курдаскер, «если Россия не протянет курдам руку, это со временем сделают США». (*Коммерсантъ-daily*, 10.06.1999.)

Лидер ПРК тоже заявлял, что «курды всегда относились к России с симпатией, но навязываться в друзья мы не будем. У нас есть воз-

можность развивать отношения с США, Европой, исламскими государствами и даже Китаем». (*Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет. Лидер Курдской рабочей партии Абдуллах Оджалан не теряет надежды на улучшение отношений с Россией // *НГ*, 22.01.1998.)

[456] *Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет // *НГ*, 22.01.1998.

[457] *Там же.*

[458] *Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет // *НГ*, 22.01.1998.

[459] «Курдской деревней» в Ярославской области называли приобретённый в 1996 г. Международным союзом курдских общественных организаций у завода «Ярполимермаш» пионерлагерь «Солнечный», который фактически использовался ПРК и аффилированными с нею структурами. Как известно, после подписания соглашения по «Голубому потоку» генеральная прокуратура начала проверку законности этого приобретения. Районная администрация предполагала, что завод «Ярполимермаш» приватизировал пионерлагерь незаконно. Близкие к ПРК организации и лица считали, что проблемы с законностью приобретения пионерлагеря возникли после подписания контракта «Голубой поток» и в связи давлением Анкары (*Егерева Е.* Курды у русских. Солнечный Курдистан близ Ярославля // *Власть*, № 6 (258), 24.02.2008). Арбитражным судом сделка по приобретению пионерлагеря была признана ничтожной. Завод должен был вернуть средства МСКОО и забрать пионерлагерь обратно. Однако предприятие к тому времени уже стало банкротом. (*Пионерлагерь специального назначения // Российская газета*, http://www.rg.ru/Anons/arc_2001/0807/1.shtm.)

[460] *Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет // *НГ*, 22.01.1998.

[461] *Леонид Ганкин.* Абдулла Оджалан: Россия совершает историческую ошибку // *Коммерсантъ-daily*, 22.01.1998.

[462] *Там же.*

[463] *Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет // *НГ*, 22.01.1998.

См. также: *Леонид Ганкин.* Абдулла Оджалан: Россия совершает…// *«Коммерсантъ-daily»*, 22.01.1998.

[464] *Абдулла Оджалан: «Моя борьба – до победы» // Завтра*, № 6 (271), 07.02.1999.

См. также интервью Абдуллы Оджалана журналистам «Московских новостей» и «НГ»: *Ганкин Л., Реутов А.* Анкаре нужен свой Лебедь. Лидер Курдской рабочей партии Абдулла Оджалан не исключает проведения терактов на курортах Турции // *НГ*, 27.12.1996.

[465] *Абдулла Оджалан: «Моя борьба – до победы»* // *Завтра*, № 6 (271), 07.02.1999.

[466] *Леонид Ганкин.* Абдулла Оджалан: Россия совершает... // Коммерсантъ-daily, 22.01.1998.

[467] *Реутов А.* Оджалан просит Примакова о встрече. Лидер Рабочей партии Курдистана всё ещё надеется на получение политического убежища в России // *НГ*, 21.01.1999.

[468] *Реутов А.* Нападений на туристические объекты в Турции не будет // *НГ*, 22.01.1998.

[469] См., например, заявление одного из традиционных «экспертов» из окружения ПРК: «Меня удивляет, что несмотря на то, что Государственная дума в разное время приняла девять постановлений по курдскому вопросу, а исполнительная власть ничего до сих пор не сделала для поддержки национально-освободительного движения курдов». (*Лукава Г.Г.* Геополитическое и геостратегическое положение Российской Федерации в южном регионе и курдская проблема // *Курдская проблема: международный аспект*, с. 165.)

[470] См., например, *Государственная дума и курдский вопрос*. – М., 1998, с. 15.

[471] *Там же*, с. 189.

[472] См. выступление главы МИД России И.С. Иванова: *Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И.С. Иванова на встрече с представителями СМИ по прибытии в Анкару 7 июня 2001 года.* 1094-08-06-2001. (найдено на www.mid.ru)

[473] *Арест Оджалана не носит правового характера* // *Радио России*, 18.02.1999; *ИТАР-ТАСС*, 18.02.1999.

[474] *Устинов В.В.* Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002, с. 53.

[475] О том, что под Ярославлем на месте бывшего пионерского лагеря была именно «база ПРК», заявлял бывший посол России в Турции А. Лебедев: *Храбрый О.* Рука Турции. Турция охладела к американцам и не смогла стать старшим братом для тюркских народов бывшего СССР. И потому подружилась с Россией // *Эксперт*, 13.12.2004, № 47.

[476] Как отмечал чуть позже А.А. Лебедев, «в первый день [захвата театрального центра на Дубровке] все турецкие СМИ резко осуждали

террористов. Однако на следующий же день акценты сместились – как по команде, как в советские времена. Все стали писать, как будто виноваты не столько террористы, сколько российские власти – спецслужбы и президент». (См. интервью А.А. Лебедева: *Посол играет в открытую // Время МН*, 05.11.2002.)

[477] Примечательно, что даже спустя несколько лет, уже после взрывов в московском метро 29 марта 2010 г., посольство России в Турции удивлялось позиции турецких СМИ по освещению этих терактов.
Посольство России распространило тогда заявление, в котором выразило неудоумение «в связи с публикацией в ряде турецких СМИ статей и комментариев, содержащих спекуляции о причинах... терактов, совершённых в Москве». В этих публикациях "кровавые акции террористов напрямую» увязывались «с действиями российского руководства, нацеленными на обеспечение стабилизации и социального развития Северо-Кавказского региона". "По сути, в таких непрофессиональных и далеких от журналистской этики комментариях просматриваются попытки под предлогом поиска мотиваций действий террористов оправдать их шокирующие своей жестокостью акции", – подчеркивалось в заявлении. (*Посольство РФ осуждает спекуляции турецких СМИ на терактах в Москве // РИА Новости*, Анкара, 01.04.2010.).

[478] *Лебедев А.* «Генетический синдром». В распоряжении «Известий» оказалось сенсационное письмо российского посла в Анкаре // *Известия*, 31.10.2002 г.

[479] См. интервью А.А. Лебедева: *Посол играет в открытую // Время МН*, 05.11.2002.

[480] В этой связи примечательны заявления т.н. «министра иностранных дел Чеченской Республики Ичкерия» Ильяса Ахмедова, который в начале 2000 г. заявил в Вашингтоне, что «чеченцы пожертвовали многим, как сейчас, так и во время предыдущей войны», чтобы помочь Турции реализовать проект Баку – Джейхан». По его словам, они «нуждаются в поддержке Турции».
По словам Ахмедова, чеченцы очень ценят позицию турецкого народа по отношению к ним. Однако, продолжил он, «мы не можем понять политику турецкого правительства, которое остаётся безразличным по отношению к нам».
Отметив, что чеченский народ заплатил «высокую цену», чтобы Турция имела хорошую возможность осуществить нетфтепроводный проект, он сказал, что в то время как чеченцы ожидали, что Эджевит

осудит кровавую кампанию России против чеченцев, он (Эджевит) публично поддержал Россию в этом вопросе. «Мы не можем понять, почему турецкое правительство поддерживает Россию. Мы ожидали благоприятную позицию турецкого правительства по отношению с своим братьям и сестрам в Чечне. Как минимум, турецкое правительство могло занять такую же позицию, как и некоторые большие европейские страны. Я говорю, как минимум, но, конечно, мы ожидаем больше, чем минимум».

Выражая свою фрустрацию, Ахмедов признался, что турецкое правительство на прошлой неделе отказалось принять его и встретиться с чеченской правительственной делегацией. (*Harun Kazaz.* Chechens: we worked for Turkey to realize the Baku-Ceyhan project // *TDN*, 14.01.2000.)

[481] Интервью А. Лебедева журналу «Эксперт»: *Храбрый О.* Рука Турции…

[482] *Мамаев Ш.* Власова не освободили, а обменяли // *Власть*, № 45 (297), 24.11.1998.)

[483] Интервью А. Лебедева журналу «Эксперт»: *Храбрый О.* Рука Турции…

[484] Там же.

[485] Об этом А. Салтанов заявил турецкому агентству *Cihan* в Санкт-Петербурге во время участия в одном из мероприятий, организованном на востфаке СПбГУ 9–10 ноября 2007 г. (*Faruk Akkan.* Russia condemns PKK terror, calls for cooperation // *Today's Zaman*, 12.11.2007.)

[486] Сообщение *РБК*, 05.11.1999.

[487] Так, сторонники влиятельной тогда в Турции исламской Партии добродетели считали, что поездка Эджевита в Москву «в разгар боевых действий в Чечне… равнозначна поддержке России» против «независимого государства Ичкерия» (*Визит Эджевита в Россию вызвал неоднозначную реакцию в Турции* // Анкара, 10.11.1999 / Корр. ИТАР-ТАСС *А. Палария*).

А обозреватель газеты «Сабах» известный журналист Дженгиз Чандар назвал визит Эджевита в Россию «предательством чеченцев». Он считал, что Анкаре не следовало соглашаться на сотрудничество с Россией в борьбе с терроризмом, поскольку, по его мнению, «Россия считает каждого чеченца террористом и проводит политику геноцида». (*Визит Эджевита в Россию вызвал…*)

[488] Следует отметить, что в конце 1996 г. Абдулла Оджалан заявлял о возможности сравнения и проведения параллелей «между борьбой ПРК с турецким правительством и войной в Чечне». (*Ганкин Л., Реутов А.* Анкаре нужен свой Лебедь // *НГ*, 27.12.1996.)

[489] См. *Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.С. Разова шеф-корреспонденту московского бюро Анатолийского агентства Нихату Дагделену*, 12 ноября 2003 г. // http://www.turkey.mid.ru/razov.html. (Сайт посольства России в Турции.)

[490] В своём интервью в преддверии визита в Россию вице-премьера и министра иностранных дел Турции Абдуллы Гюля посол России в Турции П.В. Стегний в феврале 2004 г. отмечал, что в последнее время «официальная Анкара проявляет готовность учитывать чувствительность России в отношении чеченской проблемы, в связи с чем появились предпосылки наращивания взаимодействия в борьбе с новыми вызовами и угрозами, организованной преступностью». – Интервью Посла России в Турции П.В. Стегния информагентству «ИТАР-ТАСС». *Россия настроена на конструктивный диалог с Турцией по широкому спектру вопросов двустороннего сотрудничества* // Анкара, 23 февраля 2004 г. / *Корр. ИТАР-ТАСС В. Литвиненко*. См. по: http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika21.html. (Сайт посольства России в Турции.)

То же самое заявил официальный представитель МИД России А.В. Яковенко: «В последнее время официальная Анкара проявляет готовность к учёту наших озабоченностей по чеченской проблеме». – *Интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко РИА "Новости" в связи с предстоящим визитом в Россию заместителя Премьер-министра, Министра иностранных дел Турции А. Гюля* // http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika23.html. (Сайт посольства России в Турции.)

Помощник президента России Сергей Ястржембский, проводивший в марте 2004 г. переговоры с заместителем министра иностранных дел Турции Угуром Зиялом по вопросу усиления «российско-турецкого сотрудничества в борьбе с международным терроризмом», подчёркивал: «Россия уважает официальную политику Турции по чеченской проблеме, благодарна ей за четкую позицию в этом вопросе». – *Интервью С.В. Ястржембского агентству «ИТАР-ТАСС». Москва и Анкара считают наличие в Чечне турецких наёмников сигналом для активизации сотрудничества в борьбе с терроризмом* // Анкара, 10 марта 2004 г. /*Корр. ИТАР-ТАСС Валерий Литвиненко*. См. по: http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika34.html. (Сайт посольства России в Турции.)

См. также: *Заявление Помощника президента России С.В. Ястржембского агентству Интерфакс: позиции России и Турции в во-*

просах борьбы с терроризмом совпадают // Интерфакс, 11.03.2004. См. по: http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika35.html. (Сайт посольства России в Турции.)
Чуть ранее турецкие власти отказались предоставить политическое убежище Алле Дудаевой – вдове бывшего лидера Ичкерии Джохара Дудаева.
[491] *Интервью ИТАР-ТАСС заместителя премьер-министра, Министра иностранных дел А. Гюля. Москва – Анкара: Многогранное партнёрство // В. Агарков, И. Тихонова. ИТАР-ТАСС*, Анкара, 11.03.2004. См. по: http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika36.html. (Сайт посольства России в Турции.)
[492] *Partners in Trade, Turkey and Russia Eye Closer Defense Cooperation // TDN*, 09.12.2004
[493] *Turkiye*, 23.12.2002.
[494] *MenteSaSvili, Albert*. Gamsvleli paiki. Geopolitikuri tamaSebi patara erebis gamoyenetiT. [*Ментешашвили, Альберт*. Проходная пешка. Геополитические игры с использованием малых народов.] // *Georgian Times*, 12.07–19.07.1995, № 26 (55). [груз. яз.]
[495] *Михайлов Т. А.* Эволюция геополитических идей. – М., 1999, с. 168.
[496] *Дипломатический вестник*, № 3, март 1999, с. 75.
[497] *Дугин* А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999, с. 352.
[498] В этом смысле небезынтересны рассекреченные в преддверии 65-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне сведения о деятельности советской разведки в Турции. Германия всячески убеждала Турцию вступить в войну с СССР, в то время как Совесткий Союз вёл работу по невовлечению Анкары в войну против него. Особую роль в сдерживании Турции сыграли курды. Советский «разведпункт в Карсе перебрасывал в курдские районы своих агентов под видом мулл – *в случае чего* (курсив мой. – Н.М.) они должны были поднять восстание в тылу у турок». СССР сумел в сто раз преувеличить число советских агентов на юго-востоке Турции, готовых поднять курдов на восстание, убедив таким образом Турцию воздержаться от объявления войны Советскому Союзу. (*Зотов Г.* Судьба Второй мировой войны решалась в Турции // http://www.aif.ru/pobeda/article/34008.) Как и ранее, после победы турецкие курды, выполнившие свою функцию устрашения Турции Москвой, последнюю уже не интересовали.
[499] *Faruk Akkan, Yaşar Niyazbayev*. 'I support neo-Eurasianism, not Ergenekon,' says Dugin. // *Today's Zaman*, 29.10.2008.

[500] *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. – М., 1997, с. 231. Вместе с тем взгляд на курдский вопрос со стороны ЛДПР изобиловал популизмом. Так, лидер ЛДПР Владимир Жириновский прогнозировал, что «Диярбакыр станет столицей нового Курдского государства, туда же подтянутся курды из Сирии, из Ирака, из Ирана – и это будет решение курдской проблемы в целом для всего региона в благоприятном отношении». (*Жириновский В. В.* Политическая классика. Том 6. Геополитика и политика. 1993–1994 годы. – М., 1997, с. 10.). В этом процессе решающая роль отводилась России: «...Миллионы курдов стонут под турецким игом и не могут жить в Курдском государстве. Они всегда там жили, а сейчас там всё захвачено. Горькая судьба разделила их. Большая часть живёт в Восточной Анатолии, на территории Турции, часть живёт на территории Сирии, северного Ирака, западного Ирана, в Закавказье. Это 20-миллионный народ, и он имеет право обрести национальную свободу. И кто может это право дать ему? Только Россия». (*Там же*, с. 35.)

[501] Фраза в кавычках взята из одного доклада, подготовленного специалистами Института стран СНГ, по проблемам каспийской нефти. См.: *Каспийский глобальный пасьянс и каспийские интересы // НГ-Содружество*, 22.04.98.

[502] Цит. по: *История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до парижского мира 1856 г.)*. – М., 1999, с. 33–34.

[503] См. по: *Георгиев В.* Война в Ираке начнётся в сентябре. Союзниками США в борьбе против стран-изгоев выступят курдские коммунисты // *НГ*, 06.02.2002.

[504] См. по: *Russia claims US military personnel are in Kurdistan // The Kurdistan Observer*, 02.03.2002 или *Джаляль аль-Машта*. Россия подстрекает Ирак «спутать карты» США // *Восточная политика*. Дайджест «восточной прессы», 28.02.2002; «Аль-Хайят». www.eastclub.ru.

[505] *PUK Spokesman Rebuts Russian Disinformation Story // Kurdistan Newsline*, March 3, 2002, Sulaimani.

[506] В.Е. Титоренко был назначен послом России в Ирак Указом Президента РФ от 29.03.2002 № 300 «О назначении Титоренко В.Е. Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Ирак».

[507] *Borzou Karadagi*. Russian ambassador to Iraq visits Kurdish enclave, expresses concern about foreign intervention. Sulaymania, Iraq, 11.12.2002, *AP*.

[508] Следует отметить, что информация агентства АР (*Borzou Karadagi.* Russian ambassador...) о переговорах с Б. Салихом подана в смягчённом виде. Согласно полученной автором из ряда весьма информированных источников (имеющих связи с тогдашним руководством сулейманийской администрации), российский посол не просто заявлял о заговоре, направленном на «свержение легитимного иракского правительства», но и всячески расхваливал премьер-министру сулейманийского РегПК баасистский режим и лично Саддама Хусейна. Естественно, это вызвало большое недовольство Б. Салиха, не желавшего слушать подобную пропаганду. Б. Салих заявил российскому послу, что вопрос Саддама Хусейна уже решён, диктатор вскоре будет свергнут, и пообещал, что они встретятся в Багдаде.

[509] *Титоренко В.Е.* Два года оккупации Ирака: итоги и перспективы // http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/14-04-05.htm, 14.04.2005.

[510] См. по: *А. Шумилин.* Почему отправлен в отставку посол России в Ливии // http://www.echo.msk.ru/blog/shumilin/758867-echo/, 19.03.2011.

[511] Там же.

[512] См. по: *Бабакр Х.* Курдистан – Россия (Записки политического представителя). – М., 2004, с. 7.

[513] Там же. С. 31.

[514] Там же. С. 38.

[515] *Martin Walker.* Barham Salih in Washington for Talks With Senior Bush Administration. Kurd PM: French, Russians to lose Iraq oil // Washington, 14.03.2003 (*UPI*).

[516] *Сообщение для печати. О встрече Министра иностранных дел России И.С. Иванова с Генеральным секретарем Патриотического союза Курдистана Дж. Талабани* // www.mid.ru, 07.07.2003.

[517] *О поездке посла по особым поручениям С.В. Кирпиченко в Багдад.* // Сообщение для печати [на сайте МИД России] 02.04.2004. http://www.ln.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/B9256799A9E47117C3256E6A002FE171?OpenDocument

[518] Следует отметить, что курдские информационные агентства (в частности, близкое к ДПК агентство *Peyamner*) сообщали, что якобы российский посол заявил о готовности России открыть в Эрбиле «посольство». Об этом говорилось, например, и в сообщениях *Peyamner* на курдском языке (*Balyozê Rûsîya serdana bajarê Duhokê dike. // Peyamner.com*, 20.07.2005. http://www.peyamner.com/article.php?id=16785&lang=latin.) и на английском языке (*Russia to open embassy in Kurdish capital. // Peyamner.com*, 21.07.2005.)

Очевидно, что опытный российский посол не мог заявить такое, прекрасно зная, что в одной стране не может быть два посольства, а Россия никогда не ставила под сомнение принадлежность Южного Курдистана Ираку.

[519] *Выступление Посла России в Турции П.В. Стегния на тему «Развитие ситуации в регионе и российско-турецкие отношения» в ходе заседания Центра стратегических исследований "POLSAR"*, Анкара, 23 января 2004 года // http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika17.html (веб-страничка посольства России в Турции).

О совпадении «российских и турецких оценок нынешней ситуации в Ираке» см. также, например, интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко корреспонденту Московского бюро турецкой газеты "*Hurriyet*" Н. Хаджиоглу, 21 февраля 2004 г. на веб-страничке посольства России в Турции: http://www.turkey.mid.ru/hron/hronika22.html.

Глава российского внешнеполитического ведомства И.С. Иванов также отмечал, что «позиции России и Турции» по ситуации в Ираке «практически совпадают». (*Интервью ИТАР-ТАСС заместителя премьер-министра, Министра иностранных дел А. Гюля...*)

[520] *Выступление Посла России в Турции П.В. Стегния на тему «Развитие ситуации...»*

[521] *Выступление Посла России в Турции П.В. Стегния на тему «Развитие ситуации...»*

[522] *Кудряшов Н.* Политика России отражает недружественное видение ситуации. Президент Ирака – специально для «Ъ» // *Коммерсантъ*, 12.09.2005.

Serokê Iraqa Federal: Rûsya sîyasetekî dostayetî sebareta Iraqê pêre nake. (Президент Ирака: Россия не проводит по отношению к Ираку дружественную политику.) // *Peyamner.com*, 13.09.2005. http://www.peyamner.com/article.php?id=21640&lang=latin

[523] См. по: *Ambasadorê Rûsyayê dibêje welatê wî dê konsolosxaneya xwe li Hewlêrê veke*. (Российский посол заявил, что его страна откроет в Эрбиле консульство.) // *Nefel.com*, 19.04.2006. http://www.nefel.com/articles/article_detail.asp?RubricNr=1&ArticleNr=1167 (курд. яз.).

President Barzani welcomed Russian Foreign Ministry delegates // *Kurdistan TV*, 20.04.2006. http://www.kurdishaspect.com/doc420107.html.

[524] *Супонина Е.* Масуд Барзани: Курдистан стоит на море нефти // *ВН*, 21.04.2006.

[525] Там же.
[526] Там же.
[527] Там же.
[528] Официально консульство называется: генеральное консульство Российской Федерации в Эрбиле (Ирак) (см. сайт консульства: http://www.rusgencons-erbil.mid.ru/index_rus.html; http://www.rusgencons-erbil.mid.ru/diplist_en.html, а также сайт МИД России: http://www.mid.ru/zu_r.nsf/741b0e02b705a2d9c32571e70041985e/a7128f252938143bc3257504002ca6c6?OpenDocument.).
Между тем Турция называет своё генконсульство в Казани, в консульский округ которого, кроме Республики Татарстан, входят ещё 5 субъектов Российской Федерации (Чувашия, Мордовия, Марий Эл, Башкортостан и Самарская область), именно генеральным консульством в Татарстане. См., например, сайт МИД Турции http://www.mfa.gov.tr/turkish-representations.en.mfa (вкладка "Russia"): Tatarstan Turkish Consulate General. Address: ... Kazan, Tatarstan/Russian Federation). На сайте генконсульства Турции в Казани также речь идёт о Татарстане и Казани как столице Республики Татарстан (см., например: *Başkonsolosluk.* // http://kazan.cg.mfa.gov.tr/Mission.aspx.). О том, что Турция открыла консульство в Татарстане (а не просто в российском городе Казань) заявляли и представители турецкого правительства. (См., например, мнение Ахата Андиджана, посетившего эту республику в начале мая 1998 г.: *Anadolu Agency*, 04.05.1998.) Кроме того, в научных изданиях, выходящих в Татарстане, также говорится «об отношениях между Татарстаном и Турцией». (*Нигаматзяном, Рустем.* Визит Абдуллы Гюля в Казань как новый этап в отношениях между Татарстаном и Турцией» // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы: материалы I международного научно-практического симпозиума (19–20 февраля 2009 г.): в 2 томах. – Том I / Под ред. Б.М. Ягудина. – Казань: «Intelpress+», 2009. С. 179–185.). В мае 1995 г. в Анкаре было подписано «Соглашение между Правительством Турецкой Республики и Правительством Республики Татарстан о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве». (Там же, с. 180.) Автор указанной статьи отмечает также, что Турция занимает второе место в списке внешнеторговых партнёров Республики Татарстан. У Татарстана и Турции всегда были дружеские отношения» (*Там же,* с. 185.).

[529] *Konsolxaneya Rusiya bi fermî li Hewlêre hat vekirin. Necîrvan Barzanî: Gelê Kurdistanê ew yek ji bir nekiriye ku Rusîya penagêha general Barzanî hevalên wi bu.* 29.11.2007. (В Эрбиле официально открылось консульство России. Нечирван Барзани: Народ Курдистана не забыл, что Россия была убежищем для генерала Барзани и его соратников.) // http://www.krg.org/articles/detail.asp?smap=01010100&lngnr=16&anr=21619&rnr=240. (курд. яз.) (сайт РегПК).

[530] *Сообщение для СМИ. Об открытии российского Генерального консульства в г. Эрбиль.* 29.11.2007 // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/2AA2E90D13749189C32573A2003CE5D4.

[531] Это то же самое, как если бы Республику Татарстан назвали в официальных документах Татарской АССР.

[532] Следует отметить, что большинство российских востоковедов и «курдоведов» тоже несколько лет продолжали называть «Регион Курдистан» КАР.

[533] *Сообщение для СМИ. Об открытии российского Генерального консульства в г. Эрбиль.* 29.11.2007 // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/2AA2E90D13749189C32573A2003CE5D4.

[534] *Sefêrê Rusiyaye serdana fermangêha peywendiyen derve en hikumêta Kurdistanê kir.* (Посол России посетил департамент внешних сношений Курдистана.) 30.11.2007 // http://www.krg.org/articles/detail.asp?smap=01010100&lngnr=16&anr=21645&rnr=240 (курд. яз.) (сайт РегПК).

[535] См. газету *«Хабат»* (Эрбиль) от 29.11.2007, с. 4. (курд. яз.)

[536] См. газету *«Курдистани Нуэ»* (Сулеймания), 29.11.2007, с. 1. (курд. яз.)

[537] *KRG signs five more petroleum contracts* // Сайт РегПК – http://www.krg.org/articles/print.asp?anr=21329&lngnr=12&rnr=223, 12.11.2007.

[538] *Скорлыгина Н., Бутрин Д., Ребров Д., Киселёва Е.* Акционеры ТНК-ВР вторглись в Ирак. Они получили доступ к нефтяным месторождениям Курдистана // *Коммерсантъ*, 13.11.2007.

[539] *Там же.*

[540] *Сурженко В.* Между акционерами есть разногласия, – Роберт Дадли, президент ТНК-ВР // *Ведомости*, 26.05.2008.

[541] Об этом см.: *Касаев Э.О.* Игроки на нефтяном поле Ирака // *Международная жизнь*, 2008, № 11.

[542] См., например, мнение депутата парламента Ирака от фракции «Альянс Курдистана» Баязида Хасана: *Russia contests Kurdish gas export* // *The Kurdish Globe*, No. 219, 08.08.2009. C. 6.)

[543] Так, 31 января 2010 г. «Лукойл» по итогам тендера, состоявшегося в декабре 2009 г., подписал 20-летний контракт на развитие месторождения Западная Курна-2 в провинции Басра. Запасы месторождения оцениваются почти в 13 млрд. баррелей. Российская компания получила право на разработку этого месторождения вместе с норвежской StatoilHydro (доля «Лукойла» в консорциуме – 56,25%, StatoilHydro – 18,75%, остальные 25% у Иракской национальной нефтяной компании). «Лукойл» планирует инвестировать в проект около 30 млрд. долл. (*LUKoil to drill first exploration well at Iraq's West Qurna-2 // RIA Novosti*, 17.03.2010).

[544] Так, турецкий холдинг Zorlu осуществляет сооружение в России двух парогазовых установок совокупной мощностью 320 МВт, а компания GAMA – на Шатурской и Сургутской ГРЭС. Естественно, речь не идёт о российской атомной энергетике.

Как отмечал основатель одного из крупнейших застройщиков ММДЦ "Москва-Сити" *Mos City Group* (MCG) Павел Фукс, крупнейшим генподрядчиком российских застройщиков и девелоперов является турецкая компания ENKA. Многие компании, заключая договор, всё равно в субподрядчики берут ту же ENKA, накручивая 15%. (*"В сферу девелопмента меня подтолкнули завязавшиеся в Москве знакомства". Председатель совета директоров Mos City Group Павел Фукс о столичном строительном бизнесе // Коммерсантъ*, 03.04.2008.)

[545] *М.С. Лазарев*. Запад и Курдистан (тезисы). // 08.02.1994. Рукопись, с. 3.

[546] Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, книги и исследования:

Бабакр Х. Курдистан – Россия (Записки политического представителя). – М., 2004.

Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). – М., 2007.

Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции (1986–1995). – М.: ИВ РАН, 2001.

Государственная дума и курдский вопрос. – М., 1998.

Джавари Г. Геополитическое измерение Курдистана на пороге XXI века. – М., 1998.

Дугин. А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

Жириновский В.В. Политическая классика. Том 6. Геополитика и политика. 1993–1994 годы. – М., 1997.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до парижского мира 1856 г.). – М., 1999.

Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.

Курдская проблема: международный аспект: Учебное пособие. / Дип. академия МИД России. – М., 2001.

Ладжани, Нияз. Внешняя политика СССР в Курдистане в годы Второй мировой войны и в послевоенный период: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – СПб., 1999.

Митрофанов А. В. Шаги новой геополитики. – М., 1997.

Михайлов Т. А. Эволюция геополитических идей. – М., 1999.

Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Bila, Fikret. Komutanlar Cephesi. – Istanbul: Detay Yayınları, 2007.

Cagatay, Soner. Secularism and Foreign Policy in Turkey. New Elections, Troubling Trends. / The Washington Institute for Near East Policy. *Policy Focus*, # 67, April 2007.

Cagatay, Soner. Turkey at a Crossroads. Preserving Ankara's Western Orientation. / *Policy Watch*, No. 48. The Washington Institute for Near East Policy, October 2005.
Davutoğlu, A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. – Istanbul: Küre, 2003.
Phillips, David L. Disarming, Demobilizing and Reintegrating the Kurdistan Workers' Party (PKK). / National Committee of American Foreign Policy, 2007.
Foradori, Paolo; Rosa, Paolo; Scartezzini, Riccardo. Managing a Multilevel Foreign Policy: The EU in International Affairs. Lexington Books, 2007.
Fridman, Lawrence and Karsh, Efraim. The Gulf Conflict. 1990–1991. Diplomacy and War in the New World Order. – Princeton: Princeton University Press, 1993.
Galbraith, Peter W.. Unintended Consequences: How War in Iraq Strengthened America's Enemies. Simon & Schuster, 2008.
Ginsberg, Roy H. Stuart E. Eizenstat. The European Union in International Politics: Baptism by Fire. Rowman & Littlefield, 2001.
Gottlieb, Gidon. Nation against State. A new approach to ethnic conflicts and the decline the sovereignty. – New York: Council for Doreign Relations Press, 1993.
Grigoriadis, Ioannis N.. Upsurge amidst Political Uncertainty. Nationalism in post-2004 Turkey. / Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs. SWP Research Paper. – Berlin, October 2006.
Ibrahim, Ferhad. Gurbey, Gulistan. (eds.) The Kurdish conflict in Turkey. Obstacles and Chances for Peace and Democracy. – N.Y.: St. Martin's Press, 2000.
Larrabee, F. Stephen. Turkey as a U.S. security partner. / RAND Corporation. Prepared for the United States Air Forces. 2008.
Nachmani, Amikam. Turkey: facing a new millennium. Coping with intertwined conflict. Manchester University Press, 2003.
Nuttall, Simon J. European Foreign Policy. Oxford University Press, 2000.
Peterson, John. Sjursen, Helene. A Common Foreign Policy for Europe?: Competing Visions of the CFSP. Routledge, 1998.
Ramford, Chris. European Union. A political Sociology. Blackwell Publishing, 2002.
Smith, Marc A. Russia & The Middle East. / Defence Academy of the United Kingdom, Conflict Studies Research Centre. F 79. September 2002.
Zielonka, Jan. Paradoxes of European Foreign Policy. / Robert Schuman Centre. Martinus Nijhoff Publishers, 1998.

Статьи:

Ашири Ш.Ч. Национально-освободительное движение в Турецком Курдистане // *Курдская проблема: международный аспект.* – М., 2001.

Жигалина О. Некоторые зарубежные центры курдоведения // *Специальный бюллетень.* АН СССР, Институт востоковедения. – М., 1981, № 2 (215). С. 97–131.

Жигалина О.И. Проблема курдского урегулирования и Запад // *Ближний Восток и современность.* Сборник статей. Вып. 19. – М., 2003, с. 255–263.

Жигалина О.И. Коалиционные силы в Ираке и ситуация в этническом Курдистане // *Ближний Восток и современность.* Сборник статей. Вып. 23. – М., 2004, с. 246–255.

Иванова И.И. Концепции национальной безопасности стран Восточного Средиземноморья и политика империализма // Проблемы и концепции национальной безопасности стран Азии и Северной Африки (Тезисы рабочего совещания). – М., 1986.

Курдоев К.К. Развитие советского востоковедения // *Учёные записки Института востоковедения.* Том XXV. – М., 1960.

Лазарев М.С. Запад и Курдистан (тезисы) // 08.02.1994. Рукопись.

Лазарев М.С. Россия и курдский вопрос. Запад резко активизирует свои усилия в его решении, а мы молчим // *Независимая газета*, 06.10.1993.

Лазарев М.С. Россия и Курдистан (Уроки истории и новые задачи) // *Курдский альманах.*– М., 2001, № 1, с. 32–57.

Мосаки Н. Россия и иракские курды // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 172–187.

Музикарж И. Арабские страны в современном мире // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. С. 13–29.

Нигаматзянов Р. Визит Абдуллы Гюля в Казань как новый этап в отношениях между Татарстаном и Турцией // *Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы: материалы I междуна-*

родного научно-практического симпозиума (19–20 февраля 2009 г.): в 2 томах. – Том I / Под ред. Б.М. Ягудина. – Казань: «Intelpress+», 2009, с. 179–185.).

Фукс К. Проблемы борьбы коммунистов за сотрудничество с революционными демократами в странах социалистической ориентации. Опыт прогрессивных национальных фронтов в Сирии и Ираке // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. С. 72–89.

Ценков Е. Партия Арабского националистического (так в названии статьи. – Н.М.) возрождения: идейно-политический авангард революционной демократии на Арабском Востоке // Международный сборник статей научных сотрудников стран социалистического содружества. Развивающиеся страны – идеология и политика. Том второй. Арабские страны. – Praha: Statní Pedagogické Nakladatelství, 1984. С. 235–251.

Шлейфер А., Трейзман Д. Россия – нормальная страна // *Россия в глобальной политике*, 2004, № 2.

Bulbul, Kudret. Tuerkey and the EU: A Survey on Turkish MP's EU Vision // *Alternatives.* Turkish Journal of International Relations. Vol. 5, Number 3, Fall 2006, c. 32–60.

Demir; Ömer. Acar, Mustafa. Toprak, Metin. Anatolian Tigers or Islamic Capital: Prospects and Challenges // *Middle Eastern Studies,* Vol. 40, Issue 6 November 2004, c. 166–188.

Flam, Harry. Turkey and the EU: Politics and Economics of Accession / Institute for International Economic Studies, Stokgolm University. Seminar Paper No. 718. – Stokgolm, February 2003.

Fuller, Graham E. The Institutional Framework of U.S.-Turkish Relations // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy.* Conference Report / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997.

Gunter, Michael M. Transnational sources of support for the Kurdish insurgency in Turkey // *Conflict Quarterly*, Spring 1991, c. 7–29.

Kramer, Heinz. The Institutional Framework of German-Turkish Relations // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy.* Conference Report / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997, c. 10–31.

Krastev, Ivan. Anti-American Century? // *Journal of Democracy*, Vol. 15, Number 2, April 2004, с. 5–16.
Mentesasvili, Albert. Gamsvleli paiki. Geopolitikuri tamaSebi patara erebis gamoyenetiT. [*Ментешашвили, Альберт.* Проходная пешка. Геополитические игры с использованием малых народов.] // *Georgian Times*, 12.07–19.07.1995, № 26 (55). [груз. яз.]
Olson, Robert. Turkey and Kurdistan-Iraq, 2003 // *Middle East Policy*, Vol. XI, No. 1, Spring 2004, с. 115–119.
Peters, Ralf. Blood borders. How a better Middle East would look // http://www.armedforcesjournal.com/2006/06/1833899.
Sayari, Sabri. Turkish Perspectives toward German and U.S. foreign policy // *The Parameters of Partnership: Germany, The U.S. and Turkey. Challenges for German and American Foreign Policy*. Conference Report. / American Institute for Contemporary German Studies, The Jihn Hopkins University. – Washington, DC, 24 October 1997. [32–42]
Rynhold, Johnathan. Spyer, Johnathan. British Policy Toward the Middle East in the Post-Cold War Era, 1991–2005: A bridge between the US and the EU? // *Levey, Zach. Podeh, Elie.* Britain and the Middle East: From Imperial Power to Junior Partner, Sussex Academic Press, 2008, с. 281–301.
Yavuz, M. Hakan. Provincial Not *Ethnic* Federalism in Iraq // *Middle East Policy*. Spring 2004. Vol. XI, No. 1. C. 126–131.

Периодические издания

На русском языке

Ведомости
Время МН
Время новостей (ВН)
Дипломатический вестник (МИД России)
Дружба (Москва, фактически издание ПРК)
Завтра
Известия
Коммерсант (Коммерсантъ-daily)
Коммерсантъ-Власть
Курдская мысль (фактически издание ДПК)
Курдистан рапорт (КР, Москва, фактически издание ПРК)
Компас

Литературная газета
Московский комсомолец
Международная жизнь
Независимая газета (НГ, с приложениями)
Новый Курдистан (фактически издание ПСК)
Новые известия
Мировая энергетическая политика
Московские новости
Пульс планеты
Российская газета
Россия в глобальной политике
Свободный Курдистан (Москва, фактически издание ПРК)
Стон Родины (Axina Welat, AW, Москва, рус. и курд. яз., фактически издание ПРК)
РБК daily
Эксперт

На английском языке

Arab News (Сауд. Аравия)
Boston Globe
Bulletin de liason et d'information. (Institute Kurde de Paris)
Conflict Quarterly
Financial Times
Guardian
The Hawler Tribune (Эрбиль, Регион Курдистан/Ирак)
The Hewler Globe (Эрбиль, Регион Курдистан/Ирак, впоследствии сменило название на Kurdish Globe)
International Herald Tribune
Journal of Democracy
The Kurdish Globe (Иракский Курдистан)
Kurdistan Newsline (информационный бюллетень, издаваемый ПСК)
The New Anatolian (Turkey)
The New York Times
The New York Review of Books
Today's Zaman (Turkey)
Turkish Daily News (TDN, Turkey; с 2009 г. Hürriyet Daily News)
Turkish Probe (Turkey)
The Wall Street Journal
Washington Post
Washington Times

На курдском языке

Azadiya Welat (Диярбакыр, Турция, курманджи)
Курдистани Нуэ (Регион Курдистан, Сулеймания, сорани)
Peyama Kurd (ФРГ, издание курманджи и частично заза)
Хаулати (Регион Курдистан, сорани)
Ливин (Регион Курдистан, сорани)
Рожнама (Регион Курдистан, Сулеймания, сорани)
Rûdaw (издание курманджи и частично заза)
Хабат (Эрбиль, Регион Курдистан, сорани)

На турецком языке

Akşam
Cumhuriyet
Hürriyet
Milliyet
Turkiye
Sabah
Vatan

На грузинском языке

Georgian Times

Информационные агентства:

ИТАР-ТАСС
РБК
РИА «Новости» (рус. и англ. яз.)
AFP
Anadolu Agency
AP (Associated Press)
Athens News Agency
Reuters
UPI

Теле- и радиоканалы:

Голос России
Радио России
Kurdistan TV (на курд. яз., Регион Курдистан)

Сайты

На русском языке

www.aif.ru (сайт газеты «Аргументы и факты»)
www.eastclub.ru («Восточная политика»)
http://www.echo.msk.ru (радиостанция «Эхо Москвы»)
www.fondsk.ru (Фонд стратегической культуры)
www.iimes.ru (Институт Ближнего Востока)
www.iran.ru
www.nikiforenko.narod.ru (сайт бывшего депутата Госдумы)
www.polit.ru
www.regnum.ru
www.rg.ru (сайт «Российской газеты»)

На курдском языке

www.aknews.com (Агентство AK News, Регион Курдистан)
www.dengeazad.com
www.kerkuk-kurdistan.com (KK-Nûçe, курд. и англ. яз.)
www.kdp.pp.se (сайт ДПК)
www.krg.org (сайт Регионального правительства Курдистана, англ., курд. яз.)
www.kurdistantv.net (сайт телеканала Kurdistan TV, курд. и англ. яз.)
www.mezlum.com
www.nefel.com
www.netkurd.com
www.peyamner.com (курд. и англ. яз., ДПК)
www.pukmedia.com (курд. яз., ПСК)
www.rudaw.net (сайт газеты «Рудав»/Регион Курдистан и Европа, на курд. (курманджи, сорани) и англ. яз.)
www.russian.irib.ir (веб-страница Тегеранского радио на русском языке)

На английском языке

www.arabicnews.com
www.institutkurde.org (Курдский институт в Париже)
www.iraqwatch.org
www.kdp.pp.se (сайт ДПК)
www.kurdistanobserver.com

www.kurdishaspect.com
www.kurdishmedia.com
www.kurdishobserver.com
www.kurdistan.nu (Социалистическая партия Турецкого Курдистана)
http://www.lafarge.com – сайт компании La Farge
http://mondediplo.com (сайт газеты Le Monde Diplomatique)
http://www.nationalreview.com
www.pbs.org

Сайты государственных органов, международных организаций, политических партий

www.cia.gov – Центральное разведывательное управление США
www.mfa.gov.tr – МИД Турции (см. также http://kazan.cg.mfa.gov.tr/Mission.aspx – веб-страницу генконсульства Турции в Казани)
www.mid.ru (МИД России; http://www.turkey.mid.ru – Посольство России в Турции; http://www.rusgencons-erbil.mid.ru/index_rus.htm – сайт генерального консульства России в Эрбиле/Ирак)
www.biden.senate.gov – член Сената США Дж. Байден
http://www.state.gov – Государственный департамент США
www.un.org – ООН

Официальные документы и доклады США

«Стратегия национальной безопасности США для нового столетия» // *«НВО»*, 1999, № 5.
«Стратегическая концепция НАТО» // *«НВО»*, 1999, № 16.
Country Reports on Human Rights Practices. – 2000. *Turkey.* Released by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. 23.02.2001.
Patterns of Global Terrorism: 1992. Office of the Secretary of State. Office of the Coordinator for Counterterrorism. Released 30 April 1993.
Patterns of Global Terrorism, 1999. / United States Department of State, April 2000.
Patterns of Global Terrorism, 2000. / United States Department of State, 30 April 2001.

Patterns of Global Terrorism, 2001. / United States Department of State, May 2002.
Patterns of Global Terrorism, 2002. / United States Department of State, April 2003.
Patterns of Global Terrorism, 2002. / United States Department of State, April 2003.
Patterns of Global Terrorism, 2003. / United States Department of State, April 2004. *Country Reports on Terrorism, 2004.* / US Department of State, Office of the Coordination for Counterterrorism, April 2005.

Официальные документы России (по хронологии)

Основные положения концепции внешней политики РФ, утверждённые распоряжением Президента РФ от 23.04.1993 г. № 284-рп.
Указ Президента РФ от 12.03.1996 г. № 375 *«О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации* (Источник публикации: *«Российская газета»*, 16.03.1996, № 51; *«Собрание законодательства РФ»*, 18.03.1996, № 12, ст. 1061).
Концепция внешней политики Российской Федерации (Источник публикации: *«Российская газета»*, № 133, 11.07.2000).

Доклады Комиссии Европейских Сообществ

Issues arising from Turkey's membership perspective. / Commission of the European Communities. Commission Staff working document. Brussels, 6.10.2004. Sec(2004) 1202. {Com(2004) 656final} C. 7.

Документы Государственной думы России (по хронологии)

Постановление ГД ФС РФ от 14.05.1997 № 1405-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О курдской проблеме»* (*«Собрание законодательства РФ»*,

26.05.1997, № 21, ст. 2445; *«Ведомости ФС РФ»*, 11.06.1997, № 17, ст. 770).

Постановление ГД ФС РФ от 23.05.1997 г. № 1438-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О вторжении турецкой армии в Северный Ирак»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 02.06.1997, № 22, ст. 2567; *«Ведомости ФС РФ»*, 21.06.1997, № 18, ст. 835).

Постановление ГД ФС РФ от 26.09.1997 № 1764-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«Об очередном вторжении турецкой армии в Курдский автономный район Ирака»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 06.10.1997, № 40, ст. 4581; «Ведомости ФС РФ», 11.10.1997, № 29, ст. 1308).

Постановление ГД ФС РФ от 04.03.1998 № 2242-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«Об обращении Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации «К депутатам парламента Турецкой Республики об урегулировании курдской проблемы»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 16.03.1998, № 11, ст. 1265).

Постановление ГД ФС РФ от 09.09.1998 № 2939-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О мирной инициативе в решении курдской проблемы в Турецкой Республике»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 21.09.1998, № 38, ст. 4751).

Постановление ГД ФС РФ от 23.10.1998 № 3153-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О взрывоопасной ситуации на турецко-сирийской границе»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 02.11.1998, № 44, ст. 5445).

Постановление ГД ФС РФ от 04.11.1998 № 3170-II ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«К президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину о предоставлении политического убежища в Российской Федерации лидеру Рабочей партии Курдистана Абдулле Оджалану»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 16.11.1998, № 46, ст. 5638).

Постановление ГД ФС РФ от 19.02.1999 № 3681-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О захвате лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 08.03.1999, № 10, ст. 1167; *«Ведомости ФС РФ»*, 11.03.1999, № 8, ст. 519).

Постановление ГД ФС РФ от 12.05.1999 № 3955-II ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«О ситуации с соблюдением прав курдского народа в Турецкой Республике»* (*«Собрание законодательства РФ»*, 17.05.1999, № 20, ст. 2420; *«Российская газета»*, № 96, 20.05.1999 (Заявление), *«Ведомости ФС РФ»*, 21.05.1997, № 15, ст. 958).

Постановление ГД ФС РФ от 04.06.1999 № 4045-II ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации *«К президенту Турецкой Республики Сулейману Демирелю о судебном процессе над лидером курдского народа Абдуллой Оджаланом»* (*«Ведомости ФС РФ»*, 11.06.1999, № 17, ст. 1131; *«Собрание законодательства РФ»*, 14.06.1999, № 24, ст. 2948).

Заявление «Об экономических санкциях в отношении Республики Ирак», утверждённое Постановлением ГД от 31 марта 2000 г. № 212-III ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об экономических санкциях в отношении Республики Ирак» *("Собрание законодательства РФ"*, 10.04.2000, № 15, ст. 1562, *"Ведомости ФС РФ"*, 11.04.2000, № 11, ст. 439, *"Парламентская газета"*, № 69, 12.04.2000).

Постановление от 4 июля 2001 г. № 1739-III ГД «О необходимости отмены экономических санкций в отношении Республики Ирак», Государственная Дума (*"Ведомости ФС РФ"*, 11.07.2001, № 20, ст. 1210; *"Парламентская газета"*, № 128, 12.07.2001; *"Собрание законодательства РФ"*, 16.07.2001, № 29, ст. 2972).

Постановление ГД от 15 мая 2002 г. № 2721-III ГД «О развитии ситуации вокруг Республики Ирак», где говорилось: «Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации выражает озабоченность в связи с напряженной ситуацией вокруг Республики Ирак». *("Собрание законодательства РФ"*, 20.05.2002, № 20, ст. 1843. *"Ведомости ФС РФ"*, 21.05.2002, № 15, ст. 937).

Заявление Государственной Думы от 22 января 2003 г. «Об обострении ситуации вокруг Республики Ирак» (Принято Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 2003 г. № 3560-III ГД. Документ опубликован не был).

Правовые базы

«Консультант+»

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.

17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".

20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".

21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".

23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".

25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономи-ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).

26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".

27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.

28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.

31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".

32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).

53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.

54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).

55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).

56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.

57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).

58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. **"Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".** Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".

72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).

81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).

82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.

83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).

85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).

87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.

89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.

90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".

91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".

92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."

94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.

95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).

96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).

98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).

99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.

100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.

103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.

106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".

107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).

108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).

109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".

110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.

111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).

112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).

113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.

114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).

115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.

116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.

117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"

118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).

122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).

123. "Иракский кризис". Аналитические записки.

124. "Терроризм". Сборник статей.

125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").

127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.

129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.

131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.

132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".

133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).

134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.

135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).

136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".

137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".

139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.

141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".

142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"

143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.

144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).

146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.

147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).

148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».

149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.

150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.

151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).

152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".

155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".

156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).

157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).

158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.

159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.

160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".

161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".

162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".

164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".

165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.

167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).

169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).

170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.

171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".

172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".

173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".

174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).

175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".

176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.

178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.

181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

182. "**К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).

183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.

184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.

185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.

187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ" (конец 1990–2006 гг.).

188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).

189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).

190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".

191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".

192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.

193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).

195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

196. **В.В.Куделев:** " «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".

197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".

198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".

199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).

200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).

203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).

204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).

206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".

208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".

209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).

210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".

211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".

212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".

216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".

218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)

219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".

221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).

223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).

224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).

227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".

228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).

232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).

233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI

AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**

2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**

3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**

6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**

7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**

8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**

9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**

10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**

11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**

12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)

17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**

18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

19. The Syrian Arab Republic"

20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**

21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**

23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**

25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**

27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)

28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"

31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**

34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)

37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**

38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**

39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**

42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)

43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**

46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**

47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**

48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**

69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolicy and Security

70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov

71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**

72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)

74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)

75. "Russia in the Middle East" (conference papers)

76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**

77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)

80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences

82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)

83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**

85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)

86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)

88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)

89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)

90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**

91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**

92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**

94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**

95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**

98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.

100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)

101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**

102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"

103. "Iran and CIS" (collection of essays)

104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)

106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**

107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**

108. " Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)

109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**

110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)

111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)

112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"

113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114."The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)

116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)

117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**

118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**

121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik** and **A.Vavilov**

122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**

123. Analytical records. "Iraqi Crisis"

124. Analytical records. "Terrorism"

125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**

127. "Iran and Russia" (collections of essays)

128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)

129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"

130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"

132. Analytical records. "Problems of the Middle East"

133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"

134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)

135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)

136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"

137. Analytical records. "Iran"

138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**

139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)

140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**

141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**

142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**

143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**

144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)

145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**

146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)

147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)

148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)

150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)

151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**

155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**

156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)

159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)

160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**

161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**

162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki.** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**

164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)

167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)

168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev**, **A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)

171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**

172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**

173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**

174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**

175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**

176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)

178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)

181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)

184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)

187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**

186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)

187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**

188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**

191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**

192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**

193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)

195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association

196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**

198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**

199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tedencies" by **E.Kudrov**

201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**

206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**

208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev**, **V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**

212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association

214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**

216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**

218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**

219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**

221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society

227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**

228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**

230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011) In association with the the Moscow State Institute of Foreign Relations

231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**. In association with the Russian State University for the Humanities

232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

Н.З. Мосаки

КУРДИСТАН И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА И РОССИИ (90-е годы XX века – начало XXI века)

Отв. редактор:
д.и.н. проф. О.И. Жигалина

Рецензенты:
д.и.н. проф. М.С. Лазарев,
д.и.н. проф. Л.И. Медведко

Подписано в печать 18.03.2011 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 21,75 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 264

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12